

Ученые записки

Забайкальского государственного университета

Серия «Философия. Культурология.
Социология. Социальная работа»

ISSN 2308-877X

DOI 10.21209/2308-877X-2016

DOI 10.21209/2308-877X-2016-11-3

Том 11 № 3
2016

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Забайкальского
государственного
университета

Серия
«Философия. Культурология. Социология.
Социальная работа»

Научный журнал
Основан в 1957 г.
Выходит шесть раз в год

Учредитель

ФГБОУ ВО
«Забайкальский государственный университет»

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77–54257 от 24.05.2013

Журнал входит

в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней
доктора и кандидата наук: социологические,
педагогические, биологические науки

Авторы несут полную ответственность
за подбор и изложение фактов, содержащихся
в статьях; высказываемые взгляды
могут не отражать точку зрения редакции

Перепечатка материалов журнала
допускается только
по согласованию с редакцией

Рукописи, присланные в журнал,
не возвращаются

Адрес редакции:

672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 35-24-79,
факс: 8 (3022) 41-64-44
E-mail: zab-nauka@mail.ru

Сайт журнала в Интернете

<http://www.uchzap.com>

Подписной индекс журнала
в «Пресса России» **42408**

Размещение и индексация журнала:

www.elibrary.ru, Ulrich's Periodicals Directory,
Citefactor, Open Academic Journals Index,
«Университетская библиотека онлайн»,
«КиберЛенинка», «IPRbooks», «Винити РАН»,
«ERIH PLUS»

© Забайкальский государственный
университет, 2016

SCHOLARLY NOTES

Of Transbaikal State University

Series

Philosophy. Cultural Studies.
Sociology. Social Work

◆
UCHENYE ZAPISKI
Zabaikal'skogo
Gosudarstvennogo Universiteta

Seriya

Filosofiya. Kul'turologiya.
Sotsiologiya. Sotsial'naya Rabota

Scientific Journal
Founded in 1957 г.
Published six times per year

Founder

FSBEI HE
"Transbaikal State University"

The journal is registered

by the Federal Supervision Service in the Field
of Communications, Information Technology
and Mass Communications (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС77–54257 от 24.05.2013

The journal

is in the List of the leading refereed
scientific journals and editions which
publish the main results of dissertations
for academic degrees of doctors
and candidates of sciences:
sociological, pedagogical, biological sciences

The authors are fully responsible for the selection
and presentation of the facts contained in their
articles; the views expressed by them do not
necessarily reflect the views of the editorial board

Reproduction of any materials from the journal
is allowed only in coordination
with the editorial board

The manuscripts submitted to the journal
are not returned

Address:

672007, Chita, 129 Babushkin St.
Phone: 8 (3022) 35-24-79,
Fax: 8 (3022) 41-64-44
E-mail: zab-nauka@mail.ru

Journal web site

<http://www.uchzap.com>

Subscription index

of the journal in "Press of Russia" **42408**

Journal indexing:

www.elibrary.ru, Ulrich's Periodicals Directory,
Citefactor, Open Academic Journals Index,
"University Library Online", "Cyber Leninka",
"IPRbooks", "Viniti RAS",
"ERIH PLUS"

© Transbaikal State
University, 2016

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Забайкальского
государственного
университета

Серия

«Философия. Культурология. Социология.
Социальная работа»

Редакционный совет

Борис Ванданович Базаров, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Институт монголо-ведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия); **Андре Буржо**, доктор социальных наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция); **Дэн Цзюнь**, профессор, Институт русского языка Хэйлуцзянского университета (Хэйлуцзян, КНР); **Кейдзи Идэ**, заместитель главы миссии, министр Посольства Японии в Российской Федерации (Япония); **Чжен Шулу**, доктор филологических наук, профессор (Харбин, КНР); **Михаил Иванович Эпов**, доктор технических наук, профессор, академик РАН, Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН (Новосибирск, Россия)

Редакционная коллегия

Выпускающий редактор:

М. Б. Лига, доктор социологических наук, профессор (Чита, Россия)

Члены редколлегии:

С. И. Григорьев, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва, Россия);
Л. Г. Гуслякова, доктор социологических наук, профессор (Горно-Алтайск, Россия);
М. И. Гомбоева, доктор культурологии, профессор (Чита, Россия);
Е. Ю. Захарова, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);
Л. Т. Нуркатова, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент Казахской академии наук (Астана, Казахстан);
А. Явловский, доктор социологии (Варшава, Польша);
Т. В. Бернюкевич, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);
Д. В. Сергеев, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия)

Главный редактор

И. В. Ерофеева, доктор филологических наук, доцент

Ответственный секретарь

Э. А. Арутюнян

Журнал представляет собой сборник оригинальных и обзорных научных статей по проблемам истории философии, современным философским проблемам и проблемам философии науки и образования. В журнале представлены культурологический анализ различных сфер человеческой деятельности, исследования по проблемам материальной и духовной культуры, теоретический аспект изучения культур, история культуры.

На страницах журнала освещаются вопросы по теории и истории социологии, обсуждаются результаты социологических исследований и экспериментов в сфере экономической, социальной, политической и духовной жизни общества как в России, так и за рубежом; демографические аспекты, осмысливаются актуальные вопросы социальной работы. Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

SCHOLARLY NOTES

Of Transbaikal State University

Series

Philosophy. Cultural Studies.
Sociology. Social Work

UCHENYE ZAPISKI

Zabaikal'skogo

Gosudarstvennogo Universiteta

Seriya

Filosofiya. Kul'turologiya.
Sotsiologiya. Sotsial'naya Rabota

Editors

Boris Vandanovich Bazarov, Doctor of History, Professor, corresponding member of the RAS, The Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB of the RAS (Ulan-Ude, Russia); **Andre Bourget**, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France); **Den Tszun**, professor, the Institute of the Russian language at Heilongjiang University (Heilongjiang, China); **Keidzy Ide**, Mission Deputy Head, Ministry of Embassy of Japan in the Russian Federation (Japan), **Zhen Chupu**, Doctor of Philology, Professor (Harbin, China); **Mikhail Ivanovich Epov**, Doctor of Engineering Science, Professor, Academician of the RAS, Institute of Petroleum-Gas Geology and Geophysics of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

Editorial Board

Main Handling Editors:

M. B. Liga, Doctor of Sociology, Professor (Chita, Russia)

Editorial board members:

S. I. Grigoryev, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of RAS (Moscow, Russia);
L. G. Guslyakova, Doctor of Sociology, Professor (Barnaul, Russia);
M. I. Gomboeva, Doctor of Culturalology, Professor (Chita, Russia);
E. Yu. Zakharova, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
L. T. Nurkatova, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of KAS (Astana, Kazakhstan);
A. Jawlowski, Doctor of Culturalology (Warszawa, Poland);
T. V. Bernyukevich, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
D. V. Sergeev, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia)

Editor-in-chief

I. V. Erofeeva, Doctor of Philology, Associate Professor

Executive Secretary

E. A. Arutyunyan

The journal is a collection of original and review scientific papers on the history of philosophy, contemporary philosophical problems and the problems of science and education. The journal presents cultural analysis of the various spheres of human activity, research on material and spiritual culture, theoretical aspect of culture studies, history of culture.

The journal covers issues on the theory and history of sociology, discusses the results of sociological research and experimentation in the field of economic, social, political and spiritual life of society in Russia and abroad; demographic aspects, the topical issues of social work are conceptualized.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university professors, postgraduate students, students, workers in culture and education.

Содержание

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СЕГОДНЯ

Захарова Е. Ю., Засухина В. Н., Гордеева Н. С. Специфика социально-философского анализа воспроизводства социальных качеств населения	6
Медведева С. М., Литвак Н. В. Учёные и журналисты: в поисках взаимопонимания	15
Рязанова С. В. Религиозный конфликт как нерелигиозный: форма, содержание, структурные элементы	26
Томских М. С. Управление знаниями как основа обеспечения качества жизни	33
Чайка Л. Н. Здоровьесбережение детей как проблема российского общества	40
Шевченко А. А. Общественная мораль и коллективное действие	49

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ И ХУДОЖЕСТВЕННО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

Бернюкевич Т. В. Рецепция буддизма в России и вопросы становления российской культуры	56
Ван Кэвэнь Языковые контакты Китая и России	62
Загдаа Алтанхуяг К вопросу о методологии изучения монгольской праздничной культуры	68
Коноплёва Н. А., Антипова С. С. Метафора в литературных текстах русских поэтов конца XIX – начала XX века как репрезентация социокультурных кодов картины мира	73
Намсараева Т. Ц.-Е. Народная традиционная культура русских Трёхречья (КНР): история и современность	81
Романенко Т. В. Православие в контексте взаимодействия русской и китайской культур	87
Тыхеева Ю. Ц. Двуликий Янус евразийского мира	94

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ

Гусев С. С. Ситуационные контексты интеллектуальных действий	100
Кононов С. В. Мифотворчество как семиотический элемент дискурса о Китае в Забайкальском крае: теоретические аспекты	110
Соколов А. Ю. Влияние социального мифотворчества на немецкую идентичность в полиэтническом Забайкалье	119

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Воротилкина И. М., Чугунова Н. Ю. Сравнительный анализ показателей качества жизни и благополучия пожилых людей в России и Израиле	128
Лига М. Б. Оценка качества услуг, предоставляемых населению социально-реабилитационным центром для несовершеннолетних «Надежда» Забайкальского края	136
Русанова А. А., Номоконов М. В. Социологическое сопровождение исполнения нормативно-правовых актов как фактор результативности деятельности органов региональной власти	142
Щеткина И. А. Отношение населения Забайкальского края к деятельности полиции	155

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Баженова Н. Г. Самоорганизация студенчества в вузе: эволюционный подход	162
Дугарова Д. Ц., Старостина С. Е., Черепанова Л. В. О подготовке кадров экспертного уровня как факторе обеспечения независимой оценки качества социальных услуг	170
Иванов С. А. Реализация требований профессиональных стандартов педагогических и управленческих кадров как фактор перехода к эффективному контракту в вузе	180
Романова И. В., Бабелло А. В. Статистическое сопоставление показателей бюджета времени студентов различных вузов	189
Семёнова А. А., Зарубин В. Г. К вопросу о формировании гражданской идентичности и толерантности современной студенческой молодёжи: социологический аспект	195
Шкляр Н. В., Карынбаева О. В. Профессия педагога-дефектолога и её социальная значимость	201

CONTENTS

RUSSIAN SOCIETY TODAY

Zakharova E. Yu., Zasukhina V. N., Gordeeva N. S. The Specifics of Socio-Philosophical Analysis of the Reproduction of Social Qualities of the Population	7
Medvedeva S. M., Litvak N. V. Scientists and Journalists: in Search of Mutual Understanding	15
Ryazanova S. V. Religious Conflict as Non-Religious: Form, Content, Structure	26
Tomskikh M. S. Knowledge Management as a Basis for Ensuring the Quality of Life	33
Chayka L. N. Children's Health and its Saving as a Problem of Russian Society	40
Shevchenko A. A. Public Morality and Collective Action	49

PHILOSOPHY OF CULTURE AND ART-CULTUROLOGICAL KNOWLEDGE

Bernyukevich T. V. Reception of Buddhism in Russia and Questions of Formation of Russian Culture	56
Wang Kewen Language Contacts of China and Russia	62
Zagdaa Altankhuyag On the Question of Methodology for Studying the Mongolian Festival Culture	68
Konopleva N. A., Antipova S. S. The Metaphor in Texts of Russian Poets of the 19–20 th Centuries as Representation of Social and Cultural Codes of the World Picture	73
Namsaraeva T. Ts.-E. National Traditional Culture of Russians of Trekhrechie (China): History and the Present	81
Romanenko T. V. Orthodoxy as a Factor of Communication Between Chinese and Russian Cultures	87
Tykheeva Yu. Ts. Two-Faced Janus of Eurasian World	94

HUMAN PHILOSOPHY: HISTORY AND MODERN CONCEPTS

Gusev S. S. Situational Contexts of Intellectual Actions	100
Kononov S. V. Mythmaking as a Semiotic Element of Discourse about China in Transbaikal Region: Theoretical Aspects	110
Sokolov A. Yu. The Influence of Social Myth-Making on the "German" Identity Revival in Transbaikal Region	119

EMPIRICAL AND APPLIED RESEARCH

Vorotilkina I. M., Chugunova N. Yu. Comparative Analysis of Indicators of Older People's Life Quality and Wellbeing in Russia and Israel	129
Liga M. B. Evaluation of the Quality of Services Provided to the Population by the Social Rehabilitation Center for Minors "Hope", Transbaikal Territory	136
Rusanova A. A., Nomokonov M. V. Sociological Support of Implementation of Regulatory Legal Acts as a Factor of Effectiveness of Regional Authorities	142
Shchetkina I. A. Attitude towards Police Activity of Transbaikal Region	155

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Bazhenova N. G. Self-Organization of Students in Higher Education Institutions: an Evolutionary Approach	162
Dugarova D. Ts., Starostina S. E., Cherepanova L. V. Expert Training as a Factor of Independent Assessment of Quality of Social Services	171
Ivanov S. A. Implementation of Requirements of Professional Standards of Pedagogical and Administrative Personnel as the Factor of Transition to the Effective Contract in Higher School	180
Romanova I. V., Babello A. V. Postgraduate Student, Statistical Comparisons of Time Budget of Students from Various Universities	190
Semenova A. A., Zarubin V. G. On the Question of Formation of Civil Identity and Tolerance of Modern Student Youth: Sociological Aspect	195
Shklyar N. V., Karynbaeva O. V. Profession of a Teacher-Speech Pathologist and its Social Significance	202

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СЕГОДНЯ RUSSIAN SOCIETY TODAY

УДК 101.1::316

DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-6-14

Елена Юрьевна Захарова¹,
доктор философских наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: aglena_72@mail.ru

Виктория Николаевна Засухина,
доктор философских наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: zasuha_72@mail.ru

Надежда Сергеевна Гордеева,
специалист отдела организационной работы,
научно-исследовательского управления
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: ng-75@inbox.ru

Специфика социально-философского анализа воспроизводства социальных качеств населения²

В статье рассматривается специфика социально-философского анализа воспроизводства социальных качеств населения, которая позволяет выявить сущностные характеристики, раскрыть природу социальных качеств, обосновать актуальность аксиологических контекстов современного состояния воспроизводства социальных качеств населения в современном обществе. Выясняется, чем социально-философское исследование воспроизводства социальных качеств населения отличается от демографического и социологического. В ходе исследования предпринята попытка дать авторское определение понятию «воспроизводство социальных качеств населения» – процесс созидания и возобновления производства совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих общественно-определённых характеристик личности или социальных групп. Процесс воспроизводства социальных качеств населения обеспечивает социокультурную преемственность в обществе, характеризуется изменчивостью, цикличностью и относительной устойчивостью. Воспроизводство социальных качеств населения и его естественное воспроизводство являются частями единого процесса воспроизводства населения, который представляет собой не только совокупность процессов рождаемости, смертности, миграции, но и формирование, сохранение, возобновление, межпоколенческую трансляцию накопленного социокультурного опыта, знаний, ценностей и т. д.

Ключевые слова: население, воспроизводство социальных качеств, воспроизводство населения, социально-философский анализ, демография, социология

¹ Е. Ю. Захарова – основной автор, формулирует выводы, обобщает итоги реализации коллективного проекта.

² Статья выполнена в рамках государственного задания вузу по теме «Фундаментальные проблемы современного социального знания: культурные смыслы в экологических дискурсах».

Elena Yu. Zakharova¹,
*Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: aglena_72@mail.ru*

Viktoriya N. Zasukhina,
*Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: zasuha_72@mail.ru*

Nadezhda S. Gordeeva,
*Specialist of the Department of Organizational Work,
Research Department,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: ng-75@inbox.ru*

The Specifics of Socio-Philosophical Analysis of the Reproduction of Social Qualities of the Population²

The article deals with the specifics of socio-philosophical analysis of the reproduction of social qualities of the population that identifies the essential characteristics, reveals the nature of social qualities, and justifies the relevance of ontological context of the current state of social reproduction qualities of the population in modern society. The paper reveals in what way social and philosophical study of social reproduction qualities of the population differs from the demographic and sociological ones. The study attempted to give the definition of the term “reproduction of social qualities of the population” as the process of creation and the resumption of production of a set of interrelated and interacting socially-defined characteristics of the person or social groups. The process of reproduction of social qualities of the population provides a socio-cultural continuity in a society characterized by volatility, cycles and relative stability. The reproduction of the social qualities of the population and its natural reproduction are parts of a single process of reproduction, which is not only a set of processes of fertility, mortality and migration, but also the formation, preservation, restoration, broadcast intergenerational accumulated socio-cultural experience, knowledge, values, etc.

Keywords: population, reproduction of social qualities, the reproduction of the population, social and philosophical analysis, demography, sociology

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что воспроизводство социальных качеств населения и его естественное воспроизводство являются частями единого процесса воспроизводства населения, который представляет собой не только совокупность процессов рождаемости, смертности, миграции, но и формирование, сохранение, возобновление, межпоколенческую трансляцию накопленного социокультурного опыта, знаний, ценностей и т. д. Воспроизводство социальных качеств населения оказывает непосредственное влияние на уровень рождаемости, смертности и продолжительность жизни. Демографическая ситуация в любой стране на со-

временном этапе исторического развития в первую очередь зависит от нравственного состояния общества, интеллектуального и творческого потенциала населяющих эту страну людей, от уровня их социальной ответственности и гражданской зрелости.

Социальные качества представляют собой свойства личности и социальных групп, определяющие социальную сущность человека. В определении понятия «социальные качества» следует выделять несколько уровней абстракции. На самом абстрактном уровне социальные качества – это сознание и нравственность. На более конкретном уровне – это материальные и духовные потребности, способности

¹ E. Yu. Zakharova is the main author, she formulates conclusions and generalizes results of the collective project implementation.

² The article is published within the state task to higher education institution on a subject “Fundamental problems of modern social knowledge: cultural meanings in ecological discourses”.

к трудовой деятельности и общению, установкам, мотивам и нормам его поведения, знания и ценности.

Методология исследования. Авторами в процессе реализации цели исследования были использованы системный, аксиологический, структурно-функциональный, подходы; фундаментальные философские принципы всеобщей связи и развития, историзма, системности; общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнения, объяснения.

В результате работы определена специфика социально-философского анализа воспроизводства социальных качеств населения. В ходе исследования авторы ставили перед собой следующие задачи: выявить особенности социологического, демографического и социально-философского подходов к исследованию воспроизводства социальных качеств населения; обосновать необходимость использования социально-философского подхода в исследовании воспроизводства социальных качеств населения.

Следует отметить, что определение предмета любой из названных областей научного знания является особой проблемой и заслуживает полномасштабного анализа. Рассмотрим лишь те точки зрения по данной проблеме, которые отвечают поставленным задачам представленного исследования.

Предметом демографии является, во-первых, численность, территориальное (географическое) размещение и состав населения и, во-вторых, естественное воспроизводство населения (через рождаемость и смертность) в его природной и социальной обусловленности. Необходимо принять во внимание, что демография изучает социально-экономические, природно-биологические и демографические факторы влияния на естественное воспроизводство населения (то есть на рождаемость и смертность).

Определение предмета социологии и связанных с ним особенностей социологического анализа процесса воспроизводства населения является важным для понимания социально-философской специфики исследования данного процесса. Между тем, как справедливо замечает С. А. Кравченко, «до сих пор среди учёных ведутся споры, сохраняется неопределённость относительно предмета социологического знания» [10, с. 28].

Вот некоторые из определений, которые приводит финский социолог Эрки Калеви Асп [16, с. 16–17]: «Социология изучает коллективное поведение» (согласно определению Парка и Берджесса); объектом социологии являются общества, институты и социальные отношения, а предметом – «системы социальных действий» (согласно определению А. Инкелеса); предметом социологии является социальное поведение (согласно определению И. Робертсона); социология изучает социальную структуру общества, развитие систем и организаций, а также взаимодействия внутри общества (согласно Г. Осипову). Опираясь на вышеприведённые определения, сам Эрки Калеви Асп полагает, что объектом социологии являются «социальные группы, группировки, социальные процессы», а предметом – «социальная структура, с одной стороны, и социальное поведение (действие) – с другой» [Там же, с. 18].

Как представляется, наиболее ёмкое определение социологии дал П. А. Сорокин [13, с. 27]. Именно на него мы будем опираться в нашей работе. Социология, согласно определению П. А. Сорокина, изучает не общество в целом, а социокультурные явления и их эволюцию (процессы изменения). Такому пониманию предмета социологии соответствует позиция Эрки Калеви Аспа, который согласен с тем, что социология изучает организованные общности, группы, самой малой из которых является семья, а самой большой – нация или государство [16, с. 17], но не общество в целом.

Определение предмета социальной философии также является дискуссионным вопросом, активно обсуждающимся на страницах научных журналов, учебников и монографий.

В журнале «Личность. Культура. Общество» по предмету философии выразили своё мнение многие ведущие философы. Вот как они его определили: «общество как целое» (П. К. Гречко), «социальные системы» (М. С. Каган), «общественное бытие» (В. Н. Шевченко), «всеобщее в социуме» (К. С. Пигров), «наиболее общие и абстрактные вопросы о существовании и взаимодействиях людей» (Н. С. Розов) и др. [12, с. 47].

Существует точка зрения на объект и предмет социальной философии В. С. Грехнева. По его мнению, социальная философия изучает, во-первых, «состоя-

ния и процессы жизнедеятельности людей в обществе», во-вторых, «отношения и связи общества с иными сферами окружающей и охватывающей людей реальности, осмысливая общие проблемы бытия природы и человека». Далее он размышляет, что социальная философия «представляет интегральный взгляд на мир людей в целом, недоступный ни одной, кроме неё, форме знания об обществе» [16, с. 6]. В. С. Грехнев полагает, что качественное отличие социальной философии от других наук заключается в том, что она изучает социальные процессы в целом, в то время как другие науки изучают отдельные свойства и стороны социальной действительности.

В. С. Барулин, считая качественным отличием социально-философского познания общественных явлений его предельную степень обобщённости и абстрактности, определяет его предмет как общественное бытие человека [2, с. 10]. Ему принадлежит активное внедрение в социальную философию антропологического подхода, в свете которого общество, как система социальных институтов, связей, отношений, выступает условием и средством существования и развития человека.

Таким образом, социально-философским теориям присущи знания о предельно общих основаниях общественного бытия. Эти теории задают то теоретическое пространство, ту «систему координат», в которой только и получают свою оценку и вектор направленности социальные факты, представленные социологией и демографией. Именно социальная философия предназначена задавать тот вектор изменения социальной действительности, который способствует развитию человечества.

Подводя итог изучению воспроизводства населения в рамках демографии, социологии и социальной философии, можно сделать вывод о том, что процесс воспроизводства населения включает в себя две составляющие: биологическую и социальную. Биологическая выражается в рождении и физиологическом возрастном развитии людей. Социальная – в формировании их собственно социальных духовных качеств.

В рамках демографии учёные исследуют одну – биологическую составляющую воспроизводства населения – так называемое естественное его воспроизводство. В рамках современной социологии получи-

ла обозначение социальная составляющая воспроизводства населения, известная в философии с древности, но выпавшая из научного исследовательского поля в XIX–XX вв. В связи с биологической и социальной двойственностью воспроизводственного процесса очевидным фактом является то, что социальная составляющая воспроизводства населения относится к предмету социальной философии. Анализ воспроизводства социальных качеств человека требует философской методологии с использованием философских учений о сущности человека и её социальной природе.

Главной особенностью социально-философского анализа воспроизводства населения является включение в его структуру такой составляющей целостного воспроизводственного процесса, как воспроизводство социальных качеств населения. Таким образом, мы приходим к необходимости уточнить, прежде всего, что же такое качество, качества человека, социальные качества и воспроизводство социальных качеств как процесс.

В философии первичной является онтологическая трактовка качества, которая является предельно обобщённой и абстрактной. Качество – это целостная интегральная характеристика объекта, взятого в единстве его свойств. Свойство – это то, что отличает одну вещь от других или указывает на её сходство с ними. Свойства и качества не существуют вне вещи и проявляется только во взаимодействии с другими вещами: свойство металла окисляться происходит только во взаимодействии с кислородом, а свойства и качества человека проявляются только во взаимодействии с другими людьми.

Качественная характеристика населения получила свое выражение в демографическом понятии «качество населения», которое выражается через здоровье, образование, развитие интеллектуальных и творческих способностей, производительность труда и др. [4, с. 440].

Необходимым условием «качественного» населения является качество его жизни. Его показателями являются доходы, жилищные условия, социальная защита, соблюдение прав личности и др. [6, с. 9]. Демографическое понятие качества жизни выражает степень удовлетворения потребностей и интересов населения

[4, с. 442]. Главным гарантом высокого качества жизни выступает государство, власть которого должна быть использована не для эксплуатации и подавления человека, а для утверждения социальной справедливости [6, с. 128].

В социологии представлена более обстоятельная концепция качества жизни: качество жизни – это «совокупность показателей, детерминирующих уровень реализации потребностей личности и степень её удовлетворённости реализацией своих жизненных сил» [11, с. 312].

Значимыми для социально-философского понимания социальных качеств человека являются идеи С. С. Батенина о диалектике материального и духовного в развитии общества и человека. В соответствии с ними социальные качества следует трактовать как родовые, сущностные, то есть изначально заложенные в природу человеческого существа. Они представляют собой биологически и социально обусловленные свойства личности и социальных групп, определяющие сущностную специфику человека как представителя рода *Homo Sapiens*. Социальные качества постоянно воспроизводятся в обществе [3].

Определение социальных качеств в современной социальной философии дают разные учёные: В. Е. Кемеров, Н. Д. Субботина и др.

По определению В. Е. Кемерова, социальные качества являются концентрацией человеческого опыта, а также индивидуальной и/или совместной деятельности людей. Они проявляются в умениях и знаниях, потребностях и способностях человека, в присущих ему формах поведения и взаимодействия, находят воплощение в средствах и условиях, инструментах и орудиях человеческой деятельности. Такое определение фиксирует социальную природу этих качеств, даёт информацию об их структуре и объективациях [19].

Такое сложное определение социальных качеств содержит в себе несколько аспектов. Во-первых, оно фиксирует социальную природу этих качеств: результат совместной и индивидуальной деятельности людей. Во-вторых, даёт информацию о структуре социальных качеств, в которой можно выделить способности, потребности, умения, знания. В-третьих, выделены их основные объективации: условия, средства,

орудия и инструменты деятельности, с одной стороны, и формы поведения и взаимодействия – с другой.

Н. Д. Субботина называет социальные качества атрибутивными сущностными свойствами человека. Исследователь отмечает особое значение социальных качеств человека для его существования не только в обществе, но и в природной среде. Она считает социальные качества человека существенно новым средством адаптации человека к природной среде, другими словами – средством его выживаемости. В её определении содержится важное для диссертационного исследования дополнение к перечню социальных качеств – нравственность.

К главным социальным качествам человека Н. Д. Субботина относит сознание, нравственность, творческую деятельность, а также подчинение биологического социальному [14, с. 18].

Можно сказать, что существовать в качестве человека – значит существовать в качестве грамотного нравственного существа [7, с. 173].

Сознание – это, прежде всего, знания о человеке и окружающем его мире. Овеществляя знания в технических устройствах, человек получает способность выживать в любой среде.

Безграничность процесса познания возможна лишь в социуме посредством передачи информации из поколения в поколение и между людьми одного поколения. Нравственность является необходимым условием существования общества, человеческой популяции. Она обеспечивает целостность социальной системы, безопасность существования в нём индивидов и общества в природе.

Схожую позицию по этому вопросу занимает С. П. Капица. Анализируя рост населения на планете в процессе общественного развития, он связывает их с сознанием человека. По его мнению, если разум выделяет человека среди всех других сопоставимых с ним видов животных, то именно в появлении разума следует искать ответ на вопрос о причине человеческой эволюции и необычайной скорости роста человечества как информационно связанных популяций [9, с. 51].

С. П. Капица считает, что «рост и развитие человечества обязаны сознанию че-

ловека, его культуре и развитой системе передачи знаний как вертикально из поколения в поколение, так и горизонтально в пространстве нашей планеты». Учёный подчёркивает, что именно знания управляют глобальным процессом развития человечества [Там же, с. 52].

Главные из человеческих качеств – сознание и нравственность. Эти качества имеют субъективные и объективные проявления. Основными субъективными проявлениями социальных качеств являются его материальные и духовные потребности, способности к трудовой деятельности и общению, установки, мотивы и нормы его поведения, знания и ценности.

К объективным проявлениям социальных качеств человека относятся условия, средства деятельности, артефакты культуры, его профессиональная и иная общественно-полезная деятельность, взаимодействия и отношения с другими людьми и природой.

Население обладает социальными качествами потому, что они постоянно воспроизводятся в обществе. Воспроизводство социальных качеств населения входит в процесс социального воспроизводства.

Существуют различные определения социального воспроизводства. Рассмотрим ряд из них. По определению Дж. Джери, «социальное воспроизводство – это процесс, включающий биологическое воспроизводство и социализацию, посредством которого общество воспроизводит свои социальные учреждения и социальную структуру» [18, с. 329].

Н. Аберкромби определяет социальное воспроизводство как процесс эволюции системы социальных отношений в форме их циклического воспроизведения. Социальное воспроизводство – это процесс самостановления и самовозобновления систем, а воспроизводство социальных систем включает в себя воспроизводство материальных благ, рабочей силы, производственных отношений, социальной структуры, социальных норм и ценностей [17, с. 457].

Ф. А. Игебаева определяет социальное воспроизводство как возобновление социальной структуры, общественного сознания и самосознания, социальных связей и отношений, а также моральных норм, ценностных ориентаций, психологических установок, традиций, стереотипов и т. д. [8, с. 123].

Исходя из данных определений социального воспроизводства, можно определить его как процесс возобновления социальных учреждений и институтов, социальной структуры, трудовых ресурсов, социальных отношений, материальных благ и социальных качеств людей.

Под социальным воспроизводством можно понимать циклическое воспроизведение эволюции системы социальных отношений, самостановление и самовозобновление социальных систем, включающее воспроизводство социальной структуры, производственных отношений, рабочей силы, материальных благ, норм и ценностей. Социальное воспроизводство является частью процесса социализации людей, коррелируется с естественным воспроизводством населения, служит существованием и развитием общественной системы в социальной и природной среде.

Воспроизводство социальных качеств населения в социально-философском смысле, как видится, представляет собой процесс социализации людей, коррелирующий с естественным воспроизводством населения и служащий существованию и развитию общественной системы в социальной и природной среде.

При характеристике специфики воспроизводства социальных качеств населения необходимо учитывать методологические принципы познания воспроизводства населения, разработанные Ф. А. Игебаевой:

1. Воспроизводство общественного объекта – это его возобновление в процессе его развития, то есть воспроизводство включает в себя и его развитие. Поэтому в процессе воспроизводства происходит не только воссоздание старых элементов, свойств объекта, но и появление новых. В процессе воспроизводства присутствуют также повторяемость и изменчивость, поступательность и цикличность.

2. Процесс воспроизводства осуществляется в результате как внутренних взаимодействий и противоречий, так и взаимодействий с окружающей средой [8].

Отсюда следует, что воспроизводство социальных качеств населения характеризуется следующими чертами:

– включает в себя развитие социальных качеств, то есть не только воссоздание старых социальных качеств, но и появление новых;

– характеризуется повторяемостью и изменчивостью, поступательностью и циклическостью;

– является результатом как внутренних социальных взаимодействий и противоречий, так и взаимодействий с окружающей средой.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что главным условием выживаемости человечества в природной среде является соответствие уровня развития его социальных качеств условиям его существования в природной среде.

Учитывая, что процесс воспроизводства населения включает в себя две составляющие – его естественное (биологическое) воспроизводство и воспроизводство его социальных качеств, можно дать следующее социально-философское определение этому понятию: воспроизводство населения представляет собой естественное воспроизводство, с одной стороны, и воспроизводство его социальных качеств – с другой.

Воспроизводство населения в единстве его биологической и социальной составляющих являлось предметом философского анализа до возникновения демографии и социологии. В этих науках изучалось преимущественно биологическое (естественное) воспроизводство населения и его природные и социальные детерминанты. На современном этапе выявлено, что наряду с естественным воспроизводством населения осуществляется его социальное воспроизводство как возобновление социальной структуры и общественного сознания, в том числе норм и ценностей населения. Такое определение воспроизводства населения вывело его исследование в пространство социальной философии.

Воспроизводство населения как биологическое, так и воспроизводство его социальных качеств, осуществляется под воздействием определённых социальных институтов. Социальным институтом естественного воспроизводства принято считать семью. Однако в научной литературе существует точка зрения, согласно которой к институтам воспроизводства населения следует относить не только семью, но и другие институты, которые оказывают опосредованное влияние на воспроизводство населения. В этом случае перечень институтов воспроизводства населения

значительно расширяется. Так, институтом естественного воспроизводства населения И. В. Александрова предлагает считать государство, поскольку оно осуществляет демографическую политику, которая существенно влияет на внутрисемейные демографические процессы [1, с. 49].

Что касается воспроизводства социальных качеств населения, то его институтами следует считать все институты социализации человека: семью, образование, религию, мораль, производство, искусство, государство и др.

Взяв за основу определение социального воспроизводства, данное Ф. А. Игбаевой, и понимание социальных качеств, сложившееся в отечественной науке, определяем воспроизводство социальных качеств населения как повторяемый процесс созидания и возобновления производства совокупности взаимосвязанных, взаимодействующих и взаимообусловленных общественно определённых характеристик личности или социальных групп. Этот процесс обеспечивает социокультурную преемственность в обществе, характеризуется изменчивостью, циклическостью и относительной устойчивостью.

Специфика социально-философского анализа воспроизводства социальных качеств населения заключается в выявлении сущностных характеристик и природы социальных качеств, социальной актуализации аксиологических контекстов современного состояния воспроизводства социальных качеств населения.

Итак, анализ воспроизводства социальных качеств населения, понимаемых как свойства личности и социальных групп, определяющие социальную сущность человека, требует философской методологии с использованием учений о социальной сущности человека, сформированных в контексте социально-философского, а также философско-этического знания.

Качественное отличие социальной философии от других социальных наук, по отношению к которым социальная философия выступает в качестве теоретико-методологической основы (демографии, социологии семьи, социологии управления), заключается в том, что она изучает социальные процессы в целом, в то время как другие науки изучают отдельные свойства и стороны социальной действительности. Социальная философия,

исследуя общество, общественные отношения, социальные явления и процессы, в том числе и такой процесс, как воспроизводство социальных качеств населения, активно использует аксиологический подход и формулирует оценочные суждения.

Результаты исследования могут служить основанием для прогнозирования перспектив воспроизводства социальных

качеств населения; привлечения общественного внимания к проблемам, связанным с естественным приростом населения и нравственным оздоровлением общества; а также могут побуждать к поиску путей максимально результативного решения данных проблем с учётом современных реалий в контексте социальных, экономических, нравственных, духовных и других проблем.

Список литературы

1. Александрова И. В. Воспроизводство населения как объект социального управления: на примере монопромышленного города: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Казань, 2005. 238 с.
2. Барулин В. С. Социальная философия. 2-е изд. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 560 с.
3. Батенин С. С. Человек в его истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 295 с.
4. Бутов В. И. Демография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: МарТ, 2008. 576 с.
5. Жеребин В. М. Уровень жизни населения – как он понимается сегодня // Вопр. статистики. 2008. № 8. С. 9–13.
6. Засухина В. Н. Аксиология жизни как основа биоэтики в России: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Чита, 2012. 470 с.
7. Захарова Е. Ю. Естественные и социальные факторы формирования экологической культуры // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2010. № 1. С. 172–177.
8. Игебаева Ф. А. Методологические принципы изучения процесса воспроизводства населения // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Культурология. 2013. № 13. С. 123–126.
9. Капица С. П. Парадоксы роста: законы глобального развития человечества. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. 205 с.
10. Кравченко С. А. Социология. Классические теории через призму социологического воображения. М.: Юрайт, 2014. 584 с.
11. Лига М. Б. Социологический анализ основных направлений эволюции концептуального осмысления понятия и оценки качества жизни во второй половине XX – начале XXI века: дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.01. Барнаул, 2006. 342 с.
12. Попков Ю. В. Предмет социальной философии: духовно-практическое измерение // Вестн. НГУ. Сер. Философия. 2008. № 6. С. 43–48.
13. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 280 с.
14. Субботина Н. Д. Социальное в естественном. Естественное в социальном. М.: Прометей, 2001. 193 с.
15. Социальная философия / под ред. И. А. Гобозова. М., 2013. 528 с.
16. Эркин Калеви Асп. Введение в социологию: пер. с фин. СПб.: Алетей, 1998. 86 с.

Источники

17. Аберкромби Н. Социологический словарь. М.: Экономика, 2014. 620 с.
18. Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. М.: Вече: АСТ, 2009. 544 с.
19. Кемеров В. Е. Качества социальные. Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.term.ru/dictionary/183> (дата обращения: 17.03.2016).

References

1. Aleksandrova I. V. Vosproizvodstvo naselenija kak ob#ekt social'nogo upravlenija: na primere monoproмышlennogo goroda: dis. ... kand. sociol. nauk: 22.00.08. Kazan', 2005. 238 s.
2. Barulin V. S. Social'naja filosofija. 2-e izd. M.: FAIR-PRESS, 2000. 560 s.
3. Batenin S. S. Chelovek v ego istorii. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1976. 295 s.
4. Butov V. I. Demografija. 2-e izd., pererab. i dop. M.: MarT, 2008. 576 s.
5. Zherebin V. M. Uroven' zhizni naselenija – kak on ponimaetsja segodnja // Vopr. statistiki. 2008. № 8. S. 9–13.
6. Zasuhina V. N. Aksiologija zhizni kak osnova biojetiki v Rossii: dis. ... d-ra fillos. nauk: 09.00.11. Chita, 2012. 470 s.
7. Zaharova E. Ju. Estestvennye i social'nye faktory formirovanija jekologicheskoy kul'tury // Problema sootnoshenija estestvennogo i social'nogo v obshhestve i cheloveke. 2010. № 1. S. 172–177.

8. Igebaeva F. A. Metodologicheskie principy izuchenija processa vosпроизводства naselenija // Vestn. Cheljab. gos. un-ta. Ser. Filosofija. Sociologija. Kul'turologija. 2013. № 13. S. 123-126.
9. Kapica S. P. Paradoksy rosta: zakony global'nogo razvitiya chelovechestva. M.: Al'pina non-fikshn, 2012. 205 s.
10. Kravchenko S. A. Sociologija. Klassicheskie teorii cherez prizmu sociologicheskogo voobrazhenija. M.: Jurajt, 2014. 584 s.
11. Liga M. B. Sociologicheskij analiz osnovnyh napravlenij jevoljucii konceptual'nogo osmyslenija ponjatija i ocenki kachestva zhizni vo vtoroj polovine XX – nachale XXI veka: dis. ... d-ra sociol. nauk: 22.00.01. Barnaul, 2006. 342 s.
12. Popkov Ju. V. Predmet social'noj filosofii: duhovno-prakticheskoe izmerenie // Vestn. NGU. Ser. Filosofija. 2008. № 6. S. 43–48.
13. Sorokin P. A. Chelovek. Civilizacija. Obshestvo / obshh. red., sost. i predisl. A. Ju. Sogomonov: per. s angl. M.: Politizdat, 1992. 280 s.
14. Subbotina N. D. Social'noe v estestvennom. Estestvennoe v social'nom. M.: Prometej, 2001. 193 s.
15. Social'naja filosofija / pod red. I. A. Gobozova. M., 2013. 528 s.
16. Jerkki Kalevi Asp. Vvedenie v sociologiju: per. s fin. SPb.: Aletejja, 1998. 86 s.

Istochniki

17. Aberkrombi N. Sociologicheskij slovar'. M.: Jekonomika, 2014. 620 s.
18. Dzheri Dzh. Bol'shoj tolkovyj sociologicheskij slovar'. M.: Veche: AST, 2009. 544 s.
19. Kemerov V. E. Kachestva social'nye. Filosofskaja jenciklopedija [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.term.ru/dictionary/183> (data obrashhenija: 17.03.2016).

Библиографическое описание статьи

Захарова Е. Ю., Засухина В. Н., Гордеева Н. С. Специфика социально-философского анализа воспроизводства социальных качеств населения // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 6–14.
DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-6-14.

Reference to the article

Zakharova E. Yu., Zasukhina V. N., Gordeeva N. S. The Specifics of Socio-Philosophical Analysis of the Reproduction of Social Qualities of the Population // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 6–14.
DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-6-14.

Статья поступила в редакцию 03.04.2016

УДК 00:070

DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-15-25

Светлана Михайловна Медведева¹,
кандидат политических наук, доцент,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России
(119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76),
e-mail: svetamedvedeva@mail.ru

Николай Витальевич Литвак²,
кандидат социологических наук, доцент,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России
(119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76),
e-mail: jourfr@mail.ru

Учёные и журналисты: в поисках взаимопонимания³

В статье обсуждаются состояние и перспективы популяризации науки в современной России, а в более узком плане – коммуникация между российским научным сообществом и СМИ. В работе использованы материалы качественного исследования посредством метода полуструктурированных интервью, проведённого среди учёных и журналистов. Цель данного исследования – выявить существующие практики взаимодействия между учёными и журналистами (как они понимаются самими участниками), представления обеих сторон о целях, способах и возможных проблемах в ходе коммуникации, оценить их субъективную готовность к сотрудничеству. Выводы исследования показывают, что, несмотря на наметившуюся в последние годы тенденцию к созданию новых и усилению старых научно-популярных ресурсов (журналов, ТВ-программ и интернет-порталов) коммуникация между учёными и журналистами претерпевает определённые сложности, обусловленные, прежде всего, социально-психологическими проблемами. Представители журналистских научных кругов испытывают предубеждение в отношении друг друга, слабо мотивированы на взаимодействие, не понимают целей и специфики работы друг друга. У ведущих российских научных центров нет целенаправленной политики по продвижению науки в массы. Все это негативно сказывается на получаемой продукции.

Ключевые слова: наука, журналистика, популяризация науки, научная коммуникация, качественные методы, социальная психология

Svetlana M. Medvedeva⁴,
Candidate of Political Science, Associate Professor,
Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(76 pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia),
e-mail: svetamedvedeva@mail.ru

Nikolay V. Litvak⁵,
Candidate of Sociology, Associate Professor,
Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(76 pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia),
e-mail: jourfr@mail.ru

Scientists and Journalists: in Search of Mutual Understanding⁶

The article discusses problems and perspectives of popularization of science in contemporary Russia and more precisely, the communication between Russian scientists and mass media. The article is based on qualitative research (method of unstructured interviews) conducted among scientists and journalists. The research aims to reveal the existing practices of interaction between

¹ С. М. Медведева – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

² Н. В. Литвак участвовал в сборе и обработке интервью.

³ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 14-06-00344 «Социально-психологические проблемы популяризации науки в России и за рубежом (сравнительный анализ)».

⁴ S. M. Medvedeva is the major author, she formulates conclusions and generalizes results of the collective project.

⁵ N. V. Litvak took part in collecting and analyzing of interviews.

⁶ This work was supported by the Russian Foundation for Humanities. Project No. 14-06-00344 «Social-psychological problems of popularization of science in Russia and abroad (comparative analysis)».

scientists and journalists (how these practices are conceived by the actors), their understanding of goals, forms and probable obstacles of science communication, assess the subjective readiness of both sides for collaboration. The main results are the following: despite the recent tendency to establish new and to support existing popular scientific resources (magazines, TV programs, the Internet resources, etc.) communication among scientists and journalists suffers from some difficulties, which have socio-psychological roots. Scientists and journalists are biased against each other and are characterized by the lack of motivation for cooperation, they don't understand goals and interests of each other. Leading Russian scientific centers don't have elaborated programs to promote science to society. These obstacles have negative impact on popular scientific production.

Keywords: science, journalism, popularization of science, science communication, qualitative methods, social psychology

Ш. Данвуди, специалист в области научной журналистики, приводит любопытные факты из жизни учёных XX века. Они демонстрируют репрессии, которым подвергались учёные со стороны своих коллег за попытки популяризировать свои идеи. Например, учёному, добившемуся успеха в лечении одной болезни, было отказано в членстве в почётном научном обществе, поскольку его имя было упомянуто в статье, посвящённой этой болезни. Подобное упоминание сочли «неуместной рекламой» [13, с. 16]. Эти факты свидетельствуют о том, что отношения между наукой и журналистикой не всегда были безоблачными.

Перелом в данных отношениях произошёл в середине 1980-х гг. и связан с запуском в США и Великобритании ряда просветительских инициатив, призванных, в том числе, стимулировать более тесное взаимодействие между учёными и журналистами [7; 8]. Судьба российской популярной науки и научной журналистики складывалась иначе [2]. Не углубляясь в историю, можно сказать, что, во всяком случае, в СССР работа в данном направлении была организована достаточно хорошо. Научно-популярные журналы издавались миллионными тиражами. Пример тому – работа всесоюзного общества «Знание и т. п. Разумеется, эта мощная просветительская машина подчинялась идеологическим задачам и специфике той страны, в которой она действовала [5]. Тем не менее, нельзя отрицать позитивную сторону данной работы, прежде всего, с точки зрения образования масс.

Распад СССР и сопутствующие этому социально-экономические катаклизмы нанесли тяжёлый удар и по отечественной науке в целом, и по её популярной версии. В данном случае нет смысла подробно анализировать общеизвестные факты

падения тиражей научно-популярных журналов, «утечки мозгов», снижения престижа профессии учёного и журналиста [6; 9]. Важно другое. В последние годы всё чаще говорят о возрождении в России интереса к научно-популярной продукции со стороны общества и государства [7].

Учитывая указанную тенденцию, в данной статье мы стремимся проанализировать состояние и перспективы взаимодействия учёных и журналистов. Насколько они заинтересованы друг в друге? Что служит мотивом для сотрудничества? Другими словами, цель статьи – проанализировать субъективную сторону коммуникации между наукой и медиа.

Данный аспект научной коммуникации чрезвычайно важен, поскольку сами по себе финансовые вливания или создание новых структур еще не создают успешную социальную практику. Их значимость нельзя отрицать, но столь же важны понимание и заинтересованность людей, которые эту практику осуществляют. Именно субъективные побуждения людей делают любую социальную деятельность полноценной [3].

В исследовании используется метод полуструктурированных интервью, т. е. индивидуальных бесед с представителями научного сообщества и СМИ. Беседы протекали в свободной форме в соответствии с заранее подготовленным планом открытых вопросов, которые могли модифицироваться в ходе разговора. Подобный метод работы является качественным и применяется в современной социологии и социальной психологии для изучения социальных представлений и установок.

В отличие от количественных, качественные методы не позволяют выявить статистическую закономерность распространения тех или иных представлений и практик. Однако их преимущество в том,

что они помогают глубже понять сущность изучаемого феномена, выявить живые интерпретации и смыслы, которые люди вкладывают в свои ответы [14].

Исследование состояло из двух серий интервью: с представителями журналистского и научного сообществ.

Выбор участников со стороны журналистов определялся тем, что сотрудники СМИ, работающие с учёными, условно могут быть разделены на две группы:

– собственно научные журналисты (работающие в специализированных научно-популярных изданиях или разделах типа «Наука» в информационных СМИ)¹;

– журналисты, непосредственно не занятые в популяризации науки, но привлекающие учёных в качестве экспертов по политическим, социальным и другим событиям.

Эта группа журналистов тоже участвует в научной коммуникации, так как она а) представляет современную науку в СМИ; б) формирует у учёных установки в отношении СМИ.

Поэтому в опросе участвовали журналисты, специализирующиеся на освещении политических и международных событий, имеющие опыт работы с учёными.

Кроме того, учитывалось многообразие современной научной журналистики как с точки зрения видов СМИ – радио, телевидение, пресса, так и с точки зрения уровня популяризации (собственно научно-популярные издания или СМИ, имеющие раздел или приложение о науке). В этой связи в исследовании были задействованы представители телевидения, редактор и обозреватель научно-популярного журнала, редактор научно-популярного интернет-портала, несколько сотрудников отдела «Наука» в информационных СМИ.

Выбор участников опроса со стороны учёных определялся стремлением привлечь представителей различных дисциплин, прежде всего, в области естественных и общественных наук, а также математики. Таким образом, в исследовании участвовали представители биологии, химии, физики, палеонтологии, математики, социологии, экономики, политологии и истории.

Все участники интервью имеют кан-

¹ Представители этой части журналистского общества часто позиционируют себя как научных журналистов и определяют целью своей деятельности информирование общества о науке.

дидатские или докторские степени. Не все опрошенные имели опыт работы со СМИ. Тем не менее, и этот материал представляется ценным. Действительно, не все российские учёные участвуют в научной коммуникации. Кто-то не имеет желания, кто-то не имеет возможности. Поэтому важно понять индивидуальные и социальные причины, почему некоторые работники науки вольно или невольно остаются за бортом.

В итоге, было проведено 24 интервью (11 журналистов, 13 учёных). Средняя продолжительность каждого интервью – 50 мин.

Опыт журналистов

«Современная наука слишком далека от обычных людей, от их жизни. Если кто-то способен понять всю её сложность и донести до людей в доступном виде... Этот человек должен быть гением...»

Телережиссёр, опыт создания научно-популярного фильма

Действительно, пожалуй, эта тема о сложности современной науки была неизменным лейтмотивом во всех беседах и с журналистами, и с учёными. Разумеется, современная российская научная журналистика сталкивается со многими сложностями: недостаточное финансирование, пиратство в Интернете, конкуренция с зарубежной продукцией. Не последнюю роль в нелёгкой судьбе научной журналистики играет кризис российской науки в целом. Как рассказал наш респондент:

«Я хотел снять работающую лабораторию в одном крупном научно-исследовательском институте [название намеренно опущено]. Но директор сказал, что в тот день, когда мы приехали, не было ни одной работающей лаборатории. Вы представляете? Огромный институт, и все лаборатории стоят!»

Телережиссёр, опыт создания научно-популярного фильма

Однако альфой и омегой всех интервью остаётся всё-таки проблема самой современной науки: её всевозрастающая сложность, отрыв от повседневных нужд и интересов людей и, в этой связи, трудности адаптации её теорий и выводов для массового зрителя и читателя. Как заметил один из опрошенных:

«Научный журналист – это переводчик. Переводчик с научного языка на [по-

вседневный] русский. Это интерпретатор, потому что далеко не всегда существует буквальный перевод. Художник, пытающийся передать музыку красками...»

Обозреватель научно-популярного журнала

Впрочем, существует вариативность с точки зрения подготовки материалов и, соответственно, работы с учёными в практике различных СМИ. Достаточно общим местом в работе СМИ, особенно специализирующихся на публикации материалов из серии «Новости науки», является использование материалов международных, реже отечественных информагентств или же публикаций пресс-служб.

Журналист Т. Пичугина отмечает: «Чтобы делать прекрасные статьи о мировой науке, журналистам не нужно выходить из офиса и даже вставать со стула» [6]. В международном медийном пространстве существуют солидные пресс-центры или сервисы, специализирующиеся на новостях науки. Подобные материалы активно используются при подготовке новостной ленты как некоторыми научно-популярными журналами, так и информационными изданиями, включающими раздел «Наука». В этих случаях непосредственное взаимодействие с учёными становится неактуальным.

Вместе с тем сохраняется жанр интервью с учёными, репортажи об открытиях, исследовательской работе отечественной науки и аналитические статьи, подготовка которых без участия самих учёных невозможна. Частота выпуска номеров заметно сказывается на работе журналистов, в том числе и научных. Действительно, с точки зрения работы с учёными научно-популярные журналы имеют преимущество. Это связано не только с более длительным сроком подготовки номеров, но и с тем, что содержание номеров может быть распланировано на много месяцев вперёд. Публикация статьи может задерживаться, возвращаться на доработку.

Нельзя отрицать, что научные журналисты, пишущие для научных страничек информационных изданий, поставлены в более жёсткие временные рамки. И это сказывается не только на длительности, но и вообще на частоте работы с учёными. Из рассказа нашего респондента:

«Я учился на факультете журналистики... Я знаю: журналистское расследова-

ние, объективность, надо представлять разные точки зрения... А мне редактор говорит: быстрее и интереснее...»

Журналист, опыт работы в отделе «Наука» в информационном издании

Частичным выходом из положения стало предоставление возможности учёным самим писать статьи для СМИ. Этот формат взаимодействия с учёными используется и научно-популярными журналами, и новостными изданиями, и интернет-порталами. Сотрудник издания редактирует статью, и в случае необходимости просит автора внести исправления. Принцип работы различных видов СМИ в этом плане одинаков. Разница касается, прежде всего, объёмов текста и степени популярности изложения. Однако в этих случаях, как указывают журналисты, нередки конфликты: учёные не всегда понимают разницу написания популярной и научной статьи.

Ещё одна форма взаимодействия с интересующим издание учёным – «дистанционное» интервью, когда ему высылаются список вопросов, на которые тот пишет ответы. Такая форма интервью часто практикуется, когда учёный привлекается в качестве эксперта по социально или политически значимым вопросам. Она достаточно нехарактерна для собственно научной журналистики, особенно в области естественных наук и математики. Кроме того, наши респонденты отмечали, что подобная форма коммуникации малоэффективна, поскольку учёные часто игнорируют обращение.

Другая форма коммуникации с учёными-экспертами – телефонное интервью, в котором журналист получает комментарий по интересующему его вопросу. Из рассказа с одним из наших собеседников:

«Опытный журналист, если он давно пишет на определённую тему, обычно имеет список лиц, к которым он может обратиться. Но периодически возникает необходимость искать новые лица. Лично я в этих случаях просто звоню в научно-исследовательские центры и прошу порекомендовать мне специалиста по этому вопросу... Обычно рекомендуют, соединяют... Это нормально».

Журналист, опыт работы с учёными

Складывается впечатление, что телефонное интервью является самым распространённым, быстрым и эффективным

способом сбора информации, во всяком случае, в определённой сфере журналистики. Научная журналистика, особенно в сфере естественных наук, высоких технологий и т. п., такой формой коммуникации не злоупотребляет. Возможно, это обусловлено сложностью тем, над которыми работают собственно научные журналисты. Однако в остальном сегменте такой формат коммуникации используется весьма широко.

Вместе с тем нельзя не отметить, что научно-популярные СМИ и порталы также в настоящее время осваивают новые технологии просвещения публики. К ним относится дополнение электронных версий журнала (которые могут совпадать с печатной версией или же выступать в качестве самостоятельного приложения), видеозаписей лекций или интервью с учёными. К достоинствам этого формата научной коммуникации относится то, что он предполагает более длительный, содержательный и, в каком-то смысле, живой контакт учёного с публикой.

Учёный может говорить от своего имени и не бояться извращения своих слов, поскольку, хотя видеолекции во многих случаях монтируются, он видит конечную версию материала перед публикацией. Разумеется, в настоящее время снимаются видео с известными учёными-популяризаторами, которые уже имеют опыт выступления перед камерой. В этой связи, как отметили наши респонденты, пока неизвестно, насколько более широкие научные круги готовы принять такую форму коммуникации. Не исключено, что она может вызвать затруднения. Однако весьма вероятно, что в перспективе деятельность научно-популярных журналов в этом направлении будет расширяться.

Разумеется, тележурналистика является особой статьёй в любом рассуждении о журналистике. Специфика коммуникации между учёными и тележурналистами, с нашей точки зрения, состоит в том, что она всегда предполагает непосредственное общение между ними.

В данном контексте даже не столь принципиально, идёт ли передача в прямом эфире или же монтируется, поскольку живое общение тележурналиста и учёного всегда налицо. Оно не заменяется телефонными разговорами или перепиской по электронной почте. Разумеется, у тележур-

налистов есть много возможностей с помощью монтажа исказить идеи учёного. Как отмечали наши респонденты, учёные зачастую опасаются, что их мысль может быть подана в неправильном свете. Но опять-таки это связано с тем, что телевидение презентует не просто текст, а самого человека, и создаёт иллюзию непосредственного общения со зрителем.

Очевидно, что подобные возможности телевидения вызывают более ответственное отношение со стороны учёного, соглашающегося появиться на экране. Обстановка телестудии, камеры ставят учёного в ситуацию, для него не привычную. Насколько легко учёные соглашаются участвовать в телепередачах и насколько успешно, с точки зрения журналистов, они там выступают?

Участник нашего исследования отметил:

Когда идёшь к учёному с серьёзным предложением [научно-популярный фильм], именно о науке и говоришь на научные темы, все охотно соглашаются. И очень помогают.

Телережиссёр, опыт создания научно-популярного фильма о генетике и других программах

Большие трудности возникают, когда учёных приглашают в качестве экспертов по социально, политически значимым вопросам. В этих случаях встречаются с большим числом отказов. Это относится также и к проблемам, касающимся трудностей самой российской науки, научных событий, имеющих политический и социальный подтекст. Основной причиной отказа, по мнению нашего респондента, является опасение учёного, что он может «уронить себя в глазах коллег», что некорректно смонтированный и поданный материал может нанести ущерб его научной репутации [8]. Последний пункт особенно важен, поскольку учёный имеет мало возможностей контролировать дальнейшую работу над отснятым материалом.

Насколько сами тележурналисты удовлетворены работой учёных? Как свидетельствуют данные, тележурналисты не рассматривают проблемные ситуации, возникающие в ходе записи передачи, как связанные исключительно с принадлежностью своих «гостей» к научным кругам. Проблемы, конечно же, возникают, но они не специфичны для учёных. Возможно, это связано

с тем, что российское телевидение всё-таки ориентировано на работу с представителями общественных наук, выступающих в качестве экспертов. Доля отечественных научно-популярных и образовательных фильмов и программ особенно в области естественных наук остаётся весьма незначительной. В свою очередь социально-политическая проблематика представляется более простой, чем естествознание. Вот мнение одного из наших респондентов:

«В нашу программу мы приглашаем многих известных специалистов, в том числе сотрудников академических институтов. В основном экономистов, политологов, социологов. Но, вы понимаете, что большинство наших гостей – люди с именем. Они уже имели опыт выступления на телевидении».

Редактор телепередачи,
опыт общения с учёными

Опыт, вероятно, является ключом к пониманию успеха коммуникации учёных и журналистов. Причём, это характерно не только для телевидения, но и для любых родов СМИ. Журналисты предпочитают общаться с теми, кто уже имел опыт общения с работниками массмедиа. Как рассказал ещё один наш собеседник:

«Условно всех учёных, с которыми мы работаем, можно разделить на три категории.

Первые – это медийные фигуры, своеобразные лидеры мнений. Они уже делают карьеру вне академических структур, скорее всего, они политически ангажированы. Эти люди популярны, но к ним надо иметь доступ. Они не будут говорить с кем угодно.

Вторые – это хорошие специалисты, можно сказать, сливки академических кругов. Это очень знающие люди, с хорошими академическими позициями, очень уважаемые в своих кругах. Обычно они уже имеют опыт общения с прессой. Крайне редко встретишь такого человека, который никогда не давал интервью. Эти люди – наш хлеб.

Третья категория – “ни то ни сё”. Люди, которые из своих институтов не выходят. Сложно сказать, почему они не любят “светиться”. Но если проблемы возникают, то с учёными из третьей категории. Первые две знают, как работают журналисты и что им нужно».

Журналист, опыт работы с учёными

Разумеется, эта реплика относится к определённой области коммуникации меж-

ду учёными и журналистами. Как уже отмечалось, сфера естественных наук и высоких технологий взаимодействует со СМИ по иным принципам. Она вообще значительно скромнее представлена в российском медийном пространстве. Большая часть учёных-естественников, скорее всего, попала бы в третью категорию, по терминологии нашего респондента, правда, без столь уничтожительной оценки.

В ходе интервью журналистам также задавался вопрос, может ли инициатива о публикации каких-либо материалов в СМИ исходить от самих учёных, и насколько это распространено. В большинстве случаев, журналисты отвечали, что, скорее, подобная деятельность учёных для России не характерна. Исключение составляет наличие личных связей. Обычно инициатива исходит все-таки от журналистов. Другим исключением выступает деятельность научно-популярных журналов и порталов, которые принимают работы новых авторов.

Разумеется, в ходе интервью журналисты также неоднократно говорили об этике общения с учёными: уважительное отношение, честность, высылка видеозаписи, ссылки на публикацию с комментарием ученого и т. п. При этом они отмечали, что далеко не все их коллеги придерживаются этих норм.

Опыт учёных

Как уже отмечалось, не все наши респонденты имеют опыт общения с журналистами. Этот факт также немаловажен для понимания коммуникации между наукой и СМИ в современной России. Далее, как показало исследование, представителям общественных наук больше внимания уделяет пресса, чем естественники. Из 8 представителей общественных наук 7 имеют опыт общения с журналистами, из 6 представителей естественных наук и математики только 2. При этом двое участников интервью имели опыт написания статей для научно-популярных журналов, и это естественные науки. Среди представителей общественных наук никто не работал в собственно научно-популярном жанре. Пятеро из них взаимодействовали с журналистами, выступая в качестве экспертов по специальности. Формы взаимодействия были разнообразны: от телефонных интервью до телепрограмм. Двое имели опыт интервью

по вопросам, не связанным с их непосредственной специализацией. Пятеро наших респондентов не имели опыта общения с журналистами, либо же имели негативный (публикация не состоялась).

Теперь перейдём к непосредственным результатам нашего опроса.

Хотя целью данного исследования не был сбор данных об отношении учёных к современным российским СМИ в целом, мы получили множество преимущественно негативных отзывов по этому вопросу. Из этических соображений не будем подробно обсуждать этот материал. Однако можно с уверенностью утверждать, что негативная установка в отношении СМИ сказывается отрицательно и на отношении учёных к научным журналистам.

Складывается впечатление, что критичное отношение к СМИ стало неотъемлемой частью естественного реноме учёного, позиционирующего себя именно как учёного: знающего человека, который вынужден сталкиваться с плохой журналистикой. Из претензий, имеющих отношение к самой «научной журналистике», можно назвать засилье в отечественных СМИ псевдонауки, которая воспринимается как часть именно популяризации науки, проводимой журналистами.

Как отметил наш респондент:

«У нас проводится популяризация науки, но какая-то очень односторонняя. Слово получают люди с сомнительными степенями и репутацией. И их очень сильно раскручивают. Они демонстрируют методы, исследования... Но их результаты применимы в ограниченном числе случаев. Работают не всегда. Если бы журналисты собрали более широкий консилиум специалистов по этому вопросу, было бы легко выяснить, в чём ошибка. А так – это псевдонаука».

Биолог, нет опыта общения с журналистами

В общем, учёные не могут разобраться, кто из журналистов действительно пишет о науке, а кто продвигает псевдонаучные бренды. Нет уверенности, что сами журналисты отдадут себе в этом отчёт. Вместе с тем учёные отмечали, что есть и удачные публикации или телепередачи, высокого качества, которые они читали или смотрели. Уместно задаться вопросом: какую вообще научно-популярную литературу читают учёные?

Как и ожидалось, учёные не используют научно-популярную литературу в исследовательских целях. Их обращение к научно-популярной продукции возникает в двух случаях: 1) они просматривают раздел «Наука» в информационных изданиях, знакомясь с новостями страны и мира; 2) они читают научно-популярную литературу или смотрят фильмы как хобби. С этой точки зрения учёные не так уж отличаются от простых обывателей, использующих научно-популярную информацию в тех же целях.

Предпочтения отдаются в пользу телевизионных фильмов и программ, преимущественно зарубежных. Впрочем, большинство опрошенных отметили, что современная отечественная научно-популярная продукция тоже бывает высокого качества. Сожаление вызывала, в основном, их малая доля в общем объёме сомнительной и некачественной информации. Поэтому нельзя утверждать, что учёные не видят хорошую сторону российской научной журналистики.

Вероятно, самым примечательным фактом, полученным в ходе исследования, является то, что учёные практически не читают научно-популярные журналы, а некоторые вообще не осведомлены, что они продолжают существовать. При этом они с большим удовольствием вспоминали о научных журналах, которые читали в юности. Такая неосведомлённость части научного сообщества о деятельности научно-популярных журналов вызывает тревогу, так как свидетельствует об их малой эффективности, а также о неготовности научных кругов использовать этот канал для коммуникации с массами [1].

Исключение составляют те из наших респондентов, которые сами пишут или писали для научно-популярного журнала. Что побуждает учёных обращаться к научно-популярным жанрам?

«Это было интересно. Я только защитила диссертацию, и мне предложили написать статью для научно-популярного журнала. Это был совершенно новый опыт, совершенно непохожий на то, что я делала прежде. Нужно было думать о читателе, о его интересах, найти увлекательную и понятную тему. Для меня это был вызов. Потом, я думаю, научно-популярные журналы читают больше людей, чем научные».

Палеонтолог, опыт написания статьи для журнала

«Научно-популярная литература – это особый мир. Здесь можно поделиться своими гипотезами, размышлениями, сомнениями. В современной науке написание статьи очень жёстко регламентировано. Учёные, ведь, люди очень скрупулёзные! Кроме того, в научном журнале статья может стоять в очереди на публикацию больше года... Не то чтобы научно-популярные журналы публиковали ненаучную информацию. Нет, конечно! Но именно здесь, как мне кажется, сохраняется больший простор для размышления, воображения, дискуссии. А ведь именно в этом смысл подлинной науки!»

Физик, опыт написания статей для научно-популярного журнала

Правда, оба респондента признали, что их деятельность на ниве «научпопа» не оказала влияния на их научную карьеру. Сходные ответы были получены и от учёных-общественников, выступающих в качестве экспертов. Разумеется, главным стимулом к коммуникации с журналистом является престиж.

У нас были и более скептические размышления. Получается, что ученые мало заинтересованы в сотрудничестве со СМИ. Если такое происходит, учёный руководствуется, как правило, личными мотивами.

«Да, наш институт отслеживает выступления своих экспертов в СМИ. Если ты много выступаешь, тебя рано или поздно заметят. В принципе, это идёт в плюс. Но какой-то прямой зависимости между моей зарплатой, моей должностью, моим статусом здесь нет. Когда идёт речь о должности, смотрят научные статьи, а не выступления на ТВ. Поэтому всякий раз, когда я соглашаюсь на интервью, это лично моё согласие».

Политолог, опыт работы с журналистами

Остальные ответы респондентов на данный вопрос по существу были сходными: работа со СМИ слабо влияет на научную карьеру. В каком-то смысле она вообще не рассматривается университетами как вид научной деятельности.

По мнению наших респондентов, российские вузы не имеют целенаправленной политики по продвижению научных идей своих сотрудников в массы. Во всяком случае, рядовым работникам этих структур это неизвестно. Поэтому когда речь идёт о ком-

муникации между научными сотрудниками и журналистами – это в основном частные отношения, нежели результат действия какой-либо программы. В большинстве случаев инициатива исходит от журналистов. Сами учёные в медиа предпочитают не обращаться.

В каком-то смысле отсутствие поддержки со стороны академических структур способствует тому, что телефонное интервью стало самой распространённой формой взаимодействия между учёными и журналистами. Это не самая качественная форма коммуникации, но удобна и журналистам, и учёным, желающим быть процитированными СМИ, поскольку такое «общение» не отнимает много времени и сил. Написание статьи или визит в телестудию – процесс более трудоёмкий. Поэтому учёные отказывают журналистам не только из страха, что их слова будут неверно переданы, но и потому, что не хотят тратить время на дело, не отвечающее их непосредственным интересам. Престиж канала или издания играет не последнюю роль в случае согласия учёного. Вот мнение одного из опрошенных:

«Тем не менее, страх, что журналисты исковеркают их слова, все-таки циркулирует в академической среде. Но он скорее типичен для тех ученых, которые не имеют опыта общения со СМИ. Те же, кто регулярно общается с журналистами, относятся к такой возможности скорее равнодушно, объясняют это старой русской поговоркой “Волков бояться – в лес не ходить” и своим бессилием что-либо изменить».

Социолог, опыт общения с журналистами

Следующей причиной для отказа от сотрудничества с журналистами учёные называли идеологическое давление. Не исключено, что ссылка на идеологию связана с тем, что те из респондентов, кто активно общается с журналистами, работают в жанре экспертного интервью. Учёные указывали на сильную идеологизацию медийного пространства в современной России и своё нежелание говорить на щекотливые темы. Вероятно, эта проблема характерна не только для экспертных интервью, но и для некоторых других направлений научно-популярной журналистики, например, для истории.

Впрочем, учёные жалуются не только на некорректное цитирование и монтаж, некоторые жалуются на отсутствие к ним

внимания. В основном это касается той группы естественников, которая не имеет опыта сотрудничества с журналистами и не надеется его получить. В основном эти претензии связаны с общим отсутствием интереса у публики к научным проблемам и, соответственно, нежеланием журналистов о них писать. С другой стороны, подобное отсутствие налаженной коммуникации между учёными может быть чревато далеко идущими последствиями. Один из наших респондентов рассказал:

«Наш центр занимается прикладными исследованиями. Некоторое время назад мы разработали проект по решению проблем водоснабжения одного из российских регионов. Но как мы ни старались, нам так и не удалось добиться, чтобы наш проект рассмотрели лица, принимающие решение о внедрении. Я знаю, что сейчас в этот регион вкладываются колоссальные средства. Но, как учёный, я твёрдо убеждена, что эти проекты не будут работать... Научный журнал принял нашу статью по этому вопросу для публикации вне очереди. Но это ничего не меняет».

На вопрос, пытались ли учёные обратиться к журналистам и обнародовать результаты своих исследований, наша собеседница ответила:

«К сожалению, у нас нет опыта обращения к журналистам... Если бы нас кто-нибудь поучил коммуникации... Как обращаться к общественности».

Химик, нет опыта общения с журналистами

В каком-то смысле эти слова показывают, как слабо выстроена коммуникация между учёными и журналистами и чем это чревато. В современном мире наука оказывает беспрецедентное влияние на жизнь каждого человека. Ошибки в выборе приоритетных научных программ, отсутствие серьёзной научной экспертизы могут обойтись нам очень дорого.

Действительно, сейчас многие учёные только наблюдают, как псевдоучёные продвигают в СМИ свои сомнительные идеи, и ничего не могут возразить. Мы далеки от того, чтобы винить в этом журналистов или научных работников, проблема глубже. Она заключается в отсутствии налаженной системы коммуникаций между наукой и медиа, а также в отсутствии чётких программ по решению этой проблемы. Во всяком слу-

чае, судя по ответам наших респондентов, научные центры мало этим занимаются. В индивидуальном порядке учёные не умеют действовать в медийном пространстве. А журналисты, вероятно, далеко не всегда осведомлены о том, что происходит за стенами лабораторий. В итоге множатся взаимные претензии и обиды, страдает общество.

Заключение. В работе было продемонстрировано, что на российском медийном пространстве действуют различные рода (ТВ, печатные и интернет-СМИ) и виды (журналы, газеты и т. п.) изданий, осуществляющих коммуникацию с российским научным сообществом. Однако полученные данные свидетельствуют больше о трудностях в этом направлении, нежели о безоговорочных успехах. Обращают на себя внимание, прежде всего, два момента:

1. С точки зрения работы журналистов наблюдается тенденция по сокращению контактов с учёными при подготовке материалов о науке. Это выражается в использовании уже готовых новостных лент информагентств, телефонных интервью. Разумеется, есть исключения, но в общей массе их вес не велик. Вероятно, что эта тенденция обусловлена нехваткой времени, что, впрочем, не отменяет её негативных последствий для научной коммуникации.

2. У российских учёных отсутствует интерес к взаимодействию со СМИ. Научные структуры в России не имеют чётких программ по продвижению образа российской науки в массы и, соответственно, не поощряют своих сотрудников работать со СМИ. Поэтому в России редки случаи, когда инициаторами освещения достижений российской науки выступили бы сами учёные или институты.

Подобное наблюдение особенно тревожно, поскольку на Западе работа в области научной коммуникации движется как раз в противоположном направлении. Уже упомянутые инициативы по продвижению науки в массы как раз и были направлены на то, чтобы мотивировать, даже обязать учёных активно действовать в медийном пространстве [11]. Современный учёный обязан понимать, что в эпоху информационных технологий наука не выживет без их освоения и использования. В России, однако, подобное понимание остаётся уделом неопределённого будущего [4].

В итоге, учитывая зарубежный опыт и сложности коммуникации между наукой и СМИ в современной России, уместно рекомендовать разработку как на государственном уровне, так и на уровне ведущих научных центров специальных программ, стимулирующих и поощряющих работу учё-

ных со СМИ. Также целесообразным является создание специальных тренинговых программ, обучающих учёных и журналистов работать друг с другом. Думается, что работа в этом направлении позволит преодолеть барьеры между российской наукой, СМИ и обществом.

Список литературы

1. Глаголев В. С. Реализм анализа – исходное условие научной перспективности // Право и управление. XXI век. 2011. № 4. С. 12–18.
2. Литвак Н. В. Информационное общество: перманентная эволюция. М.: Колос, 2008. 418 с.
3. Литвак Н. В. К итогам XIX Международного конгресса франкоязычных социологов: новые подходы к изучению неопределённости // Вестн. МГИМО-Университета. 2013. № 1. С. 188–191.
4. Литвак Н. В. Ум и богатство: единство или конфликт? // Конфликтология. 2014. № 4. С. 129–149.
5. Медведева С. М. Влияние социальной памяти россиян на их представления об идеальной власти // Логос. 2003. № 4. С. 186–194.
6. Медведева С. М. Воздействие стереотипов на массовое сознание: опыт России, 90-е гг.: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2000. 181 с.
7. Медведева С. М. Научная коммуникация в современном мире: проблемы и перспективы // Вестн. МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 253–255.
8. Медведева С. М. От научного творчества к популяризации науки: теоретическая модель научной коммуникации // Вестн. МГИМО-Университета. 2014. № 4. С. 278–286.
9. Медведева С. М. Политическая философия в современной России // Полис. Политические исследования. 2007. № 6. С. 157–164.
10. Пичугина Т. Учёные и журналисты померились силами-2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=30306#.VZ_w6NQ52Qs (дата обращения: 16.03.2016).
11. Романова М. Д. История популяризации науки во Франции // Вестн. МГИМО-Университета. 2015. № 2. С. 276–282.
12. Силантьева М. В. Этика в плену абстракций, или О парадоксе научности профессиональной этики // Вестн. МГИМО-Университета. 2015. № 3. С. 280–281.
13. Danwoody S., Bucchi M., Trench B. Science Journalism. Handbook of public communication of science and technology. London; New York: Routledge, 2008.
14. Flick U. An Introduction to Qualitative Research // Pine Forge Press. 2006. 375 p.

References

1. Glagolev V. S. Realizm analiza – ishodnoe uslovie nauchnoj perspektivnosti // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2011. № 4. S. 12–18.
2. Litvak N. V. Informacionnoe obshhestvo: permanentnaja jevoljucija. M.: Kolos, 2008. 418 s.
3. Litvak N. V. K itogam XIX Mezhdunarodnogo kongressa frankojazychnyh sociologov: novye podhody k izucheniju neopredeljonosti // Vestn. MGIMO-Universiteta. 2013. № 1. S. 188–191.
4. Litvak N. V. Um i bogatstvo: edinstvo ili konflikt? // Konfliktologija. 2014. № 4. S. 129–149.
5. Medvedeva S. M. Vlijanie social'noj pamjati rossijan na ih predstavlenija ob ideal'noj vlasti // Logos. 2003. № 4. S. 186–194.
6. Medvedeva S. M. Vozdejstvie stereotipov na massovoe soznanie: opyt Rossii, 90-e gg.: dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.02. M., 2000. 181 s.
7. Medvedeva S. M. Nauchnaja kommunikacija v sovremennom mire: problemy i perspektivy // Vestn. MGIMO-Universiteta. 2014. № 2. S. 253–255.
8. Medvedeva S. M. Ot nauchnogo tvorchestva k populjarizacii nauki: teoreticheskaja model' nauchnoj kommunikacii // Vestn. MGIMO-Universiteta. 2014. № 4. S. 278–286.
9. Medvedeva S. M. Politicheskaja filosofija v sovremennoj Rossii // Polis. Politicheskije issledovanija. 2007. № 6. S. 157–164.
10. Pichugina T. Uchjonye i zhurnalisty pomerilis' silami-2 [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=30306#.VZ_w6NQ52Qs (data obrashhenija: 16.03.2016).
11. Romanova M. D. Istorija populjarizacii nauki vo Francii // Vestn. MGIMO-Universiteta. 2015. № 2. S. 276–282.

12. Silant'eva M. V. Jetika v plenu abstrakcij, ili O paradokse nauchnosti professional'noj jetiki // Vestn. MGIMO-Universiteta. 2015. № 3. S. 280–281.
13. Danwoody S., Bucchi M., Trench B. Science Journalism. Handbook of public communication of science and technology. London; New York: Routledge, 2008.
14. Flick U. An Introduction to Qualitative Research // Pine Forge Press. 2006. 375 p.

Библиографическое описание статьи

Медведева С. М., Литвак Н. В. Учёные и журналисты: в поисках взаимопонимания // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 15–25. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-15-25.

Reference to the article

Medvedeva S. M., Litvak N. V. Scientists and Journalists: in Search of Mutual Understanding // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 15–25. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-15-25.

Статья поступила в редакцию 23.03.2016

УДК 2-76

DOI: 10.21209/2308-877X-2016-11-3-26-32

*Светлана Владимировна Рязанова,
доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Пермский научный центр Уральского отделения РАН
(614000, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а),
e-mail: svet-ryazanova@yandex.ru*

Религиозный конфликт как нерелигиозный: форма, содержание, структурные элементы

В статье рассматривается проблема существенных характеристик одного из наиболее ярких проявлений присутствия религии в современной культуре – религиозного конфликта. Цель работы – определение компонентов конфликта, которые являются носителями собственно религиозной специфики, позволяющей помещать феномен в границы классификаций/типологий, трактуя его как существенно специфический. Под конфликтом понимается столкновение, возникающее в результате несовпадения мировоззренческих установок сторон, как следствие претензий на ресурсы, власть и статус. Характеристика различных составляющих конфликта как генетически связанных с религиозным началом осуществляется на основе принципа фасетной классификации, с делением конфликтов на внутриличностные, межличностные, личностно-групповые и межгрупповые. Основные компоненты религии как репрезентированной в социальном пространстве – учение, культовая практика, повседневная религиозная деятельность – анализируются с учётом их потенциальной конфликтности. Выделяются составляющие религиозной системы, неспособные выступать в качестве факторов генезиса конфликта. Религиозный конфликт определяется как не существующий в чистом виде, выступающий в качестве основы для внешней легитимации действий, связанных с другими сферами общественной жизни. Собственно религиозная составляющая может быть представлена только участниками конфликта, преследующими не собственно религиозные цели. Религия как мировоззренчески фундированный феномен неспособна трансформировать природу конфликта, создавая его особую разновидность.

Ключевые слова: мировоззрение, религия, религиозный конфликт, классификация конфликтов, идеальная модель, компоненты конфликта

*Svetlana V. Ryazanova,
Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher,
Perm Scientific Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences
(13A Lenina st., Perm, 614000, Russia),
e-mail: svet-ryazanova@yandex.ru*

Religious Conflict as Non-Religious: Form, Content, Structure

In this article the question about essential features of a religious conflict – one of the most significant phenomena revealing the role of religion in modern culture – is considered. The author tries to define the main components of such a conflict and to detect among them specially those which are of exclusively religious origin. This attempt could give us a chance to classify the phenomenon under consideration and to treat it as wholly special. The author proposes to describe religious conflicts as collisions resulting from diversity of participants' outlook and connected with their claims of resources, influence and status. The religious components of these collisions are characterized according to the principle of facet classification, and conflicts are divided into intrapersonal, personal, interpersonal, group and intergroup ones. The author also analyzes the main social elements of religion – the doctrine, cult practice and daily religious activity – as a potential source for a conflict and determines which of them are incapable to produce religious conflicts. It is stressed that this conflict has never existed in its pure form, but it is used to legitimate external actions from the other spheres of social life. The religious component seems to be represented only by participants of these conflicts pursuing not actually religious aims. The religious outlook can hardly transform conflict's social nature and create its special version.

Keywords: world outlook, religion, religious conflict, classification of conflicts, ideal model, components of conflict

События последних веков заставили исследователей и обывателей думать о том, что религия уже никогда больше не будет значимым социальным и политическим фактором, продолжая существовать только в сфере частной жизни [11, с. 55]. События последних десятилетий ярко показали не только неправомерность таких представлений, но и непреходящую значимость религии для социального пространства [Там же, с. 56].

Для обыденного сознания в настоящее время религиозная составляющая культуры наиболее ярко представлена конфликтами, воспринимаемыми как религиозные. Под поверхностным взглядом религия предстаёт как конфликтогенное явление с огромным потенциалом социального действия [Там же, с. 58–59], что вновь заставляет говорить об актуальности секуляризационных процессов для современного общества, которое так и не смогло стать атеистическим. Конфликтность религиозного учения/его последователей, очевидная для внешнего наблюдателя, заставляет искать ответы на целый ряд вопросов. Что в природе религии могло спровоцировать существование верующих в фазе конфликта? Реализуются ли религиозные конфликты в экстрагированном виде, либо смешанные (связанные с функционированием других сфер общественного сознания)? На каких уровнях социального бытия они представлены и с какой частотой? Возможна ли классификация/типология религиозного конфликта? Совокупность полученных ответов должна дать представление о том, является ли религия дезинтегрирующим фактором социальной жизни.

Поскольку в настоящее время в научной литературе не существует исчерпывающей классификации (как и типологии) конфликтов, исключим те варианты конфликтных действий, которые не могут быть применены к религии как феномену в целом и субъекту – носителю религиозного сознания, в частности априори. Используя подход фасетной классификации, попытаемся в границах поля социальных конфликтов указать место для их религиозной разновидности или типа. Для начала определим конфликт как потенциально применимую категорию для характеристики событий в сфере, связанной с религиозным как социальным феноменом. Для этого до-

пустим, что религиозное как сущностное уже определено (т. е. феномен неоспоримо презентует себя как религиозный – для участников, наблюдателей и исследователей), оставив в данной работе проблему сущностного определения религии как имеющего антиномическую природу.

При первом взгляде, опирающемся на формальные признаки, в религиозном поле явственно наблюдаются все разновидности конфликтов, изначально ставшие предметом исследовательского интереса психологов. В границах психологии конфликт определяется как «столкновение противоположно направленных, несовместимых друг с другом тенденций, отдельно взятого эпизода в сознании, в межличностных взаимодействиях или межличностных отношениях индивидов или групп людей, связанное с отрицательными эмоциональными переживаниями» [5]. Очевидно, что конфликт – это столкновение, возникшее в результате несовпадения установок в восприятии мира, поэтому он всегда имеет мировоззренческий компонент (пусть и редуцированный до размеров частного решения отдельно взятой ситуации). Исследователи, сделавшие конфликт центром приложения своих усилий и основным объектом анализа, во главе с Л. Козером [2], к данному определению добавляют то, что любой конфликт одновременно является и претензией – на ресурсы, власть и статус. Данный факт приводит к выводу о том, что беспочвенных конфликтов не бывает. Конфликтная ситуация формируется только в том случае, если у одной стороны существуют потребности, связанные с определёнными нормами и ценностями и одновременно входящие в противоречие с чаяниями и претензиями другой стороны. Исходя из этого, становится очевидным, что конфликт может быть реализован только в условиях достаточно тесного сосуществования потенциальных его участников при взаимной заинтересованности обеих сторон в результатах противостояния. Если я являюсь адептом шаманских палеоазиатских практик и камлаю на территории Якутии, то, с огромной долей вероятности, мне нет дела до намаза в Саудовской Аравии, каким бы массовым он не был. Я могу о нём не знать, знать, но не иметь интереса и т. п. В данном случае мы имеем дело с существованиями параллельных религиозных/мифологических континуумов.

Пространства, конструируемые разными вероучительными системами, в условиях отсутствия внешнего раздражителя – в данном случае, непосредственного контакта с конкурентами – являются замкнутыми на себя и формирующими центростремительную в аспекте использования культурных образцов социальную среду. Потенциально конфликтная ситуация религиозных сообществ и индивидов возникает при стремлении поделить имеющиеся в наличии ресурсы любой природы, получить власть или увеличить её объём, повысить собственный статус и, возможно, престиж религиозного сообщества. В этом аспекте бессмысленно говорить о внутриличностном конфликте, поскольку в качестве нормы для сторон противостояния общественной природы предполагается целостность субъекта как источника психической активности и носителя социальных качеств. Внутриличностный конфликт в религиозном аспекте, по нашему мнению, может быть представлен только феноменом одержимости, признаваемым в качестве реального всеми религиями авраамической ветви и не являющимся конфликтом противоположных религиозных интересов и потребностей. Тем самым мы признаём, что религиозный конфликт осуществляет свою репрезентацию только на метаиндивидуальном уровне.

Сверхиндивидуальные конфликты, в том числе и религиозные, могут быть упорядочены за счёт многовариантных классификаций, отличающихся критериями, которые берутся за основу.

Я. Штумски выделил следующие разновидности конфликтов: экономические, связанные с разделением труда и возникающими на этой основе различиями между людьми в материальной и социальной сфере; социальные; политические (внутренние, международные и межгосударственные); идеологические; культурные [11, с. 24]. Очевидно, что религия как социальный феномен очень часто задействована во всех обозначенных сферах, не обязательно определяя основные мотивы конфликта – поскольку она в разной степени, но во всех обществах, легитимирует и делегитимирует экономические и социальные различия, претендует на осуществление властных функций и активное участие в политической жизни, принимает участие в формиро-

вании идеологической сферы (в том числе, и в негативном аспекте, в виде объекта критики) и культурной среды.

После отказа от рассмотрения внутриличностного конфликта остаётся только три возможных разновидности – межличностный, межличностно-групповой и межгрупповой. В зарубежной литературе предпринимались попытки обобщить и классифицировать основания, причины и мотивы такого рода конфликтов именно в религиозной сфере и связать их с особенностями протекания и разрешения конфликтной ситуации [12, с. 369–381]. Попытаемся разобратся, насколько предикат «религиозное» в совокупности факторов генезиса конфликта является значимым.

Если рассматривать первый вариант, то теоретически можно допустить наличие двух индивидов с разными религиозными установками, тесно взаимодействующими в социальном пространстве. Известно много примеров существования мультиконфессиональных сообществ со стабильными внутренними связями и взаимодействиями, и неизвестно ни одного случая, чтобы религиозные взгляды сами по себе стали основой конфликта двух личностей – вне задействования политических, идеологических и финансовых аспектов.

Иная религиозность могла быть использована как мотив для обвинения, но обязательно дополнена обвинениями в причинении вреда (телесного или духовного): «Сожгите ведьму, она навела порчу на наших детей/коров/посевы». Сам по себе религиозный компонент как реализующий связь между верующим и сакральным началом не может быть истолкован как вредоносный для окружающих. Обвинения в провоцировании возможных нападений на сообщество из-за присутствия иноверцев имеют мифологическую природу, определяющую принципиальную замкнутость культурного сообщества, априорно негативный характер новшества и маргинальный статус чужаков, на какие бы социальные роли они не претендовали. Вне связи с другими сферами общественной жизни, как сугубо мировоззренческий феномен, межличностный религиозный конфликт останавливается на уровне диспута, что подтверждается культурной историей итальянских городов эпохи средневековья, допускавших дискутирование исламских, иудейских и христианских богословов в качестве культурной нормы.

То же правило распространяется на межличностно-групповой тип конфликта, если рассматривать его непосредственно религиозный аспект. Человек, исповедующий другую веру, но не претендующий на её навязывание другим, не нарушающий порядок жизни группы, не причиняющий ей ущерба, подвергается нападкам только во время кризисных ситуаций, когда рушатся механизмы, конструирующие и стабилизирующие духовную жизнь общества: «чума пришла в наш город из-за еретиков, поэтому их надо убить». Религия в данном случае не выступает специфическим раздражителем (в чуме могут быть обвинены, например, куртизанки или цыгане). Такую ситуацию нельзя считать в полной мере конфликтной, поскольку реализация претензий осуществляется в одностороннем порядке. Представляется, что односторонний конфликт, характеризуемый через наличие пассивного поведения отвечающей стороны, не является в полной мере конфликтом, реализуясь по сценарию «претензия/обвинение – замораживание ситуации/нападение – снятие конфликта спонтанно/исчезновение отвечающей стороны».

Другое дело, если индивид с религиозных позиций предлагает что-то изменить в существующей ситуации (Ян Гус выступает за реформу христианской веры). Противостояние приходит в фазу конфликта только в том случае, если приводит к нежелательным социальным/экономическим/политическим последствиям для носителей титульного учения (нежелательная консолидация последователей как создание альтернативного сообщества верующих, ущерб материального плана, связанный с сокращением объёма выплат за ритуальную практику и пожертвований). Примечательно, что того же Гуса не трогали, пока он занимался чешской орфографией и популяризацией церковных служб. Отсюда вытекает, что явление с религиозной основой приобретает конфликтные черты только в сопряжении с разворачивающимися социальными действиями, лишь опосредованно имеющими религиозное значение. Так, когда речь заходит о снижении дохода от мессы, то ключевым начинает выступать слово «доход». Очевидно, что в данной разновидности конфликтов религиозное выступает как информационный повод и наиболее эффективный способ легитимации претензий, имея сущностно иную основу.

Наиболее распространёнными и часто заявляемыми о себе в истории являются межгрупповые конфликты. Отметим, что масштабность групп бывает разной – от малых, внутрисословных и других до совпадающих с сообществом населения целого государства: «Разный уровень социальных групп имеет свои особенности возникновения конфликта и способов их разрешения» [9]. Как правило, основой для любого типа конфликта выступает идентификация группы, приводящая к противопоставлению себя другим группам. Религия, несомненно, вносит свой вклад в формирование групповой идентичности, маркировку членов группы как исключительных, отличных от других. Однако наличие основы, задающей специфику сообщества, само по себе не определяет факт потенциальной конфликтности. Противоречия выявляются по мере столкновения интересов и всегда презентуются – становятся выразимыми во внешне фиксируемой форме.

Рассмотрим составляющие религиозной системы, которые могут служить генераторами конфликта. Прежде всего, стоит рассмотреть доктринальную составляющую как связанную с расхождениями в представлениях о сакральном, способах связи с ним и представлениях о нём. Если речь идёт только о наличии двух разных мировоззренческих систем, а интересы не выходят за рамки только религиозного поля, нет ни одного примера, чтобы разногласия вышли за рамки обособления (даже если речь идёт о Великой схизме 1054 г.). Священные войны Античности и средневековые крестовые походы были спровоцированы борьбой за землю, что подтверждается как поведением участников конфликтов, так и достигаемыми в итоге результатами.

Вторым элементом конфликтогенеза могли бы стать аспекты религиозной системы, связанные с культовой практикой – при наличии несочетаемой системы ценностей (мусульмане проживают в Индии и режут коров на Курбан-байрам, однако страна не является свидетельством роста количества религиозных конфликтов между индустриями и последователями ислама именно в праздничные дни). Верующий не может оставаться равнодушным к тому, что не соответствует его представлениям о ритуале, но только в том случае, когда это приводит к ущемлению религиозного пространства

другой группы (например, если субъект из хулиганских побуждений решит зарезать свинью в мечети).

Наиболее часто встречаются конфликты, основанные на несочетаемости образа жизни и социального поведения. В данном случае от собственно религиозного остаётся не так много, поскольку на бытовом уровне религиозная составляющая подвергается ремифологизации, приводящей, как уже упоминалось, к замыканию культурного пространства. Религия не может быть основой конфликта в быту, поскольку не распространяет своего воздействия на эту сферу отношений.

Отдельной группой стоит рассмотреть конфликты между верующими и неверующими – охватывающие все три ранее указанные позиции. Представляется, что само по себе расхождение также не может выступать как мотив для конфликта (требуются дополнительные мотивы, например, введение религиозно ориентированных дисциплин в учебный процесс в светском учебном заведении). Показательно, что эти потенциальные конфликты эффективно разрешаются за счёт сегментирования разных сфер социальной жизни (секулярное общество, как известно, строится не на пути изживания религиозного начала, а через отделение религии от государства).

Внешне как конфликтная ситуация религиозной природы выглядит наличие нежелательной для религиозной организации экспертной оценки, которая может зависеть/не зависеть от конфессиональной принадлежности её автора, иметь финансовую подоплёку, происходить от недостаточной осведомлённости. Если говорить об идеальной экспертизе, то со стороны её автора не может быть никаких интенций религиозного характера. Со стороны организации претензии также могут быть связаны только с указанием на некомпетентность или недобросовестность эксперта – качества, не имеющие прямой связи с религией.

Применение разных классификаций к совокупности социальных конфликтов позволяет ещё наглядней показать, насколько «внешней» по отношению к сути предмета выступают религиозные аффилиация и атрибуция. В пространстве типов социальных конфликтов К. Боулдинга [1, с. 40–44] – действительные конфликты (существующие объективно в определён-

ной социальной подсистеме); случайные конфликты (зависящие от второстепенных моментов по отношению к принципиальным противоречиям, вызвавшим конфликт); заместительные конфликты (являющиеся видимым проявлением скрытых конфликтов); конфликты, основанные на плохом знании (являющиеся результатом неумелого управления); скрытые, латентные конфликты (участники по различным причинам не могут перейти к открытой борьбе); фальшивые конфликты (не имеющие объективных основ, базирующиеся на субъективных факторах) – религиозные внешне конфликты протекают как заместительные, основанные на плохом знании, и фальшивые.

В рамках типологии Г. Бисно [10, с. 175] – конфликты интересов, с реальными противоречиями интересов или обязательств; вынужденные конфликты, намеренно создаваемые для достижения иных, чем провозглашённые, целей; ложно соотносённые конфликты, искажённые неверной атрибуцией поведения участников, содержания и причин; иллюзорные конфликты, основанные на неправильном восприятии или непонимании; замещённые конфликты, направленные на личность или соображение, отличные от действительно обиженных участников или реальных тем; экспрессивные конфликты, с желанием выразить враждебность, антагонизм или другие сильные чувства – внешне религиозные конфликты могут быть соотносены с каждым из типов, поскольку в основу типологии положены разновидности деформации восприятия и соответствующее этому поведение.

То же самое можно сказать о применимости к религиозным феноменам конфликтотогенной природы классификации М. Дойча [4], основанной на критерии истинности/ложности или реальности: религиозный конфликт может оказаться «смещённым», когда за явным (поверхностным) скрывается невидимый конфликт, составляющий основание противоречия; «неверно приписанным», когда стороны неверно поняли друг друга; и зачастую «ложным», существующим только в силу ошибок восприятия при отсутствии объективных оснований.

Таким образом, мы можем говорить о недопустимости использования дефиниции «религиозный» для характеристики существенно специфических ситуаций противодействия в обществе. Религиозное здесь

служит указанием на особенности культурной среды конфликта и, возможно, маркером для мировоззренческой принадлежности его участников, не создавая оснований для вычленения особого типа.

Стоит выделить только одну особенность религиозного конфликта, если рассматривать его как идеальную модель. Если такой действительно возникнет как эссенция существующих религиозных противоречий, то никогда не может быть снят или разрешён в силу особенностей религиозного восприятия мира, не допускающего коррекции канонов и догматических оснований.

Всякий конфликт возникает только при наличии его объекта. Столкновение между индивидами или социальными группами не бывает беспочвенным, а происходит только в том случае, если его участники не могут «поделить» что-то между собой. Объект конфликта – это конкретная материальная или духовная ценность, к обладанию или пользованию которой стремятся конфликтующие стороны. Религиозным багажом завладеть нельзя, что и делает религиозное только дополнительной краской в палитре конфликта. То же самое касается предмета. «Предмет конфликта – это всегда та объективно существующая или мыслимая (воображаемая) проблема, которая подлечит решению и поэтому становится причиной расхождения во взглядах и оценках оппонентов» [6]. Если объект сущностно религиозный, то его вообще нельзя разрешить. Ещё Г. Зиммель утверждал, что «конфликт... предназначен для решения

любого дуализма, это – способ достижения своеобразного единства, даже если оно достигается ценой уничтожения одной из сторон, участвующих в конфликте» [7, с. 131]. Таким образом, наряду с биполярностью, являющейся носителем противоречия, в качестве обязательного атрибута конфликта выступает активность, направленная на преодоление противоречия, что в нашем случае нереализуемо.

Конфликты, которые трактуются как религиозные, чаще всего в восприятии существуют как искажение конфликтной ситуации [8] и могут иметь следующие особенности трактовки: искажение конфликтной ситуации целом; упрощение ситуации противоречия; схематизация конкретной ситуации; уменьшение перспективы восприятия конфликта; поляризация в оценках ситуации; фильтрация информации и интерпретация с предубеждением.

Стоит признать, что религиозным компонентом конфликтной ситуации фактически могут являться участники, формально (внешне) таковым может быть предмет конфликта (причём, возможно – только для одной стороны, что делает сам конфликт нереальным/беспредметным). Религиозное является только указанием на институциональную принадлежность объекта и участников конфликта, иногда – на социальную среду развёртывания или субъективное восприятие самого конфликта, не создавая каких-то специфических разновидностей конфликтов – по направленности и стратегии протекания, психологическим особенностям участников.

Список литературы

1. Блауг М. Боулдинг Кеннет Эварт // 100 великих экономистов после Кейнса. СПб.: Экономикс, 2009.
2. Козер Л. Функции социального конфликта [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/kozer.html> (дата обращения: 26.01.2016).
3. Кох И. А. Конфликты и их регулирование. Екатеринбург, 1997. 48 с.
4. Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. Классификация конфликтов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.society.polbu.ru/lebedeva_settlement/ch06_ii.html (дата обращения: 26.01.2016).
5. Методы урегулирования конфликтов // Психология онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.psychological.ru/default.aspx?s> (дата обращения: 26.01.2016).
6. Социальная психология личности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lekcion.ru/Socialnaja_psihologija_lichnosti/6325-voprosi-dlya_obsuzhdeniya.html (дата обращения: 26.01.2016).
7. Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985. 472 с.
8. Шаш Н. Конфликтология. Шпаргалка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litres.ru/natalya-shash/konfliktologiya-shpargalka> (дата обращения: 26.01.2016).
9. Шевчук Д. Конфликты: избежать или форсировать [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.center-nlp.ru/library/s55/s62/shevchuk.html?current_book_page=4 (дата обращения: 26.01.2016).

10. Bisno H. Managing conflict. Newbury Park, Calif.: Sage Publ., 1988. 175 p.
11. Fox J. Religion and State Failure: An Examination of the Extent and Magnitude of Religious Conflict from 1950 to 1996 // International Political Science Review. 2004. Vol. 25, No. 1.
12. Nielsen M. E., Fultz J. Further Examination of the Relationships of Religious Orientation to Religious Conflict // Review of Religious Research. 1995. Vol. 36, No. 4.

References

1. Blaug M. Boulding Kennet Evart // 100 velikikh ekonomistov posle Keinsa. SPb.: Ekonomikus, 2009.
2. Kozer L. Funktsii sotsial'nogo konflikta [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/kozer.html> (data obrashcheniya: 26.01.2016).
3. Kokh I. A. Konflikty i ikh regulirovanie. Ekaterinburg, 1997. 48 s.
4. Lebedeva M. M. Politicheskoe uregulirovanie konfliktov: podkhody, resheniya, tekhnologii. Klassifikatsiya konfliktov [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.society.polbu.ru/lebedeva_settlement/ch06_ii.html (data obrashcheniya: 26.01.2016).
5. Metody uregulirovaniya konfliktov // Psikhologiya onlain [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.psychological.ru/default.aspx?s> (data obrashcheniya: 26.01.2016).
6. Sotsial'naya psikhologiya lichnosti [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://lekcion.ru/Socialnaja_psihologija_lichnosti/6325-voprosi-dlya_obsuzhdeniya.html (data obrashcheniya: 26.01.2016).
7. Terner Dzh. Struktura sotsiologicheskoi teorii. M.: Progress, 1985. 472 s.
8. Shash N. Konflikologiya. Shpargalka [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.litres.ru/natalya-shash/konfliktologiya-shpargalka> (data obrashcheniya: 26.01.2016).
9. Shevchuk D. Konflikty: izbegat' ili forsirovat' [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.center-nlp.ru/library/s55/s62/shevchuk.html?current_book_page=4 (data obrashcheniya: 26.01.2016).
10. Bisno H. Managing conflict. Newbury Park, Calif.: Sage Publ., 1988. 175 p.
11. Fox J. Religion and State Failure: An Examination of the Extent and Magnitude of Religious Conflict from 1950 to 1996 // International Political Science Review. 2004. Vol. 25, No. 1.
12. Nielsen M. E., Fultz J. Further Examination of the Relationships of Religious Orientation to Religious Conflict // Review of Religious Research. 1995. Vol. 36, No. 4.

Библиографическое описание статьи

Рязанова С. В. Религиозный конфликт как нерелигиозный: форма, содержание, структурные элементы // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 26–32. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-26-32.

Reference to the article

Ryazanova S. V. Religious Conflict as Non-Religious: Form, Content, Structure // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 26–32. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-26-32.

Статья поступила в редакцию 07.02.2016

Мария Сергеевна Томских,

аспирант,

Забайкальский государственный университет

(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),

e-mail: zloy_udav@mail.ru

Управление знаниями как основа обеспечения качества жизни

В последние годы в научный обиход вошло такое понятие, как «экономика знания» или «экономика, основанная на знаниях». Становление новых понятий фиксирует, отражает процессы, которые происходят в жизнедеятельности общества. В условиях перехода от индустриального общества к постиндустриальному знания становятся движущей силой развития общества, в котором превалирует сектор услуг. Ж. Фурастье дал определение постиндустриального общества как «цивилизации услуг». Все эти процессы стали основой возникновения новой отрасли научного знания – это управление знаниями. Термин «управление знаниями», «обозначающий систематическое формирование, обновление и применение знаний с целью максимизации эффективности предприятий...», был введён К. Виигом. Управление знаниями в социальной сфере понимается как процесс управления социальными услугами, предоставляемыми потребителям. Необходимость управления знаниями как основы обеспечения качества жизни обусловлена задачами социально-экономического развития страны, становлением экономики знаний и новой модели человека – «человека знающего и умеющего», которая пришла на смену экономической модели, углублением социально-экономических противоречий, а также обострением экологических проблем, ростом имущественного неравенства, увеличением количества потребителей социальных услуг в сфере социального обслуживания населения. Достижение достойного качества жизни возможно только при использовании инновационных технологий, основанных на знаниях и информации. В настоящее время в практике обеспечения качества жизни используются различные инновационные технологии: приоритетные национальные проекты «Здоровье», «Образование» и «Доступное и комфортное жильё – гражданам России»; материнский капитал; профессиональные стандарты; система сбалансированных показателей; бюджетирование, ориентированное на результат; управление проектами.

Ключевые слова: качество жизни, «экономика знаний», «управление знаниями», социальная услуга, качество социальных услуг

Maria S. Tomskikh,

Postgraduate Student,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: zloy_udav@mail.ru

Knowledge Management as a Basis for Ensuring the Quality of Life

In recent years, this concept has entered into scientific use as a “knowledge economy” and “economy based on knowledge.” Formation of new concepts captures, reflects the processes that occur in the life of society. In the transition from an industrial society to a post-industrial, knowledge becomes the driving force behind the development of society, which dominates the service sector. J. Fourastié gave a definition of post-industrial society as a “civilization of services”. All these processes have become the basis of a new branch of scientific knowledge – knowledge management. The term “knowledge management denoting the systematic creation, update and use of knowledge in order to maximize the efficiency of enterprises ...” was introduced by K. Wiig. Knowledge management in the social sphere is understood as a process of social services management presented to consumers. The need for knowledge management as a basis for ensuring the quality of life, due to the challenges of social and economic development of the country, the emergence of the knowledge economy and the new model of man – “a person who knows and knows how to”, which replaced the economic model, deepening socio-economic contradictions, the aggravation of environmental problems, the growth of income inequality, increasing the number of users of social services in the field of social services of decent quality of population. Achievement of decent quality of life is only possible through the use of innovative technologies based on knowledge and information. Currently, the practice of ensuring the quality of life is using different technologies (Priority national projects (“Health”,

“Education” and “Affordable and Comfortable Housing to Russian citizens”), the parent capital, the development of professional standards, the balanced scorecard, budgeting, oriented result, project management.

Keywords: quality of life, “economy of knowledge”, “knowledge management”, social services, quality of social services

Введение. Становление цивилизации XXI века, ориентированной на качество товаров, качество образования, здравоохранения, сервисную экономику, демократию, развитие сферы услуг, связано с появлением новой парадигмы управления – это управление знаниями, информацией. Один из основателей теории постиндустриализма Д. Белл считал, что знания как новый вид капитала стимулируют научно-технический прогресс, целью которого должно стать достижение достойного качества жизни. О роли знания и информации в жизнедеятельности современного общества писали в своих работах Дж. Гэлбрейт, Э. Тоффлер, П. Бергер, Т. Лукман и др. В частности, У. Мартин пишет о роли знаний в различных сферах жизнедеятельности. В технологической сфере информационные технологии применяются на производстве, в учреждениях, системе образования и быту. Использование информационных технологий в социальной сфере способствует изменению качества жизни и становлению «информационного сознания». В экономике информация как ресурс, товар, источник добавленной стоимости товара и занятости становится важным фактором развития. В области политики благодаря свободе распространения и получения информации растёт количество граждан – участников политического процесса, легче достигается консенсус между различными социальными группами и слоями населения. Ценностный характер информации в сфере культуры способствует интеллектуальному развитию как отдельного индивида, так и общества в целом [11, с. 14–15]. У. Мартин считал, что в информационном обществе «качество жизни, как и перспективы социальных изменений [Там же, с. 40] и экономического развития, в возрастающей степени зависят от информации и её использования. В таком обществе стандарты жизни, формы труда и отдыха, система образования и рынок находятся под значительным влиянием достижений в сфере информации и знания» [Там же, с. 42].

По мнению учёных, обеспечение достойного качества жизни, что является приоритетным направлением развития цивилизации XXI века, детерминировано развитием знания, обладанием им. В концепциях П. Бергера и Т. Лукмана речь идёт о том, что знания в современном обществе определяют уровень качества жизни. Так, люди, обладающие минимальным количеством информационных ресурсов, в силу как объективных, так и субъективных причин имеют низкое качество жизни. Напротив, люди с высоким уровнем образования, культуры способны достичь высокого уровня качества жизни. В данном случае именно знание, информация становятся одним из критериев социальной стратификации. Существуют социальные группы «информационно богатых» и «информационно бедных людей» [8].

Становление «экономики знаний» – экономики постиндустриального общества способствует росту потребности в знаниях, информации, её распространению в рамках социального пространства. В современной экономике сокращается доля сельскохозяйственного и промышленного секторов производства, увеличивается доля сектора производства благ и услуг (образование, здравоохранение, культура, социальное обеспечение), целью которых является удовлетворение высших потребностей личности. Появляется новый сектор, аккумулирующий в себя производство информации и знания. Кроме того, идёт процесс создания сектора формирования мотиваций, смыслов жизни.

Все эти процессы, связанные с повышением роли знания, информации в жизнедеятельности общества, актуализируют необходимость управления знаниями. Необходимость управления знаниями важна ещё и потому, что в современном обществе человек подчинён созданной им технике, он не в состоянии управлять ею. Такое поведение людей привело к ухудшению, падению качества их жизни. Л. Мэмфорд отмечал, что «миф машины ввёл запреты, ограниче-

ния, насадил атмосферу принудительности и раблепия, которые и сами по себе, и как следствие вызванных им противодействий угрожают сегодня ещё более пагубными последствиями, чем это было в эпоху пирамид» [4, с. 63]. По мнению Л. Мэмфорда, для обеспечения достойного качества жизни необходимо ориентироваться на жизненные ценности человека, управлять техникой, уметь подчинять её человеку. К. Яспер высказывает мысли, созвучные Л. Мэмфорду. Учёный писал: «Одно, во всяком случае, очевидно: техника – только средство, сама по себе она не хороша и не дурна. Всё зависит от того, что из неё сделает человек, чему она служит, в какие условия он её ставит» [10, с. 140].

О необходимости управления техникой говорили и члены Римского клуба. Перед человечеством стоит задача научиться управлять развитием науки и техники, поставить их на службу всему обществу, а не отдельным его членам. Управление наукой и техникой даст возможность человеку самостоятельно решать проблему о том, какие научные «изыскания, технические исследования и разработки... необходимо всемерно стимулировать, какие замедлять, какие – немедленно прекратить и не возобновлять до тех пор, пока соответствующее развитие человеческих качеств не создаст условия для восприятия и полезного применения этих новых доз прогресса» [6]. Управление техникой возможно только на основе знаний, которыми тоже необходимо грамотно управлять.

Под влиянием развития техники загрязняется окружающая среда, истощаются природные ресурсы, растёт социальная дифференциация населения, безработица.

Важным моментом является и то, что качество жизни – это постоянно изменяющееся социальное явление, которое находится под влиянием различных факторов, определяющих его содержание и формирующих механизмы обеспечения. В современных условиях к этим факторам можно отнести глобализацию, экономический кризис, становление общества потребления, вступление России в ВТО и др. Все эти процессы необходимо учитывать при выработке механизмов обеспечения качества жизни населения, что возможно только на основе использования знания и информации.

Таким образом, становится очевидным, что управление знаниями будет способствовать достижению достойного качества жизни.

В своём исследовании мы брали за основу концепцию человеческого капитала (Т. Шульц, Г. Беккер); концепцию качества жизни (М. Б. Лига, И. А. Щеткина, Л. Г. Гуслякова, С. И. Григорьев и др.); концепцию социологии управления (Е. М. Бабосов, М. Вебер, А. И. Кравченко, Э. Мэйо, В. И. Патрушев, А. И. Пригожин, А. Файоль и др.).

Методология исследования. В процессе анализа проблемы управления знаниями как основы обеспечения качества жизни были использованы функциональный, институциональный, системный подходы. Общенаучными методами исследования стали: анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование.

Проблема качества жизни была взята в разработку зарубежными учёными в 60-е годы XX века, когда начался переход общества к новой модели потребления, включающей в себя не только удовлетворение материальных потребностей, но в первую очередь потребностей духовных, социальных и культурных. Отечественные учёные обратились к исследованию проблемы качества жизни лишь в 90-е годы XX века. Столь позднее обращение к исследованию качества жизни было связано с идеологическими причинами. Качество жизни в трудах зарубежных учёных ассоциировалось с американским образом жизни. В отечественной литературе использовался термин «образ жизни».

Возникнув как вопрос об охране окружающей среды, здоровья и обновления городов, проблема «качества жизни» приобрела более общее смысловое значение. Интегрируя в себе проблематику целей и ценностей буржуазного общества, оно рассматривалось его теоретиками и политиками под углом зрения обеспечения жизнеспособности капитализма и его исторической перспективы. Учитывая вполне определённые политические и идеологические мотивы, побудившие авторов изобретённого термина-лозунга заняться поисками путей и средств «обновления» капитализма, необходимо отделить реальное содержание и смысл, фиксируемые этим понятием, от либерально-реформистских

иллюзий насчёт способности «общества потребления» обеспечить достойную для человека форму повседневного существования людей.

В настоящее время в научном знании достигли определённых результатов в разработке проблемы качества жизни: раскрыта взаимосвязь между качеством и уровнем жизни; выделены индикаторы качества жизни; разработаны методики оценки качества жизни; созданы различные модели качества жизни; изучены факторы, оказывающие влияние на качество жизни, и т. д. В современной научной литературе существуют различные подходы к исследованию качества жизни: философский, экономический, медицинский, экологический, психологический, правовой [1; 2]. Однако, несмотря на определённые результаты, достигнутые в исследовании проблемы качества жизни, до сих пор отсутствует общепринятое определение данного понятия, что объясняется, на наш взгляд, во-первых, динамичностью, изменчивостью качества жизни, его непосредственной зависимостью от социально-экономических процессов; во-вторых, изучение качества жизни ведётся представителями различных областей научного знания с разных теоретико-методологических позиций.

В данной статье качество жизни трактуется как удовлетворённость личностью степенью реализации материальных, социальных, духовных и культурных потребностей, детерминированная уровнем жизни индивида, системой ценностей, личностным восприятием социального пространства.

Достижение достойного качества жизни во многом определяется умением государства, организации, личности использовать знания для решения поставленной задачи. В своё время П. Друкер писал: «Нет бедных и богатых стран, а есть плохо и хорошо управляемые страны». Повышение роли интеллектуального капитала в постиндустриальном обществе ещё раз свидетельствует о значимости и важности управления знаниями как основы обеспечения качества жизни. Другим фактором, влияющим на решение проблемы обеспечения качества жизни населения, для России является рост безработицы, абсолютной и относительной бедности населения, существование такого явления, как «застойная» бедность. Согласно точке зрения Р. М. Нуреева, за-

стойная бедность за 20 лет может сократиться при оптимистических предсказаниях на 1–2 %, в тоже время при пессимистическом прогнозе она может возрасти в два раза по сравнению с данными на сегодня [5, с. 16].

Необходимость управления знаниями как основы обеспечения качества жизни обусловлена задачами социально-экономического развития страны, становлением экономики знаний и новой модели человека – «человека знающего и умеющего», которая пришла на смену экономической модели, углублением социально-экономических противоречий, обострением экологических проблем, ростом имущественного неравенства, увеличением количества потребителей социальных услуг в сфере социального обслуживания населения.

Термин «управление знаниями», «обозначающий систематическое формирование, обновление и применение знаний с целью максимизации эффективности предприятий...» [3], был введён К. Виигом.

Управление знаниями как основы обеспечения качества жизни – это использование интеллектуального капитала в реализации социальной политики; предоставлении социальных услуг; повышении качества образования, здравоохранения, культуры; создании благоприятной экологической среды. В «Стратегии 2020» центральное место среди приоритетных направлений развития страны занимает необходимость инвестиций в человеческий капитал, создание условий для его развития. Формирование человеческого капитала требует значительных экономических и социальных инвестиций в жизненное пространство человека как со стороны государства, так и со стороны самого индивида. «Социальные расходы» на образование, здравоохранение, культуру – это вложение в интеллектуальный потенциал нации, предоставление человеку возможности выбора. Возможность выбора человеком такой жизни, которую они считают достойной, если следовать концепции А. Сена, не зависит от уровня дохода. Уровень дохода трактуется исследователем как средство, дающее возможность человеку расширить свой выбор в сфере образования, здравоохранения, культуры, политики. В рамках данного подхода качество жизни связывается не с уровнем дохода, а с возможностями выбора человека, которые

создаются как инвестициями в форме знаний со стороны государства в человеческий потенциал, так и инвестициями самой личности.

В «Докладе о человеческом развитии...» подчёркивается, что «человеческое развитие – это создание среды, в которой люди могут полностью развивать свой потенциал и вести продуктивную, творческую жизнь в соответствии со своими потребностями и интересами. Принципиально важным для расширения возможностей выбора является создание возможностей для человека – всего того, что люди могут делать или кем они могут быть в жизни. Самым основным условием человеческого развития является возможность вести долгую и здоровую жизнь, быть хорошо информированным, иметь средства, необходимые для достойного существования, принимать участие в жизни общества. Без всего этого многие возможности выбора просто недоступны, и множество жизненных перспектив остаются недостижимыми» [14, с. 33].

В одном из докладов о человеческом развитии, которые ежегодно готовятся ООН, высказана мысль о том, что национальное богатство может создать условия для развития людьми интеллектуального, творческого потенциала, обеспечить социальную безопасность, сохранить экологию, но решение этой задачи во многом зависит от правильного использования национального богатства.

Использование национального богатства во благо человека во многом зависит от интеллектуального потенциала нации, привлечения инновационных технологий, созданных на основе знаний и информации. Значимым для решения выделенных выше задач и целей становится в современном обществе управление знаниями. Управление знаниями в научной литературе понимается как вид управления, имеющий специфические особенности: «во-первых, знания являются и ресурсом, и объектом управления практически во всех подразделениях... Во-вторых, управление знаниями непосредственно связано и использованием современных информационных технологий..., позволяющих накапливать и распространять необходимые знания. В-третьих, функция управления знаниями выполняет интеграционную и координаци-

онную роль в процессе организационного обучения. И, в-четвёртых, в качестве важного условия эффективного управления знаниями следует считать демократическое управление в организациях» [3].

Результатом управления знаниями в социальной сфере является качество социальных услуг, предоставляемых потребителям. В ГОСТ Р 52495-2005 «Социальное обслуживание населения. Термины и определения» качество социальной услуги понимается как совокупность свойств социальной услуги, определяющая её возможность и способность удовлетворять потребности клиента социальной службы и осуществлять социальную реабилитацию или социальную адаптацию [13]. Качество социальной услуги зависит от знаний, вложенных в материальные и нематериальные объекты, используемые в процессе предоставления услуги. Одной из особенностей социальных услуг является непосредственное и опосредованное взаимодействие потребителя и исполнителя, характер и содержание которого также оказывают влияние на качество услуги.

Индикатором эффективности управления знаниями как основы обеспечения качества жизни становится удовлетворённость потребителя качеством социальных услуг. Согласно классическому определению, удовлетворённость потребителя (*customer satisfaction*) – это общая оценка опыта клиентов организации по приобретению и использованию продуктов, сервисов или услуг, предоставляемых этими компаниями.

Определяющим фактором формирования и оценки качества социальной услуги является управление техническими, психологическими, социально-гуманитарными, управленческими знаниями. Управление должно существовать на всех этапах оказания социальной услуги – от разработки содержания услуги, определения цели её предоставления до реализации потребителем. Управление знаниями даст возможность выделить приоритетные направления и инновационные технологии обеспечения качества жизни.

В настоящее время в российской практике повышения качества жизни населения используются инновационные технологии: приоритетные национальные проекты «Здоровье», «Образование» и «Доступ-

ное и комфортное жильё – гражданам России»; материнский капитал; профессиональные стандарты; система сбалансированных показателей; бюджетирование, ориентированное на результат; управление проектами. Именно «эти сферы определяют качество жизни людей и социальное самочувствие общества. В конечном счёте, решение именно этих вопросов прямо влияет на демографическую ситуацию в стране и создаёт необходимые стартовые условия для развития так называемого человеческого капитала», – так Прези-

дент России В. В. Путин определил приоритеты социальной политики государства [12].

Управление знаниями в социальной сфере даст возможность:

– увеличить инвестиции в образование, здравоохранение, культуру, что обеспечит развитие интеллектуального капитала общества и личности;

– повысить уровень жизни населения;

– укрепить экономическую основу социальной сферы;

– обеспечить населению возможность свободы выбора.

Список литературы

1. Лига М. Б. Качество жизни как основа социальной безопасности. М.: Гардарики, 2006. 223 с.
2. Лига М. Б., Щеткина И. А. Качество жизни: организационно-управленческий аспект. Новосибирск: Наука, 2011. 227 с.
3. Мильнер Б. З. Управление знаниями: эволюция и революция в организации. М.: Инфра-М, 2003. 176 с.
4. Мэмфорд Л. Миф машины // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. М., 1991.
5. Нуреев Р. М. Концепции экономической модернизации России: возможности их реализации после кризиса // Трансформация социально-экономического пространства: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (17–19 сент. 2010 г.): в 2 т. Т. 1. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2010.
6. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. 209 с.
7. Толстых В. И. Образ жизни. Понятие. Реальность. Проблемы. М.: Политиздат, 1975. 184 с.
8. Тoffler Э. Шок будущего: пер. с англ. М.: Корпорация, 2004. 557 с.
9. Тупченко Л.С. Социалистический образ жизни как объект управления. М.: Политиздат, 1983. 163 с.
10. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
11. Martin W. J. The Information Society. London: Aslib, 1988. 174 p.

Источники

12. Выступление Президента России на встрече с членами Правительства (Москва, 5 сент. 2005 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 19.03.2016).
13. ГОСТ Р 52495-2005 «Социальное обслуживание населения. Термины и определения» // Государственный стандарт России. М.: Изд-во стандартов, 2006. 12 с.
14. Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии. Региональное бюро ПРООН по странам Европы и Содружества Независимых Государств, 2005. 100 с.

References

1. Liga M. B. Kachestvo zhizni kak osnova sotsial'noi bezopasnosti. M.: Gardariki, 2006. 223 s.
2. Liga M. B., Shchetkina I. A. Kachestvo zhizni: organizatsionno-upravlencheskii aspekt. Novosibirsk: Nauka, 2011. 227 s.
3. Mil'ner B. Z. Upravlenie znaniyami: evolyutsiya i revolyutsiya v organizatsii. M.: Infra-M, 2003. 176 s.
4. Memford L. Mif mashiny // Utopiya i utopicheskoe myshlenie: antologiya zarubezhnoi literatury / sost., obshch. red. i predisl. V. A. Chalikovoi. M., 1991.
5. Nureev R. M. Kontseptsii ekonomicheskoi modernizatsii Rossii: vozmozhnosti ikh realizatsii posle krizisa // Transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (17–19 sent. 2010 g.): v 2 t. T. 1. Ulan-Ude: Izd-vo VSGTU, 2010.
6. Pechchei A. Chelovecheskie kachestva. M.: Progress, 1980. 209 s.
7. Tolstykh V. I. Obraz zhizni. Ponyatie. Real'nost'. Problemy. M.: Politizdat, 1975. 184 s.
8. Toffler E. Shok budushchego: per. s angl. M.: Korporatsiya, 2004. 557 s.
9. Tupchenko L.S. Sotsialisticheskii obraz zhizni kak ob'ekt upravleniya. M.: Politizdat, 1983. 163 s.
10. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii: per. s nem. M.: Politizdat, 1991. 527 s.
11. Martin W. J. The Information Society. London: Aslib, 1988. 174 p.

Istochniki

12. Vystuplenie Prezidenta Rossii na vstreche s chlenami Pravitel'stva (Moskva, 5 sent. 2005 g.) [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru> (data obrashcheniya: 19.03.2016).
13. GOST R 52495-2005 «Sotsial'noe obsluzhivanie naseleniya. Terminy i opredeleniya» // Gosstandart Rossii. M.: Izd-vo standartov, 2006. 12 s.
14. Doklad o chelovecheskom razvitii v Tsentral'noi Azii. Regional'noe byuro PROON po stranam Evropy i Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv, 2005. 100 s.

Библиографическое описание статьи

Томских М. С. Управление знаниями как основа обеспечения качества жизни // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 33–39. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-33-39.

Reference to the article

Tomskikh M. S. Knowledge Management as a Basis for Ensuring the Quality of Life // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 33–39. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-33-39.

Статья поступила в редакцию 06.04.2016

Людмила Николаевна Чайка,
соискатель,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: liudmila-chaika999@mail.ru

Здоровьесбережение детей как проблема российского общества

Актуальность выбранной автором темы определяется, прежде всего, тем, что проблема здоровьесбережения детей является значимой не только в рамках отдельно взятой семьи или лично значимого общественного пространства, но и в масштабах всего государства. Один из ключевых тезисов статьи заключается в утверждении, что здоровье подрастающего поколения является важнейшим стратегическим ресурсом страны, так как здоровье подрастающего поколения – это здоровье нации в будущем. Социально-философское обоснование общественной и государственной значимости ценностного отношения к здоровью ребёнка представляет несомненную новизну исследования. То, каково отношение в обществе и государстве к детскому здоровью и проблеме здоровьесбережения детей, является одним из главных показателей культурного, социального и экономического развития страны – это положение статьи является существенным, имеющим практико-ориентированное значение. Аксиологический и исторический подходы, применяемые в данном исследовании, удачно сочетаются с методом анализа документов (указы Президента Российской Федерации, Конвенция о правах ребёнка, Декларация прав ребёнка и др.) и позволяют сделать компетентные и обоснованные выводы. Теоретическую основу исследования составили работы отечественных учёных и мыслителей как прошлого (Д. И. Писарев, И. И. Мечников), так и настоящего (Д. И. Фельдштейн, И. С. Ларионова, И. М. Усманов, Ю. М. Хрусталев).

Ключевые слова: здоровьесбережение детей, российское общество, здоровье ребёнка (детское здоровье), ценность здоровья (ценность детского здоровья), школьный возраст, детский возраст

Ludmila N. Chaika,
Doctoral Candidate,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: liudmila-chaika999@mail.ru

Children's Health and its Saving as a Problem of Russian Society

The relevance of the theme chosen by the author is determined primarily by the fact that the issue of children's health protection is important not only within a single family or personally significant public space, but on a nationwide scale as well. One of the key points of the article is that the health of younger generation is an important strategic resource of the country, since children's health is the health of the nation in perspective. Socio-philosophical basis for social and state significance of the axiological attitude towards children's health defines undeniable novelty of the study. Society and state attitude towards children's health and the problem of its protection indicates cultural, social and economic development of the country. This position of the study is one of the most important and practice-oriented. Axiological and historical approaches used in the study are combined with the method of document analysis (Russian Federation Presidential Decree, Convention on the Rights of the Child, Declaration of the Rights of the Child, etc.) and allow us to make competent and well-founded conclusions. The theoretical basis of the research includes the works of Russian scholars and thinkers of the past (D. I. Pisarev, I. I. Mechnikov) and the present (D. I. Feldstein, I. S. Larionova, I. M. Usmanov, Yu. M. Khrustalev).

Keywords: children's health protection, Russian society, child's health (children's health), value of health (value of children's health), school age, childhood

Проблемы, касающиеся детского здоровья, вызывают особую тревогу и заставляют серьёзно задуматься. Эти проблемы не являются чисто медицинскими: с древности к ним привлечено внимание

общества. Остаётся актуальным обращение к определению понятия «здоровье». В своё время Пифагор как врач и философ писал о здоровье с позиции гармонии и равновесия. Следуя логике своих фило-

софских размышлений об устройстве мира и места в нём человека, он рассматривал здоровье с позиции действия всеобщего закона единства человека с природой, как результат вселенского равновесия.

Платон в книге «Государство» указывает на необходимость полноценного воспитания молодого поколения, здорового и физически, и духовно. А контроль он предлагает возложить на врачей и судей, которые «будут заботиться о гражданах, полноценных как в отношении тела, так и души, а кто не таков, кто полноценен только телесно, тем они предоставят возможность вымирать; что же касается людей с порочной душой и притом неисцелимых, то их они сами умертвят» [5, с. 527]. Таким образом, мы видим, что ответственность за здоровье своих граждан, по мнению философа, должно нести государство, так как от этого во многом зависит его процветание и стабильность.

Идея о том, что здоровье является важнейшей ценностью в аксиологической иерархии, появляется в философии эпохи Просвещения. Тема детства, рост интереса к проблемам ребёнка, в том числе к проблеме детского здоровья и безопасности в это время обусловлены повышением внимания мыслителей данной эпохи к воспитанию и образованию. Тексты, в которых присутствует ребёнок («Мысли об образовании» Дж. Локка, «Эмиль, или О воспитании» Ж.-Ж. Руссо и др.), адресованы не детям, а воспитателям и представляют собой рекомендательные программы – как воспитать ребёнка здоровым и нравственным человеком для общества. Позиция Мишеля Монтеня: «Здоровье – это драгоценность, и притом единственная, ради которой действительно стоит не только не жалеть времени, сил, трудов и всяких благ, но и пожертвовать ради него частицей самой жизни, поскольку жизнь без него становится нестерпимой и унижительной» [3, с. 302].

Ценностное отношение к здоровью характерно и для русских мыслителей. Обратимся к исследованиям И. И. Мечникова. В своей работе биолог отмечал: «...Здоровье играет преобладающую роль в жизни» [2, с. 273]. Как бы подчёркивая эту мысль, учёный считал, что даже такой великий пессимист, как Шопенгауэр, утверждал: «...Здоровье есть величайшее сокровище, перед которым всё остальное – ничто» (выписка из письма к его другу) [Там же].

Понятие «здоровье» достаточно изменчивое. В связи с тем, что меняются жизненные условия и возрастные характеристики, образ жизни и мировоззренческие установки человека, изменяются и критерии оценки здоровья.

Термин «здоровье» имеет множество определений в различных документах и научных источниках. В предисловии к Уставу Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) содержится такое определение: «Здоровье – это состояние полного физического, психического и социального благополучия при отсутствии болезни или немощи, включая способность вести социально и экономически продуктивную жизнь» – то есть здоровье не является простым отсутствием болезни или травмы [15, с. 1]. Данное определение, утверждённое ВОЗ в 1948 г., опирается на предложенное в 1941 г. американским врачом Г. Э. Сигеристом.

Большая советская энциклопедия трактует рассматриваемый нами термин так: «Здоровье – естественное состояние организма, характеризующееся его уравновешенностью с окружающей средой и отсутствием каких-либо болезненных изменений. Здоровье человека определяется комплексом биологических (наследственных и приобретённых) и социальных факторов» [13, с. 108].

Рассмотрению здоровья как ценности достаточно много внимания уделяют современные авторы. В 2000 г. В. Н. Беленовым защищена кандидатская диссертация «Формирование ценностного отношения старшеклассников к здоровью в процессе физического воспитания». В 2004 г. защищена докторская диссертация «Здоровье как социальная ценность», её автор – И. С. Ларионова. Это исследование посвящено социально-философским проблемам здоровья в их аксиологическом аспекте, исследованию «сущности здоровья и тенденций в динамике его ценностных характеристик, в анализе причин, приведших к "обесцениванию здоровья"» в современном обществе [1, с. 18]. В 2008 г. защищена кандидатская диссертация «Здоровье молодёжи как общественная ценность в современном российском обществе: социально-философский анализ», её автор – И. М. Усманов. В диссертационном исследовании проанализирован феномен "социальное

здоровье", его становление, особенности теоретического изучения, эмпирические показатели и факторы, воздействующие на его формирование», и установлено доминирующее значение поведенческих факторов в отношении к здоровью у молодых людей [7, с. 8]. Интересна позиция Ю. М. Хрусталева, одного из главных представителей в области российской биоэтики. Он пишет: «Человеческое здоровье может быть столь значимой ценностью, чтобы определять смысл жизни людей, диктовать им определённые цели, намерения и действия как отдельных людей, так и социальных институтов вплоть до общества в целом» [9, с. 146].

В 2011 г. выпущена книга Д. И. Фельдштейна «Глубинные изменения детства и актуализация психолого-педагогических проблем развития образования». Данный труд посвящён сущности «детства как особого социального феномена», его проблемам в современном мире, относительно социокультурной ситуации, где «подробно анализируются глубинные психологические и социально-психологические изменения, происходящие с современными детьми»; проанализировано состояние физического и психического здоровья современных детей и школьников. Исследовав условия и образ жизни современных детей, Д. И. Фельдштейн приходит к выводу, что сегодня ребёнку и подростку особенно сложно определить своё место в обществе относительно своей эпохи и непосредственной причастности к процессу человеческой истории [8].

Человечество очень долго шло к пониманию того, что ребёнок является самостоятельным субъектом права и таким же полноценным членом общества, как и взрослый, и он имеет право на защиту. То, что ребёнок не собственность своих родителей или тех, в чьих руках оказались его жизнь и судьба, – это было осознано обществом только после демократических преобразований, последовавших за европейскими революциями XIX в. Тогда это было связано со стремлением освободить детей от рабства, избавить общество от таких уродливых явлений, как торговля детьми, эксплуатация детского труда, проституция несовершеннолетних, родительский произвол. В связи с этим последовательно создавались рекомендательные документы международного уровня, декларирующие права ребёнка.

В связи с ухудшением положения детей с 1979 по 1989 г. ООН разрабатывает Конвенцию о правах ребёнка, в которой права ребёнка были сформулированы более конкретно и детально по сравнению с предыдущими документами. Новый вариант Конвенции был принят ООН в ноябре 1989 г., а в январе 1990 г. она была подписана 61 страной мира. В июле этого же года Конвенция была ратифицирована в Советском Союзе. Россия, будучи правопреемницей СССР, сохраняет обязательства по Конвенции, имеющей статус документа высокого международного уровня и представляющей собой соглашение государств, присоединившихся (то есть подписавших, ратифицировавших) к нему.

В Конвенции о правах ребёнка несколько пунктов указывают на необходимость защиты детского здоровья. Например: каждый ребёнок имеет право на жизнь, на охрану здоровья, медицинское обслуживание, и государство обязано обеспечивать его здоровое психическое, эмоциональное, умственное, социальное и культурное развитие (ст. 6); на охрану своего здоровья: на получение медицинской помощи, чистой питьевой воды и полноценного питания (ст. 24). В соответствии с Конвенцией, каждый ребёнок имеет право на тот уровень жизни, который обеспечит ему возможность расти здоровым, а государство должно помогать тем родителям, которые не могут обеспечить своим детям необходимые для этого условия жизни (ст. 27). В Конвенции также указывается на необходимость защиты семьёй, обществом и государством ребёнка от тех факторов, которые могут нанести вред его здоровью: дискриминация, разлука с родителями (кроме тех случаев, когда это делается в его интересах), отсутствие заботы, насилие и жестокое обращение со стороны взрослых, плохие условия жизни или отсутствие доступа к социальным благам, вредная и непосильная работа, сексуальное насилие и др. [14].

Анализируя документы и научную литературу советского и постсоветского периодов, относящиеся к десятилетнему периоду с 1990 по 2000 гг., приходим к выводу, что проблемы здоровья детей не оставались без внимания, в том числе и государства. Более того, их относили к числу важнейших. Так, выявлением социально-медицинских аспектов детского здоровья, изучением

проблем жестокого обращения с детьми, уровня физического развития детей, причин роста младенческой и детской смертности занимались учёные: А. А. Баранов, Н. Н. Ваганов, О. В. Гринина, Ю. П. Лисицын и др.

На государственном уровне разрабатывались документы Национального плана действий в интересах жизни и здоровья детей. Указом Президента Российской Федерации Б. Н. Ельциным от 20 апреля 1993 г. «О неотложных мерах по обеспечению здоровья населения Российской Федерации» разработаны дополнительные федеральные программы, в том числе «Безопасное материнство», «Вакцинопрофилактика», где прописаны основные пути улучшения положения и жизни детей в РФ до 2000 г. [19]. А в 1995 г. Б. Н. Ельциным был подписан Указ «Об утверждении Основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (Национального плана действий в интересах детей)», в котором, в частности, высказывалась обеспокоенность ухудшением качества здоровья детей и санитарно-гигиенических условий содержания детей в детских учреждениях, недоступностью для многих качественного медицинского обслуживания, питания и отдыха и т. д.; формулировались меры, направленные на исправление сложившейся в стране ситуации с детским здоровьем [20].

В течение трёх лет, с 1999 по 2001 гг., вступило в силу 256 законов в 37 субъектах РФ. Но принятые в период 90-х гг. законы и нормативные акты не имели, к сожалению, должного эффекта.

Исследования отечественных учёных убедительно показывают ухудшение состояния здоровья детей и подростков за период обучения в образовательных учреждениях. Образовательные учреждения, обеспечивая социальное развитие личности, не решают в полном объёме задачи по сохранению компонентов детского здоровья (психического, психологического, физического и нравственного). Поэтому проблема здоровья ребёнка является одной из самых актуальных на современном этапе.

Данные Всемирной организации здравоохранения имеют следующие цифры: Россия находится на 4-м месте в мире по

распространённости табакокурения среди подростков (курильщиками являются более 30 % мальчиков и 17 % девочек в возрасте 15–18 лет).

В связи с неудовлетворительным состоянием здоровья в 2009 г. 38 тыс. детей от 7 до 15-летнего возраста остались за пределами образовательного процесса.

Анализ здоровья детей, оказавшихся в трудных жизненных ситуациях, и детей, воспитываемых в интернатных учреждениях, заставляет серьёзно задуматься, так как лишь 4 % из них могут считаться здоровыми. Высок процент заболеваемости среди девочек-подростков 15–17-летнего возраста инфекциями, передающимися половым путём.

За девятилетний период, с 2000 по 2009 гг., в 1,6 раза возросло число детей в возрасте до 14 лет, состоящих на учёте в связи с алкоголизмом.

Вызывает тревогу незащищённость детей и подростков в России от ненадлежащего информационного контента. Остро стоит сегодня вопрос инклюзивного образования, так как лишь 2 % общеобразовательных школ приспособлены для обучения детей, имеющих инвалидность [17].

Статистическими данными Института возрастной физиологии Российской академии образования (РАО) за несколько предыдущих лет о состоянии здоровья российских детей и школьников подтверждается, что в настоящее время система образования не является зоной благоприятных условий для сохранения и укрепления детского здоровья. Лишь 20–30 % детей перед поступлением в школу можно отнести к 1-й и 2-й группам здоровья, а 70–80 % первоклассников уже в начале обучения имеют функциональные отклонения. К окончанию школы только 10–20 % школьников можно назвать относительно здоровыми, а 80–90 % – это дети с функциональными отклонениями. Многие из неуспевающих или слабоуспевающих не могут усвоить объёмный материал школьной программы из-за какого-то заболевания. Около 40 % выпускников школ ограничены в выборе профессии, потому что имеют разного рода проблемы со здоровьем. Причём около 65 % имеют различные нарушения психики. Возникает вопрос: почему же сложилась такая ситуация и от чего зависит сегодня здоровье ребёнка?

Рассмотрим наиболее важные факторы, оказывающие непосредственное и опосредованное влияние на здоровье/нездоровье детей и подростков.

Во-первых, период взросления детей и подростков совпадает со школьным возрастом, который сопровождается достаточно сильными нагрузками на организм, связанными с серьёзными физиологическими изменениями. Эти нагрузки, помноженные на физические и психоэмоциональные нагрузки в школе, имеют крайне негативные последствия для здоровья ребёнка.

Во-вторых, образ жизни, характерный для большинства современных людей и копируемый в детском и подростковом возрасте, оставляет мало шансов для здорового развития и взросления: с одной стороны, гиподинамия, ведущая к снижению физической активности, с другой – значительные интеллектуальные и психические нагрузки, связанные с ускорением ритма жизни и расширением информационного пространства. От природы человек наделён значительными потенциальными возможностями, рассчитанными на физические нагрузки, но зачастую он не использует эти возможности, надеясь на достижения современной науки, которая активно пытается заменить личное участие человека даже в процессе оздоровления своего собственного организма [9, с. 382].

В-третьих, несовершенство самой системы образования, в рамках которой создаются такие условия, которые никак нельзя назвать здоровьесберегающими:

- применение методик дошкольной и школьной подготовки, не соответствующих возрасту;

- применение методик и технологий обучения, идущих в разрез с современными требованиями здоровьесоблюдения, несоответствие их положениям и требованиям системы психологического и педагогического сопровождения;

- формирование и организация процесса обучения без учёта современных здоровьесберегающих технологий;

- использование педагогических воздействий, которые имеют стрессовую направленность;

- спорные и конфликтные ситуации не только между сверстниками, но и с педагогами, и т. д.

Исследование доказывает, что организованное таким образом школьное про-

странство становится агрессивной средой для ребёнка, хотя должно формироваться как здоровьесберегающее.

Государственная система образования сегодня, к сожалению, не решает в достаточной мере и полном объёме свои обязанности согласно Типовым положениям Правительства Российской Федерации от 19 марта 2001 г. № 196, где в пункте 7 прописано, что каждое «общеобразовательное учреждение осуществляет обучение и воспитание в интересах личности, общества, государства, *обеспечивает охрану здоровья* и создание благоприятных условий для разностороннего развития личности, в том числе возможности удовлетворения потребности обучающегося в самообразовании и получении дополнительного образования» [16] и Приказа Министерства образования и науки Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 2106 «Об утверждении федеральных требований к образовательным учреждениям в части *охраны здоровья обучающихся, воспитанников*». Также образовательные учреждения дополнительного образования детей обязаны учитывать Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 4 июля 2014 г. № 41 г. Москвы «Об утверждении СанПиН 2.4.4.3172-14 "Санитарно-эпидемиологические требования к устройству, содержанию и организации режима работы образовательных организаций дополнительного образования детей"», и методических рекомендаций по организации профилактических мероприятий в образовательной организации по обеспечению безопасности образовательного процесса, в котором изложены основополагающие составляющие в создании условий, способствующих сохранению и укреплению здоровья обучающихся в образовательной организации. Таким образом, здоровьесбережение детей можно назвать социальным заказом государства системе образования. Кроме санитарно-эпидемиологического стандарта в 2013 г. разработан «Профессиональный стандарт учителя», который основной задачей ставит не только обучение воспитанников знаниям и умениям, но включает в первоочередную задачу функцию воспитания и социализации обучающихся. Следует отметить, что не все образовательные учреждения в полном объёме руководствуются упомянутым выше стандартом, так как его

реализация с 01.01.2015 г. перенесена на 01.01.2017 г. То обстоятельство, что существующая система образования, включая дошкольную и дополнительную, не решает в полном объёме проблемы здоровьесбережения детей, крайне негативно отражается на общей ситуации с детским здоровьем в стране.

Попытаемся определить, какого ребёнка мы можем назвать здоровым? Здоровый ребёнок или подросток – весёлый, гармонично развитый физически и интеллектуально, адаптированный к окружающей его среде. Это ребёнок, который умеет не только реализовывать свои способности, но и относительно безболезненно приспосабливается к изменениям образовательной среды (если они в пределах нормы). Он умеет разумно трудиться на благополучие окружающего его сообщества, охотно выполняет определённые обязанности соответственно имеющимся способностям.

Факторы, влияющие на детское здоровье, можно разделить на естественные (экология, пища, вода и т. д.) и социальные (качественное медицинское обслуживание, просвещение в вопросах гигиены и профилактики болезней, воспитание соответствующего образа мысли и жизни, предполагающего высокую степень нравственной и социальной ответственности к своему и чужому здоровью). Факторы, влияющие на детское здоровье, можно разделить также на субъективные (те, которые требуют личной ответственности и формируют внутреннее предположение для сохранения здоровья) и те, которые не зависят от ребёнка (формируются внешними условиями и требуют ответственного отношения со стороны родителей и воспитателей, системы образования и государства) [11].

Отметим, что пагубное влияние неразумно организованного процесса обучения на здоровье ребёнка – это проблема не только сегодняшнего дня. В 1865 г. Д. И. Писарев в статье «Школа и жизнь» опубликовал результаты своего глубокого и всестороннего изучения детского здоровья школьного возраста. Сделанный им вывод оказался жутким: «Давно уже... замечен тот факт, что школа имеет на детей особенное влияние, резче высказывающееся в физическом отношении. Влияние это выражается в том, что прежняя свежесть, бодрость и цветущее здоровье детей сменяются вялостью, истомлённостью и бо-

лезненностью. Некоторые даже перестают расти: большинство теряют свою прежнюю беззаботную весёлость и смотрят как-то угрюмо и боязливо. Влияние это нередко отражается и в умственном отношении: дети тупеют, теряют прежнюю даровитость и взамен её приобретают какую-то болезненную нервную раздражённость – признак слабосилия. Поэтому не совсем неправы те, которые говорят о вырождении человеческого рода под губительным влиянием школы» [4, с. 316].

В настоящее время глубокому переосмыслению подвергается существующая система ценностей. Для каждого народа национальная религия составляет неотъемлемую часть исторического и культурного наследия. Особое значение приобретает проблема исторической преемственности, сохранения и развития отечественной культуры. Фундаментом, на котором строилась система воспитания, не исчерпывается лишь сферой духовной жизни. Но передавались и реализовывались духовно-нравственные ценности посредством уклада жизни людей, передачей этих ценностей из поколения в поколение [10].

Несмотря на неутешительные статистические данные, приведённые выше, есть обстоятельства, которые дают некоторую надежду на улучшение ситуации.

Решением Правительства РФ, принятыми законами и актами обеспечены меры по охране здоровья детей и здоровья женщин, осуществляется адресная помощь семьям, имеющим малолетних детей.

В докладе «О положении детей в Российской Федерации» Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребёнка Павла Астахова говорится об улучшении условий жизни детей в стране в 2013 и в 2014 г. и о результатах, к которым это привело. П. Астахов указывал на то, что произошло существенное сокращение количества детей-сирот и детей, оставшихся без родительского попечения – с 106,7 тыс. в 2009 г., до 61,6 тыс. в 2014 г. [12]. Именно в этой категории прослеживается самый низкий процент относительно здоровых детей.

Достаточно очевидным выглядит тезис о том, что фундамент здоровья закладывается в детстве. Здоровье как запас прочности, полученный человеком с младенческих лет, является для него бесценным багажом, его достоянием. Это естественное и необходимое состояние организма, явля-

ющеся абсолютной и жизненно значимой ценностью, причём не только индивидуальной, но также социальной. Существует взаимная зависимость детского здоровья от здоровья общества, в котором растёт ребёнок. Если в здоровом обществе ребёнок вырастает физически, психически и духовно здоровым, то здоровый член общества обеспечит достаточно высокий уровень общественного здоровья в различных сферах общественной жизни (экономической, социальной, духовной).

Возможности и перспективы преодоления катастрофических последствий снижения здоровья детей следует рассматривать в комплексе. То есть рассматривать и анализировать проблемы образования и воспитания, проблемы, идущие из семьи, общества, а также уровень социально-экономического развития государства, позволяющий более или менее эффективно осуществлять программы и мероприятия, направленные на здоровьесбережение детей, населения и общества в целом.

Здоровье – это не только главная ценность человека, не просто личное дело каждого, это общественная и государственная проблема. А отношение в обществе и государстве к детскому здоровью и проблеме здоровьесбережения детей является одним из главных показателей культурного, социального и экономического развития страны. Для решения проблемы нужен комплекс мер экономического, социального, медицинского характера, а

также объединение усилий государства и общества, семьи и школы, медиков, юристов, социальных работников и педагогов. Воспитание детей и подростков должно основываться на фундаменте истории своей страны, через формирование нравственной ответственности за свои решения, действия и поступки [10].

Сегодня стоит говорить о новой концепции воспитания детей и подростков, с использованием опыта прошлых поколений, ориентируясь на исследования современной науки. Воспитывать у молодого поколения ценность здоровья не только физического, но и здоровья психического, духовно-нравственного, которое основывается на общечеловеческих ценностях: совести и чести, терпимости, человечности и милосердия. И непременно воспитывать стремление к непрерывному самообразованию как своеобразному образу жизни.

Необходимость культивирования в общественном сознании современных россиян ценностного отношения к детскому здоровью и повышение его аксиологического статуса не в последнюю очередь определяются сложной социально-экономической ситуацией в стране, усугубляющейся набирающим силу духовно-нравственным кризисом, что в сумме ведёт к появлению угрозы безопасности государства. Можно сказать, что здоровье детей является важнейшим стратегическим ресурсом страны, так как здоровье подрастающего поколения – это здоровье нации в будущем.

Список литературы

1. Ларионова И. С. Здоровье как социальная ценность: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. М.: Изд-во МГСУ, 2004. 38 с.
2. Мечников И. И. Наука и нравственность // Этюды оптимизма. М.: Гл. ред. лит. на ин. яз.: Наука, 1988. С. 253–277.
3. Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1 / пер. А. С. Бобовича [и др.]. М.: Голос, 1992. 384 с.
4. Писарев Д. И. Школа и жизнь // Учитель. 1865. № 9. 750 с.
5. Платон. Государство // Диалоги. М., 2009. 752 с.
6. Римашевская Н. М. Российский генофонд: качество будущих поколений // Народонаселение. М.: ИСЭПН РАН, 2000. № 4. С. 97–101.
7. Усманов И. М. Здоровье молодёжи как общественная ценность в современном российском обществе: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Уфа, 2008. 155 с.
8. Фельдштейн Д. И. Глубинные изменения детства и актуализация психолого-педагогических проблем развития образования. СПб.: СПбГУП, 2011. 36 с.
9. Хрусталев Ю. М. От этики до биоэтики. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 446 с.
10. Чайка Л. Н. Здоровье школьников как одна из проблем современной системы российского образования. Образование и наука в современных условиях: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Интерактив плюс, 2015. 356 с.
11. Чайка Л. Н. Социальные и естественные факторы здоровья школьников // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: сб. ст. V Междунар. науч. конф. Чита: ЗабГГПУ, 2014. С. 102–108.

Источники

12. Астахов П. О положении детей в Российской Федерации: доклад [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rfdeti.ru> www.prikrmk.sfedor.ru/fed/3723-astahov.html (дата обращения: 21.02.2016).
13. Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 9. М.: Сов. энцикл., 1969–1978. 380 с.
14. Конвенция о правах ребёнка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/childcon.shtml> (дата обращения: 21.02.2016).
15. Министерство здравоохранения. Женева: Медицина: ВОЗ, 1968. 56 с.
16. На просторах России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0499/smap.php> № 645–646. 1–14 июня 2015 (дата обращения: 01.02.2016).
17. Берегите женщин! Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0499/smap.php> № 499–500. 20 февраля – 4 марта 2012 (дата обращения: 01.02.2016).
18. Справочник практического врача / под ред. А. И. Воробьева. М.: Медицина, 1981. 656 с.
19. Указ Президента Российской Федерации от 20.04.1993 г. «О неотложных мерах по обеспечению здоровья населения Российской Федерации» (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. Режим доступа: <http://www.base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req> (дата обращения: 01.02.2016).
20. Указ Президента РФ от 14.09.1995 г. № 942 «Об утверждении Основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (Национального плана действий в интересах детей)» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.base.garant.ru/184330/> (дата обращения: 01.02.2016).
21. Федеральный закон Российской Федерации от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».
22. Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Вестн. образования. 2013. № 3. С. 10–159.

References

1. Larionova I. S. Zdorov'e kak sotsial'naya tsennost': avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.11. M.: Izd-vo MGSU, 2004. 38 s.
2. Mechnikov I. I. Nauka i npravstvennost' // Etyudy optimizma. M.: Gl. red. lit. na in. yaz.: Nauka, 1988. S. 253–277.
3. Mishel' Monten'. Opyty. Izbrannye proizvedeniya: v 3 t. T. 1 / per. A. S. Bobovicha [i dr.]. M.: Golos, 1992. 384 s.
4. Pisarev D. I. Shkola i zhizn' // Uchitel'. 1865. № 9. 750 s.
5. Platon. Gosudarstvo // Dialogi. M., 2009. 752 s.
6. Rimashevskaya N. M. Rossiiskii genofond: kachestvo budushchikh pokolenii // Narodonaselenie. M.: ISEPN RAN, 2000. № 4. S. 97–101.
7. Usmanov I. M. Zdorov'e molodezhi kak obshchestvennaya tsennost' v sovremennom rossiiskom obshchestve: sotsial'no-filosofskii analiz: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11. Ufa, 2008. 155 s.
8. Fel'dshtein D. I. Glubinnye izmeneniya detstva i aktualizatsiya psikhologo-pedagogicheskikh problem razvitiya obrazovaniya. SPb.: SPbGUP, 2011. 36 s.
9. Khrustalev Yu. M. Ot etiki do bioetiki. Rostov n/D.: Feniks, 2010. 446 s.
10. Chaika L. N. Zdorov'e shkol'nikov kak odna iz problem sovremennoi sistemy rossiiskogo obrazovaniya. Obrazovanie i nauka v sovremennykh usloviyakh: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Cheboksary: Interaktiv plus, 2015. 356 s.
11. Chaika L. N. Sotsial'nye i estestvennye faktory zdorov'ya shkol'nikov // Problema sootnosheniya estestvennogo i sotsial'nogo v obshchestve i cheloveke: sb. st. V Mezhdunar. nauch. konf. Chita: ZabGGPU, 2014. S. 102–108.

Istochniki

12. Astakhov P. O polozhenii detei v Rossiiskoi Federatsii: doklad [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.rfdeti.ru> www.prikrmk.sfedor.ru/fed/3723-astahov.html (data obrashcheniya: 21.02.2016).
13. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t. T. 9. M.: Sov. entsikl., 1969–1978. 380 s.
14. Konventsiya o pravakh rebenka [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/childcon.shtml> (data obrashcheniya: 21.02.2016).
15. Ministerstvo zdravookhraneniya. Zheneva: Meditsina: VOZ, 1968. 56 s.
16. Na prostorakh Rossii [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0499/smap.php> № 645–646. 1–14 iyunya 2015 (data obrashcheniya: 01.02.2016).
17. Beregite zhenshin! Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaya shkola ekonomiki» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0499/smap.php> № 499–500. 20 fevralya – 4 marta 2012 (data obrashcheniya: 01.02.2016).

18. Spravochnik prakticheskogo vracha / pod red. A. I. Vorob'eva. M.: Meditsina, 1981. 656 s.
19. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 20.04.1993 g. «O neotlozhnykh merakh po obespecheniyu zdorov'ya naseleniya Rossiiskoi Federatsii» (s izm. i dop.) [Elektronnyi resurs] // SPS Konsul'tant Plyus. Rezhim dostupa: <http://www.base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req> (data obrashcheniya: 01.02.2016).
20. Ukaz Prezidenta RF ot 14.09.1995 g. № 942 «Ob utverzhdenii Osnovnykh napravlenii gosudarstvennoi sotsial'noi politiki po uluchsheniyu polozheniya detei v Rossiiskoi Federatsii do 2000 goda (Natsional'nogo plana deistvii v interesakh detei)» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.base.garant.ru/184330/> (data obrashcheniya: 01.02.2016).
21. Federal'nyi zakon Rossiiskoi Federatsii ot 21.11.2011 g. № 323-FZ «Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii».
22. Federal'nyi zakon Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii» // Vestn. obrazovaniya. 2013. № 3. S. 10–159.

Библиографическое описание статьи

Чайка Л. Н. Здоровьесбережение детей как проблема российского общества // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 40–48.

Reference to the article

Chayka L. N. Children's Health and its Saving as a Problem of Russian Society // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 40–48.

Статья поступила в редакцию 17.03.2016

УДК 17.03

DOI: 10.21209/2308-877X-2016-11-3-49-55

Александр Анатольевич Шевченко,
доктор философских наук,
Институт философии и права СО РАН
(630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8),
e-mail: shev@philosophy.nsc.ru

Общественная мораль и коллективное действие

В статье рассмотрены существенные характеристики общественной морали в сравнении с моралью индивидуальной. Особо выделяются такие аспекты общественной морали, как нацеленность на общее благо и необходимость коллективных действий для его достижения. Показана эвристичность параллелей с проблематикой общественных благ и коллективного действия в экономических и социологических теориях. Преодоление разрыва между личным и общим интересом, между требованиями индивидуальной и коллективной рациональности невозможно без риска, доверия, готовности к сотрудничеству. Отмечено, что наиболее сложные и интересные случаи представляют примеры сознательного неучастия в кооперативных действиях, даже несмотря на ясное осознание преимуществ такого сотрудничества. Обсуждение так называемой «моральной» точки зрения во второй части статьи позволяет сделать вывод о невозможности зоны «морального безразличия» как по причине содержательной важности соответствующей проблематики, так и по причине принципиальной расширяемости социального контекста, что позволяет также расширять круг проблем, маркируемых как «моральные». Делается вывод, что при обсуждении проблем общественной морали необходимо широко применять результаты, полученные в других областях научного знания, в которых исследуются проблемы коллективного действия в условиях неполного совпадения интересов сторон.

Ключевые слова: индивидуальная и общественная мораль, общее благо, коллективное действие, индивидуальная и коллективная рациональность

Aleksandr A. Shevchenko,
Doctor of Philosophy,
Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(8 Nikolaeva st., Novosibirsk, 630090, Russia),
e-mail: shev@philosophy.nsc.ru

Public Morality and Collective Action

The article considers the essential features of public morality in comparison to individual morality. The focus is made on two main characteristics of public morality: the common good as its goal and collective action as a means of achieving this goal. The author shows the parallels between the discussions of public morality and the discussions of public goods and collective action in economic and sociological theories. Closing the gap between private and public interest, between the requirements of individual and collective rationality requires risk, trust, willingness to cooperate. It is noted that the most difficult cases include the refusal to cooperate while understanding and ignoring the advantages of cooperation. The discussion of the "moral point of view" in relation to public morality in the second part of the article shows that we cannot speak of any zone of "moral indifference" here. This is due to the substantive importance of the corresponding problems and to the principal expendability of the social context, which also allows expanding a circle of problems, which would be marked as moral. The author proposes that in discussions of public morality we need to make a wide use of the results obtained in other research disciplines dealing with the problems of collective action in the conditions of a conflict of interests.

Keywords: individual and public morality, common good, collective action, individual and collective rationality

Обычно мораль понимается как сфера персонального действия и автономной ответственности. Основным субъектом морали считается индивидуальный субъект человеческого рода. Конечно, нельзя не заметить тенденцию к расширению круга

моральных субъектов: 1) за счёт включения субъектов коллективных и групповых (например, отдельных групп, подвергающихся дискриминации с точки зрения преобладающей в обществе морали); 2) за счёт включения в число моральных субъектов живот-

ных и даже природы в целом. Тем не менее, человеческий индивид по-прежнему полагается главным субъектом морали с неизбежными следствиями в виде бремени личного морального выбора и персональной ответственности. Это можно проследить не только в представлениях о морали на уровне обыденного сознания, но и на уровне этических теорий. Этический рационализм Сократа, этика добродетелей Аристотеля, утилитаристское исчисление, моральная императивность И. Канта, «отчаяние возможного» С. Кьеркегора, «выбор себя» Ж.-П. Сартра всегда обращены к индивиду, его разуму, воле или чувствам.

При этом акцент на индивидуальном моральном субъекте вполне сочетается с признанием общественного характера морали как социального феномена, одного из способов регуляции общественных отношений. На этом фоне особый интерес вызывает актуализация в отечественной мысли дискуссий об общественной морали, которая связана с выходом в свет коллективной монографии «Общественная мораль» [5] где речь, однако, идёт не об общественном происхождении морали, как можно было бы ожидать, а о новом расширении субъектности, когда субъектом морали полагается не индивид, а общество в целом. Здесь сразу возникает множество проблем, например, проблема идентификации «моральной ипостаси» такого сложного субъекта, как общество, проблема определения воли этого субъекта, которую, как мы помним из классики, вряд ли можно понимать как простое сложение индивидуальных волей. Выражаясь более современным и техническим языком, проблема определения общей воли и общего блага во многом схожа с проблемой агрегации индивидуальных предпочтений в современных теориях социального выбора, где используются математический аппарат и формальные модели для определения не всегда упорядоченных предпочтений больших групп людей, в частности, избирателей.

Рабочий перечень представлений, которые входят в понятие общественной морали, предлагает О. В. Артемьева. Общественная мораль: а) ориентирует на достижение общего блага; б) она мыслит «количествами», для неё важен критерий «большинства»; в) общественная мораль институциональна, она опирается на организа-

ционно и процедурно поддерживаемые установления; г) субъект и объект моральных требований в общественной морали могут быть разъединёнными; д) общественная мораль допускает коллективное вменение; е) она непременно формализована и кодифицирована, хотя бы отчасти [5, с. 81].

Такой образ общественной морали можно, по-видимому, понимать следующим образом. Требование общего блага вместе с такими чертами общественной морали, как формализованность, кодификация и коллективное вменение, скорее всего, предполагают, что речь идёт не столько об абстрактном, общечеловеческом благе, а о благе, которое может быть достаточно ясно закодировано в этих самих процедурных и организационных установлениях. Возможность коллективного вменения предполагает также какие-то процедуры верификации. Отдельного и подробного разговора требует положение о разъединённости субъекта и объекта моральных требований, что, собственно, даёт основания сомневаться в моральной легитимности самой общественной морали. По всей видимости, этот тезис означает то, что большинство может использовать формализованные институты и процедуры не для того, чтобы обратить моральный закон на самого себя, а с целью вменения меньшинству обязанностей, которые, по его, большинства, мнению, будут способствовать достижению общего блага. Если это так, то такая форма моральной регуляции сильно отличается от более привычного понимания морали как способа самообязывания.

Оставляя этот дискуссионный аспект в стороне, обратимся к менее спорным характеристикам общественной морали – нацеленности на общее благо и коллективности действия и ответственности. Авторы, исследующие общественную мораль, справедливо отмечают трудность установления общего блага, проблемы, связанные со справедливостью коллективного вменения или коллективного осуждения, а также трудности, связанные с формализацией и институционализацией моральных требований. Последняя трудность обычно считается одной из существенных характеристик, отличающей мораль от такой формы социальной регуляции, как право.

Помочь пониманию некоторых специфических для общественной морали труд-

ностей может обращение к концепциям общественных благ и коллективного действия, которые чаще исследуются экономистами и социологами. Трудности, связанные с осуществлением коллективного действия, нацеленного на общее благо, хорошо демонстрирует и математическая теория игр, уже на относительно простых примерах типа «дилеммы заключённого», когда интересы отдельно взятого индивида не совпадают с интересами того же индивида, но рассматриваемого в качестве члена группы. Такая смена ракурса позволяет выявить многие проблемы, связанные с расхождением между индивидуальными и коллективными целями, индивидуальным и коллективным действием.

Но прежде имеет смысл обсудить такой вопрос: где пролегают границы общественной морали? В дискуссиях о морали индивидуальной принято считать, что когда речь идёт о решениях, не затрагивающих интересы других людей, не ограничивающих и не расширяющих их прав, свобод или возможностей, тогда основания таких решений не представляют особого интереса для философского обсуждения. Неприемима к ним и «моральная точка зрения». Необходимо поэтому выяснить, все ли человеческие действия или отношения имеют моральный аспект, или, другими словами, существует ли некоторая моральная «зона безразличия» [8, с. 20–24]. Обычно считается, что с моральными решениями и поступками мы имеем дело лишь в какие-то особые моменты нашей жизни, в то время как большинство совершаемых нами действий с моральной точки зрения воспринимаются как нейтральные, то есть не оцениваются ни как хорошие, ни как плохие. С ситуациями же, требующими морального выбора, большинство людей сталкивается сравнительно нечасто, только когда приходится решать – обманывать ли большого ребёнка, покидать ли бегством поле сражения, возвращать ли найденный бумажник его владельцу и т. д.

При этом следует отметить, что морально ненагруженными иногда полагаются не только тривиальные выборы и решения – такие, например, как выбор телевизионной программы или зубной пасты, но и такие, которые принимаются человеком в ситуациях исключительной важности, когда поступок вообще не требует мораль-

ного рассуждения или не основывается на таком рассуждении. К такого рода поступкам можно отнести действия, которые, как считается, мы совершаем интуитивно, на до-рациональном уровне, не прибегая к моральному рассуждению для определения того, что мы должны делать. Так, мы обычно не рассуждаем, следует ли спасти близких нам людей. Более того, сама возможность рассуждения в таких ситуациях выглядит аморальной.

Но так как в повседневной жизни ситуации такого рода встречаются у большинства из нас сравнительно нечасто, то и моральный выбор, или моральная точка зрения, остаются не востребуемыми. Другими словами, большинство философов-этиков разделяют мнение о том, что существует область поступков, безразличных с точки зрения морали. Причём такое представление часто является неявным, а подразумеваемым. Так, представление о существовании такой морально нейтральной области неявно содержится, например, в концепции негативной свободы И. Бёрлина, так как область негативной свободы – это та область, в границах которой мы свободны от каких-либо моральных, правовых или социальных требований. Идея здесь заключается в том, что без такой области, свободной от морали, наша свобода окажется сильно ограниченной, так как любые внешние обстоятельства будут непрерывно ставить перед нами проблемы морального выбора, требующего нашего участия и соответствующего решения.

Что это означает применительно к общественной морали? Представляется, что здесь постулирование зоны, свободной от морали, практически невозможно. Всегда имеется возможность расширить социальный контекст и включить в моральное рассуждение дополнительные посылки, которые могут превратить нейтральный, на первый взгляд, поступок в морально значимый. Моральная точка зрения, таким образом, – это всегда возможный взгляд на любую ситуацию особым образом. Кроме того, представляется, что можно использовать и формальный подход, в рамках которого под моральной точкой зрения понимается отношение к человеку на основе некоторого формального принципа. Очевидно и то, что от предписаний общественной морали труднее уклониться хотя бы в силу их боль-

шей кодифицированности и наличия механизмов общественного контроля. И, наконец, сама природа общественной морали, как нацеленной на общее благо, вряд ли позволяет говорить даже о возможности таких тривиальных и «безразличных» выборов, которые мы обсуждали выше применительно к морали индивидуальной.

В целом проблематичность общественной морали можно выразить в виде вопроса: как возможна общественная мораль в обществе радикально атомизированных индивидов или в обществе, разделённом коллективными, групповыми или классовыми интересами? Е. В. Беляева справедливо отмечает, что в традиционном обществе общественная мораль не была проблемой, поскольку нравственность социальной среды не складывалась из усилий автономных индивидов, а была предпосылкой личного нравственного действия [5, с. 112]. В современном демократическом обществе ситуация иная. Различия в понимании общего блага носят не случайный, а систематический характер, что заставляет вырабатывать процедуры достижения консенсуса как по поводу содержания общего блага, так и по поводу способов его достижения.

Таким образом, два аспекта, которые делают общественную мораль проблематичной, – это возможное отсутствие консенсуса в понимании общего блага и необходимость согласованных коллективных действий для его достижения. Полезно будет вкратце рассмотреть смежную тему – проблематику так называемых общественных благ (*public goods*), которую обычно изучают экономисты. Общественные блага имеют ряд характеристик, основными из которых принято считать неделимость и неисключаемость. Первая характеристика означает то, что потребление блага такого рода нельзя как-то распределить по конкретным потребителям, его нельзя «раздробить» на более мелкие единицы, что делает затруднительным и взимание платы за него. Другой важнейшей характеристикой общественных благ является неисключаемость (потребителей) – либо ввиду принципиальной невозможности это сделать, либо в силу слишком высоких затрат. Его природа такова, что этим благом пользуются либо все, либо никто.

В качестве стандартного примера такого рода блага часто приводят маяк. Невоз-

можно ограничить доступ к этому благу тем капитанам кораблей, которые не платили и не собираются платить за его использование. К общественным благам относится, например, и чистый воздух. Если это благо существует, то нельзя определить, какую его часть использую я, а какую – мой сосед и, соответственно, взимать с нас разную плату за него. Поскольку финансирование подобного рода благ очень трудно возложить на конкретных потребителей (в силу невозможности исключить конкретного неплательщика из числа потребителей этого блага), то производством таких благ часто вынуждено заниматься государство. Обычно оно это делает не с помощью рыночных механизмов (рынок, очевидно, плохо справляется с производством общественных благ), а путём принудительного их финансирования, например, с помощью налогов. Именно государство вынуждено предоставлять такие общественные блага, как армия, полиция, тюрьмы. Неделимость (в потреблении) общественных благ означает и то, что эти блага (в отличие от частных) потребляются равным образом, более того – потребление их одними людьми не уменьшает их количества для других.

Общественным благом можно считать и интеллектуальную собственность в том смысле, что она также обладает всеми необходимыми характеристиками – неделимостью, неисключаемостью потребителей, а пользование интеллектуальной собственностью не только не уменьшает её количество для других пользователей, но с большей вероятностью может вести к увеличению потребления. Именно на этом строятся аргументы сторонников так называемых «свободных лицензий» на программное обеспечение, идеи, фильмы, музыку, литературные произведения. Дополнительные доводы заключаются в том, что интеллектуальная продукция такого рода по сути своей и может существовать, и задумывалась как общественное благо, превращение же в объект частного интереса противоречит самой её сути. Кроме того, сторонники считать интеллектуальный продукт общественным благом указывают на низкую стоимость его тиражирования и распространения, особенно в век цифровых технологий. Конечно, остаётся проблема справедливой компенсации создателям, которая, к тому же, должна стимулировать

последующих авторов идей, программных продуктов и произведений искусства. Но то, что интеллектуальная продукция по своему характеру обладает всеми признаками общественного блага, нельзя игнорировать.

Многие общественные блага, однако, являются не продуктом отдельного творческого индивида или действий государства, а могут быть произведены только в результате совместной деятельности больших групп людей, причём в ходе добровольного сотрудничества. В число таких благ входят уже не только маяки, чистый воздух, тюрьмы и другие классические общественные блага, но и такие блага, как, например, социальные статусы, «идентичности», права [9, с. 8].

Напомним, что в ставшей уже классической книге «Логика коллективных действий» М. Олсон утверждает, что с точки зрения инструментальной рациональности (целерациональности) индивидуальное действие, направленное на достижение коллективного блага, нерационально. Основная идея заключается в том, что если коллективный субъект добивается цели, то отдельно взятый индивид становится выгодоприобретателем независимо от того, принимал он участие в этом действии, или нет. Если же действие не достигает успеха, то издержки несут те, кто принимал в нём участие, а уклонисты вновь оказываются в наиболее выгодном положении. Получается, что при любом исходе участие в коллективном действии иррационально [6].

Проблемы, связанные с коллективным действием, являются обратной стороной модели «невидимой руки», согласно которой, каждый человек рационально преследует свои собственные интересы, не заботясь о благе других, при этом невидимая рука рынка устраивает всё наилучшим образом к всеобщему благу, при этом даже «пороки частных лиц – блага для общества» [4]. Обратная сторона такого узкого понимания рационального поведения как направленного исключительно на достижение личной выгоды состоит в том, что в соответствии с ним для рационального эгоиста становится рациональным уклоняться от любого сотрудничества с другими членами общества, от усилий по достижению общих целей. При этом наиболее сложные и интересные случаи представляют примеры сознательного неучастия в кооператив-

ных действиях, даже несмотря на ясное осознание преимуществ такого сотрудничества.

В основе проблемы – узкое экономическое понимание человеческой рациональности, когда поведение считается рациональным, если ожидаемые выгоды превышают издержки и наоборот. Стандартной иллюстрацией такой эгоистической рациональности служит участие в голосовании. Оно, согласно этой модели, нерационально, ведь для того, чтобы воспользоваться его результатами, участвовать вовсе не обязательно. Вероятность же того, что именно твой голос окажется решающим, исключительно мала. Таким образом, даже минимальные усилия, затраченные на этот процесс, нерациональны. По этой логике нерационально и участие в производстве других общественных благ.

В общем виде аргументацию против сотрудничества можно представить следующим образом: если все внесут свой вклад, то индивидуальные усилия будут излишними, а если всеобщего сотрудничества не получится, то напрасными. Следовательно, действия, требующие даже минимальных затрат времени, сил или средств, нерациональны, и лишь небольшая численность группы, принуждение или какие-то другие особые способы могут заставить рациональных, преследующих собственные интересы индивидов действовать в соответствии с общими или общественными интересами [6].

Этот парадокс часто используется в качестве аргумента в политических и этических дискуссиях. В политике рациональной объявляется не только политическая апатия и, в частности, абстенционизм, но и следование политическим стереотипам, некритическое принятие идеологии. В области морали допустимой может казаться стратегия фри-райдерства (безбилетника) – получения выгод от коллективного действия, не принимая в нём участия.

В основе проблемы лежит то, что иногда называют «трагедией общественного имущества»: «Тяжек жребий того, что принадлежит сразу всем: каждый старается попользоваться этим больше или раньше, чем остальные, нисколько не заботясь при этом о соблюдении общих интересов» [7, с. 111]. Преодоление разрыва между индивидуальной и коллективной рациональ-

ностью приводит к необходимости учёта новых переменных, таких как «доверие», «риск», «коммуникация», «обязывающие соглашения», которым не находилось до сих пор места в экономических концепциях рациональности. В более общем виде это возвращает нас к традиционной задаче – поиску оснований и способов социальной кооперации. Стандартный философский ответ состоит в том, что целерациональность – не единственная детерминанта поведения людей. Однако есть ряд свидетельств о том, что опасность фри-райдерства на самом деле преувеличена. Так, в ряде работ проанализированы мотивы людей, заинтересованных в деятельности экологических групп, но не принимающих участие с целью установить, было ли фри-райдерство причиной такого неучастия [10]. Показано, что мотив рационального уклонения в действительности не играл важной роли в принятии решения отказаться от участия в коллективном действии. Гораздо более важную роль играло наличие/отсутствие ресурсов – оказалось, что в совместных действиях, например, чаще принимали участие более образованные и обеспеченные профессионалы, принадлежащие к среднему классу, не имеющие при этом обременительных семейных обязательств.

Р. Г. Апресян предлагает различать два подхода к пониманию морали. Первый – социально-имманентный, при котором мораль понимается как производная от социальной. Это, согласно его характеристике, широко распространённый «социологизаторский или социологистский подход, при котором нравственность выводится из потребностей общества, рассматривается как функция общества, элемент общественной организации и разновидность социальной дисциплины... К такому понимаю морали

следует отнести и теорию, согласно которой мораль есть способ социальной регуляции» [1, с. 19–20].

Но для наших целей важна его характеристика другого подхода – социально-трансцендентного, при котором мораль трактуется как феномен, востребуемый обществом, с целью упорядочения и оптимизации межчеловеческих и общественных отношений. При этом содержание и природа этого феномена, его внесоциальная обусловленность пониматься очень по-разному. Главное здесь то, что мораль трактуется «...как то, посредством чего транслируется и репрезентируется трансцендентное по отношению к социуму содержание» [1, с. 20]. Именно такая трактовка общественной морали позволяет обсуждать мораль не как историческое наследие, музейно-заповедную зону, а как мощный ресурс для решения сегодняшних проблем.

Востребованность как индивидуальной, так и общественной морали очевидна, т. к. без них, без общих, разделяемых всеми моральных постулатов, без доверия и преодоления эгоизма невозможно, в частности, решить проблему определения общего блага, а также найти способы его совместного достижения, преодолевая фундаментальный разрыв между требованиями индивидуальной и коллективной рациональности. Однако, работая с общественной моралью как теоретической конструкцией, недостаточно общефилософских обсуждений её особенностей. Необходимо внимательно изучать полученные результаты в специальных областях, занимающихся проблемами коллективного действия и кооперации в условиях неполного совпадения интересов сторон – в частности, в экономике, теории социального выбора, математической теории игр.

Список литературы

1. Апресян Р. Г. Понятие общественной морали // *Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы* / под общ. ред. Р. Г. Апресяна. М.: Альфа-М, 2009. С. 15–35.
2. Артемьева О. В. Социальная перспектива этики добродетели // *Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы* / под общ. ред. Р. Г. Апресяна. М.: Альфа-М, 2009. С. 81–92.
3. Беляева Е. В. Исторические формы общественной морали // *Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы* / под общ. ред. Р. Г. Апресяна. М.: Альфа-М, 2009. С. 106–118.
4. МанDEVиль Б. Басня о пчёлах. М., 1974. 375 с.
5. *Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы* / под общ. ред. Р. Г. Апресяна. М.: Альфа-М, 2009. 494 с.
6. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ, 1995. 174 с.

7. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. 302 с.
8. Fishkin J.S. The Limits of Obligation. London: Yale University Press, 1982. 184 p.
9. Somers M. Genealogies of Citizenship. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 182 p.
10. Zittel T., Fuchs D. Explaining Low Participation Rates. Participatory Democracy and Political Participation. Can Participatory Engineering Bring Citizens Back In? Routledge, 2007. 256 p.

References

1. Apresyan R. G. Ponyatie obshchestvennoi morali // Obshchestvennaya moral': filosofskie, normativno-eticheskie i prikladnye problemy / pod obshch. red. R. G. Apresyana. M.: Al'fa-M, 2009. S. 15–35.
2. Artem'eva O. V. Sotsial'naya perspektiva etiki dobrodeteli // Obshchestvennaya moral': filosofskie, normativno-eticheskie i prikladnye problemy / pod obshch. red. R. G. Apresyana. M.: Al'fa-M, 2009. S. 81–92.
3. Belyaeva E. V. Istoricheskie formy obshchestvennoi morali // Obshchestvennaya moral': filosofskie, normativno-eticheskie i prikladnye problemy / pod obshch. red. R. G. Apresyana. M.: Al'fa-M, 2009. S. 106–118.
4. Mandevil' B. Basnya o pchelakh. M., 1974. 375 s.
5. Obshchestvennaya moral': filosofskie, normativno-eticheskie i prikladnye problemy / pod obshch. red. R. G. Apresyana. M.: Al'fa-M, 2009. 494 s.
6. Olson M. Logika kollektivnykh deistvii. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp. M.: FEI, 1995. 174 s.
7. Pechchei A. Chelovecheskie kachestva. M.: Progress, 1980. 302 s.8. Fishkin J.S. The Limits of Obligation. London: Yale University Press, 1982. 184 p.
9. Somers M. Genealogies of Citizenship. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 182 p.
10. Zittel T., Fuchs D. Explaining Low Participation Rates. Participatory Democracy and Political Participation. Can Participatory Engineering Bring Citizens Back In? Routledge, 2007. 256 p.

Библиографическое описание статьи

Шевченко А. А. Общественная мораль и коллективное действие // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 49–55.
DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-49-55.

Reference to the article

Shevchenko A. A. Public Morality and Collective Action // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 49–55.
DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-49-55.

Статья поступила в редакцию 10.04.2016

**ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ
И ХУДОЖЕСТВЕННО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ
PHILOSOPHY OF CULTURE
AND ART-CULTUROLOGICAL KNOWLEDGE**

УДК 008

DOI: 10.21209/2308-877X-2016-11-3-56-61

*Татьяна Владимировна Бернюкевич,
доктор философских наук,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: bernyukevich@inbox.ru*

Рецепция буддизма в России и вопросы становления российской культуры

В статье рассматриваются условия и факторы рецепции буддийских идей в культуре России в контексте вопросов о становлении российской культуры. В качестве факторов рецепции буддизма в России выделяются: миссионерская деятельность Русской Православной Церкви, освоение буддийских идей в философском дискурсе, отражение буддийских мотивов и буддийские реминисценции в литературном творчестве, деятельность представителей бурятской интеллигенции и буддийского духовенства, возникновение необуддийских концепций, общественно-образовательная деятельность буддийских организаций. В работе определяется необходимость анализа этих вопросов в рамках становления российской культуры. Анализируются различные подходы и мнения относительно как понятия «российская культура», так и в связи с самим этим феноменом, определением факторов формирования российской культуры, её жизнеспособностью и перспективами развития, в том числе и с точки зрения национально-культурных оснований России и её будущего. При этом акцентируется внимание на дискуссионности в современной отечественной науке проблемы определения российской культуры и её характеристик, а также необходимости выявления в ней роли взаимодействия различных культур и рецепции разных религий как в историческом, так и в актуальном аспектах.

Ключевые слова: буддизм, рецепция буддийских идей, буддийские мотивы, буддийские реминисценции, буддийское образование, русская философия, русская литература, российская культура

*Tatiana V. Bernyukevich,
Doctor of Philosophy,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: bernyukevich@inbox.ru*

Reception of Buddhism in Russia and Questions of Formation of Russian Culture

The paper considers the terms and factors influencing the reception of Buddhist ideas in Russia's culture in the context of its development. It singles out the following factors of the reception of Buddhism in Russia: the missionary work of the Russian Orthodox Church, the assimilation of

Buddhist ideas in philosophical discourse, the reflection of Buddhist motives and reminiscences in literature, the work of Buryat intelligentsia and spiritual leaders, the emergence of neo-Buddhist conceptions, public and educational activities of Buddhist organizations. The paper explains the importance of analyzing these questions as part of the development of Russian culture. The paper analyzes various approaches and positions on the notion of the "Russian culture", its links with this phenomenon, the factors which determine the formation of the Russian culture, its vitality and prospects for development, including the perspective of the national and cultural foundations of Russia and its future. The focus is on the controversies around the definition of the Russian culture and its characteristics in contemporary Russian research and the need to determine the historical and current role of the interaction of diverse cultures and reception of various religions.

Keywords: Buddhism, reception of Buddhist ideas, Buddhist motives, Buddhist reminiscences, Buddhist education, Russian philosophy, Russian literature, Russian culture

Процесс вхождения буддизма в культуру России определён рядом факторов, среди них: влияние активного интереса Европы к Востоку; мировоззренческие интенции, которые были связаны с ощущением кризиса цивилизации Запада; освоение восточного материала в западноевропейской науке и философии. Не менее важной причиной наличия буддийских идей в российской культуре стало вхождение в XVII–XVIII вв. так называемых «буддийских регионов» в состав Российского государства. Это явилось собственным непосредственным опытом взаимодействия с восточными культурами. В актуализации интереса к буддийской культуре также имел значение и восточный вектор геополитики. Попытаемся определить условия и факторы рецепции буддийских идей в культуре России.

Это, как ни странно, роль миссионерской деятельности Русской Православной Церкви (РПЦ) в распространении буддийских идей. Освоение восточных территорий России сопровождалось широкой миссионерской деятельностью со стороны Русской православной церкви. Для выполнения задач миссионерства необходимо было понимание особенностей местных религий и верований. Естественно, эта группа произведений связана с апологетикой христианства. В то же время православные исследователи, критикуя буддизм, так или иначе рассказывали об его основах, пытались интерпретировать его терминологию понятными для русских терминами. Эта активность православного миссионерства способствовала интересу научных кругов к информации о буддизме [4, с. 14].

Особое значение приобрёл философский и литературный дискурс в рецепции буддийских идей. Особенностью обращений к буддизму со стороны философов,

учёных, политических деятелей и авторов религиозно-философских концепций было такое освоение буддийских идей, в процессе которого проходило присвоение им новых смыслов, с помощью чего подтверждались собственные идейные конструкции. Вместе с этим выполнялась интерпретационная и популяризаторская функция, что опосредованно сказалось на процессах рецепции буддийских идей в России. В работах русских религиозных философов буддийские идеи звучат в контексте универсалистских концепций; идей тео- и антроподицеи; вопросов развития нравственного сознания (В. Соловьев, С. Булгаков); темы страдания как важнейшей составляющей антропологического учения (Н. Бердяев); сотериологических концепций, связанных с идеей перевоплощения души (Н. Лосский, С. Франк) и т. д. При этом выражен сравнительный вектор таких работ.

Другим аспектом включения буддийского материала в канву философских работ российских мыслителей является подтверждение собственных гипотез (уже вне апелляции к широкой религиозно-богословской проблематике) через нахождение соответствующих идей в восточной философии (И. Лапшин, В. Вернадский, К. Циолковский). И, наконец, привлечение буддийского материала в качестве оснований для собственной оригинальной концепции – одна из особенностей в теософии, Агни-Йоге и необуддизме [2, с. 153–163].

Не менее интересна проблема влияния буддизма на литературу. В творчестве известных писателей и поэтов (Л. Толстого, И. Бунина, В. Хлебникова, К. Бальмонта, И. Анненского, М. Волошина и др.) мы видим отражение буддийских мотивов, образов, умонастроений, присутствие буддийских реминисценций. Анализ влияния

буддизма на литературу России позволяет представить напряжённое внимание к восточной культуре, способы и формы художественного освоения буддизма [1].

Большую роль в распространении идей «восточничества» сыграли в конце XIX – начале XX в. представители бурятской интеллигенции и буддийского духовенства (П. Бадмаев, Г. Цыбиков, Б. Барадин, А. Доржиев и др.). Важным является и то, что учёные-путешественники выработали особый «нормативный» тип российского путешественника в Тибет: это человек из буддийского региона, либо происходящий из буддийской среды, сочетающий в себе черты европейски подготовленного востоковеда и буддийскую религиозность [3].

Одним из факторов распространения буддийских идей является необуддизм второй половины XX в. Особым феноменом в рецепции буддийских идей в России, связанным с взаимодействием с бурятской культурой, была община Бидии Дандарона, в которой проживали представители из разных социальных слоёв (хотя большинство – это представители интеллигенции) и разных регионов. Деятельность и учение Дандарона прямо или опосредованно оказали сильное влияние на появление плеяды ярких буддологов (А. Пятигорский, Л. Мялль, М. Альбедиль и др.). После ареста и гибели Дандарона (1974 г.) поток приезжающих из других регионов СССР в Забайкалье изучать буддизм не иссяк. Ехали в надежде, что им удастся найти тех, кто избежал печальной участи ареста и изгнаний, тех, кто сможет стать для них учителями. Одним из таких учителей явился известный лама Жимба-Жамсо Цыбенев.

Особое значение для восприятия буддизма в России имеет современная общественно-образовательная деятельность дацанов Забайкалья. Так, с 2001 г. в Агинском округе и Бурятии на базе Агинского и Иволгинского дацанов проходят симпозиумы и конференции, посвящённые буддийской культуре, публикуются сборники материалов. В 2008 г. издана монография-альбом «Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье», в редакционную коллегию этого фундаментального труда входили и представители буддийского духовенства, и учёные. В названном труде рассматривается социальная и антропологическая роль буддизма, особенности буддийской культурной систе-

мы, показаны закономерности формирования региональной специфики бурятского буддизма. В Бурятии и Забайкальском крае функционируют две буддийские академии. В Агинской Буддийской академии изначально была практика интеграции духовного и светского образования [7, с. 108–120]. Для преподавания основ духовно-нравственной культуры народов России (ОРКСЭ) в школах России ректором этой академии В. Л. Чимитдоржиевым разработан федеральный учебник по основам буддийской культуры.

Безусловно, мы говорим о факторах рецепции буддизма, относящихся к разным историко-культурным этапам в России. Это периоды культуры Российской империи, советской культуры, культуры России конца XX – начала XXI в. – и если рассматривать этот процесс с точки зрения культурной динамики и культурной преемственности, то можно обозначить его в целом как становление российской культуры. В этом случае рецепция буддизма в России должна исследоваться, с одной стороны, в контексте того историко-культурного периода, когда эта рецепция происходила (например, отражение буддийских идей в литературе модернизма начала XX в. должно анализироваться в контексте идей той эпохи), а с другой – важно определение этого процесса с точки зрения проблематики современной культуры, взаимодействия культур в процессе становления российской культуры.

Если мы обратимся к исследовательской литературе, то обнаружим, что само понятие «российская культура» используется в двух значениях: 1) российская культура – это совокупность культур народов (этничностей) России; 2) российская культура – целостность культуры «многонационального народа России» (гражданской российской нации – в концепции В. А. Тишкова [11]). Первой точки зрения придерживаются сегодня многие специалисты в области истории и теории культуры, философии культуры, ряд этнографов. При этом вопрос о целостности российской культуры сегодня не является предметом активных обсуждений в отечественной научной среде. При наличии работ о российской гражданской (политической) нации вопрос о существовании общей культурной основы для становления российской гражданской нации не слишком представлен в гуманитарной науке России начала XXI в.

Безусловно, что для определения российской культуры как культурной целостности необходимо выявление её типологических свойств и основных культурных универсалий, сложившихся, в том числе, и путём культурного взаимодействия. Для выявления этих общих культурных универсалий необходим и историко-культурный анализ взаимодействия культур в Российской империи, СССР, постперестроечной России, и понимание того, что является основой общности культуры как таковой. Представленной основой могут быть мировоззренческие универсалии, «аккумулирующие» ценности культуры. (Вопросы содержания и роли культурных универсалий достаточно подробно рассмотрены сегодня в работах В. Степина [10], В. Поруса [9] и др.).

Часто рассуждения о российской культуре связываются и с её противоречиями, и с её будущим. Так, известный философ культуры В. Межуев считает, что Россия никогда не была государством какой-то одной нации. По его мнению, единой для всех образующих её народов и слоёв населения культуры не существовало. Даже православие, претендовавшее на статус национальной религии, ею не стало в государстве, считавшем себя православным. Более того, и русская национальная культура была до определенного времени культурой не всего русского народа, а только привилегированной части российского общества – дворянства и разночинства. Остальной народ, преимущественно крестьянство, жили в стихии устной, этнической. Отсюда, по мнению В. Межуева, проблема народа и интеллигенции, также свидетельствующая об отсутствии единой культуры [5; 6].

Определяя недостатки и перспективы культуры России, автор смыслогенетической теории культуры А. Пелипенко использует понятие русской системы. Исследователь даёт этой системе довольно жёсткую характеристику, определяя её как особый мифологический комплекс, в котором нельзя искать логики в её обычном рационалистическом (европейском) понимании. Подавление личностного начала в русской системе «превращается в один из главных аспектов общественного раскола» [8, с. 7–22].

Пожалуй, единственная системная попытка определения общих культурных оснований России, а точнее – оснований рос-

сийской гражданской нации – представлена в работах известного российского этнолога В. А. Тишкова. Наиболее полно данная точка зрения изложена в одной из его последних работ «Российский народ: история и смысл национального самосознания». Основополагающее утверждение В. А. Тишкова следующее: «Россияне – представители разных национальностей (этнической принадлежности), будь они у власти или рядовые граждане, обладают схожими базовыми историко-культурными и духовными ценностями. Иначе они не праздновали бы одни и те же праздники, не пели бы одни и те же песни, не могли бы разговаривать на одном языке – русском и не считали бы своей родиной одну и ту же страну» [11, с. 25]. Однако, несмотря на призывы известного учёного о том, что необходимо изучать этот «феномен российской историко-культурной и гражданско-политической общности и её многообразное единство», приходится констатировать, что в философской и культурологической литературе нет обстоятельных содержательных работ, посвящённых не только самим общим (схожим) культурным ценностям, но и механизмам их становления.

В целом, обобщая мнения о культуре России – российской культуре и её будущем, мы можем обнаружить ряд идей, которые, следует заметить, порой имеют политическую или идеологическую окраску:

- 1) российская культура должна складываться на основе русской идеи и православия как её ценностной квинтэссенции;
- 2) российская культура может формироваться на основе исторических евразийских интенций, но «под эгидой» православия;
- 3) российская культура, являясь имперской в своих основаниях, в современных условиях имеет основную тенденцию – тенденцию распада;
- 4) российской культуре никогда не было как целостности, при этом авторы могут расходиться в определении перспектив: одни могут считать российскую культуру возможной и желательной целью «культуростроительства», другие – неосуществимой утопией и фантомом;
- 5) российская культура имеет общие историко-культурные основания и ценностные универсалии, необходимо не только их

выявление и исследование, но и определённые усилия по дальнейшему проектированию и конструированию этой общности, на которой базируется российская гражданская нация.

Несмотря на дискуссии относительно возможности, содержания и будущего российской культуры, роль взаимодействия в ней разных видов культур, рецепции разных религий в исследовательском поле философии культуры почти не рассматривается. К примеру, хотя Россия более трёх веков назад включила в свой состав так называемые буддийские регионы, этот факт почти не анализируется как стимул для развития и русской культуры, и этнических культур народов, проживающих в этих регионах, не рассматривается в качестве фактора становления российской культуры, её общих культурных смыслов.

При этом в настоящее время российская культура как пространство взаимо-

действия культур вызывает интерес с точки зрения проблематизации будущего техногенной цивилизации, поиска новых ценностей глобализирующегося мира, в котором особое значение приобретает диалог культур. Значение исследований российской культуры связано также с формированием в культуре новых программ деятельности человека (это, пожалуй, одна из важнейших функций культуры). Как известно, часть этих программ возникает в самом процессе социальной жизни, а часть производится целенаправленно в качестве новых идей, знаний, технологий. Поэтому теоретический аспект определения содержания российской культуры, её общих смыслов, базовых универсалий, выявление в них роли различных форм культурного взаимодействия (среди которых и культурная рецепция) может быть связан с социокультурным прогнозированием и культурной политикой.

Список литературы

1. Бернюкевич Т. В. Азия и буддизм в контексте творческих идей В. Хлебникова // *Философские науки*. 2013. № 2. С. 123–136.
2. Бернюкевич Т. В. О рецепции буддийских идей в философии России конца XIX – первой половины XX в. // *Вопр. философии*. 2011. № 4. С. 153–163.
3. Гармаев Ж. А. Изучение истории и культуры Монголии и Тибета бурятскими учёными-путешественниками: конец XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 [Электронный ресурс]. Улан-Удэ, 2005. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/izuchenie-istorii-i-kultury-mongolii-i-tibeta-buryatskimi-uchenymi> (дата обращения: 17.02.2016).
4. Жукова А. А. Буддийские идеи в религиозности русских Забайкалья: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.14. Чита, 2013.
5. Межуев В. М. Идея культуры: очерки по философии культуры. М.: Университетская кн., 2012. 406 с.
6. Межуев В. М. Идея национального государства в исторической перспективе // *Полис*. 1992. № 5. С. 16.
7. Нестеркин С. П. Буддийское образование в монастырях Забайкалья // *Буряты. Сер. Народы и культуры* / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая: Наука, 2004.
8. Пелипенко А. А. Русская система на весах истории // *Философские науки*. М.: Гуманитарий, 2010. № 3.
9. Порус В. Н. У края культуры (философские очерки). М.: Канон+, 2008. 464 с.
10. Степин В. С. Мировоззренческие универсалии как основания культуры // *Универсалии восточной культуры* / отв. ред. М. С. Степанянц. М.: Вост. лит., 2001. С. 14–40.
11. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая: Наука, 2013. 649 с.

References

1. Bernyukevich T. V. Aziya i buddizm v kontekste tvorcheskikh idei V. Khebnikova // *Filosofskie nauki*. 2013. № 2. S. 123–136.
2. Bernyukevich T. V. O retseptsii buddiiskikh idei v filosofii Rossii kontsa XIX – pervoi poloviny XX v. // *Vopr. filosofii*. 2011. № 4. S. 153–163.
3. Garmaev Zh. A. Izuchenie istorii i kul'tury Mongolii i Tibeta buryatskimi uchenymi-puteshestvennikami: konets XIX – nachalo XX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.09 [Elektronnyi resurs]. Ulan-Ude, 2005. Rezhim dostupa: <http://www.dissercat.com/content/izuchenie-istorii-i-kultury-mongolii-i-tibeta-buryatskimi-uchenymi> (data obrashcheniya: 17.02.2016).

4. Zhukova A. A. Buddiiskie idei v religioznosti russkikh Zabaikal'ya: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.14. Chita, 2013.
5. Mezhuev V. M. Ideya kul'tury: ocherki po filosofii kul'tury. M.: Universitetskaya kn., 2012. 406 s.
6. Mezhuev V. M. Ideya natsional'nogo gosudarstva v istoricheskoi perspektive // Polis. 1992. № 5. S. 16.
7. Nesterkin S. P. Buddiiskoe obrazovanie v monastyryakh Zabaikal'ya // Buryaty. Ser. Narody i kul'tury / otv. red. L. L. Abaeva, N. L. Zhukovskaya. M.: In-t etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya: Nauka, 2004.
8. Pelipenko A. A. Russkaya sistema na vesakh istorii // Filosofskie nauki. M.: Gumanitarii, 2010. № 3.
9. Porus V. N. U kraia kul'tury (filosofskie ocherki). M.: Kanon+, 2008. 464 s.
10. Stepin V. S. Mirovozzrencheskie universalii kak osnovaniya kul'tury // Universalii vostochnoi kul'tury / otv. red. M. S. Stepanyants. M.: Vost. lit., 2001. S. 14–40.
11. Tishkov V. A. Rossiiskii narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya. M.: In-t etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya: Nauka, 2013. 649 s.

Библиографическое описание статьи

Бернюкевич Т. В. Рецепция буддизма в России и вопросы становления российской культуры // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 56–61. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-56-61.

Reference to the article

Bernyukevich T. V. Reception of Buddhism in Russia and Questions of Formation of Russian Culture // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 56–61. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-56-61.

Статья поступила в редакцию 26.02.2016

Ван Кэвэнь,
кандидат культурологии,
Наньчанский университет
(330031, КНР, Наньчан, провинция Цзянси,
Сюе Фу, № 999, район Хун Гутань),
e-mail: wkwcom@163.com

Языковые контакты Китая и России

Торговые связи, культурный обмен, войны и конфликты приводят к возникновению коммуникации между разными народами и обществами, неизбежно вызывая языковые контакты. Расширяющиеся в последние десятилетия контакты и сотрудничество между Россией и Китаем, как стратегических партнёров, актуализируют исследование языковых контактов России и Китая. В статье на основе обобщения взглядов китайских, российских, западных учёных языковые контакты определяются как разнообразные изменения, языковые явления одного из двух или более языков (разновидностей), вызванные продолжительным общением в посредственной, непосредственной, устной или письменной форме между говорящими на этих языках (разновидностях). В результате языковых контактов может возникнуть четыре основных феномена: языковая ассимиляция, языковое заимствование, языковое скрещивание, т. е. возникновение пиджинов и креольских языков; появление билингвизма. Из всех особенностей русско-китайского пиджина, на наш взгляд, наибольший интерес для культурологии представляют его семантические особенности. В системе пиджина русские слова под влиянием семантической системы китайского языка изменяют своё значение. Это находит выражение в сужении значения лексемы, расширении значения слова, переносе значения, изменении в значении слова, приобретении оттеночных значений. Русско-китайский пиджин оказал влияние не только на русский и китайский языки, а также на русскую и китайскую культуры.

Ключевые слова: язык, языковые контакты, русско-китайский пиджин

Wang Kewen,
Candidate of Culturology,
Nanchang University
(XueFu, № 999, HongGuTang newly-developed area,
Nanchang City, Jiangxi Province, 330031, China),
e-mail: wkwcom@163.com

Language Contacts of China and Russia

Commercial relations, cultural exchange, wars and the conflicts stimulate communication between the different people and societies which inevitably causes language contacts. The contacts extending in the last decades and cooperation of Russia and China as strategic partners do actual research of language contacts of Russia and China. In the article, on the basis of generalization of views of the Chinese, Russian, western scientists, language contacts are defined as the various changes, the language phenomena of one of two or more languages (versions) caused by long communication in a mediocre, direct, oral or written form between those speaking these languages (versions). Four main phenomena can result from language contacts: language assimilation, language loan, language crossing, i. e. emergence of pidgin and Creole languages; emergence of bilingualism. From all features of the Russian-Chinese pidgin, in our opinion, its semantic features are of the greatest interest to cultural science. In the pidgin system, the Russian words under the influence of semantic system of Chinese change the value. It finds expression in narrowing of value of a lexeme, word widening, a transfer of meaning, change in a word meaning, acquisition the relatives of values. The Russian-Chinese pidgin has exerted impact not only on the Russian and Chinese languages, and also on the Russian and Chinese cultures.

Keywords: language, language contacts, Russian-Chinese pidgin

Актуальность. Языковые контакты являются распространённым явлением в процессе человеческого языкового развития. Во всём мире большинство языков контактируют друг с другом, самодовлеющих

культур не существует. Культурный обмен между разными странами становится всё теснее, языковые контакты как средство культурного обмена привлекают внимание учёных.

Язык представляет собой важнейшее средство овладения национальной культурой, языковые контакты являются средством культурных контактов и обменов, обмен и воздействие разных культур неизбежно проявляются в языке и вызывают разные языковые явления, например, заимствование языковых элементов, двуязычие, переключение кодов, смешение языков и т. д.

Культурный обмен является одним из основных стимулов для культурного прогресса и постоянно способствует развитию общества. В общении первоначально язык функционирует только в качестве моста культурного обмена. По мере углубления общения в язык вливается много иностранных элементов, в связи с этим язык сам тоже начинает изменяться, например, возникает заимствование языковых элементов, языковое скрещивание, билингвизм и т. д. При заимствовании языковых элементов лексические заимствования являются наиболее распространённым явлением. Заимствованные слова – практически не только языковое явление, но и неизбежный результат взаимных контактов близких и разных культур. В соответствии с объёмом заимствованных слов можно почти приблизительно оценить культурные отношения между Китаем и другими народами.

В ходе исследования мы ставили перед собой *цель* – изучить факторы и механизмы языковых контактов Китая и России. Для реализации цели предполагалось решение следующих задач: выявить роль языковых контактов в межкультурном взаимодействии; рассмотреть историко-культурные факторы языковых контактов России и Китая; выявить условия распространения дальневосточного варианта русско-китайского пиджина, возникновения харбинского русско-китайского пиджина и его влияния на взаимодействие китайской и российской культур.

Методологическую основу исследования составили системный, сравнительно-исторический, структурно-функциональный, ретроспективный подходы. Для решения поставленных задач были использованы анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и конкретизация, компаративистский, структурно-функциональный, историко-генетический методы.

Термин «языковые контакты» появился в 50-е гг. XX в. Ю. Ю. Дешериева указывает,

что термин «языковые контакты», впервые предложенный А. Мартине, заменил термин «языковое смешение» и был закреплён в иностранной литературе благодаря появлению книги «Языковые контакты» У. Вайнрайха [5].

До середины XX в. лингвисты обычно употребляли термины «языковое смешение», «языковое взаимовлияние», «языковое взаимодействие». Например, немецкий лингвист Вильгельм Фон Гумбольдт отмечал, что в силу взаимных контактов человеческих языков возникло появление языкового смешения, причём языковое смешение не только между разными языками, но и между разновидностями одного языка [4]. Теория языковых контактов, предложенная известным немецко-австрийским лингвистом Шухардтом, оказывала глубокое влияние на следующие поколения лингвистов. Известный польско-русский лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ в статье «О смешанном характере всех языков» излагает теорию языковых контактов, основным содержанием которой является языковое смешение и причины его возникновения [1]. Л. В. Щерба считает, что понятие «языковое смешение» является одним из самых неясных понятий в современной лингвистике, выступает за замену термина «языковое смешение» термином «языковое взаимовлияние» [12]. В советской лингвистике Ю. Ю. Дешериева употребила термин «языковое взаимодействие» [5].

В 60–70-е гг. XX в. термин «языковые контакты» уже широко употребляется в международных лингвистических кругах. Советский лингвист А. Е. Карлинский отметил в опубликованной в 1990 г. монографии, что в настоящее время, войдя в современную лингвистическую литературу, термин «языковые контакты» заменил термины «языковое взаимовлияние» и «языковое скрещивание» [6].

Среди российских учёных, занимающихся изучением языковых контактов, отметим В. Ю. Розенцвейга, который предложил под языковыми контактами понимать вообще любое речевое общение между двумя языковыми коллективами [9].

Использование терминов «языковое взаимовлияние», «языковое скрещивание» оказало большое влияние на китайскую лингвистику. В течение длительного времени, трактуя содержание языковых контактов,

китайские лингвисты употребляли именно вышеназванные термины. Например, Го Гуси понимает под языковыми контактами влияние на язык, вызванное постоянными контактами в устной или письменной форме между людьми на разных языках [3]. Цзи Хуан предлагает определять языковые контакты как понятие с широким смыслом, которое имеет в виду всякие отношения в языке в силу общественных и культурных взаимных контактов и влияния между разными народами, например, языковое влияние, языковой перенос, языковое смешение, языковой конфликт и т. д. [11]. Юань Янь отмечает, что языковые контакты – изменения, возникающие в структурных и функциональных особенностях в результате контактов между разными языками [14].

Несмотря на различное понимание языковых контактов учёными разных стран, есть сходные позиции, которые заключаются в следующем. Языковые контакты воспринимаются как общность между людьми, как точка пересечения языковых, социальных и психологических факторов развития языка. Письменной коммуникацией пользуются реже, чем устной. Коммуниканты должны обладать знаниями о принципах общения. Общение между людьми, говорящими на разных диалектах, сильно затруднено. Когда люди знакомятся с иностранной литературой или с культурой других народов при помощи переводных работ, контакт является посредственным, а перевод представляет собой процесс и результат контактирования.

По своему содержанию языковые контакты представляют собой культурные контакты. Язык является культурным кодом, носителем и частью культуры, важной формой её проявления. Процесс языковых контактов представляет собой процесс культурного контактирования, при котором язык часто вбирает в себя новые культурные элементы из языка другой стороны. Это явление ярко проявляется в заимствовании слов. Заимствованные слова становятся результатом контактов, поэтому в них проявляются процесс и результат культурного общения. То есть, языковые контакты отражают взаимодействие и взаимовлияние разных культурных систем.

В широком смысле языковые контакты подразумевают взаимодействие между языками. Под взаимными контактами меж-

ду языками подразумеваются не только взаимные контакты между разными национальными языками, но и между разновидностями одного и того же национального языка. В связи с этим в исследовании явления языковых контактов нужно чётко разделять разновидности языков.

Обобщив взгляды названных учёных, мы определяем языковые контакты как разнообразные изменения, языковые явления одного из двух или более языков (разновидностей), вызванные продолжительным общением в посредственной, непосредственной, устной или письменной форме между говорящими на этих языках (разновидностях).

Существуют разные точки зрения относительно классификации языковых контактов между говорящими на разных языках. По субъективному признаку можно разделять языковые контакты на активные и пассивные; по пространственным характеристикам – на естественные и неестественные; по информационным носителям языковых контактов – на устные и письменные; по способам языковых контактов – на прямые и посредственные; по близким отношениям языковых контактов – на родственные и неродственные [10].

В результате языковых контактов может возникать четыре основных феномена: языковая ассимиляция, языковое заимствование, в этом процессе лексический ввоз и вывоз являются основными; языковое скрещивание, т. е. возникновение пиджинов и креольских языков; появление билингвизма [13].

Как известно, русско-китайский пиджин, который возник во второй четверти XVIII в. в пограничных городах – русской Кяхте и китайском Маймачине и в конце XIX – начале XX в. в Харбине, был тесно связан с экономическим и культурным обменом России и Китая.

Торговые отношения, миграции, культурное взаимодействие, смешанное проживание на одной территории приводили к контактам разных культурных групп, которые невозможны без использования языка. Поскольку согласно распоряжению китайского правительства китайские купцы должны были говорить при общении с русскими только на русском языке и не следовало давать возможность изучения русскими китайского языка, то в конце XVIII в. мно-

гие китайские купцы в Маймачине изъяснялись на своеобразном русско-китайском пиджине, поскольку на русском языке они говорили плохо, а кяхтинские русские купцы не умели говорить по-китайски. Так постепенно возник особый «маймачинский диалект» – русско-китайский пиджин. Возникший в этих городах (Маймачине и Кяхте) пиджин позднее получил распространение вдоль всего торгового пути Кяхта – Урга – Пекин, а также в восточно-сибирских городах. Важными факторами распространения этой формы пиджина явились: присоединение китайских территорий Приамурья и Приморья к России; активизация торговых отношений с Маньчжурией, строительство КВЖД; политические события в России. Это способствовало также распространению дальневосточного варианта русско-китайского пиджина и возникновению харбинского русско-китайского пиджина.

Из всех особенностей русско-китайского пиджина, на наш взгляд, наибольший интерес для культурологии представляют его семантические особенности.

В данном случае речь идёт о том, что в системе пиджина русские слова под влиянием семантической системы китайского языка изменяют своё значение. Это находит выражение:

1. В сужении значения лексемы. К примеру, значение слова «ягода» – «небольшой сочный плод кустарников, полукустарников, кустарничков и травянистых растений. Ягоды крыжовника, малины. Ягоды черники, клюквы» [16]. Однако соответствующее ему в харбинском пиджине слово *yagoda* означает только «плод красного цвета».

2. В расширении значения слова. Так слово «квас» в русском языке означает совершенно конкретный напиток – «кисловатый напиток, настаиваемый с дрожжами на солоде, а также на ржаном хлебе, сухарях» [Там же]. В пиджине значение этого слова (*kewasi*) гораздо шире – это прохладительные напитки вообще. До нашего времени сохранилось в русско-китайском пиджине и употребляется в повседневном общении китайцев и русских слово «капитан» – *gebidan*, которое в его употреблении китайцами означает «любой начальник, чиновник».

3. В переносе значения. К примеру, в русском языке одно из значений слова плита – «кухонная печь с конфорками

в верхней металлической доске» [Там же]. На северо-востоке Китая печь, которую употребляют для приготовления еды и отопления (это одна «отопительно-кухонная система») называют *bilita*.

4. В изменении значения слова, в приобретении оттеночных значений.

К слову, харбинский русско-китайский пиджин употреблялся довольно широко и весьма длительное время, причём не только в общении между русскими и китайцами, но и в среде самих китайцев. Лексико-грамматические группы этого пиджина включали в себя: наименования профессий, название одежды, определённых продуктов и напитков (в том числе и алкогольных), названия улиц и архитектурных сооружений, разного рода инструментов, предметов быта, измерительных единиц и т. п.

Следует заметить, что русско-китайский пиджин оказывал влияние не только на русский и китайский языки, а также на русскую и китайскую культуры. Безусловно, и XVIII в., и рубеж XIX–XX вв. были временем активных экономических и культурных контактов между Китаем и Россией [8]. Эти контакты создали особое пространство взаимодействия культур. Оно, с одной стороны, способствовало созданию описанных форм русско-китайского пиджина. С другой, эта особая контактная форма языка, характеризующаяся ограниченным набором слов, неустоявшейся грамматикой, отсутствием собственно этнической группы носителей, возникающая чаще всего среди носителей неродственной группы языков, сама послужила фактором и своеобразным катализатором китайско-русского культурного взаимодействия [15]. Причём следы активного употребления русско-китайского пиджина обнаруживаются и в настоящее время.

Обобщая вышесказанное, можно сформулировать следующие выводы о влиянии данного типа пиджина на взаимодействие китайской и российской культур:

Само существование (пусть и временное – кяхтинский русско-китайский пиджин использовался до XIX в., а уход из активного употребления харбинского русско-китайского пиджина датируется примерно 50-ми гг. XX в.) русско-китайского пиджина есть яркое лингвистическое и историко-культурное свидетельство культурных контактов между Китаем и Россией.

Лексическое содержание этого пиджина отражает заимствования Китая и России на уровне так называемой материальной культуры. Основываясь на социолингвистическом анализе данного явления, можно в дальнейшем делать не только историко-культурные, но и теоретические выводы о механизмах культурного взаимодействия (различного рода диффузии, инкультурации, акультурационные процессы и т. п.).

Изменения в оттенках используемых в пиджине русских слов, моменты смыслового «искажения» или приписывания им определённой эмоциональной окрашенности – свидетельство не только сложности собственно языковых процессов, но и направленности рецепции тех значений, которые существовали у этих слов в русском языке, в системе воспринимающего китайского языка в зависимости от экстралингвистических факторов, а именно –

от историко- и социокультурного контекстов взаимодействия китайской и русской культур.

Практическая значимость исследования русско-китайского пиджина обусловлена как лингвистической и лингвокультурологической значимостью его изучения, так и возможностью при данных исследованиях предметно определить механизмы взаимодействия культур, выявить роль языковых факторов культурных обменов и рецепций, увидеть содержательные аспекты связи языка и культуры. Данный анализ позволит рассмотреть языковые аспекты культурных обменов между Россией и Китаем, начиная с XVIII в. Интересным может также оказаться выявление следов пиджина у населения северо-восточного Китая, особенно у тех граждан Китая, кто является потомками русских и часто имеет диффузную этническую идентичность [6].

Список литературы

1. Бодуэн де Куртене И. А. О смешанном характере всех языков // Избр. тр. по общему языкознанию. М.: АН СССР, 1963. Т. 1. С. 362–372.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/1085797> (дата обращения: 05.03.2016).
3. Го Гуси. Курс лингвистики. Сиань, 1987. 351 с.
4. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 235 с.
5. Дешериева Ю. Ю. Проблемы лингвистической интерференции в современном языкознании // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981. С. 240–255.
6. Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия. Алма-Ата, 1990. 181 с.
7. Кэвэн В., Бернюкевич Т. В. Факторы, этапы становления и развития русской культуры Харбина // Вестн. ЗабГУ. 2013. № 5. С. 105–109.
8. Новиков А. Н., Сундуева Д. Б., Бернюкевич Т. В. Ассимиляционные процессы и стратегии позиционирования культурной идентичности субэтнических групп Байкальского региона в условиях трансграничья // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Социология. Культурология. Социальная работа. 2013. № 4. С. 259–271.
9. Розенцвейг В. Ю. Новое в лингвистике // Языковые контакты: сб. тр. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. 536 с.
10. Сюй Лайди. Исследование языкового контакта. Харбин, 2014. 114 с.
11. Цзи Хуян. Прикладная лингвистика. Шанхай, 2004. 192 с.
12. Щерба Л. В. О понятии смешения языков [Электронный ресурс] // Архив петербургской русистики. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba8.htm> (дата обращения: 30.03.2016).
13. Ю Жучзе. Социальная лингвистика. Шанхай, 2009. 194 с.
14. Юань Янь. Языковой контакт и языковая эволюция. Пекин, 2001. 130 с.

Источники

15. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
16. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. 22-е изд. 1949. Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/words/40968.shtml> (дата обращения: 06.03.2016).

References

1. Boduen de Kurtene I. A. O smeshannom kharaktere vsekh yazykov // Izbr. tr. po obshchemu yazykoznaniiyu. M.: AN SSSR, 1963. T. 1. S. 362–372.

2. Vainraikh U. Yazykovye kontakty. Sostoyanie i problemy issledovaniya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.twirpx.com/file/1085797> (data obrashcheniya: 05.03.2016).
3. Go Gusi. Kurs lingvistiki. Sian', 1987. 351 s.
4. Gumbol'dt V. fon. Yazyk i filozofiya kul'tury. M.: Progress, 1985. 235 s.
5. Desherieva Yu. Yu. Problemy lingvisticheskoi interferentsii v sovremennom yazykoznanii // Teoreticheskie problemy sotsial'noi lingvistiki. M., 1981. S. 240–255.
6. Karlinskii A. E. Osnovy teorii vzaimodeistviya. Alma-Ata, 1990. 181 s.
7. Keven' V., Bernyukevich T. V. Faktory, etapy stanovleniya i razvitiya russkoi kul'tury Kharbina // Vestn. ZabGU. 2013. № 5. S. 105–109.
8. Novikov A. N., Sundueva D. B., Bernyukevich T. V. Assimilyatsionnye protsessy i strategii pozitsionirovaniya kul'turnoi identichnosti subetnicheskikh grupp Baikal'skogo regiona v usloviyakh transgranich'ya // Uchenye zapiski ZabGU. Ser. Filozofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya. Sotsial'naya rabota. 2013. № 4. S. 259–271.
9. Rozentsveig V. Yu. Novoe v lingvistike // Yazykovye kontakty: sb. tr. M.: Progress, 1972. Vyp. 6. 536 s.
10. Syui Laidi. Issledovanie yazykovogo kontakta. Kharbin, 2014. 114 s.
11. Tszu Khuyan. Prikladnaya lingvistika. Shankhai, 2004. 192 s.
12. Shcherba L. V. O ponyatii smesheniya yazykov [Elektronnyi resurs] // Arkhiv peterburgskoi rusistiki. Rezhim dostupa: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba8.htm> (data obrashcheniya: 30.03.2016).
13. Yu Zhutsze. Sotsial'naya lingvistika. Shankhai, 2009. 194 s.
14. Yuan' Yan'. Yazykovoi kontakt i yazykovaya evolyutsiya. Pekin, 2001. 130 s.

Istochniki

15. Zherebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. 5-e, ispr. i dop. Nazran': Pilgrim, 2010. 486 s.
16. Slovar' russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. 22-e izd. 1949. Rezhim dostupa: <http://www.ozhegov.org/words/40968.shtml> (data obrashcheniya: 06.03.2016).

Библиографическое описание статьи

Ван Кэвэнь. Языковые контакты Китая и России // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 62–67.

Reference to the article

Wang Kewen Language Contacts of China and Russia // Scholarly Notes of Transbaikalian State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 62–67.

Статья поступила в редакцию 16.04.2016

Загдаа Алтанхуяг,
аспирант,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: zagaltan@yahoo.com

К вопросу о методологии изучения монгольской праздничной культуры

Статья посвящена определению методологии исследования монгольской праздничной культуры. Отмечается множество попыток определения направленности, функций и сущностного содержания праздника и праздничной культуры монгольских народов. Автор указывает на ряд методологических трудностей и вопросов: отсутствие общепринятого определения праздника; многообразие типологий и классификаций праздников, которые базируются на разных основаниях; сложность чёткой дифференциации религиозных и национальных праздников. Особенности определения методов изучения монгольских праздников выявляются на примере анализа истории и современных аспектов национального праздника Монголии – Цаган Сара. Автор опирается на исследования известных монгольских и российских этнографов, культурологов, историков, в работах которых анализируется генезис одного из самых важных праздников монгольских народов, его связь с календарной системой и порядностью, его структура и содержание, магические и игровые элементы, его религиозно-ритуальные аспекты. В статье анализируются подходы к рассмотрению религиозного и этнического содержания Цаган Сара, определению особенностей синтеза его культурной, социальной, экономической и психологической составляющих. Определяется влияние на современное бытование Цаган Сара монгольской государственной политики, идеологических установок, воздействие широких глобализационных процессов.

Ключевые слова: праздничная культура, религиозный праздник, буддизм, народный праздник, методы исследования, глобализация

Zagdaa Altankhuyag,
Postgraduate Student,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: zagaltan@yahoo.com

On the Question of Methodology for Studying the Mongolian Festival Culture

The article is devoted to determination of methodology of research of the Mongolian festive culture. The set of attempts of determination of an orientation, functions and intrinsic content of a holiday and festive culture of the Mongolian people is noted. The author specifies a number of methodological difficulties and questions: lack of the commonly accepted determination of a holiday; variety of typologies and classifications of holidays which are based on different grounds; complexity of accurate differentiation of religious and national holidays. Features of determination of methods of studying of the Mongolian holidays come to light on the example of the analysis of history and modern aspects of a national holiday of Mongolia – Tsagan Sar. The author relies on researches of the famous Mongolian and Russian ethnographers, culturologists, historians in whose works genesis of one of the most important holidays of the Mongolian people, its communication with calendar system and ceremonialism, its structure and content, magic and game elements, its religious and ritual aspects are considered. In the article approaches to consideration of religious and ethnic content of Tsagan Sar, determination of features of synthesis of its cultural, social, economic and psychological components are analyzed. Influence of the Mongolian state policy, ideological installations, impact of broad globalization processes on modern existence of Tsagan Sar is determined.

Keywords: festive culture, religious holiday, Buddhism, national holiday, research methods, globalization

В определении методологии изучения традиционной праздничной культуры есть целый ряд трудностей. Первая из проблем – отсутствие чёткого определения са-

мого термина «праздник». Так, по мнению Т. А. Бернштам: «Под словом "праздник" обычно подразумевают все сколько-нибудь значительные обряды календарно-хозяйствен-

ного и жизненного циклов, в том числе и те, что происходят в будни» [2, с. 136]. Некоторые авторы посвящают определению этого важного феномена развёрнутые научные исследования. К примеру, в монографии А. И. Мазаева «Праздник как социально-художественное явление» научное определение этого понятия является главной целью. При этом автор вынужден давать несколько определений и сложно сказать, какое в итоге считать наиболее приемлемым. Так, в одном из определений А. И. Мазаева утверждается, что праздник «характеризует такое свободное время, когда что-то отмечают, к примеру, определенное событие, которое необходимо выделить из потока других событий» [10, с. 10]. В другом говорится, что «праздник, если определять его не традиционно, есть свободная жизнедеятельность, протекающая в чувственно обозримых границах места и времени и посредством живого контакта людей, собравшихся добровольно» [Там же, с. 11]. Вероятно, сложно дать всеобъемлющее понятие праздника, которое охватывает всё многообразие данного культурного феномена, и при этом уйти от анализа конкретных его проявлений.

В целом в российской литературе существует множество попыток определения направленности, функций и сущностного содержания праздника. В литературе применяют различные классификации праздников (Н. С. Полищук, В. Н. Топоров, В. В. Шуклин, Л. А. Тульцева, Т. Н. Золотова и др.). Так, В. В. Шуклин разделяет праздники на *регулярные*, связанные с ритмами природы, с мифическим временем и составляющие определённый цикл, и *нерегулярные* – локально-региональные, родовые и т. д. По традиции праздники разделяются также на *сакральные*, связанные с природными и аграрными циклами, народными божевами-покровителями, и *мирские (профаные)*, соотносимые с сакральными ценностями рода. А. Ф. Некрылова предлагает различать праздники *общинные* и *семейные* [7, с. 104].

Т. А. Бортникова считает, что почти все праздники, как религиозные, так и нерелигиозные, можно классифицировать в зависимости от ранга, который в свою очередь зависит от занимаемого им места в ценностной иерархии, от той системы ценностей, вокруг которой и организуется

жизнь той группы, которая его празднует [4, с. 221]. Что касается религиозных праздников, то обычно эта иерархия и место в ней чётко определены.

Кроме сложности определения самого праздника как феномена культуры существует проблема не только определения, но и классификации национальных (этнических) праздников. Так, Т. А. Бернштам предлагает делить подобные праздники на «большие/главные/годовые и малые/полупраздники» [2, с. 136]. Есть и другие способы классифицировать праздники, к примеру: 1) праздники-воспоминания, обычно они связаны с памятью о важных событиях в прошлом народа, страны; 2) праздники, знаменующие начало какого-нибудь периода – нового года, весны и т. п.; праздники-финалы, они связаны с завершением определённого периода, обеспечивающего существование социальной группы – к примеру, уборки урожая.

В то же время, следует отметить, что все религиозные праздники определённым образом видоизменяются в соответствии с этническими традициями и при общем религиозном содержании приобретают уже этноконфессиональную окрашенность. Такой религиозный праздник входит в особое пространство национальной культуры, посвоему изменяя его. Одновременно и сам праздник начинает выполнять функции консолидации конкретного национального (этнического) сообщества и проявляться в форме, соответствующей традициям данного сообщества. Кроме того, данный праздник наряду с сакрально-ритуальной функцией выполняет следующие функции: коммуникативную, компенсаторную, психотерапевтическую, эмоционально-релаксационную и др.

При этом следует отметить, что часть этноконфессиональных праздников приобретают уровень праздников общенациональных и государственных. И, безусловно, данные праздники, имеющие древнюю историю, в настоящее время испытывают сильное воздействие глобализационных процессов и урбанизации. Трансформация праздничной культуры – процесс естественный и закономерный. Это может быть связано и с изменением ценностных ориентаций, в том числе и под влиянием внешних факторов, и с изменением в ментальной сфере, трансформацией картины мира. Выя-

вление факторов и механизмов изменения праздничной культуры – один из сложнейших вопросов гуманитарной науки.

Исследования монгольских национальных праздников показывают, что в их основу заложены древние архаические, календарные ритуалы, они обычно связаны с важными периодами природных сезонов – это переломные периоды природных циклов. Самым главным осенне-зимним праздником считается Цаган Сар – Белый месяц.

Народные праздники – это средство аккумуляции ценностей этнической культуры, средство формирования и сохранения нравственных идеалов, норм коммуникации, они регламентируют отношения в обществе, являются средством социальной сплочённости, придают эмоциональную окрашенность жизни человека. Эти праздники обычно отличаются естественностью, органичностью и традиционностью. Народные праздники часто связаны с религиозными представлениями, возникшими в древности, поэтому отличаются и сакральной направленностью, магическим наполнением. В то же время нельзя не отметить присутствия элементов светской культуры, а иногда и их доминирование.

Однако, несмотря на традиционную основу, эти праздники подвержены влиянию социокультурной динамики и с течением времени меняются и по содержанию, и по форме. Значительные изменения обусловлены, в том числе, и взаимодействием с другими культурами и народами.

И сегодня главным национальным праздником монгольязычных народов считается Цаган Сар – Новый год (Белый месяц). В исследовательской литературе указывается, что празднование Цаган Сара когда-то происходило осенью, в день осеннего равноденствия. И само название «Белый месяц» связывалось с «белой пищей» – молочными продуктами, их заготовкой впрок и т. п. Ряд исследователей связывают осеннее определение начала года с заимствованием системы летоисчисления монгольязычными народами у уйгуров.

Достаточно обстоятельное рассмотрение особенностей Цаган Сара как одного из феноменов праздничной культуры кочевников представлено в монографии Н. Л. Жуковской «Кочевники Монголии». В разделе «Белый месяц – Новый год» известный российский этнограф, опираясь на различные

исторические и этнографические источники, пишет о возможном происхождении названия праздника, о его этническом и религиозном генезисе, современной трансформации, структуре празднования и его традициях, игровых и магических элементах Цаган Сара. Н. Л. Жуковская подчёркивает, что этот всенародный праздник «представляет собой цикл обрядовых действий, в которых слиты воедино экономические, магические, психологические и другие аспекты праздника» [9, с. 60].

Исследователи отмечают также, что деление хозяйственного цикла на летне-осенний и зимне-весенний для всех монгольских скотоводов традиционно [8, с. 161–166]. Сначала начало года падало на осеннее равноденствие, с него начинался цикл хозяйственных работ, следующий цикл начинался с весеннего равноденствия. Празднование Нового года осенью связывают также с использованием звёздного календаря, осенним восходом Плеяд [6].

Как известно, существует несколько объяснений переноса праздника (которые не исключают, а, скорее, дополняют друг друга). Самое распространённое мнение сводится к тому, что этот перенос связывают с именем и деятельностью внука Чингисхана – хана Хубилая, который был великим ханом Юаньской династии, и когда в Китае была проведена в XIII в. реформа летоисчисления, то это повлияло и на перенос начала нового года у монгольязычных народов.

В то же время в целом изменения в календарной системе обусловлены и изменениями типов хозяйствования, например, переходом от охотничьего типа хозяйства к скотоводческому [Там же].

Считается, что наиболее сильное влияние на содержание этого праздника у бурят буддизм стал оказывать в XVII в., в период активного распространения буддизма среди монголов. Однако известно, что ещё в 1576 г. по инициативе Алтан-хана, завоевавшего в 70-х гг. XVI в. Тибет, вблизи оз. Кукунор состоялось «собрание» различных родов и племён Внутренней и Внешней Монголии, на котором буддизм школы гелугпа был провозглашён официальной религией всех монголов [1]. В самом Тибете этот праздник (встреча Нового года по лунному календарю) стал буддийским с начала XV в., благодаря деятельности основателя

школы гелугпа – великого буддийского деятеля и реформатора Цзонхавы. В то же время первое знакомство монголоязычных народов с буддизмом состоялось при правлении хана Хубилая.

В силу этого Цаган Сар – это своеобразный результат синтеза буддийских и добуддийских верований [3]. Буддийское содержание праздника сохраняло своё значение на протяжении XVIII и XIX вв., а в XX в. уже в новых социальных и экономических условиях. Понимая, что буддизм – религия мировая, монгольские народы рассматривали и рассматривают буддийские ценности и обряды как духовный фактор национальной идентификации и консолидации. Среди ряда причин этого явления можно назвать и особенности мировоззрения человека Востока,

связанные с историей азиатских народов и государств. Об этом красноречиво свидетельствуют слова Г. Гегеля «На востоке же религия целиком связана с национальностью» [5, с. 113].

Сегодня мы видим направленность монгольского общества на возрождение и сохранение обычаев, ритуалов, форм праздничных действий, связанных с историческими традициями. Сохранению этой традиционности способствует и государственная культурная политика Монголии, которая связана с сохранением культурного наследия и гармонизацией традиций и явлений современной культуры. Появление новых элементов, расширение празднования Цаган Сара обусловлено и влиянием современной массовой культуры, новейших информационных технологий, СМИ.

Список литературы

1. Абаева Л. Л. Этническая культура монгольских народов в контексте буддийских традиций и современной науки // Вестн. БГУ. 2011. № 6. С. 249–254.
2. Бернштам Т. А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – начало XX века) // Этнические стереотипы поведения. М., 1985.
3. Бернюкевич Т. В. Место буддийского образования в воспроизводстве буддийского типа личности // European Social Science Journal. 2012. № 5. С. 15.
4. Бортникова Т. А. Праздник как сфера проявления этнического // Культура и мировоззрение. 2012. № 2. С. 221–222.
5. Гегель Г. Философия религии: в 2 т. Т. 2. М., 1977.
6. Дашиева Н. Б. Календарь в традиционной культуре бурят: опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования. М.: Вост. лит., 2015. 239 с.
7. Дёмина Л. В. Традиционный народный праздник в контексте современной культуры // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. 2011. № 1.
8. Джарылгасинова Р. Ш. Календарно-праздничная культура народов Зарубежной Азии: традиции и инновации // Этнографическое обозрение. 1996. № 2.
9. Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: культура, традиции, символика: учеб. пособие. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.
10. Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление: опыт историко-теоретического исследования. М., 1978.

References

1. Abaeva L. L. Etnicheskaya kul'tura mongol'skikh narodov v kontekste buddiiskikh traditsii i sovremennoi nauki // Vestn. BGU. 2011. № 6. S. 249–254.
2. Bernshtam T. A. Budni i prazdniki: povedenie vzroslykh v russkoi krest'yanskoi srede (XIX – nachalo XX veka) // Etnicheskie stereotipy povedeniya. M., 1985.
3. Bernyukevich T. V. Mesto buddiiskogo obrazovaniya v vosproizvodstve buddiiskogo tipa lichnosti // European Social Science Journal. 2012. № 5. S. 15.
4. Bortnikova T. A. Prazdnik kak sfera proyavleniya etnicheskogo // Kul'tura i mirovozzrenie. 2012. № 2. S. 221–222.
5. Gegel' G. Filosofiya religii: v 2 t. T. 2. M., 1977.
6. Dashieva N. B. Kalendar' v traditsionnoi kul'ture buryat: opyt istoriko-etnograficheskogo i kul'turno-geneticheskogo issledovaniya. M.: Vost. lit., 2015. 239 s.
7. Demina L. V. Traditsionnyi narodnyi prazdnik v kontekste sovremennoi kul'tury // Vestn. Chelyab. gos. akad. kul'tury i iskusstv. 2011. № 1.
8. Dzharlygasinova R. Sh. Kalendarno-prazdnichnaya kul'tura narodov Zarubezhnoi Azii: traditsii i innovatsii // Etnograficheskoe obozrenie. 1996. № 2.

9. Zhukovskaya N. L. Kochevniki Mongolii: kul'tura, traditsii, simbolika: ucheb. posobie. M.: Vost. lit., 2002. 247 s.

10. Mazaev A. I. Prazdnik kak sotsial'no-khudozhestvennoe yavlenie: opyt istoriko-teoreticheskogo issledovaniya. M., 1978.

Библиографическое описание статьи

Загдаа Алтанхуяг. К вопросу о методологии изучения монгольской праздничной культуры // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 68–72.

Reference to the article

Altankhuyag Zagdaa On the Question of Methodology for Studying the Mongolian Festival Culture // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 68–72.

Статья поступила в редакцию 15.04.2016

Нина Алексеевна Коноплева¹,
доктор культурологии, профессор,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41),
e-mail: nika.Konopleva@gmail.com

Светлана Сергеевна Антипова,
ассистент,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41),
e-mail: ps_sveta@mail.ru

Метафора в литературных текстах русских поэтов конца XIX – начала XX века как репрезентация социокультурных кодов картины мира

В статье представлена общая характеристика социокультурной ситуации, сложившейся в России на рубеже XIX–XX вв. Приводятся основные особенности искусства данного периода. Особое внимание уделяется литературным текстам Серебряного века. В данных текстах рассматриваются метафорические конструкции с целью выявления социокультурных кодов, которые являются носителями культурной информации, что позволяет исследовать социокультурные доминанты, знаковые идеи и ценности, созданные в исследуемый период. Возникшие в этот период социокультурные изменения повлекли за собой формирование нового типа человека, изменилось его отношение к миру, его ценностные ориентации и установки, а также появился новый язык искусства. Отмечается, что на рубеже веков происходят значительные перемены – культура становится многонациональной, вовлекая в себя духовные ценности различных этнических типов, являясь всё более разнообразной. Переходное движение в литературе этого периода между романтизмом и модернизмом определялось как «декаданс». Анализ выявил, что метафорические конструкции зачастую содержат в себе культурный код, имеющий информативную составляющую той или иной культурной эпохи, в период которой метафора была создана. На основе выделенной информации возможно выявить культурные доминанты, знаковые идеи, культурные ценности, созданные в ту или иную эпоху, что немаловажно при изучении культуры и искусства соответствующего периода.

Ключевые слова: метафора, культура, социокультурный код, кодирование, поэтический текст

Nina A. Konopleva²,
Doctor of Culturology, Professor,
Vladivostok State University of Economics and Service
(41 Gogolya st., Vladivostok, 690014, Russia),
e-mail: nika.Konopleva@gmail.com

Svetlana S. Antipova,
Postgraduate Student,
Vladivostok State University of Economics and Service
(41 Gogolya st., Vladivostok, 690014, Russia),
e-mail: ps_sveta@mail.ru

The Metaphor in Texts of Russian Poets of the 19–20th Centuries as Representation of Social and Cultural Codes of the World Picture

This article considers general characteristics of the socio-cultural situation in Russia at the turn of the 19–20th centuries. The article provides the principal features of art of this period. Special attention is paid to literary texts of the Silver age. These texts consider metaphors, where one needs to identify the socio-cultural codes, which contain cultural information allowing to explore the socio-cultural dominant, iconic ideas and values established in this period. The socio-cultural

¹ Н. А. Коноплева – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

² N. A. Konopleva is the main author who has organized the study and formulated the conclusions and findings in realization of the group project.

changes have resulted in the formation of a new type of man, have changed his attitude towards the world, his value orientations and attitudes, and the emergence of a new language of art. The case study proved that at the turn of the centuries a fundamental change is undergoing: culture becomes multinational involving spiritual values of different ethnic types, becoming more diverse. The transitional movement in the literature of this period between romanticism and modernism was defined as "decadence". The case study proved that metaphors often contain the cultural code that has informative component of a particular cultural epoch during which the metaphor was created. Based on the extracted information, it is possible to identify a cultural dominant, iconic ideas, cultural values, created in a particular period.

Keywords: metaphor, culture, socio-cultural code, coding, poetic text

Бесспорно, XX столетие – одно из самых динамичных в истории человеческой цивилизации, что, бесспорно, отразилось на всём характере культуры. В первую очередь необходимо отметить торжество науки и человеческого интеллекта этого периода. Кроме того, XX в. – это эпоха социальных «бурь», потрясений и парадоксов. Общество в этот период, с одной стороны, стремится к формированию высоких идеалов любви к человеку, равенства, свободы, демократии, а с другой – порождает упрощённое понимание этих ценностей человеком, то есть культурные процессы весьма разносторонни. Вместе с тем развитие духовной и материальной культуры XX в. обусловлено социокультурными процессами XIX в., не оправдавшего надежд человечества и породившего новые кризисы и потрясения.

Период рубежа XIX–XX столетий в России – время серьёзных испытаний для всех сфер жизнедеятельности человека, проявившееся в изменении всего того, что носило ранее традиционный характер. Складывающаяся в этот период новая социокультурная ситуация в попытке решить значимые проблемы, с которыми столкнулся человек, трансформировать имеющийся социокультурный опыт для достижения нового качественного развития, способствовала активизации многих аспектов культурной жизни. В то время, когда общество пребывало в состоянии поиска стратегических и тактических подходов к совершенствованию трансформирующегося Российского государства, культура активно порождала и апробировала новые приёмы искусства в различных сферах творчества для влияния на изменяющегося человека и преобразующегося социального мира. Показателем процесса культурной активизации стало появление многообразных, не похожих друг на друга художественных явлений в культуре России в целом, в частности, в литературном творчестве.

Н. А. Хренов, анализируя историю культуры рубежа XIX–XX вв., отмечает, что имела место переходная ситуация, «значимость перехода этого времени повышается в силу того, что он развёртывается на уровне культуры, что требует культурологической интерпретации» [9, с. 17]. Он обосновывает, что вследствие распада прежней упорядоченности система приобретает возможность свободного развития, что служит стимулом к самоорганизации. При этом возникающий в культуре хаос, по мнению Н. А. Хренова, можно рассматривать как необходимый и конструктивный, как способствующий переходу системы из одного состояния в другое. «В моменты перехода случайность соседствует с творчеством, переходные эпохи стимулируют творчество» [Там же, с. 19]. Человек этого времени не желает принимать складывающуюся реальность, стремится её изменить.

Русскую культуру конца XIX – начала XX в. можно характеризовать как весьма драматичный, нестабильный, сложный период в развитии общества. Причём культура на рубеже веков всегда демонстрирует проявления переходной эпохи, что выражается в сочетании традиционных явлений культуры прошлого и новаторских тенденций новой культуры. Рубеж веков в России – это время зарождения серьёзных перемен, изменения государственности и классической культуры XIX в., новое звучание обозначившихся тенденций русской культуры в XX в. Причём достаточно часто возникновению новых культурных ценностей, установок человека и смысложизненных ориентаций предшествовало разрушение старых.

Систему духовной жизни и культуры, сложившуюся в конце XIX – начале XX в. и создавшую множество произведений искусства и творчества, часто обозначают как «Серебряный век». Данное название, имеющее хронологические рамки в 20–25 лет,

несомненно, требует культурологического осмысления. Этот период начинается с культурных событий 90-х годов XIX в., проявившись в поэзии выходом сборника стихов поэтов-символистов, в живописи – появлением творческого объединения «Мир искусства». Расцвет культуры этого времени соотносят с 1910-ми годами XX в., а его завершение – с политическими и общественными преобразованиями 1917–1920-х годов. Многообразие изобразительных стилей и направлений – это одна из важных черт русской культуры, в частности, литературного и изобразительного искусства и других видов творчества рубежа веков. Воспринимаемые творцами особенности Западного искусства в этот период соединяются с традиционными для русской культуры, дополняются новыми веяниями, приобретают конкретно русское содержание.

Возникающее у человека на рубеже веков переосмысление картины мира и формирующийся новый взгляд на природные, биологические и социокультурные особенности в каждый новый исторический период сопровождалось трансформацией фундаментальных культурных ценностей, смыслообразующих представлений человека о самом себе и о мировом порядке. «История культуры есть история постоянного разрешения противоречий между бесконечной творческой силой культуры и преходящим характером её объективированных форм» [2, с. 156].

Н. А. Хренов рубеж XIX–XX вв. обозначает «эпохой мутации» [1, с. 14], отмечая, что культура этого периода проявляется надломом, что способствует такому защитному механизму, как регресс, обращение к ранним культурным обычаям, повторениям, при этом возникает культурная мутация, переход к новым ценностям. Причём Н. А. Хренов постулирует, что речь идёт не о переходе на уровне отдельной социальной группы или отдельной культуры, а о тотальном переходе, касающемся всего человечества [Там же, с. 17]. Учёный отмечает, что переходные эпохи проявляются распадом прежнего порядка, появлением альтернативных ему, а также творческих вспышек, что значимо для совершенствования общества, культуры, человека. «В таких критических точках (момент бифуркации) преобладает не закономерность, а случайность, не порядок, а хаос» [Там же, с. 18]. В подоб-

ное время могут возникать и усиливаться конфликты между проявлениями традиционных форм культуры и искусства, появляться новые экспериментальные формы, направленные в будущее, к созданию принципиально нового. Причём, по мнению Н. А. Хренова, именно искусство оказывается важным средством институализации личностного содержания, не допускаемого или сдерживаемого ранее сложившимися нормами общественной жизни.

С точки зрения учёного, при этом творчество способствует преодолению сложившихся культурных границ, соприкосновению с другими культурами. Главный смысл перехода, по мнению Н. А. Хренова, заключается в распаде ранее сложившихся ценностных ориентаций, которые определяли поведение людей на протяжении длительного времени, а также актуализации сохраняющихся в бессознательном древнейших комплексов. «В ситуации, когда разрушается традиционная картина мира с присутствующими ей идеологическими и культурными ориентациями, организующие функции осуществляют миф и архетип» [Там же, с. 27].

Возникшие в этот период социокультурные изменения повлекли за собой формирование нового типа человека, изменилось его отношение к миру, его ценностные ориентации и установки, а также появление нового языка искусства. На рубеже веков происходят значительные перемены – культура становится многонациональной, вовлекая в себя духовные ценности различных этнических типов, являясь всё более разнообразной. Переходное движение в литературе этого периода между романтизмом и модернизмом определялось как «декаданс».

Исследователь В. М. Толмачев определяет декаданс как «суммарное наименование явлений западной и русской культуры XIX–XX вв., для которых свойственна мифологизация "конца века" (от фр. *fin de siècle*) как эпохи глобального кризиса, переоценки ценностей, расставаний и ожиданий» [11, с. 203]. Основная особенность декаданса – растерянность человека перед резко изменившимся миром. Общество не готово было рационально истолковать перемены в различных сферах жизни, таких как экономика, политика социальные отношения, и осознать новую картину мира. В этот период происходит всплеск ирраци-

онализма и мистики в различных проявлениях искусства, а в развитии философии и художественной культуры возникает кризис. На этом фоне как в литературе, так и в искусстве в целом появляется огромное множество различных течений и движений, новейших стилей и методов, таких как модернизм, авангардизм, импрессионизм, символизм, абстракционизм, футуризм, сюрреализм и т. д.

Анализируя литературное искусство этого периода, необходимо отметить следующие особенности, присущие вышеперечисленным разнообразным стилям и новейшим течениям: а) политизация, связь литературы с политическими течениями; б) усиление взаимовлияния и взаимопроникновения ряда национальных литератур; в) стремление к жанру эссе; г) слияние и смешение жанров, многообразие форм и стилей; д) отрицание литературных традиций; е) влияние философских идей, стремление к научному и философскому анализу.

Начало XX века в истории России было отмечено множеством преобразований и разнообразных событий. Обстановку в стране на рубеже веков можно характеризовать как крайне напряжённую, в связи с государственными переворотами, революциями, Гражданской войной и кардинальной сменой государственного строя.

При этом начало XX в. – это время творческого взлёта русской науки, литературы, искусства, своеобразное культурное возрождение. Оно как бы распадалось на несколько течений: с одной стороны, дальнейшее развитие лучших демократических традиций в обществе, с другой – сомнения, пересмотр старого, противоречивые и мятёжные искания человеком нового, попытки максимального самовыражения. Период с 1880-х до начала 1920-х годов, вошедший в историю русской культуры под названием «Серебряного века», С. К. Маковский представлял в виде холодного, мерцающего сияния в отличие от солнечного, яркого золотого века [5, с. 78]. Этот период в истории русской поэзии представлен такими авторами, как Д. С. Мережковский, Ф. К. Сологуб, В. Я. Брюсов, О. Э. Мандельштам, И. В. Северянин, А. А. Блок, В. В. Маяковский, А. А. Ахматова, отразивших в своих выдающихся произведениях глубочайший социальный кризис, в котором находилась

Россия. Проза начала века характеризуется господством в литературе реализма. В ту эпоху творили А. П. Чехов, И. А. Бунин, М. М. Горький, Л. Н. Толстой и другие классики.

Необходимо отметить, что своеобразие культуры Серебряного века отразилось не только в литературе, но и, бесспорно, в живописи, архитектуре и других сферах искусства, однако, в данном исследовании особенности культуры начала XX столетия будут рассмотрены в контексте художественного поэтического текста. Для этого обратимся к такому понятию, как «метафора», поскольку она является главенствующим проявлением переносных значений в создании поэтического текста, выражением смысловых связей и новых смыслов излагаемого, источником развития языка, речи, культуры. Также метафору можно рассматривать социокультурным кодом, являющимся полисемантическим, многозначным смыслопорождающим культурным феноменом, содержащим символическую информацию, нуждающуюся в историко-культурной интерпретации. Деконструкция метафорических текстов соответствующего культурного периода позволит произвести анализ скрытых смыслов, ключевых идей, идеалов и ценностей культуры, осуществить их интерпретацию в социокультурном контексте. Для нас важно рассмотрение метафорических конструкций с целью выявления скрытой за ними информации, социокультурных кодов, позволяющих сделать более глубокий анализ российской культуры Серебряного века.

Ю. М. Лотман утверждает, что текст представляет собой культурологический факт, семиотический по своей природе, искусственно возникший и являющийся результатом сознательной системообразующей деятельности его создателей [3, с. 43]. Текст, содержащий метафору, имеет дополнительные преимущества, поскольку метафора на основании некоего сходства связывает два предмета в единый образ. Образ, возникающий в сознании человека, может являться транслятором, передающим информацию. Метафоры являются основным конструктором образов, которые надолго остаются в памяти. Метафорическая конструкция может рассматриваться неким информационным «порталом», способным нести информацию прошедших эпох. Дан-

ные «порталы» образуют культурный фон, по-своему формируют культуру нового времени, без них культура не была бы столь многообразной, яркой, разносторонней. Нужно отметить, что значение метафоры одного культурного поля может быть непонятно другому культурному полю.

В середине XX в. возникла тенденция возврата к значению текстов как основе познания и коммуникации в некоторых гуманитарных науках. Вследствие этого метафора может являться достаточно эффективным средством, позволяющим конструировать и моделировать мир и сознание человека. Если возможно расшифровать тексты древних культур, то, значит, существует некая «универсальная грамматика» – набор грамматических связей и построений, возможна и дешифровка структуры мира. Расшифровка возможна путём использования некоего ключа или кода. Понятие кода в культурологии заимствовано из кибернетики. Оно связано с сопоставлением двух алфавитов и, по мнению И. А. Полетаева, имеет следующую структуру: «Преобразуя сигнал из одного алфавита в другой, сопоставляются символы первого алфавита с символами второго. Данное сопоставление сигналов может быть названо кодированием сигнала, а правило, по которому оно производится, – кодом» [7, с. 8].

Для гуманитарных дисциплин важно обратить внимание на связь кодирования и семиотики. В семиотике код – это система знаков, имеющая значения, соединённые по правилам договора (контекста, в котором значение анализируется). Любой знак – это пример кода. В теории информации К. Шеннона, У. Уивера коммуникативный «код» позволяет однозначно понять адресантом переданную ему информацию. Итальянский учёный-философ У. Эко установил, что код – это система коммуникативных конвенций, парадигматически соединяющих элементы серии знаков с сериями семантических блоков (или смыслов) и устанавливающих структуру обеих систем: каждая из них управляется правилами комбинаторики, определяющими порядок, в котором элементы (знаки и семантические блоки) синтагматически выстроены [10]. В подходах Р. Якобсона и У. Эко «семиотическая структура», «знаковая система» и «код» рассматриваются как синонимичные понятия, но от содер-

жания «сообщения» код отличается как «язык» от «речи» в концепции Ф. Де Соссюра. В связи с этим У. Эко ввёл понятие «семиотический код».

В контексте семиотического подхода культура имеет коммуникативную и символическую природу, а всякая коммуникация невозможна без кода, поскольку это способ, которым автор вкладывает в значение смысл, а реципиент считывает его [8]. В этом случае кодирование понимается как трансформация определённого значения, поскольку своё значение знак приобретает в конкретном коде, и оно может различаться в зависимости от кода. По мнению Ю. М. Лотмана, код не прибавляет каких-то новых сведений к уже имеющимся, его задача – трансформировать уже имеющиеся сведения, перевести их в уже существующую систему значений [4, с. 146].

Исследователь М. К. Петров вводит понятие «социокод», являющийся частным случаем культурного кода. Поскольку любой народ имеет определённый багаж знаний, то, как полагает автор, «для овладения ими, хранения и трансляции их и дальнейшего накопления применяется декодирование – разделение этих знаний на понятные для индивида части. Для всей совокупности массива знаний и непосредственно связанных с ним институтов и механизмов различного назначения будет употреблён термин "социокод", как основная знаковая реальность культуры, удерживающая в целостности и различении фрагментированный массив знания, расчленённый на "интерьеры" мир деятельности и обеспечивающий институты общения» [6, с. 168].

Таким образом, возможно заключить, что каждое метафорическое образование имеет в себе некий культурный код, который при расшифровке может нести информативную идею той или иной культурной эпохи или времени, когда данная метафора была создана. Чтобы подтвердить данную теорию, необходимо обратиться непосредственно к метафорическим образованиям русских поэтических текстов начала XX в. с целью выявления и истолкования скрытых в них социокультурных кодов.

Приведём отрывки поэтических текстов русских классиков, имеющие метафорические конструкции:

«земля – это грязь на калошах», «земля – это хруст на зубах».

А. А. Ахматова. Родная земля, 1961 [12]

В данных метафорах социокультурным кодом можно считать слово «земля». Стихотворение написано в послевоенное время, когда образ и понятие родной земли расширились – теперь земля, спасённая и отвоёванная в ВОВ, имела значение не только кормилицы и Родины-матери, но ещё смерти и ужаса, а вместе с тем и объекта, спасённого во имя и ради человеческой жизни, спасённого вопреки всему (советский человек готов был ко всему, в том числе и «землю есть» ради спасения народа и государства):

*Взор мой – факел, к высям кинут,
Словно в небо опрокинут
Кубок тёмного вина!*

А. А. Блок, 1907 [12]

В метафоре «Взор мой – факел» социокультурным кодом является слово «факел», олицетворяющее огонь. В представлении народа огонь понимается как стихия, наделённая двойственной символичностью. С ним связывались свет и тепло, необходимые для жизни человека, также как для жизни растений незаменимы свет и тепло солнца. В связи с этим следует упомянуть о древних славянах, считавших огонь и солнце родственно объединёнными через отношения Сварога и Дажьбога – сына и отца, божеств огня и солнца. В то же время стихия огня воспринималась как страшная сила, сеющая разруху и гибель. В язычестве огонь являлся объектом поклонения, а также посредником между человеком и богами.

Вот почему в сознании древних славян огонь, как субстанция, находился между двумя мирами. Такие архаичные представления об огне, как границе между двумя мирами – миром живых и миром мертвых, запечатлелись в обличье огненной реки в русских сказках и былинах, где она разделяет тридесятое царство и царство героя, которому, чтобы сохранить жизнь, следует перепрыгнуть на волшебном коне через огненное пламя. Поэтому можно предположить, что А. Блок не случайно выбрал символику огня: он подчёркивает переход из одного века в другой, когда происходили столь серьёзные преобразования в жизни русского народа, связанные с урбанизацией, механизацией, а впоследствии и кардинальной сменой государственного строя:

*Дымилось тело вспаханных равнин.
Вдруг запестрела тихая дорога,
Плач полетел, серебряно звеня.*

А. А. Ахматова, 1916 [12]

Социокоды метафорических конструкций данного поэтического текста тело и плач в полной мере олицетворяют обстановку перед предстоящей революцией 1917 года. Тело символизирует смерть и человеческие жертвы в гражданской войне. Плач – ужас и страх народа перед грядущей неизвестностью и непонятной новизной жизни.

«Красный шлем остроконечный / Бороздит небесный свод».

А. А. Блок, 1904 [12]

Социокоды, содержащиеся в метафорической конструкции данного поэтического текста: *красный шлем*, где шлем олицетворяет солдата в форме, символизирующего скорое приближение Первой мировой войны. Красный цвет в русской культуре – символ огня, жизни, совершенства. Это символ здоровья и совершенства, символ защиты от всего дурного. *Красно солнышко* – дающее жизнь; *весна-красна* – начало жизни; *лето красное* – торжество жизни; *красна девица* – здоровая, полная сил девушка. В бережной культуре цвет используется как защита жизни. Рябиновые (красные) бусы и красная лента в волосах девушки, красные сапоги и красные сарафаны были призваны защитить здоровье и дать больше жизни. Но в XX столетии значение красного цвета расширяется – цвет крови, а значит, и символ смерти приближающихся войн. В 1917 году красный цвет становится символом коммунизма. Как известно, у большевиков *красное знамя* – цвет крови, цвет борьбы. Оно являлось символом, с которым они пришли к власти. Армия – тоже инструмент борьбы. «Если знамя красное, то и армия должна быть *красной*», – так рассуждали большевистские стратеги. Необходимо было что-то противопоставить красному цвету, таким образом набирало силу Белое движение. Кроме того, в данный период было принято давать названия всему, что связано с революцией, прилагательным «красный». На этот счёт хорошо иронизировали Ильф и Петров в своей книге «12 стульев»: «*Красным было всё: красный пролетарий, красный текстильщик, красное Сормово и так далее*».

«Я знаю силу слов, я знаю слов набат».

В. В. Маяковский, 1928–1930 [12]

Социокодом данной метафорической конструкции является слово *набат*. *Набат* – это оповещение или сигнал тревоги для сбора людей, подаваемый обычно ударами в колокол, а также барабанным боем. Ранее набатом мог называться большой барабан, применявшийся в русских войсках. Позднее в советской и российской армии набатный сигнал использовался для подачи сигнала тревоги во время пожара. В качестве колокола могут выступать следующие предметы: обрезок кислородного баллона, обрезок баллона углекислотного огнетушителя либо обрезок рельса, покрашенные в красный цвет. В. Маяковский намеренно использует данное кодовое слово, словно предчувствуя грядущие трагические события, связанные с началом войны. Он будто сам бьёт в набат, являющийся в данном случае словесным набатом, оповещающая о вторжении войск захватчиков на родную землю:

Но посмотри, как сердце радо!

Заграждена снегами твердь.

Весны не будет, и не надо:

Крещеньем третьим будет – Смерть.

А. А. Блок, 1907 [12]

Социокультурными кодами метафорической конструкции данного поэтического текста являются *третье крещенье*. Обратимся к слову *крещенье*: праздник Крещения Господня отмечается в память крещения Иисуса Христа Иоанном Предтечей в реке Иордан. Праздник относится к религиозным, а именно к христианским, и имеет ещё одно название – *Богоявление*, поскольку во время крещения Иисуса Христа в небе появился голубь, который, по мнению народа, был *Святым Духом*, так как в тот же самый момент раздался глас божий, сказавший, что *Иисус Христос* – Его родной и возлюбленный Сын. В период Крещения в церквях проводятся различные ритуалы, в том числе обряд освящения воды. Православные христиане приносят освящённую воду домой, где хранят её на случай болезни или недуга. Святую воду пьют, умываются, кропят дом, поскольку верят в её целебные свойства. Обряд крещения младенца также имеет сакраль-

ное значение – необходимо соблюсти все правила и очерёдность, внимательно избрать крестных родителей и тайное имя для малыша.

С наступлением XX столетия уклад жизни в России меняется. Одним из первых декретов советской власти церковь была отделена от государства, школы, уменьшилась роль религии и в семье. Был освобождён от религиозного санкционирования институт брака и другие акты гражданского состояния. Государство осуществляло свои разработки и предложения по новой обрядности, которые в целом с большим трудом приживались, а чаще так и не находили своего места. В сельской же местности продолжали существовать традиционные обряды, хоть и в изменённом виде.

Важно обозначить, что А. Блок далее называет крещение смертью, намекая на то, что в будущем с возможным приходом к власти коммунистического движения крещение, как обряд, прекратит своё существование, и на долгие десятилетия забудется и сотрётся в памяти народа.

Необходимо отметить порядковое числительное *третье* (крещение). Число *три* в русской традиционной культуре – сакральное число. В первую очередь, на данный факт оказало влияние православное христианство, где понятие «Святая троица» имеет первостепенное значение – число три включает в себя: Отца-Бога, его Сына и Святого Духа. Но не только религиозная сфера жизни полна троичности, социально-бытовые привычки людей также связаны с таинственным числом. Так, например, привычка пить на троих сохранилась и пользуется популярностью в наши дни. Троичностью овеяны и некоторые славянские символы, к примеру – главенствующие образы трёх солнц, трёх коней, три ипостаси – *небо, вода и земля*, в которых созидает Бог Агни, три дороги на выбор, предлагаемые путнику судьбой, образ Трояна в «Слове о полку Игореве», олицетворённого с Триглавом, одним из божеств балтийских славян, и т. д. Подобным образом можно разделить на три части народонаселение России начала XX в. – «красные», «белые» и верхушка – представители *Коммунистической партии*.

Таким образом, завершая разбор социокультурных кодов метафорических обра-

зований поэтических текстов начала XX столетия, можно утверждать, что метафорические конструкции зачастую содержат в себе культурный код, имеющий информативную составляющую той или иной культурной эпохи, в период которой метафора была со-

здана. На основе выделенной информации возможно выявить культурные доминанты, знаковые идеи, культурные ценности, созданные в ту или иную эпоху, что немало важно при изучении культуры и искусства соответствующего периода.

Список литературы

1. Искусство в ситуации смены циклов: междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах / отв. ред. Н. А. Хренов. М.: Наука, 2002. 476 с.
2. Кривцун О. А. Историческая психология и история искусств. М.: Изд-во Гос. ин-та искусствования, 1997.
3. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
4. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры. Тарту, 1971.
5. Маковский С. К. На Парнасе Серебряного века. М.: У-Фактория, 2000. 400 с.
6. Петров М. К. Язык. Знак. Культура. М.: Наука, 1991. 328 с.
7. Полетаев И. А. Сигнал. М.: Наука, 1958.
8. Свирепю О. А., Метафора как код культуры: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Ростов н/Д., 2002.
9. Хренов Н. А. Культура в эпоху социального хаоса. М.: Едиториал УРСС, 2002. 448 с.
10. Эко У. К семиотическому анализу телевизионных сообщений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/eco.htm> (дата обращения: 02.01.2016).

Источники

11. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. 1600 с. С. 203–204.
12. Стихи поэтов XIX–XX веков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/> (дата обращения: 03.01.2016).

References

1. Iskusstvo v situatsii smeny tsiklov: mezhdistsiplinarnye aspekty issledovaniya khudozhestvennoi kul'tury v perekhodnykh protsessakh / отв. red. N. A. Khrenov. M.: Nauka, 2002. 476 s.
2. Krivtsun O. A. Istoricheskaya psikhologiya i istoriya iskusstv. M.: Izd-vo Gos. in-ta iskusstvovedeniya, 1997.
3. Lotman Yu. M. Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2000. 704 s.
4. Lotman Yu. M., Uspenskii B. A. O semioticheskom mekhanizme kul'tury. Tartu, 1971.
5. Makovskii S. K. Na Parnase Serebryanogo veka. M.: U-Faktoriya, 2000. 400 s.
6. Petrov M. K. Yazyk. Znak. Kul'tura. M.: Nauka, 1991. 328 s.
7. Poletaev I. A. Signal. M.: Nauka, 1958.
8. Svirepo O. A., Metafora kak kod kul'tury: dis. ... kand. filos. nauk: 24.00.01. Rostov n/D., 2002.
9. Khrenov N. A. Kul'tura v epokhu sotsial'nogo khaosa. M.: Editorial URSS, 2002. 448 s.
10. Eko U. K semioticheskomu analizu televizionnykh soobshchenii [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/eco.htm> (data obrashcheniya: 02.01.2016).

Istochniki

11. Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii / pod red. A. N. Nikol'yukina. M.: Intelvak, 2001. 1600 s. S. 203–204.
12. Stikhi poetov XIX–XX vekov [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/> (data obrashcheniya: 03.01.2016).

Библиографическое описание статьи

Коноплева Н. А., Антипова С. С. Метафора в литературных текстах русских поэтов конца XIX – начала XX века как репрезентация социокультурных кодов картины мира // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 73–80.

Reference to the article

Konopleva N. A., Antipova S. S. The Metaphor in Texts of Russian Poets of the 19–20th Centuries as Representation of Social and Cultural Codes of the World Picture // Scholarly Notes of Transbaikalian State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 73–80.

Статья поступила в редакцию 14.01.2016

Татьяна Цыден-Ешиевна Намсараева,

аспирант,

Забайкальский государственный университет

(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),

e-mail: tatyana_folk@mail.ru

Народная традиционная культура русских Трёхречья (КНР): история и современность

Статья посвящена исследованию народной традиционной культуры русских Трёхречья в прошлом и настоящем аспектах. Рассмотрены определения и понятия «народная традиционная культура» и «традиция» в трактовках различных учёных и социокультурных учреждений. Представлен анализ традиционной песенной культуры потомков русских, проживающих на территории Трёхречья Китайской Народной Республики, её бытующих жанров, а также выявлены традиционные бытовые танцы и определена степень их сохранности. В статье в целом дан сравнительный анализ традиционной культуры русских Трёхречья и Забайкальского края, выявлена наилучшая сохранность культурного наследия и дано предположение о влиянии определённого фактора на данный результат. В ходе исследования установлены основания, повлиявшие на трансформацию культуры данного субэтноса. В статье выявлены жанры, которыми в настоящее время представлена народная традиционная культура субэтнической группы русских Трёхречья. Определено дальнейшее глубокое изучение других видов и жанров традиционной культуры: календарные и семейно-бытовые обряды, устное народное творчество, традиционное инструментальное творчество, народные праздники, с целью анализа и более полного представления о сохранности народной традиционной культуры. В работе выявлена необходимость возврата, реконструкции и поддержки народной традиционной культуры потомков русских Трёхречья, проживающих в иноязычном окружении.

Ключевые слова: русские Трёхречья, культурное наследие, народная традиционная культура, фольклорная хореография, песенная культура, песенный образец народной традиционной культуры, процессы ассимиляции, иноэтническое окружение

Tatyana Ts.-E. Namsaraeva,

Postgraduate Student,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: tatyana_folk@mail.ru

National Traditional Culture of Russians of Trekhrechie (China): History and the Present

The article is devoted to research of national traditional culture of Russians of Trekhrechie in the past and the present aspects. Definitions and the concepts "national traditional culture" and "tradition" of interpretations of various scientists and sociocultural establishments are considered. The analysis of traditional song culture of descendants of the Russians living in the territory of Trekhrechie of China, its occurring genres is submitted, and also traditional household dances are revealed and degree of their safety is defined. In the article, in general, the comparative analysis of traditional culture of Russians of Trekhrechie and Trans-Baikal Territory is given, the best safety of cultural heritage is revealed and the assumption of influence of a certain factor on this result is given. During the research the bases which influenced transformation of culture of this sub-ethnos are established. The genres presenting national traditional culture of a subethnic group of Russians of Trekhrechie are shown in the article. Further deep studying of other types and genres of traditional culture is defined: calendar and family and household ceremonies, folklore, traditional tool creativity, national holidays and so on, for the purpose of the analysis and a better understanding of safety of national traditional culture. The article presents need of return, reconstruction and support of national traditional culture of descendants of Russians of Trekhrechie living in a foreign-language environment.

Keywords: Russian Trekhrechie, cultural heritage, national traditional culture, folklore choreography, song culture, song example of national traditional culture, assimilation processes, foreign ethnical environment

Сегодня перед миром, государством и обществом стоят сложные задачи осознания важности сохранения, поддержания и трансляции народной традиционной культуры, культурного наследия, которые в условиях глобализации подвергаются неизбежной трансформации и утрате. Доктор культурологии М. И. Гомбоева отмечает то, что «трансформируется среда бытования традиционной культуры, образ жизни, характер труда, информационное поле и пр.» [4, с. 228]. Таким образом, в настоящее время особо актуальным и важным является изучение народной традиционной культуры русских, проживающих за рубежом, которая в данных условиях наиболее подвержена различным влияниям со стороны. Эта проблема и стала целью исследования. Задачи заключаются в следующем: определить состояние бытования и сохранности народной традиционной культуры в исторической последовательности; выявить факторы, повлиявшие на сохранение народной традиционной культуры; определить меры по поддержке народной традиционной культуры русских Трёхречья.

Теоретическую и методологическую основу статьи составили научные труды отечественных учёных и исследователей: Ю. В. Аргудяевой, М. И. Гомбоевой, Т. М. Зенковой, А. М. Кайгородова, А. С. Каргина, А. В. Костиной, Э. С. Маркаряна, Н. Г. Михайловой, А. П. Тарасова, К. В. Чистова, А. Г. Янкова. Законодательную и нормативно-правовую базу исследования определили: Рекомендация о сохранении фольклора 1989 г. и Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 г., Конвенция об охране нематериального культурного наследия 2003 г., Декларация о международной миграции и развитии 2013 г. К сожалению, в рамках российских программ по сохранению нематериального культурного наследия нет пункта, где рассматривался бы вопрос о сохранении и поддержке культурного наследия русских за рубежом.

Специфика объекта исследования и новизна проблемы определили необходимость использования в качестве основного метода историко-культурологический, а также дополнительные методы описания, анализа, сравнения, наблюдения. Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о народной традиционной культуре, необходимо определить её основные понятия.

Народная традиционная культура как в российском законодательстве, так и в отечественном научном мире не имеет чёткого определения. В различных науках, таких как философия, социология, культурология, фольклористика, существует множество дифференциаций понятия «традиционная культура». С позиции ЮНЕСКО народная традиционная культура – это коллективное и основанное на традициях творчество групп или индивидуумов, определяемое надеждами и чаяниями общества, являющееся адекватным выражением их культурной и социальной самобытности.

Государственный республиканский центр русского фольклора рассматривает под традиционной народной культурой «совокупность накопленного опыта поколений, живущего в памяти, реализуемого в самых различных формах и на самых разных уровнях, воплощающего наиболее устойчивые и проявившие свою безусловную ценность параметры и являющегося основой настоящих и будущих социокультурных систем; а также коллективное, основанное на традициях творчество групп или индивидуумов, чаще передающееся устно, путём личного общения, адекватно выражающее устремления общества и воплощающее их культурную и социальную самобытность» [11, с. 64–65].

Кандидат филологических наук Н. Г. Михайлова в работе «Народная культура в современных условиях» указывает на то, что «традиционная народная культура определяет и нормирует все аспекты жизнедеятельности общины: уклад жизни, формы хозяйственной деятельности, обычаи, обряды, регулирование социальных взаимоотношений членов сообщества, тип семьи, воспитание детей, характер жилища, одежды, питания, освоение окружающего пространства, отношения с природой, миром, верования, поверья, знания, язык, фольклор как знаково-символическое выражение традиции. В народной традиционной культуре заложены такие идеи – ценности – смыслы, как представления о природе, космосе, месте человека в мире, религиозно-мифологические понятия об отношениях человека с некими высшими и низшими силами, представления об идеалах мудрости, силы, героизма, красоты, добра и зла, о формах "правильного" и "неправильного" поведения и устройства жизни, о служении людям, отечеству и др. Всё это содержание

воплощено в культурных текстах разной знаковой природы (слово, жест, музыка, танец, изображение, материально-вещный пласт культуры)» [8].

Мы же согласимся с утверждением кандидата культурологии Т. М. Зенковой, что «понятие *традиционная культура*, не является синонимом *народной культуры*. Первое понятие – есть весьма важное качество народной культуры, но не она сама. Народная культура не имеет чётких границ, включает культурные пласты различных эпох – от глубокой древности до современности. Традиционная же культура – это корневая система, социокультурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определённых обществах и социальных группах в течение длительного времени. Не принимая за аналог понятие *народная и традиционная культура*, мы допускаем применение другого словосочетания *традиционная народная культура*, в котором и объект (культура), и предмет её качества (традиционность) находятся в синергетическом единстве.

Понятие *традиции* рассматривается также неоднозначно. Одни исследователи берут в центр внимания процессуальный аспект (от поколения к поколению, от прошлого к настоящему), другие – содержательный (обычаи, нормы), третьи – инструментальный аспект (механизмы передачи), т. е. рассматривают традицию как культуру или как механизм действия культуры. Смысл всех объяснений сводится к тому, что традиция связывает прошлое и настоящее, причём элементы прошлого в ней выражены сильнее» [5, с. 13]. «Традиция представляет собой сложную систему, включающую различные компоненты и имеющую определённую структуру. Сюда включается открытая (устойчивые формы поведения) и скрытая эмоциональная и рациональная стороны (различные повторяющиеся, устойчивые способы мышления и чувствования, верования, символы, стандарты, нормы, знания, ценности и т. д.)» [6, с. 29]. Традиция выполняет следующие функции: регулятивную и нормативную, социализации индивидов, передачи социального опыта последующим поколениям и т. д.

Таким образом, считаем необходимым остановиться на утверждении Э. С. Маркаряна, что традиция – это то, что помогает системе выживать, обеспечивает её адаптивность, т. е. способность для само-

сохранения в конкретной среде, причём это не пассивное приспособление, а активный процесс [7, с. 81]. «Понятие *традиция*, само лежащее в центре науки о культуре, имеет в своей основе понятие *социально-значимый опыт*, который рассматривается как опыт коллектива сообщества, причём прошедшего апробацию и временем, и самой общностью. Как правило, этот опыт трансформируется в традицию, если он усвоен, по крайней мере, двумя-тремя поколениями. Новейшее время наложило серьёзный отпечаток на темпы и сроки жизни традиций: их обновление происходит значительно быстрее, а укоренённость в культуре сообщества ослаблена» [8, с. 35]. Данный аспект возможно рассмотреть на примере потомков русских, проживающих в Трёхречье (Китай).

В XXI в. Трёхречье, расположенное на северо-востоке КНР, стало предметом пристального изучения. Интерес проявляют как современные российские, так и китайские учёные: историки, филологи, краеведы, философы, этнографы, культурологи, лингвисты и т. д. Организовываются экспедиции учреждений культуры и образования Забайкальского края совместно с Министерством международного сотрудничества, внешнеэкономических связей и туризма Забайкальского края и местного отделения Ассоциации по изучению русских в Автономном районе Внутренней Монголии КНР.

Изначально русские Трёхречья вели традиционный уклад жизни, о чём свидетельствует А. Кайгородов: «В святки по посёлкам ходили ряженые, в Рождество – христославщики со звездой. На Пасху пекли куличи, красили яйца, христосовались, играли в лапту, городки и другие игры, качались на качелях. На Масленицу "брали" снежные городки, катались на лошадях» [1]. Скачки и джигитовка являлись неотъемлемым условием на казачьих праздниках. В Трёхречье отмечали традиционные праздники: Масленицу, Пасху, Троицу. Существовала традиция купать и святить лошадей на Духов день. Широко гуляли и престольные праздники, куда народ съезжался со всей округи. Молодёжь «выкупала» избу, устраивала посиделки, вечерки с песнями, танцами под гармонь и балалайку. «Чтобы не терять время, девушки брали с собой какое-либо рукоделие. Нередко до утра пели песни и плясали» [Там же]. Русская традиция «помочей» существовала и у казаков

Трёхречья. Хозяева приглашали женщин соседок и не только, для помощи в сезонных бытовых делах: для засолки капусты, лепки пельменей и т. д.

Повседневная одежда казаков трёхречинцев была традиционной: мужчины носили холщовую рубаху и штаны с лампасами, а женщины – «парочку». Праздничная женская одежда была нарядной, а у мужчин являлась форма Забайкальского казачьего войска. Зимой носили шубы, полушубки, валенки, ушанки и т. д.

Определённых земледельческих традиций казаки придерживались в посевную и уборку урожая. «...Когда сеяли коноплю, то вместе с семенами в землю зарывали несколько яиц. При уборке зерновых оставляли небольшой клин «богу на бородку». В засушливую погоду приглашали священников на молебен и с иконами ходили по полям» [Там же].

В статье «Русские Трёхречья» (2006) доктор исторических наук Ю. В. Аргудьева указывает на то, что «...русскоговорящее население на этой территории осталось. Это потомки от смешанных браков русских с китайцами. По свидетельству современных информантов¹, они, как и живущие рядом с ними китайцы, отмечают Троицу, Пасху и ряд других праздников; сохранилось фольклорное творчество; придерживаются и других традиций русской культуры. Основная часть поселений Трёхречья утратила свой облик, но некоторые русские избы используются и сегодня, а в посёлках стали строить новые дома по русскому образцу» [Там же]. Сегодня также остаётся главным православный календарный праздник Пасха. Его празднуют по традиции с молитвами, куличами, освящёнными яйцами, катанием на деревянных качелях.

Об этом же свидетельствовали и сотрудники Областного методического и информационно-аналитического центра культуры и народного творчества г. Читы (ныне Учебно-методический центр культуры и народного творчества Забайкальского края), исследовавшие традиционную народную культуру русских Трёхречья. Первая экспедиция разведывательного характера в области традиционной песенной культу-

ры была организована в 2000 г. В 2005 г., с целью более глубокого исследования степени сохранности образцов культурного наследия русских, проживающих в условиях иноэтнической культуры, была проведена вторая этнографическая экспедиция.

Как отмечает кандидат культурологии Т. М. Зенкова [3, с. 4–6], потомки русских, проживающие в КНР, хорошо знают и почитают русскую традиционную культуру: сохранили образцы народной хореографии, более того, всё это широко бытует в живой традиции исполнения, начиная с детей и заканчивая пожилыми людьми. Информанты помнят, как калину-берёзку на Троицу украшали лентами, ходили на речку её топить, на Святки гадали, наряжались в вывернутые шубы, делали берестяные маски, ряженые ходили со звездой, сделанной из красной бумаги, и пели христославия. Святочные попевки и песенный материал Трёхречья однотипны по мелодическому и поэтическому языку с образцами Приаргунского района Читинской области (ныне – Забайкальский край). Поют песни тюремные, казачьи, жестокие романсы, песни литературного происхождения. Как и в Забайкальском крае, исполнительская манера претерпевает значительные изменения в сторону облегчения, простоты, нивелировки фольклорного текста. Тем не менее, потомки русских в Трёхречье сохранили традиции своей исторической родины, хотя и в трансформированном виде, но дают информацию на много глубже, чем сверстники в России.

Ознакомившись с вышеуказанными экспедиционными материалами, считаем необходимым дополнить информацию по традиционной песенной и хореографической культуре русских Трёхречья. Песенная культура представлена такими жанрами, как: колыбельные, хороводно-плясовые, хороводно-игровые, любовные и жестокие романсы, тюремные, частушки с припевками, солдатские, казачьи о проводах на службу, литературные песни позднего происхождения, шуточные и т. д. У потомков русских чётко проявлена ассимиляция, в разговорной речи и в пении слышен акцент, а также смешение слов русских и китайских. Песенная культура представлена женской традицией двухголосного пения, но при этом соблюдены законы голосоведения, глубже сохранён поэтический текст, диалект встречается и в «поздних» песенных образцах.

¹ Информация Л. В. Эмирзиади, начальника международного отдела Забайкальского государственного педагогического университета, и Цзян Янь Бин, сотрудника туристической компании «Хай Вай» (Маньчжурия).

В Трёхречье бытуют песенные образцы, которые сложены на мелодию других известных произведений, к примеру: «Стаканчики гранёные упали со стола» («Когда б имел золотые горы»), «...вышла из тумана» («Катюша»), «Как родная меня мать, ой, ругала» («Как родная меня мать провожала»). Кроме этого, зафиксирован песенный образец «Вечорась, вечорась я запил, загулял», поэтический текст которого схож со стихотворением А. С. Пушкина «Узник».

Необходимо отметить тот положительный факт, что потомки русских Трёхречья сохранили полные тексты произведений, в отличие от аналогичных песенных образцов Забайкалья, например, в произведениях «Чубчик кучерявый», «Последний нынешний денёчек». В собранных фольклорных материалах имеются и более «ранние» песенные образцы культурного наследия, такие как: «Уж вы кумушки, голубушки, подружки» (хороводно-плясовая), «В хороводе были мы» (хороводно-игровая), «Располным-полна моя коробочка» (плясовая), «Последний нынешний денёчек» (исполнялась во время проводов на службу), «Частушки с припевками», «Во кузнице» (плясовая) [2].

Сложная, тяжёлая жизнь русских на чужбине отразилась в песне «позднего» литературного происхождения «В саду при долине»:

*Я нашёл уголочек,
Он и тот мне не свой.
Все меня бьют и обижают,
И для всех я чужой.*

В произведении «Всю вселенную проехал» отражены желание и надежда вернуться в Россию:

*Всю-то я вселенную проехал,
Нигде милой не нашёл,
Я в Россию возвратился,
Сердцу слышится привет.*

Большой устойчивостью и степенью сохранности определяются традиционные бытовые танцы: «Кабачок», «Лысый», «Бубриха», «Сирбияночка», «Подгорная», «Светит месяц» [3, с. 7–30] и т. д., которые на территории Забайкальского края полностью утрачены. В целом, сравнивая сохранность культурного наследия потомков русских казаков Трёхречья и Забайкальского края, следует определить лучшую сохран-

ность именно у трёхречинцев, они сыграли важнейшую роль в процессе усиления этнозащитной функции культуры.

В начале XXI в. русское население Трёхречья старается поддерживать свою идентичность. «В настоящее время мы наблюдаем возрождение этнической идентичности, связанное с повышением роли православия, актуализацией истории и общим повышением русского самосознания» [11, с. 41]. Представители данной субэтнической группы, творческий коллектив «Земляки» г. Эргуна, дважды принимали участие в Межрегиональном фестивале старообрядцев «Семейская круговая» в Забайкальском крае (2012, 2014 гг.), по приглашению Министерства культуры Забайкальского края. С огромным удовольствием трёхречинцы участвуют в фестивалях, развиваются, обогащаются достижениями русской культуры и перенимают опыт возрождения традиций предков.

Кандидат филологических наук Н. Г. Михайлова в работе «Вторая жизнь традиционной народной культуры» определяет следующее: «Формы культуры прошлого, оторвавшись от исторического контекста, социальной среды (общины) меняют свой характер, свое место в культуре и обществе... Традиционная культура занимает иное, чем в прошлом, место в современном социокультурном пространстве» [4, с. 12]. С данным утверждением согласимся и мы.

Таким образом, сегодня народная традиционная культура потомков русских Трёхречья бытует в трансформированном виде, причиной которого явились различные факторы: исторические события, происходившие на данной территории, процессы ассимиляции, диффузии идентичности. В настоящее время она представлена песенными и танцевальными образцами. В дальнейшем требуется глубокое изучение других видов и жанров традиционной культуры: календарные и семейно-бытовые обряды, устное народное творчество, традиционное инструментальное творчество, народные праздники и т. д. Сегодня потомки русских нуждаются в культурной помощи и содействии со стороны России, которая заключается в возврате, реконструкции и поддержке культурного наследия русских Трёхречья, проживающих в иноязычном окружении.

Список литературы

1. Аргудяева Ю. В. Русские в Трёхречье [Электронный ресурс] // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 121–134. Режим доступа: http://www.ostrog.ucoz.ru/publ/a/argudjaeva_ju_v/russkoe_naselenie_v_trekhreche (дата обращения: 15.12.2015).
2. Архив Учебно-методического центра культуры и народного творчества Забайкальского края. Трёхречье: архив экспедиционных материалов. Чита: УМЦКИНТ, 2015.
3. Вопросы традиционной культуры. Вып. 2. Народная традиционная культура Читинской области: бытовая хореография / под общ. ред. Т. М. Зенковой. Чита: ОМиАЦК, 2006. 32 с.
4. Вторая жизнь традиционной народной культуры в России эпохи перемен / под ред. Н. Г. Михайловой. М.: НБ-Медиа, 2011. 180 с.
5. Гомбоева М. И. Стратегии сохранения традиционного культурного наследия в контексте модернизации культурологического образования (влияние подлинности артефакта на достоверность культурологического знания) // Сохранение народной традиционной культуры: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГГПУ, 2012. С. 227–231.
6. Зенкова Т. М. Песенная культура семейских Восточного Забайкалья (историко-культурологический аспект): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Улан-Удэ, 2003. 24 с.
7. Иванова Ю. В. Теоретико-методологические подходы к изучению традиции // Сохранение народной традиционной культуры: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГГПУ, 2012. С. 24–31.
8. Каргин А. С., Костина А. В. Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет развития культурной политики в XXI веке [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Учение. 2008. № 3. С. 59–71. Режим доступа: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-nematerialnogo-kulturnogo> (дата обращения: 05.12.2015).
9. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М., 1983. 284 с.
10. Михайлова Н. Г. Народная культура в современных условиях: учеб. пособие [Электронный ресурс]. М.: М-во культуры РФ: Рос. ин-т культурологии, 2000. 219 с. Режим доступа: <http://www.riku.ru/lib/narcult/nar-cult-raw.htm> (дата обращения: 02.12.2015).
11. Янков А. Г., Тарасов А. П. Русские Трёхречья: история и идентичность. Чита: Экспресс-изд-во, 2012. 72 с.

References

1. Argudyaeva Yu. V. Russkie v Trekhrech'e [Elektronnyi resurs] // Rossiya i ATR. 2006. № 4. S. 121–134. Rezhim dostupa: http://www.ostrog.ucoz.ru/publ/a/argudjaeva_ju_v/russkoe_naselenie_v_trekhreche (data obrashcheniya: 15.12.2015).
2. Arkhiv Uchebno-metodicheskogo tsentra kul'tury i narodnogo tvorchestva Zabaikal'skogo kraja. Trekhrech'e: arkhiv ekspeditsionnykh materialov. Chita: UMTsKiNT, 2015.
3. Voprosy traditsionnoi kul'tury. Vyp. 2. Narodnaya traditsionnaya kul'tura Chitinskoi oblasti: bytovaya khorografiya / pod obshch. red. T. M. Zenkovo. Chita: OMiATsK, 2006. 32 s.
4. Vtoraya zhizn' traditsionnoi narodnoi kul'tury v Rossii epokhi peremen / pod red. N. G. Mikhailovoi. M.: NB-Media, 2011. 180 s.
5. Gomboeva M. I. Strategii sokhraneniya traditsionnogo kul'turnogo naslediya v kontekste modernizatsii kul'turologicheskogo obrazovaniya (vliyanie podlinnosti artefakta na dostovernost' kul'turologicheskogo znaniya) // Sokhranenie narodnoi traditsionnoi kul'tury: materialy mezhregion. nauch.-prakt. konf. Chita: ZabGGPU, 2012. S. 227–231.
6. Zenkova T. M. Pesennaya kul'tura semeiskikh Vostochnogo Zabaikal'ya (istoriko-kul'turologicheskii aspekt): avtoref. dis. ... kand. kul'turologii: 24.00.01. Ulan-Ude, 2003. 24 s.
7. Ivanova Yu. V. Teoretiko-metodologicheskie podkhody k izucheniyu traditsii // Sokhranenie narodnoi traditsionnoi kul'tury: materialy mezhregion. nauch.-prakt. konf. Chita: ZabGGPU, 2012. S. 24–31.
8. Kargin A. S., Kostina A. V. Sokhranenie nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov RF kak prioritets razvitiya kul'turnoi politiki v XXI veke [Elektronnyi resurs] // Znanie. Ponimanie. Uchenie. 2008. № 3. S. 59–71. Rezhim dostupa: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-nematerialnogo-kulturnogo> (data obrashcheniya: 05.12.2015).
9. Markaryan E. S. Teoriya kul'tury i sovremennaya nauka. M., 1983. 284 s.
10. Mikhailova N. G. Narodnaya kul'tura v sovremennykh usloviyakh: ucheb. posobie [Elektronnyi resurs]. M.: M-vo kul'tury RF: Ros. in-t kul'turologii, 2000. 219 s. Rezhim dostupa: <http://www.riku.ru/lib/narcult/nar-cult-raw.htm> (data obrashcheniya: 02.12.2015).
11. Yankov A. G., Tarasov A. P. Russkie Trekhrech'ya: istoriya i identichnost'. Chita: Ekspress-izd-vo, 2012. 72 s.

Библиографическое описание статьи

Намсараева Т. Ц.-Е. Народная традиционная культура русских Трёхречья (КНР): история и современность // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 81–86.

Reference to the article

Namsaraeva T. Ts.-E. National Traditional Culture of Russians of Trekhrechie (China): History and the Present // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 81–86.

Статья поступила в редакцию 18.12.2015

Татьяна Вячеславовна Романенко,
аспирант,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: tasyaroman0991@mail.ru

Православие в контексте взаимодействия русской и китайской культур

В данной статье рассматривается роль Русской Православной Церкви во взаимодействии китайской и русской культур. Проанализированы основные проблемы распространения православия в Китае, которые требуют скорейшего разрешения. Установлено, что миссионерская деятельность Русской Православной Церкви приводит к расширению межнациональных связей, что способствует культурному взаимодействию. В статье рассмотрены основные направления миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в разный период времени, а также условия, которые способствовали возрождению православия не только в Китае, но и в СССР. Далее автор рассматривает действия, которые предпринимают представители Русской Православной Церкви, для возрождения православия в Китае, а также предпринимаемые ответные действия со стороны китайских властей. Кроме того, в статье обращается внимание на тот факт, что возрождение православия в Китае связано с государственной политикой, которую проводит правительство Китая. Несмотря на то, что многие проблемы представители обеих стран стремятся решить совместными усилиями, однако переговоры по ним идут уже несколько лет, и автор данной статьи выделил основные проблемы, которые необходимо решить. В конце сделан вывод о том, что православие в Китае начинает приобретать национальный китайский характер и становится частью культурной традиции этой страны.

Ключевые слова: православие, Китай, культурный диалог, православная церковь, распространение православия

Tatiana V. Romanenko,
Postgraduate Student,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: tasyaroman0991@mail.ru

Orthodoxy as a Factor of Communication Between Chinese and Russian Cultures

The article dwells upon the role of the Russian Orthodox Church in the cultural communication between China and Russia. It presents the analysis of the main problems in the distribution of Orthodoxy in China, which require fast solution. It is established that the missionary activity of the Russian Orthodox Church leads to the expansion of international relations, which promote cultural interaction. The article considers the main directions of missionary activities of the Russian Orthodox Church in different periods of time and also some conditions that contributed to the revival of Orthodoxy not only in China and the Soviet Union. The author of the article considers the actions that are undertaken by representatives of the Russian Orthodox Church for the revival of Orthodoxy in China and ongoing retaliatory actions from the Chinese authorities. In addition, the article draws attention to the fact that the revival of Orthodoxy in China is due to the state policy pursued by the state. Despite the fact that many of the problems of representatives of both countries tend to be addressed jointly, however, these negotiations have been going on for several years, and the author of this article highlighted the main issues that need to be addressed. The conclusion drawn in the article is that Orthodoxy is becoming nation-wide and a part of the cultural tradition in China.

Keywords: Orthodoxy, China, cultural dialogue, the Orthodox church, distribution of Orthodoxy

Современный мир – мир, в котором стираются границы культур, способов мышления, где культуры активно взаимодействуют друг с другом, что на сегодняшний день играет огромную роль как в существовании культуры, так и в её развитии [2, с. 6]. Как отмечает Т. В. Бернюкевич, начиная с середины XX в. в процессе взаимодействия культур идут значительные изменения в его содержании и направленности [Там же]. На сегодняшний день нарастает интенсивность культурных контактов, повышается стремление к их рефлексии, возрастает необходимость в их сознательном регулировании. На данный момент мы можем говорить о том, что, с одной стороны, межкультурная коммуникация приводит к созданию некоего единого пространства мировой культуры, с другой – к стремлению сохранить специфику разных культур.

Как отмечает Н. В. Кокшаров в своей статье «Взаимодействие культур: диалог культур», взаимодействие культур, их диалог – наиболее благоприятная основа для развития межэтнических, межнациональных отношений [9]. Диалог культур может выступать как фактор заимствования. Основой заимствований и синкретических процессов является определённое соотношение уровней общественно-культурного развития вступивших в контакт народов, известная степень соответствия заимствуемой черты культуре-восприемнику. Нередко причины заимствования или отказа от него находятся в общем укладе жизни, который открывает пути заимствованию либо исключает его [1, с. 91].

Миссионерство является ещё одним фактором взаимодействия культур. Как явление его можно рассматривать в двух аспектах: содержательном и функциональном. В содержательном плане анализируются задачи и методы миссионерской деятельности, особенности религиозного сознания, интерпретация и толкование вероучительных догматов. В функциональном плане анализируется специфическая роль миссионерства в межкультурных контактах [7, с. 15]. Как отмечает Н. В. Карташева, изучение миссионерства с точки зрения его коммуникативной и интеграционной функции имеет большое значение в понимании культурно-исторической роли миссионерства, т. к. именно благодаря своей главной цели (передаче и распространения христианства) миссионерство активно включается

в процесс межкультурного взаимодействия [Там же]. Приехавшие в Китай миссионеры стали основоположниками и участниками взаимодействия двух различных культур Востока и Запада [15, с. 53].

Всё же культура создаёт множество путей сближения – политические, экономические, культурные, в том числе и религиозные. Например, сближение России и Китая началось не только в советский период, но значительно раньше, ещё в дореволюционные годы. Этому сближению в значительной степени способствовало строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), а также православие.

Когда православие начало проникать во Внутреннюю Монголию, Православная Церковь не спешила заниматься миссионерской деятельностью среди тувинцев, населявших данный район, так как они были китайскими подданными, и работа с ними была в ведении внешнеполитического ведомства [6, с. 127]. Ситуация часто осложнялась и тем, что многие священники не знали китайского языка, а коренное население не знало русского. Таким образом, богослужение для коренного населения оказалось не доступным для понимания. Однако, используя опыт миссионерской деятельности в приграничных районах с Китаем, церковь попыталась реорганизовать свою миссионерскую деятельность, учитывая этническую самобытность коренных народов, создавая новые структуры, увеличивая количество миссионерских станций, выпуская в больших количествах религиозную литературу на национальных языках [4, с. 30–31]. Как указывал иеромонах Алексей Виноградов, «у русских, поставленных в положение миссионеров среди китайцев, главное внимание обращено на церковное богослужение, совершение таинств и других треб и чинопоследований согласно уставу Православной Церкви. Дело учительства обставлено строгими требованиями, с возможным устранением личного вольномыслия и даже метода, лишающего авторитета Библии и Церкви. С другой стороны, члены русской дипломатической миссии в Пекине ещё не начали распространения и утверждения православия в разных частях Китая, а потому и запросы их на литературный материал ограничиваются только северным китайским диалектом и обще учёным, без отношения к прочим» [3, с. 36].

Годы культурной революции разрушили инфраструктуру Православной Церкви по всему Китаю. Но в последние годы идёт интенсивный диалог Русской Православной Церкви с Государственным управлением Китая по делам религий. Инициатором диалога между Русской Православной Церковью и властями Китая стал в 1990-е гг. председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, в то время митрополит Смоленский и Калининградский, а ныне патриарх Московский и вся Руси Кирилл. Он неоднократно посещал Китай и встречался с государственными чиновниками, добываясь разрешения на возрождение Китайской Православной Церкви. Во время визитов в Китай патриарх Кирилл встречался с православными верующими и стал первым русским архиереем, совершившим богослужение на территории Китая после почти полувекового перерыва [12].

С 1970-х гг. Китай вступил в период реформ, началось нормальное функционирование светского государства, религиозных институтов и развитие христианства. В 1993 г. генеральный секретарь КПК Цзян Цзэминь предложил проект по работе с религиями «три представительства», который подчёркивал активную направленность на религию и социалистическое общество на пути взаимной помощи в адаптации друг к другу. На рабочей конференции в 2003 г. «Вся страна – единый фронт», Цзян Цзэминь снова определил дальнейшие определённые условия для активных действий религии и социалистического общества на пути взаимной помощи в адаптации друг к другу. Во-первых, представители религии и верующие должны соблюдать закон страны, правовые предписания и политический курс. Во-вторых, религиозная деятельность должна подчиняться и служить наивысшим интересам государства и национальным интересам, представители религии должны выявлять и развивать в религии положительный фактор, для объединения родины, единство национальностей и развитие общества также вносит свою лепту. Этот комментарий показывает смысл основных требований и усиление курса на активные действия религии и социалистического общества на пути взаимной помощи в адаптации друг к другу [5, с. 32].

Возрождение православия в Китае было связано не только с реформами в КНР,

но и с событиями в СССР. Со второй половины 1980-х гг. в СССР начинаются кардинальные изменения в социально-экономических отношениях, что также сказывается и на отношениях с РПЦ, как следствие – с другими конфессиями, в том числе и с РКЦ [10]. Церковь и верующие теперь не рассматриваются как инакомыслие и оппозиция для советского режима, руководители РПЦ больше не подвергаются критике, наоборот, власть начинает видеть в РПЦ союзника. Такой поворот не был связан с религиозными причинами, власти руководствовались, прежде всего, политическими причинами, которые должны были способствовать «приведению в норму отношений между религиозными организациями и верующими» [Там же]. Кроме того, власти начинают принимать во внимание мнение Русской Православной церкви в отношении с другими религиозными конфессиями, прежде всего с Ватиканом.

Традиционной православной территорией в Китае считается северо-восток. Православие здесь распространено в таких городах, как: Харбин, Хайлар, Лабдарин (центр Трёхречья), Пекин, Шанхай, Синьцзян-Уйгурский автономный район, Хухто, а также Гонконг и Тайвань. Это так называемая «Территория пастырской ответственности Русской Православной Церкви». Отец Дионисий (Поздняев) отмечал: «Хайлар возник благодаря строительству КВЖД и русскому влиянию в Маньчжурии. В Хайларе сейчас проживает около 30 православных семей – потомки смешанных браков между русскими, монголами и даурами. Старшее поколение ещё говорит по-русски, хотя вспоминает, что в годы "великой культурной революции" о русском языке пришлось забыть. Ещё не так давно в Хайларе было два православных храма, один из них даже каменный» [13]. Русские – одна из трёх синьцзянских нацменьшинств и, как показывают статистические данные на июнь 2006 г. их общая численность в Синьцзяне составляет 11206 чел.: Чугучак – 3490 чел., Улумчи – 3099 чел., в округе Или – непосредственно 1497 чел. [5, с. 13]. Русские в основном проживают в северных пригородах Синьцзяна, в восточной и южной частях Синьцзяна русских сравнительно меньше. Например, непосредственно в округе Или 1497 русских, которые в основном проживают в таких городах, как Инин, Куйтунь,

а также в городе и уезде Синьюань (Кунгес), в городе и уезде Гунлиу (Яньшар, Токкузтара), в городе и уезде Хочэн и в других городах и уездах, а также в каждом уездном посёлке [Там же].

На сегодняшний день проповедь среди населения, перевод, издание религиозной литературы на китайском языке, богослужение и образование на родном языке коренного населения остаются главными методами Русской Православной Церкви в распространении православия в КНР. Возрождение православия в Китае продолжается. Были освящены и открыты православные храмы в разных городах Китая: от северо-востока Внутренней Монголии до Пекина и Шеньчжэня [12]. Целью регулярных поездок представителей РПЦ в Китай и переговоров, которые ведутся с Государственным Управлением по делам религии, является нормализация православной жизни в Китае. Сегодня прихожанами этой церкви являются китайцы, исповедующие православную веру, русские, а также граждане других государств, исповедующих православие.

Русская Православная Церковь осуществляет свою миссионерскую деятельность согласно выработанной ею концепции, в которой вопрос о состоянии современного миссионерского поля является ключевым для определения направления, методов и способов развития православной миссии [9].

Целью своих переговоров с Государственным отделом по делам религий в КНР Русская Православная Церковь ставит:

1. Нормализацию положения Китайской Автономной Церкви именно как Православной Церкви Китая (КАПЦ).

2. Получение регистрации КАПЦ как религиозного объединения, где должен быть свой епископ, священники, действующие храмы.

3. Назначение китайских священников в действующие храмы [11].

В настоящее время для Православной Церкви существует несколько проблем:

1. Проблема со священнослужителями. Перед 1956 г. образовалась Китайская Православная Церковь, православные священнослужители в Синьцзяне были командированными из Пекина православными миссионерами или являлись эмигрировавшими с войсками белой армии священ-

нослужителями. В Синьцзяне они собрали русских по национальности, готовились к постройке храма, вели церковные дела. В 50-е гг. XX в. синьцзянские православные священнослужители стали непрерывно возвращаться домой или уезжать в третьи страны. До сих пор православие Синьцзяна остаётся без священнослужителей.

2. Проблема связей с заграницей. У русских Синьцзяна повсюду множество родственников в Казахстане, России, Кыргызстане, Австралии, Канаде, в Германии и других странах. После политики реформ и открытости большинство русских восстанавливают связи с родственниками за границей. Иностранцы верующие незаконно ввозят предметы религиозного культа, неофициально в Синьцзяне православные верующие проводят религиозные мероприятия, нарушая китайское законодательство, нормативные акты и политический курс.

3. В ходе развития приграничной торговли иностранные верующие проявляют активность. В новый период средства проникновения зарубежных вероучений непрерывно изменяются, их становится всё больше. В связи с этим имеющий отношение к этому отдел управления в сфере религий и сотрудники административного отдела Православной Церкви полностью понимают пагубность и серьёзность «Проникновения», необходимость в управлении расширением открытости и в сопротивлении проникающему влиянию. Разработаны мероприятия, которые соответствуют «Положению об управлении деятельностью», дают возможность защищать закон, а в зависимости от конкретной ситуации позволяют принять определённые меры [5, с. 23].

Есть две проблемы, из-за которых трудно решить сложившуюся ситуацию со священнослужителями:

1. В Китае нет православных духовных семинарий, где готовят православных священников. Сейчас в Китае имеются духовные академии, в которых воспитываются протестантские и католические священнослужители, приезжает католический пастор, чтобы исполнять обязанности православного священника, который несёт ответственность за управление церковными делами, а также за церковные обряды, что не соответствует требованиям православного вероисповедания.

2. Кто-то должен взять на себя расходы за обучение священников, а также доход у церкви не является достаточным, чтобы содержать священников и в то же время решать экономические проблемы [Там же].

Чтобы решить многие проблемы, в том числе и со священнослужителями, по мнению китайского исследователя Го Вэйцзиня, необходимо противостоять иностранной религиозной активности, ключевые вопросы, касающиеся религии, необходимо решать внутри страны, всесторонне и достоверно, а также последовательно направлять политический курс на свободу вероисповедания, укреплять осознание самостоятельности в религиозных кругах и двигаться в направлении самостоятельности [Там же].

За последние годы встречи представителей РПЦ и Государственного управления КНР по делам религий стали более частыми и более активными. Всё чаще стали организовываться встречи, круглые столы, конференции, на которых обсуждаются проблемы, встающие перед современным обществом. На сегодняшний день власти КНР уделяют большое внимание религиозному фактору в развитии современного общества, понимают также, что контакты в религиозной сфере важны для укрепления отношений между Россией и Китаем.

Возрождение православия в Китае связано с несколькими причинами:

– экономическими (развитие туризма). На сегодняшний день можно констатировать, что поток туристов из России, посещающих Китай, увеличился. Когда россияне приезжают в Китай, то они посещают различные храмы [14];

– политическими. Здесь важным является достижение согласия по важным мировым проблемам и вопросам двусторонних отношений;

– национальной политикой. В 80-е гг. в Китае была развёрнута политика «спасения культуры национальных меньшинств», которая способствовала научным исследованиям культур «малых народов». В русле новой культурной и религиозной политики

исследования были направлены на изучение и сохранение этнических традиций «малых народов».

Несмотря на то, что православие не является официально признанной религией в Китае, она считается религией национального меньшинства в Китае – религией русского населения Китая. Сегодня правительство Китая для объединения всех национальностей в одном государстве во избежание конфликтов на религиозной почве проводит политику умиротворения. Это делается для того, чтобы показать, что ни одна национальность, ни одна религия, ни одна культура не забыта, поэтому китайцы и занялись восстановлением Китайской Православной Церкви.

Китайская Православная Церковь должна стать ещё одним связующим звеном между Россией и Китаем. С одной стороны, она должна нести идеи китайской традиционной культуры. Для этого необходимо, чтобы в Китае снова появились православные школы, семинарии, открылись церкви, начались богослужения. С другой – возрождение православия в Китае должно показать, во-первых, что эпоха диктатуры в Китае закончилась, и, во-вторых, что китайское правительство встало на путь диалога и не намерено сворачивать с выбранного пути открытости и реформ. Иными словами, религия должна всячески содействовать построению гармоничного общества, в котором представители религий вносили бы свой важный вклад [Там же].

Несмотря на то, что православие для китайцев остаётся русской религией, однако православие в Китае начинает приобретать национальный китайский характер и становится частью культурной традиции этой страны. Богослужение переводится на китайский язык, появляются новые священнослужители-китайцы, которые проходят обучение в России, чтобы затем вернуться на родину и служить в соответствии с китайскими традициями и с китайским законодательством. В целом миссионерская деятельность Русской Православной Церкви приводит к расширению межнациональных связей и способствует культурному взаимовлиянию.

Список литературы

1. Артановский С. Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур: философско-методологический анализ современных зарубежных концепций. Л., 1967. 267 с.

2. Бернюкевич Т. В. Взаимодействие культур: формы и механизмы: учеб. пособие. Чита: ЗабГУ, 2015. 140 с.
3. Виноградов А. Китайская библиотека и учёные труды членов Императорской российской духовной и дипломатической миссии в г. Пекине или Бэй-Цзине (в Китае). СПб.: Тип. Пантелеевых, 1889.
4. Волнина Н. Н. Роль Русской Православной Церкви в формировании социокультурного пространства Забайкалья (конец XVII – начало XX в.). М.: Университетская кн., 2015. 128 с.
5. Го Вэньцзин. Анализ истории и современного положения православия в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Урумчи: Синьцзян. пед. ун-т, 2008. С. 13–32.
6. Дацышен В. Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Науч.-образовательный форум по междунар. отношениям, 2007. 240 с.
7. Карташева Н.В. Русское православное миссионерство как явление культуры: на примере деятельности св. Иннокентия (Вениаминова): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.02. М., 2000.
8. Кокшаров Н. В. Взаимодействие культур: диалог культур [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.credonew.ru/content/view/352/28/> (дата обращения: 03.03.2016).
9. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.file:///C:/Users/Admin/Desktop/Konzeptzia.doc> (дата обращения: 27.03.2016).
10. Королева Л. А., Мельниченко О. В. Власть, русская Православная Церковь и Римско-католическая церковь в России (1985–2000 гг.): к вопросу о взаимоотношениях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.file:///C:/Users/Admin/Desktop/переводы> (дата обращения: 16.03.2016).
11. Митрополит Волоколамский. Для возрождения Православной Церкви в Китае есть все условия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2970545.html> (дата обращения: 22.04.2016).
12. Патриархия.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2977783.html> (дата обращения: 29.03.2016).
13. Поздняев Дионисий. Три дня в Трёхречье [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.orthodox.cn/contemporary/neimenggu> (дата обращения: 27.03.2016).
14. Святейший Патриарх Кирилл. Церковь вносит вклад в укрепление подлинной дружбы между народами [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2961750.html> (дата обращения: 22.03.2016).
15. Хе Сие. Исследование Китая французскими иезуитами и их участие во взаимодействии китайской и западной культур // Журн. Паньчжихуасского ун-та. 2001. Т. 24, № 2.

References

1. Artanovskii S. N. Istoricheskoe edinstvo chelovechestva i vzaimnoe vliyanie kul'tur: filosofskometodologicheskii analiz sovremennykh zarubezhnykh kontseptsii. L., 1967. 267 s.
2. Bernyukevich T. V. Vzaimodeistvie kul'tur: formy i mekhanizmy: ucheb. posobie. Chita: ZabGU, 2015. 140 s.
3. Vinogradov A. Kitaiskaya biblioteka i uchenye trudy chlenov Imperatorskoi rossiiskoi dukhovnoi i diplomaticheskoi missii v g. Pekine ili Bei-Tszine (v Kitae). SPb.: Tip. Panteleevykh, 1889.
4. Volnina N. N. Rol' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v formirovanii sotsiokul'turnogo prostranstva Zabaikal'ya (konets XVII – nachalo XX v.). M.: Universitetskaya kn., 2015. 128 s.
5. Go Ven'tszin. Analiz istorii i sovremennogo polozheniya pravoslaviya v Sin'tszyan-Uigurskom avtonomnom raione. Urumchi: Sin'tszyan. ped. un-t, 2008. S. 13–32.
6. Datsyshen V. G. Khristianstvo v Kitae: istoriya i sovremennost'. M.: Nauch.-obrazovatel'nyi forum po mezhdunar. otnosheniyam, 2007. 240 s.
7. Kartasheva N.V. Russkoe pravoslavnoe missionerstvo kak yavlenie kul'tury: na primere deyatel'nosti sv. Innokentiya (Veniaminova): avtoref. dis. ... kand. kul'turologii: 24.00.02. M., 2000.
8. Koksharov N. V. Vzaimodeistvie kul'tur: dialog kul'tur [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.credonew.ru/content/view/352/28/> (data obrashcheniya: 03.03.2016).
9. Kontseptsiya missionerskoi deyatel'nosti Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.file:///C:/Users/Admin/Desktop/Konzeptzia.doc> (data obrashcheniya: 27.03.2016).
10. Koroleva L. A., Mel'nichenko O. V. Vlast', russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i Rimsko-katolicheskaya tserkov' v Rossii (1985–2000 gg.): k voprosu o vzaimootnosheniyakh [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.file:///C:/Users/Admin/Desktop/perevody> (data obrashcheniya: 16.03.2016).
11. Mitropolit Volokolamskii. Dlya vozrozhdeniya Pravoslavnoi Tserkvi v Kitae est' vse usloviya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2970545.html> (data obrashcheniya: 22.04.2016).
12. Patriarkhiya.ru [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2977783.html> (data obrashcheniya: 29.03.2016).
13. Pozdnyayev Dionisii. Tri dnya v Trekhrech'e [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.orthodox.cn/contemporary/neimenggu> (data obrashcheniya: 27.03.2016).

14. Svyateishii Patriarkh Kirill. Tserkov' vnosit vklad v ukreplenie podlinnoi druzhby mezhdou narodami [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2961750.html> (data obrashcheniya: 22.03.2016).

15. Khe Sie. Issledovanie Kitaya frantsuzskimi iezuitami i ikh uchastie vo vzaimodeistvii kitaiskoi i zapadnoi kul'tur // Zhurn. Pan'chzhikhuasskogo un-ta. 2001. T. 24, № 2.

Библиографическое описание статьи

Романенко Т. В. Православие в контексте взаимодействия русской и китайской культур // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 87–93.

Reference to the article

Romanenko T. V. Orthodoxy as a Factor of Communication Between Chinese and Russian Cultures // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 87–93.

Статья поступила в редакцию 07.05.2016

УДК 008:130.2

Юлия Цыреновна Тыхеева,
доктор философских наук, доцент,
Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления
(670013, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40а),
e-mail: tyheeva@mail.ru

Двуликий Янус евразийского мира

Статья посвящена анализу процессов аккультурации в современном российском обществе в рамках евразийского мира, проблем усвоения культурных образцов Востока и Запада и одновременного стремления сохранить культурную самобытность. Картина мировой культуры, с точки зрения евразийства, плюралистична: миры национальных культур несводимы друг к другу и существуют параллельно. Н. С. Трубецкой провозглашал идею равноценности всех культур. В. С. Соловьёв понимал Россию как медиативный фактор мировой истории, которая снимает в себе противоположности Запада и Востока. Это понимается как неевропейский феномен, обладающий уникальным соединением западных и восточных черт, который одновременно принадлежит Западу и Востоку. Россия трактовалась как «Евразия», особый срединный материк между Азией и Европой и особый тип культуры. Человек, находящийся в геополитическом пространстве Европы и Азии, подобен двуликому Янусу. Один его лик устремлен на Запад, а другой – на Восток. На Запад его влекут различные технологии, материальные блага, уровень образования, организация труда и отдыха и многое другое. Но его восприятие пространства, ментальность, мировосприятие, стиль поведения остаются на Востоке.

Ключевые слова: евразийство, двуликий Янус, взаимовлияние культур, процессы инкультурации, аккультурации и глобализации, сохранение самобытной культуры, противоположности Запада и Востока, неевропейский феномен Евразия, геополитическое пространство Европы и Азии

Yuliya Ts. Tykheeva,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
East-Siberian State University of Technology and Management
(40A Klyuchevskaya st., Ulan-Ude, 670013, Russia),
e-mail: tyheeva@mail.ru

Two-Faced Janus of Eurasian World

The article is devoted to analysis of the processes of acculturation in contemporary Russian society, within the framework of the Eurasian world, problems of mastering cultural samples of East and West and the simultaneous desire to preserve cultural identity. From the point of view of Eurasianism, image of the world culture is pluralistic: national cultures are not reduced to each other and co-exist in parallel. N.S. Trubetsky proclaimed the idea of the equal worth of all cultures. V.S. Solovyov understood Russia as a medial factor of the world history, which takes itself as the opposite of the West and the East. It is considered as a non-European phenomenon with its unique Western and Eastern features, which also belongs to the West and the East. Russia was interpreted as "Eurasia", special mid-continent between Asia and Europe and a special type of culture. A person in the geopolitical space of Europe and Asia is similar to the two-faced Janus. One of his faces looks to the West and another one looks to the East. The West attracts the person by different technologies, material goods, level of education, organization of work and leisure, and more. But his perception of space, mentality, style of conduct remains oriental.

Keywords: Eurasianism, two-faced Janus, mutual influence of cultures, processes of enculturation, acculturation and globalization, preservation of indigenous culture, the opposite of the West and the East, non-european phenomenon, Eurasia in geopolitical area of Europe and Asia

Евразийство – идейное и общественно-политическое течение, возникшее на рубеже веков как попытка осмысления русской культуры как неевропейского феномена,

который принадлежит Востоку и Западу, одновременно не относясь ни к тому, ни к другому. Это межграницье Европы и Азии – представим его пространством Евразии.

Хотя термин «Евразия» более глубок по своему смыслу, нежели просто географическое понятие, но в данном тексте ограничимся именно этим пространственным обозначением. Человек, находящийся в данном геополитическом пространстве, стоящий на границе двух миров, подобен двуликому Янусу. Один его лик устремлён на Запад, а другой – на Восток. Всей душой он стремится к Западу. Его влекут технологии, материальные блага, уровень образования, организация труда и отдыха и многое другое. Но его восприятие пространства, ментальность, мировосприятие, стиль поведения остаются восточными. Эта половинчатость российского человека пытается оправдаться в поговорках, мол «русские долго запрягают, но быстро ездят», «коней на переправе не меняют», «тише едешь – дальше будешь», «русские идут своим путём» и т. п.

Русский философ В. С. Соловьёв отмечал: «Утверждаясь в своём национальном эгоизме, обособляясь от прочего христианского мира, Россия всегда оказывалась бессильною произвести что-либо великое или хотя бы просто значительное. Только при самом тесном, внешнем и внутреннем общении с Европой русская жизнь производила действительно великие явления» [8]. Он отвергал крайности деспотизма Востока и индивидуализма Запада и полагал, что Россия выступит в качестве «третьей силы» всемирно-исторического развития, а русская культура сможет совместить коллективизм и самоотверженность Востока с творческой свободой европеизированной личности. В. С. Соловьёв понимал Россию как медиативный фактор мировой истории, которая снимет в себе противоположности Запада и Востока.

Само понятие «евразийский мир» подразумевает двойственный характер пространства, означаемого этим термином, и одновременно двойственность человека в этом мире. Идеино-политическое и философское течение, получившее название евразийство, возникло в среде русской эмиграции 1920–1930-х гг. Его сторонники отстаивали идею самобытности России. Историко-философская и геополитическая доктрина евразийства, следуя идеям поздних славянофилов (Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев), во всём противопоставляла исторические судьбы, за-

дачи и интересы России и Запада. Россия трактовалась как «Евразия», особый срединный материк между Азией и Европой и особый тип культуры. Евразийцы создали концепцию русской культуры как неевропейского феномена, который обладает уникальным соединением западных и восточных черт. Этот феномен одновременно принадлежит Западу и Востоку, в то же время не относясь ни к тому, ни к другому. «Архетип культуры российского народа формировался в период образования государственности, основанной на степной культуре. Отсюда вытекает и специфика мироощущения и мировосприятия россиянина: широта души, склонность совершать поступки на «авось» и бытовая нерасчетливость» [7, с. 62], – делает остроумное замечание современный исследователь Ф. И. Минюшев.

Картина мировой культуры с точки зрения евразийства плюралистична: миры национальных культур несводимы друг к другу и существуют параллельно. Хотя на первый взгляд кажется, что влияние евразийской философии в современном мире ощущается слабо, тем не менее оно присутствует. «Общечеловеческая культура, которая была бы одинаковой для всех народов, в принципе невозможна», – считают евразийцы. А если таковая возникнет, то главным образом будет представлена романо-германской цивилизацией, которая станет навязывать другим народам свои ценности и идеалы, потому что считает себя наивысшим типом культуры.

Всегда на первом месте стоит проблема определения. О ком и о чём мы будем говорить? Давая определение понятию «человек», мы сосредоточиваем внимание на его двойственной природе. С одной стороны он – биологическое существо, включающее в себя все структуры живого организма, подчиняющегося его ритмам, а с другой, – это совершенно необычный объект, сформированный обществом, под его давлением могущий даже изменить свою морфологию.

В исторической ретроспективе мы сталкиваемся с таким пониманием человека, когда таковым признаётся только соплеменник, кровный родственник. Здесь нужно сделать разъяснение, что человеком (по крайней мере, полноправным, полноценным, а не «дикарём», «недочеловеком»)

признаётся только тот, кто включён в признаваемую людьми социальную систему. Человек выступает как выразитель и носитель взглядов и обычаев, норм поведения своей социальной группы и своего времени. Отсюда оправдание войн, убийств и допущение каннибализма. Представитель другого племени воспринимается как «Чужой» и не включён в круг людей. Позже этот круг расширяется, в него могут быть вовлечены даже животные: по объяснению Дерсу Узалы, герою книги русского учёного В. К. Арсеньева, «у них только одежда другая» [1, с. 67]. И только с развитием общественных отношений и научных абстракций становится возможным дать чёткое и в то же время обобщённое определение человека, фиксируя внимание на всеобщих биологических и социальных характеристиках, отвлечённых от кровнородственных характеристик.

И в то же время «человек вообще» – это просто индивид, одинокий, ни к кому и ни к чему не привязанный, недаром Н. Элиас [10] представляет целое исследование «общества индивидов», где все вместе и одновременно – одиноки.

В связи с этим по-новому встаёт проблема определения понятия «человек». Человек – биосоциальное существо, генетически связанное с другими формами жизни, выделившееся из них благодаря способности производить орудия, обладающее членораздельной речью, мышлением и сознанием, нравственно-этическими качествами. Человек – особый род сущего, творец исторического развития, культуры, субъект социального творчества. Новую краску в определение человека вносит вопрос о его принадлежности к этнической и культурной общности.

Какова самоидентификация человека, живущего на границе двух этнокультурных миров, тесно соприкасающихся, сотрудничающих, соперничающих? В принципе, хотелось бы обратить внимание на то, что человек собственную инаковость и обнаруживает при соприкосновении с иными, другими мирами, выявляя своё отличие от других. Как бы он ни отрекся от взаимовлияния и взаимозаимствований, эти глубинные связи всё равно возникают и функционируют, изменяя окружающий мир и его самого. Естественно, что это соединение и взаимовлияние более всего за-

метно в регионах, близко расположенных и тесно соприкасающихся друг с другом, открытых взаимодействующих обществах. Самый яркий пример тому – регионы Европы и Азии, соединённые на одном континенте. Неудивительно возникновение в российском геополитическом пространстве такого социально-политического направления в философии, как евразийство, сформировавшееся в начале XX в.

В рамках евразийских взглядов Россия представлялась особым типом цивилизации, отличным как от Запада, так и от Востока. Один из основоположников евразийства Н. С. Трубецкой провозглашал идею равноценности всех культур, указывал на то, что «полное приобщение к культуре, созданной другим народом, возможно лишь при условии антропологического смешения с этим народом» [9, с. 26].

Конечно, в современной социально-политической ситуации мы ощущаем последствия политики изоляционизма, которой придерживалось Советское государство, но в то же время эта политика способствовала сохранению культурной идентичности. Теперь же мы хотим говорить на западных языках, преимущественно на английском, одеваться по-европейски, питаться в ресторанах стиля «микс», т. е. смешивая европейские, восточные и российские тенденции, и т. п. Многие российские исследователи, придерживаясь «евразийского» понимания своеобразия России, считают, что «нужна общая идеология развития, которая бы удовлетворила западников перенятием западного опыта и активной модернизацией, а изоляционистов (которых славянофилами не назовёшь) – сохранением и приумножением национальных традиций и национального веса» [2, с. 171].

Таким образом, человек, живущий на территории нашей страны за Уралом, на азиатской стороне, действительно, напоминает двуликого Януса, обращённого как на Восток, так и на Запад. Он находится на границе двух миров, между Востоком и Западом. На Западе проживает большая часть населения, более развита социальная инфраструктура, сосредоточено большинство научных, культурных и образовательных центров. Российский Восток на сегодня испытывает массивное давление ближайших восточных соседей – Китая, Кореи, Монголии.

Культура России – наследница не только Византии и западной Европы, но и кочевой империи Чингисхана, облагоустроенной православием и буддизмом. Так считали евразийцы [3, с. 194]. Этнические истоки своеобразия российской цивилизации и культуры обусловлены её интегральным характером, т. е. тем, что она вобрала в себя культурное наследство большого числа этносов и народов туранского, угро-финского, монгольского, арийского происхождения. Евразийство добавило к традиционной российской социально-политической формуле «православие – самодержавие – народность» новую, более прагматичную версию – «централизация – дисциплина – самопожертвование». Возможно, с позиций современности можно отнестись к такому взгляду скептически. Однако подчеркнём, что вопрос о взаимовлиянии культур евразийцы действительно поставили первыми. В западной литературе такой взгляд начинает обсуждаться только в 50-е гг.

Отличие одного человека от другого состоит в его габитусе (телесности) и ментальности. Но как они формируются? Конечно, многие стороны человека – плод воздействия на него его ближайшего окружения. Человека воспитывают. Почти всё, чем располагает человек, в конце концов, то, чем он является, создаётся другими и им самим. «Люди буквально всему должны были научиться сами, и всё, что они умеют, – это продукт культурного развития, воспитания и образования. Человеком не рождаются, а становятся» [5, с. 14], – замечает Б. В. Марков. Обучение человека традициям и нормам поведения в конкретном обществе (в первую очередь, в родном) происходит в процессе «инкультурации личности, усвоения ею норм и ценностей, регулирующих коллективную жизнедеятельность членов сообщества и поддерживающих необходимый уровень социальной консолидированности людей, ведут к непосредственному социальному воспроизводству сообщества как культурной системной целостности» [3, т. 2, с. 104]. Инкультурация формирует и воспроизводит самого человека, принадлежащего к данному обществу, и заодно формирует и воспроизводит само общество.

И тогда возникает следующий вопрос: что собой представляет эта культура, к которой человек должен приобщиться? Она

ведь не представляет собой нечто неизменное, раз и навсегда застывшее. Изменения в культуре происходят как в процессе саморазвития, так и при контакте и взаимовлиянии разных социокультурных систем, т. е. в процессе аккультурации. Первые исследователи процесса аккультурации указывали на две основные формы: 1) свободное заимствование контактирующими культурами элементов друг друга, протекающее при отсутствии военно-политического господства одной группы над другой; 2) направляемое культурное изменение, при котором доминирующая в военном или политическом отношении группа проводит политику насильственной культурной ассимиляции подчинённой группы [3, т. 1, с. 16].

Затем произошло смягчение научной позиции. Отождествление аккультурации с ассимиляцией уступило место более широкому пониманию аккультурации как процесса взаимодействия культур, в ходе которого происходит их изменение, усвоение новых элементов, образование в результате смешения и синтеза разных культурных традиций. На сегодня аккультурация – процесс изменения материальной культуры, обычаев и верований, происходящий при непосредственном контакте и взаимовлиянии разных социокультурных систем, – резко усилилась. Ускорение интеграции наций в мировую систему происходит в связи с развитием современных транспортных средств, информационных технологий, установлением и укреплением экономических связей, формированием транснациональных корпораций и мирового рынка, а также благодаря воздействию на людей средств массовой информации.

Оценивая современную ситуацию мировой культуры, надо признать, что в результате глобализации (термин появился в конце 80-х гг. в связи с проблемой сближения наций и расширением культурных контактов народов) самобытные культуры нивелируются, исчезают, ведь она «началась отнюдь не сегодня. Глобализация – процесс ускорения интеграции наций в мировую систему в связи с развитием современных средств транспорта и коммуникаций. Расширение культурных контактов способствует сближению народов. Однако другой стороной этого процесса является опасность утраты культурной самобытности. «Мы просто не замечаем, что письменная

культура и коммуникация давно уже глобализировались» [4]. Глобализация культуры имеет позитивные и негативные стороны. Многие элементы этнической самобытной культуры остались всего лишь в декоративно-музеефицированном виде. Не секрет, что произошло почти полное исчезновение национальных типов одежды, унифицируется питание, жилище, сам быт и образ жизни. Если на улице вы встречаете человека в нарядной национальной одежде, то, скорее всего, вы будете уверены, что встретили артиста, настолько в нашей обыденной жизни редка эта атрибутика.

Если в архаичном обществе формы воздействия на молодое поколение и их содержание жёстко декларированы требованиями именно данного сообщества (а при встрече с чужим его влияние резко отрицается), то с развитием общества люди всё больше испытывают давление внешнего мира и чуждых, культурных образцов в воспитании и образовании.

Расширение культурных контактов в современном мире, общение и познание способствуют сближению народов. «Западные мыслители уже давно присматриваются к культуре Востока и заимствуют всё полезное, интересное» [5, с. 56]. Однако чрезмерно активное заимствование опасно потерей культурной самобытности. Молодое поколение перенимает друг у друга моду, привычки, пристрастия, обычаи, в результате чего они становятся похожими, а часто просто безликими. Возросли возможности личных контактов: на сегодняшний день не только культурно-туристического контакта, но и образовательного обмена.

Президент В. В. Путин на пресс-конференции перед визитом в Китайскую Народную Республику отметил, что «сегодня уровень российско-китайских гуманитарных связей высок, как никогда. Обоюдный интерес молодёжи к истории, культуре, традициям народов России и Китая растёт. Это объективный процесс. И мы намерены всецело поддерживать его в дальнейшем» [11]. Но вместе с тем приходит сотрудничество с людьми из этих стран, усвоение их культурных традиций, пристрастий кулинарных, бытовых и т. п. Сможет ли наша страна, и молодёжь в частности, сохранить свою культурную идентичность, самобытность, устоять перед лицом всемирной глобализации, новейшей ориентализации, как можно

назвать всеобъемлющее влияние восточной культуры (термин – по образцу вестернизации)? Прогнозировать трудно. Но, думается, уже сейчас нужно продумать какие-то меры и программы, обеспечивающие культурную безопасность (конечно, не призывающие к ксенофобии). И начинать нужно, несомненно, с защиты собственной самобытной культуры. Всячески оберегать и стимулировать культурную деятельность, проводить грамотную культурную политику.

Молодые интенсивно осваивают языки, выезжают на учёбу и на работу за рубеж, создают межнациональные семьи. Так расширяются возможности утраты культурной самобытности, которая кроется в нарастающей угрозе ассимиляции – поглощению малой культуры со стороны более крупной, растворении культурных особенностей национального меньшинства в культуре большой нации, забвении отеческой культуры при эмиграции в другую страну и получении там гражданства. При этом утрата культурной самобытности и культурное растворение могут быть полным и частичным, это также можно оценивать как позитивно, так и как негативно.

Открытость границ для культурного влияния и расширяющееся культурное общение могут привести, с одной стороны, к обмену положительным опытом, обогащению собственной культуры, подъёму её на более высокую ступень развития, с другой – к её культурному истощению за счёт унификации и стандартизации, распространения одинаковых культурных образцов по всему миру.

Здесь мы снова сталкиваемся с проблемой культурегерства, только проявленной уже со стороны России, утверждающей наше особое положение, уникальность русского человека, стоящего на грани между Европой и Азией. Миссию России евразийцы видят в стремлении вобрать в культуру общества все культурные достижения малых народов, расположенных на её территории, а также всё лучшее, что есть в азиатской культуре в целом. Опираясь на это новое единство, евразийцы считали, что так можно будет противостоять культурному давлению развитых стран Запада.

И в то же время при всех декларациях о сохранении культуры одновременно современный мир равнодушен к самобытности, сохранению культурных особенностей

того или иного народа, этноса, отдельного человека. Эти изменения происходят под эгидой «окультуривания», приобщения к цивилизации. Напор европейских образцов, того, что называется «цивилизованным миром», «культурой», носит всеобъемлющий

характер. Задачей современной культурной политики является сохранение самобытной культуры в многополярном мире. И в этом плане опыт евразийского осмысления культуры и места человека в современном обществе, несомненно, внесёт свой вклад.

Список литературы

1. Арсеньев В. К. Дерсу Узала // Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. Владивосток, 1984. 230 с.
2. Козловский В. Н., Уткин А. И., Федотова В. Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995. 403 с.
3. Культурология. XX век: энцикл.: в 2 т. СПб., 1998. 447 с.
4. Марков Б. В. Знаки бытия. СПб., 2008. 370 с.
5. Марков Б. В. Человек в условиях современности. СПб., 2013. 450 с.
6. Марков Б. В. Философская антропология. СПб., 2008. 560 с.
7. Минюшев Ф. И. Социальная антропология. М., 2004. 467 с.
8. Соловьёв В. С. Национальный вопрос в России // Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1989. 290 с.
9. Трубецкой Н. С. Европа и человечество // История. Культура. Язык. М., 1995. 320 с.
10. Элиас Н. Общество индивидов. М.: Прогресс, 2001. 440 с.

Источник

11. Выступление Президента РФ В. В. Путина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.russian.rt.com/article/32483> (дата обращения: 14.04.2016).

References

1. Arsen'ev V. K. Dersu Uzala // Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. T. 1. Vladivostok, 1984. 230 s.
2. Kozlovskii V. N., Utkin A. I., Fedotova V. G. Modernizatsiya: ot ravenstva k svobode. SPb., 1995. 403 s.
3. Kul'turologiya. KhKh vek: entsikl.: v 2 t. SPb., 1998. 447 s.
4. Markov B. V. Znaki bytiya. SPb., 2008. 370 s.
5. Markov B. V. Chelovek v usloviyakh sovremennosti. SPb., 2013. 450 s.
6. Markov B. V. Filosofskaya antropologiya. SPb., 2008. 560 s.
7. Minyushev F. I. Sotsial'naya antropologiya. M., 2004. 467 s.
8. Solov'ev V. S. Natsional'nyi vopros v Rossii // Soch.: v 2 t. T. 1. M., 1989. 290 s.
9. Trubetskoi N. S. Evropa i chelovechestvo // Istorija. Kul'tura. Yazyk. M., 1995. 320 s.
10. Elias N. Obshchestvo individov. M.: Progress, 2001. 440 s.

Istochnik

11. Vystuplenie Prezidenta RF V. V. Putina [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.russian.rt.com/article/32483> (data obrashcheniya: 14.04.2016).

Библиографическое описание статьи

Тыхеева Ю. Ц. Двуликий Янус евразийского мира // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 94–99.

Reference to the article

Tykheeva Yu. Ts. Two-Faced Janus of Eurasian World // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 94–99.

Статья поступила в редакцию 20.04.2016

**ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ
HUMAN PHILOSOPHY:
HISTORY AND MODERN CONCEPTS**

УДК 160.1

DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-100-109

Станислав Сергеевич Гусев,
*доктор философских наук,
Санкт-Петербургский научно-исследовательский университет РАН
(194021, Россия, в. Санкт-Петербурге, ул. Хлопина, 8),
e-mail: office@spbau.ru*

Ситуационные контексты интеллектуальных действий

В статье обсуждается необходимость изучения влияния всевозможных ситуаций на использование различных форм интеллектуальных действий. Выделяются типы ситуаций и уровней их описания. Различные варианты «возможных миров» рассматриваются как описания «ситуаций» и «событий». Обосновывается важность эмоциональных переживаний в реальном проявлении рационального мышления. Автором определяется необходимость обоснования концепций «ситуационной логики», это связано с тем, что динамика реальной жизни людей не может регулироваться заданными раз и навсегда программами и алгоритмами, и традиционные логические схемы рассуждения отображают лишь самые общие контуры интеллектуальных действий. В статье определяется связь ситуационных контекстов интеллектуальных действий, рационального осмысления человеческих действий с задаваемыми существующими на данный момент культурными нормами. Подчеркивается, что сами эти нормы возникают под воздействием условий, в которых сообщество существует, но впоследствии они как бы «извне» влияют на представления людей о возникающих новых ситуациях. Автор приходит к выводу о том, что одной из важнейших задач, стоящих перед ситуационной логикой, является проявление оснований для перехода от описания ситуации к описанию действий, необходимых для достижения целей, обусловленных возникшей ситуацией.

Ключевые слова: «возможный мир», логика, ситуация, событие, понимание, эмоциональное переживание, рациональное мышление

Stanislav S. Gusev,
*Doctor of Philosophy,
Saint Petersburg Research University, Russian Academy of Sciences
(8 Khlopina st., St. Petersburg, 194021, Russia),
e-mail: office@spbau.ru*

Situational Contexts of Intellectual Actions

The article discusses the necessity of studying the influence of all sorts of situations on the usage of different forms of intellectual actions. Different types of situations and the levels of their description are identified. Various kinds of “possible worlds” are examined as descriptions of “situations” and “events”. The article establishes the importance of emotions in the declaration of rational thinking. Need of justification of concepts of “situational logic” is defined by the author, it

is connected with the fact that dynamics of real life of people can't be regulated by the programs and algorithms set once and for all and traditional logical schemes of a reasoning display only the most general contours of intellectual actions. In the article communication of situational contexts of intellectual actions, rational judgment of acts of man with the set of cultural norms existing at the moment is defined. It is emphasized that these norms arise under the influence of conditions in which the community exists, but subsequently they as if "from the outside" influence ideas of people of the arising new situations. The author comes to a conclusion that one of the major tasks facing situational logic is manifestation of the bases for transition from the description of a situation to the description of the actions necessary for achievement of the objectives caused by the arisen situation.

Keywords: "possible world", logic, situation, event, understanding, emotion, rational thinking

Попытки построить полностью формализованные модели интеллектуальных действий человека привели к осознанию существенной ограниченности таких моделей. Надежда на создание «универсального алгоритма», позволяющего в единой стандартной форме представить любой класс задач, а также все способы решения этих задач, сегодня осознаётся как утопичная. Тем более что описание многих задач, возникающих перед людьми, сталкивается с обнаружением информационных пробелов, которые приходится заполнять всевозможными гипотетическими допущениями. В связи с этим исследователи сегодня обращают внимание на необходимость учитывать особенности конкретных ситуаций, в которых используются те или иные формы и методы рассуждения, поскольку в разных случаях семантическая характеристика одной и той же логической структуры может существенно различаться. Интерес к выявлению и анализу конкретных реальных форм интеллектуальных действий выражает осознание динамичности современной социальной жизни. Это, в свою очередь, требует более чёткого определения самого понятия «ситуация», поскольку оно постоянно используется в самых различных контекстах, не всегда достаточно совместимых друг с другом.

Понятие «ситуация». Структура и типы ситуации

В одной из работ, связанных с этой проблемой, ситуация характеризуется как «совокупность объектов, обладающих свойствами и состоящих в отношениях друг с другом, а также связанных с определённой пространственно-временной структурой» [1]. Таким образом ситуация отождествляется с совместным пребыванием фиксированных объектов в определённом

месте и в конкретном временном интервале, то есть с их «со-бытием» (событием). Явно или неявно в данном случае событие рассматривается как некоторое состояние окружающего мира, не зависящее от особенностей человеческого восприятия. С этой точки зрения люди играют роль сторонних наблюдателей, лишь описывающих происходящее вокруг них. Однако сегодня достаточно явно обнаруживается зависимость любых описаний действительности от целевых установок людей, а также от культурных традиций, носителями которых являются авторы описаний. Ведь одни и те же явления могут отображаться в субъективной реальности разных людей различным образом.

Часто бывает так, что представители одних типов социума воспринимают некое состояние окружающего мира в качестве «события», тогда как другие вовсе не замечают его. Осознание данного обстоятельства обуславливает внимание к ситуационному характеру человеческих представлений о мире. В связи с этим необходимо учесть то, что понятия «ситуация» и «событие» не совпадают полностью, хотя тесно связаны друг с другом. Под «ситуацией» обычно понимают некоторое «множество событий», происходящих в определённый момент. «Событие» же характеризует определённое конкретно-локальное отношение между объектами, включёнными в поле зрения каких-то людей. И с помощью этих понятий формируются описания не только состояний мира, но и отношения людей к этим состояниям. В связи с этим следует иметь в виду, что любое описание является некоторым знаком, лишь указывающим на «образ действительности», но не совпадающим абсолютно с самой реальностью. Выделение каких-то характеристик внешнего мира в качестве «значащих» во многом

обусловлено потребностями, желаниями и устремлениями людей. Мотивация человеческих отношений к окружающей действительности определяется такими субъективными установками, как:

– «я хочу» (здесь важную роль играют личные убеждения);

– «я знаю» (в данном случае степень субъективных установок уменьшается, поскольку знание является результатом коллективных действий, на индивидуальную позицию существенно влияют принятые познавательные стандарты и коммуникативные правила);

– «я умею» (степень воздействия внешних объективных факторов максимально усиливается).

Доминирование одной из таких установок задаёт поведенческую ситуацию и, соответственно, влияет на способы описания и оценки получаемых результатов.

Сегодня ясно, что никакая форма знания не может претендовать на исчерпывающее изображение фрагментов действительности, включённых в поле зрения людей. Рано или поздно обнаруживаются информационные лакуны, заполняемые часто искусственно конструируемыми «фикциями», от которых в дальнейшем надеются избавиться. Выстраивая какой-то «образ мира», исследователи исходят из неполной информации, а потому в дальнейшем приходится вносить какие-то коррективы в соответствии с новыми сведениями, полученными на каком-то шаге познания. Важно при этом иметь в виду, что перестраивать приходится не только описание «настоящего», но и «прошлого», которое также переосмысливается в контексте новых представлений. Решения, считавшиеся когда-то оптимальными, в новых условиях могут оцениваться как «ошибочные». На каждом этапе действует (хотя и с разной степенью осознания) «иллюзия понимания» [2].

«Деформации» в оценках используемых описаний во многом обусловлены тем, что каждое описание не просто характеризует некоторое состояние мира, но и представляет собой некую программу действий. Утверждение «идёт дождь», например, не только описывает погодные условия, но и неявно обуславливает возможность различных способов поведения: взять зонтик, не выходить на улицу, вызвать машину и т. д. Предпочтение одного из способов

определяет характеристику ситуации, какой она представляется человеку. А это влияет на выбор знаков, посредством которых ситуация отображается в знаниях. Сами по себе знаки указывают либо на некие «внешние» сущности, либо на другие знаки. В последнем случае возникает возможность замещать один знак другим, что и обеспечивает переход от наглядно-образных изображений фрагментов реальности к их формализованным моделям. Между этими типами описаний всегда можно обнаружить промежуточные формы. Это обусловлено тем, что и наглядные образы мира, и его формализованные модели являются элементами некой общей культурной системы, а потому их функционирование и развитие регулируют глубинные универсальные закономерности, хотя и проявляющиеся различным образом в разных ситуациях.

Ситуации «актуальные» и «потенциальные»

Конструируя «образ мира» и всевозможные схемы действий в описываемой реальности, люди накапливают знание о ситуациях допустимых (а потому постоянно воспроизводимых) и ситуациях нежелательных, опасных. По сути дела речь должна идти не столько об «образе», сколько о «проекте мира». Совершая какие-то поступки, человек старается достичь результата, до поры существующего лишь в его сознании, в «возможном будущем». Действия людей всегда, так или иначе, направлены на организацию своего будущего [6]. И существующее положение дел, если оно удовлетворяет людей, проецируется на время, которое ещё не наступило. Конечно, исходя из конкретной сиюминутной ситуации, приходится постоянно вносить определённые коррективы, обусловленные возникающими локальными потребностями. В одних случаях необходимо сохранить наличную ситуацию, в других желательно заменить её какой-то иной. Накопление изменений рано или поздно вызывает кардинальную перестройку представлений о целях, к достижению которых человек стремится. Формируется качественно новый образ (а затем и модель) мира.

Это обусловлено, прежде всего, различием ситуационных установок, определяющих человеческие действия. Желание сохранить какое-то конкретное положение дел

во всех его деталях и желание сохранения какой-то общей ситуации, частным случаем которой является данное положение, – различаются по своей интенции. У. Куайн отмечает, что утверждения «S хочет сохранить президентскую власть в стране» и «S хочет сохранить власть некоторого данного президента» квантифицируются различным образом [3]. Контекстуальные различия могут возникнуть даже тогда, когда описываются различные действия, связанные с решением одной и той же задачи. Например, обоснование плана предлагаемых действий или объяснение способа реализации этого плана создаёт разные ситуации, несмотря на то, что в обоих случаях описывается положение дел, «каким оно может быть» при выполнении соответствующих условий. Исходя из различных соображений, люди создают разные описания одной и той же ситуации (разные «возможные миры»), определяющие конкретное поведение каждого человека. «Возможным миром» может быть описание отдельного события, описание ситуации (множества событий) и описание «состояния» (некоторого набора ситуаций).

*«Возможные миры»
и языка описания ситуаций*

Создавая какой-то «возможный мир», человек определяет набор характеристик, расцениваемых им как «существенные». Понятно, что в реальной жизни общества создаются и используются разные подобные «миры». Одни и те же ситуации отображаются самыми различными способами, будучи представлены всевозможными знаковыми структурами. Их совокупность можно рассматривать в качестве «языковой матрицы», используемой в любой культуре. Когда-то Лейбниц использовал понятие «возможный мир», настаивая на необходимости видеть в реальности, с которой люди имеют дело в своей повседневной жизни, частное проявление какой-то глубинной сущности. Он полагал, что множество возможностей, ещё не реализовавшихся в мире вещей, выявляются лишь интеллектом и могут выражаться с помощью символов. Идея определяющего влияния языковых средств на процесс расширения человеческих знаний долгое время находилась на периферии теоретического сознания. Однако на рубеже XIX и XX вв. (в связи

с так называемым «кризисом науки») интерес к средствам возникновения и трансляции знаний вызвал «лингвистический сдвиг» в философии, что породило стремление к созданию универсальной «языковой матрицы».

Однако постепенно стало ясно, что решение этой задачи осложняется возможностью регулировать одно и то же поведение человека в разных ситуациях с помощью различных языковых средств. Например, указание на какое-то желаемое действие может выражаться в виде приказа, просьбы, аргументирующего убеждения, ориентировочного вопроса и т. д. Все такие формы предложений выражаются с помощью слов, некоторые из которых могут входить в структуру каждого из используемых предложений. Но важно осознавать при этом, что значение слова или выражения меняется при его вхождении в различные смысловые контексты. Более того, даже в выражениях, воспринимаемых в качестве тавтологии, необходимо различным образом воспринимать одно и то же слово, стоящее в разных местах предложения. Известные всем утверждения типа: «Закон есть закон» или «Рациональна ли рациональность?» и т. п. – являются тавтологиями лишь на первый взгляд. На самом деле они выражают различное семантическое значение повторяющихся слов, находящихся в начале и в конце предложения.

Возможность различным образом создавать картину (а в более точных типах языка – модель) ситуации обусловила понимание того, что языковая матрица культуры строится из языков различного типа и представляет собой многоуровневую структуру. Типы языков, составляющих содержание матрицы, обладают относительной автономностью, но детальный анализ позволяет обнаружить их глубинную связь. Обыденно-бытовые, художественные, научно-дисциплинарные картины действительности могут казаться принципиально несовместимыми, но вряд ли можно абсолютным образом оторвать их друг от друга. Взаимодействие людей с реальными внеязыковыми сущностями осуществляется в условиях возникновения и смены множества различных ситуаций. Конструируя планы необходимого действия, прогнозируя возможные результаты, заменяя одни ожидания другими, человек оказывается од-

новременно в разных «возможных мирах» и потому должен иметь в своём распоряжении «заготовки» описаний положения дел, с которыми он ещё не сталкивался, но которые могут возникать в какой-то определённый момент. Реально человек всегда выбирает способ описания ситуации, в которой он оказывается в тот или иной момент.

Взаимодействуя с окружающей действительностью, люди для решения возникающих задач создают и используют различные наборы описаний, переходя от одного варианта к другому в процессе продвижения к поставленной цели. Поэтому динамика реальной жизни людей не может регулироваться заданными раз и навсегда программами и алгоритмами. И традиционные логические схемы рассуждения отображают лишь самые общие контуры интеллектуальных действий. В каждой конкретной ситуации такие схемы человек явно или неявно применяет к «сиюминутным» условиям. Нередко случается так, что даже ошибочные (с точки зрения формально-логического подхода) шаги приводят к желаемому результату скорее, нежели неукоснительное следование заданным правилам. Не случайно академик Колмогоров, один из крупнейших отечественных математиков, внёсших существенный вклад в разработку кибернетических проблем, видел недостаток создаваемых в то время ЭВМ в том, что они «идиотски логичны».

Способность человека достигать успеха, поступая «нелогично», обусловлена тем, что он не выстраивает свою жизнь на основе чисто рационального рассуждения, но эмоционально переживает всё происходящее с ним. Страх, недоверие, радость, безразличие – все подобные реакции на внешнее воздействие различным образом определяют характер создаваемых человеком представлений о событиях, участником которых он является. К тому же отображение реально фиксируемых ситуаций кардинально отличается от описания тех, которые пока не осуществились, но уже представлены в сфере воображаемого. Особенности образов «возможной реальности», порождённые фантазией художника или учёного, максимальным образом обуславливаются характером внутренних состояний человека. «Знание» порождает отношение к окружающей действительности качественно иное, чем «мнение» или «вера» [7]. И в за-

висимости от того, какая из этих модальностей доминирует в той или иной конкретной ситуации, люди используют разные формы рационального рассуждения.

*Идеи «ситуационной логики»
в концепции К. Поппера*

На необходимость обязательно учитывать ситуационный контекст, в котором используются те или иные логические формы, одним из первых указал К. Поппер [4, с. 440]. Разрабатываемая им концепция стала альтернативой позиции представителей логического эмпиризма, которые рассматривали любое описание ситуации как некоторое множество предложений. С их точки зрения задача философского анализа (сводимого в основном к логическим методам) заключалась в постоянном совершенствовании структуры такого множества. Чрезмерная абстрактность этого подхода вызвала возражения многих учёных. В самом деле, отображая своё взаимодействие с окружающей действительностью, люди обычно создают одновременно различные варианты описания ситуаций, с которыми они столкнулись. И в каждой конкретной ситуации им приходится выбирать вариант, наиболее подходящий к сиюминутным условиям. Естественно, что при смене целевых установок критерии, определяющие выбор, часто существенно меняются. Поппер исходил из того, что такой выбор не может зависеть от субъективных соображений и предпочтений отдельно взятого индивида. Он считал, что должны быть какие-то объективные факторы, заставляющие разных людей действовать в одних и тех же ситуациях одинаковым образом. Такие факторы задаёт «проблемная ситуация», конкретное содержание которой определяется тем, как:

- формулируется решаемая в некоторый данный момент задача;
- создаётся план поисковых действий, связанных с её решением;
- строятся предположения о возможных результатах поиска;
- задаются способы оценки соответствия планов и ожидаемых результатов поставленной задаче.

На первый взгляд, все эти структурные элементы проблемной ситуации должны всё-таки полностью зависеть от субъективных соображений индивида. Однако К. Поппер подчёркивает, что действия человека

обусловлены его знаниями о законах природы и социума (в котором он существует в данный момент), о приемлемых для данного общества целях и способах их достижения, а также знанием о накопленном опыте решения всевозможных задач в прошлом. А все такие знания выражаются на языках теорий, используемых в данной культуре, то есть составляют содержание «третьего мира», функционирующего по универсальным законам логики и потому, как считал Поппер, независимого от индивидуального произвола. Именно это обеспечивает объективный, скорее, интерсубъективный [5, с. 300–301], характер описания проблемной ситуации, потому разные авторы строят достаточно сходные образы «состояния дел» в интересующем их мире. Это обеспечивает возможность эффективно управлять коллективными действиями.

Достигая одних целей, люди выдвигают другие. В связи с этим возникает вопрос о преемственности различных этапов действий, осуществляемых людьми в разное время. Можно ли логически выводить из имеющихся описаний уже реализованных ситуаций такие, которые позволили бы достаточно полно и точно представлять состояния мира, с которыми люди ещё не сталкивались. Попытки представителей «логики науки» использовать для решения этого вопроса схемы дедуктивного вывода, как известно, оказались не вполне успешными. Не случайно сегодня растёт интерес к использованию различных видов индуктивного рассуждения, позволяющих более адекватно отобразить реальный характер интеллектуальных процессов. Это связано с тем, что не все предпосылки, на которых в реальной практике строятся дедуктивные рассуждения, обязательно представлены достаточно полно и явно. Стремление непосредственно выводить новые описания «положения дел в мире» из набора уже имеющихся наталкивается на фундаментальную неполноту исходной информации, содержащейся в принимаемых посылках. В создании многих описаний ситуации «наведение» (индуцирование) оказывается более эффективным чем «выведение» (дедукция), поскольку на форму этих описаний наряду с рациональным рассуждением влияют эмоциональные переживания, позволяющие дополнять знание о «фактах» воображаемыми сущностями.

Роль эмоционального переживания в создании «образа ситуации»

Сходство переживаний существующего положения дел и способов рационального осмысления переживаний базируется на одинаковом чувственно-наглядном образе ситуации, присутствующем в сознании всех членов некоторого сообщества. «Универсальность» такого образа обусловлена тем, что все, принадлежащие к этому сообществу, являются носителями одного и того же типа культуры и используют общий для них тип языка. Обычно эмоции разных людей (даже при совпадении ситуаций и явлений, вызывающих эти эмоции) считаются сугубо индивидуализированными. К. Поппер, в частности, относил их ко «второму миру» (сфере субъективных состояний). Однако многие авторы не раз указывали на факторы, обуславливающие интерсубъективный характер самих переживаний. Ещё Л. Фейербах подчёркивал то, что чувства людей «окультурены» и этим отличаются от чувств животных. Именно культура задаёт границы переживаний, достаточно сходные для всех её носителей [8, с. 189–190]. Поэтому уже в сфере эмоций зарождаются инвариантные формы, становящиеся затем основанием структур логики. Поскольку на первых этапах человеческой истории эмоциональная сфера имела преимущественное значение для организации успешной коллективной жизни, постольку распространение индивидуальных эмоций в древних сообществах обеспечивалось такой поведенческой формой, как «подражание». Но переживание в основном связано с конкретно-локальными событиями, а потому подражание, как средство организации коллективной жизни, оказывается эффективным лишь в ситуациях «здесь и сейчас».

Расширение и усложнение общественной практики привело к необходимости каким-то образом эмоционально реагировать на ситуации, *ещё не возникавшие, но принципиально возможные*. Представление об этих ситуациях формируется в отдельном индивидуальном сознании, и для его трансляции подражание уже не может быть достаточно успешным, так как мысленный образ ситуации не воспринимается разными людьми прямо и непосредственно. Для «внешнего» представления такого образа постепенно стали использоваться различного рода знаки. Именно они стали порожд-

дать одинаковые по характеру переживания у различных членов сообщества. Но для освоения знаковых систем и их содержательной интерпретации потребовалось создание некой системы правил, связывающих сферу эмоций с интеллектуальными процессами. В результате люди стали не просто переживать события, с которыми они столкнулись в какой-то данный момент, но и оценивать их значимость для себя с точки зрения своих разнообразных потребностей (в том числе и будущих).

Рациональное осмысление человеческих действий всегда происходит в рамках, задаваемых существующими на данный момент культурными нормами. Сами эти нормы возникают под воздействием условий, в которых сообщество существует, но в дальнейшем уже они как бы «извне» влияют на представления людей о возникающих новых ситуациях. Понятно, что различие условий способствует формированию множества нормативных систем, отличающихся между собой. История человечества демонстрирует самые различные типы культуры, иногда с трудом совместимые друг с другом. Но сам процесс становления этих типов достаточно универсален. Не случайно в мифологических системах разных народов, существующих на значительном расстоянии друг от друга и не общавшихся между собой, обнаруживаются сходные сюжеты и образы. Люди выделяют те элементы фиксируемых событий, которые вызывают у них максимальное переживание. Поскольку в древности общие условия жизни человеческих сообществ во многом совпадали, постольку и переживания были сходны по своему характеру. Постоянно повторяющиеся ситуации становились «значимыми». Именно они фиксировались в языке и задавали характер «возможного мира», закрепляющегося в коллективном сознании.

Оформление переживаний в языковые структуры способствовало дальнейшему становлению рационального мышления в качестве регулятора коллективных действий. Развитие понятийного мышления – процесс длительный. Хотя первые категориальные модели возникали как непосредственное выражение чувственного и социального опыта, накапливаемого древними людьми, такой способ организации коллектива, как подражание, постепен-

но отходил на второй план. Для надёжного обеспечения выживания сообщества понадобились другие средства. Важно было не только сконструировать общий для всей группы образ соответствующих действий, но и научить всех членов этой группы действовать именно так. Этим обусловлено создание различных описаний поведенческих моделей, задающих соответствующую инструкцию, обязательную для исполнения всеми. В результате стало возможным «автоматически» следовать транслируемым инструкциям, не осмысливая их содержательных смыслов на каждом шагу. Чем сложнее становилась общественная жизнь, тем большее значение в её регуляции приобретал особый стиль мышления, получивший название «технологический». Само название свидетельствует о том, что на определённом этапе общественного развития оформляется такой специфический вид деятельности, как «техническая», и одной из ведущих фигур новой культуры становится инженер. Носители этого типа культуры воспринимают окружающий мир в качестве материала, который следует переработать, преобразовать его в какие-то формы, отсутствующие непосредственно в естественной среде. Такой взгляд обусловлен новыми потребностями людей и новыми целями, которые они начинают ставить перед собой. Кроме того, инженер не только описывает конкретный образ желаемого будущего, но и создаёт проект той деятельности, которая обеспечит достижение поставленной цели.

Поскольку «будущего» ещё нет, постольку переживать его описание не так-то просто. Но человеческая деятельность обязательно предполагает реализацию хотя бы переживаний «второго порядка». Их может вызывать описание самих действий, которые следует осуществить. Определяющую роль стало играть максимально чётко сформулированное перечисление соответствующих процедур и операций. «Технологическое мышление» обусловило построение «возможных миров», в их содержании доминирующее значение имеют чёткие инструкции, которые следует осуществить «здесь и сейчас». Подобные инструкции наиболее успешно функционируют, будучи представлены в виде однозначно выраженных требований к исполнителю. Поэтому описание ситуаций в рамках технологического мышления приобретало всё более

стандартизированный характер. И сами такие описания уже воспринимались как технические задания, то есть разнообразные задачи, которые следует решать в определённый момент.

Ситуационные контексты процессов решения задач

По своей сути поиск решения представляет собой «лабиринтную» структуру, в которой исходные данные (условия) необходимо связать с заранее определённой целью (конечным результатом). В некоторых случаях такая цель в процессе поиска может явно или неявно заменяться какими-то альтернативными вариантами. Однако при конструировании алгоритма действий цель стараются задать как можно более определённо. Не случайно в математике распространено убеждение в том, что «хорошо сформулированная задача есть наполовину решённая задача». Процесс поиска решения обычно описывается в виде последовательности следующих шагов:

- формулировка задачи (в исследовательской практике это соответствует постановке проблемы);
- сбор необходимых данных (в том числе и среди имеющихся фрагментов информации);
- анализ данных и их ранжирование (распределение на существенные и второстепенные элементы);
- обнаружение пробелов в имеющейся информации, препятствующих увязыванию исходных данных и искомого результата;
- заполнение пробелов;
- построение модели, в которой все элементы решения однозначно и непротиворечиво соединены в целостную систему.

Несмотря на формальную универсальность подобной схемы, её реализация порождает целый ряд ситуаций, качественно отличающихся друг от друга. Прежде всего, следует иметь в виду то обстоятельство, что выбор задачи и процесс её решения создают различные ситуационные контексты. Тем не менее, это различие не всегда принимается во внимание. Например, такие характеристики интеллекта, как «разум», «рациональность», «логика», воспринимаются как синонимы, хотя каждая из них определяет разные этапы решения задач. Уже в древности многие философы старались связать «рациональность» с умением ре-

шать практические задачи, тогда как под «разумом» понимали способность выбирать задачи, которые следовало решать. От Аристотеля и Аль-Фараби до Лейбница и Канта идея подобного разделения проявлялась достаточно последовательно. Логике же можно рассматривать как средство организации форм проявления и разума, и рациональности.

Если под рациональным мышлением понимать способность явно осознавать все базисные предпосылки, однозначно определяющие каждый шаг поисковой деятельности, то можно увидеть, что оно различным образом проявляется в ситуации выбора цели и ситуации поиска способов её достижения. В первом случае строится описание «желаемого состояния мира», то есть подбираются высказывания, посредством которых выражается потребность сохранить или изменить некоторое существующее положение дел (то есть создаётся образ цели). Здесь рациональное мышление достаточно явно обуславливает действия человека, поскольку однозначное выражение цели во многом определяет успешность поисковых действий. Во втором случае характер человеческого поведения зависит от описания комплекса возможных действий, среди которых необходимо выбрать наиболее эффективный способ, обеспечивающий получение нужного результата. Выбор предполагает знание всех элементов этого комплекса (что никогда реально не достигается) и понимание критериев, определяющих соответствующий выбор. Но понимание ведь обусловлено «образом ситуации», существующим в сознании человека. А такой образ также не всегда отчётливо осознаётся и не всеми может быть рационально выражен и обоснован.

Многое зависит от интуитивно принимаемых условий, неявно определяющих совместные действия людей, принадлежащих к одной и той же системе норм и традиций. Например, если некто во время застолья слышит вопрос соседа «не можете ли вы передать мне соль?» и вместо ожидаемых от него соответствующих действий просто ответит «могу», – это будет свидетельствовать о несовпадении его понимания ситуации с образом поведения, существующим в сознании собеседника. Адекватное взаимодействие людей возможно лишь тогда, когда у каждого из них сложился достаточ-

но сходный образ ситуации, который они могут рационально обосновать. Если один студент предлагает другому пойти в кино, а в ответ слышит фразу «мне надо готовиться к экзамену», он понимает её как отказ. Аналогичный по конструкции ответ «мне надо взять плащ» – в данном случае будет означать для него согласие. Достижение взаимопонимания предполагает, что каждый участник коммуникации способен адекватно реконструировать «возможный мир» своих собеседников и совместить их с «миром», носителем которого является он сам. Для этого одной ориентации на грамматическую форму высказываний явно недостаточно.

К тому же анализ реальной коммуникативной практики обнаруживает значительное влияние на поведение людей скрытых (вторичных) смыслов высказываний, из которых конструируются всевозможные описания. Не всегда эти смыслы удаётся представить явным образом, поэтому построить чёткий алгоритм решения сложных задач весьма не просто. Как уже отмечалось, человек чаще всего действует в ситуации нехватки информации. Поэтому так часто по ходу решения задачи могут отбрасываться варианты, казавшиеся ранее перспективными, может измениться само понимание изначальных условий и, в конце концов, меняется само представление об исходной цели. Это обуславливает необходимость периодической проверки осуществляемых шагов решения. Не меньшее значение имеет и выявление *пресуппозиций* (предпосылок, обеспечивающих осмысленность высказываний, включаемых в структуру описания ситуаций). Такие предпосылки существенно влияют на выбор действий, предпринимаемых для достижения поставленной цели. Если решение задачи связано с необходимостью двигаться вперёд, то требование «разрушить встреченное препятствие» будет принято как осмысленное лишь тогда, когда это препятствие существует на самом деле. Иначе это требование воспримется как «бессмысленное».

Выявление скрытых смыслов и неявных предпосылок является одной из важных функций ситуативной логики. «Классическая» логика оформлялась в русле попыток создать некий «универсальный» язык, с помощью которого можно было бы сформулировать любую задачу и однозначно описать

алгоритм любого решения. Сегодня ясно, что эта цель в абсолютном виде вряд ли разрешима. Реальное взаимодействие людей друг с другом и с окружающей действительностью осуществляется в множестве самых разнообразных ситуаций. А потому вместо конструирования универсального описания «положения дел в мире» (задача, которую когда-то поставил Р. Карнап [9]) современный исследовательский поиск направлен на создание локальных ситуативных описаний и поиск возможных соотношений между ними. «Сдвиг» в ориентации современной логики обусловлен ещё и тем, что одного совершенствования структуры языков, используемых при создании различных описаний, уже недостаточно. Важно понять, какие последствия в самой «внеязыковой реальности» вызывает использование тех или иных вариантов языкового оформления образа ситуации.

В такой смене ориентаций проявляется определённая закономерность развития логики вообще. В самом деле, первый этап этого развития был связан с активным анализом синтаксических особенностей языковых систем. На втором всё большую значимость приобретала семантическая проблематика. Сегодня же в центр внимания исследователей активно выдвигается «логическая прагматика» [10], в рамках которой выявляются не законы функционирования языка «самого по себе», а изучается влияние выбранной знаковой системы на практические действия её пользователей. Поэтому одной из важнейших задач, стоящих перед ситуативной логикой, является проявление оснований для перехода от *описания ситуации к описанию действий*, необходимых для достижения целей, обусловленных возникшей ситуацией. Условия, в которых люди оказываются в те или иные моменты своей жизни, существенно влияют на выбор ими способа описания соответствующего положения дел в мире. Но верно и обратное: принятое однажды всеми членами какой-то группы описание может жёстко определять их реальное ситуативное поведение. Подобная циклическая взаимосвязь разных типов описания и обуславливает вариативный характер использования различных схем интеллектуальных действий, реализуемых людьми в различных ситуациях, с которыми они сталкиваются в своей жизни.

Список литературы

1. Вострикова Е. В., Куслий П. С. Формальная семантика естественного языка как вызов и альтернатива лингвистическому релятивизму // *Вопр. философии*. 2015. № 9. С. 88–102.
2. Канеман Д. *Думай медленно... Решай быстро*. М.: АСТ, 2014. 331 с.
3. Куайн У. Ван Орман. Кванторы и пропозициональные установки // *Эпистемология и философия науки*. 2012. Т. 33, № 4. С. 213–225.
4. Поппер К. *Логика и рост научного знания: избр. работы / сост., общ. ред. В. Н. Садовского: пер. с англ.* М.: Прогресс, 1983. 604 с.
5. Порус В. Н. *Интерсубъективность* // *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. М.: Канон+, 2009.
6. Сёрль Дж. *Рациональность в действии / пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой*. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 336 с.
7. Смирнова Е. Д. *Логика и философия* // *Вопр. философии*. 2000. № 12. С. 35–48.
8. Фейербах Л. *Основные положения философии будущего // Избранные философские произведения*. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 1. 669 с.
9. Carnap R. *Der logische Aulbau der Welt*. В. Schlachtensee, 1928.
10. Leech G. N. *Principles of Pragmatics*. London; New York: Longman House, 1986.

References

1. Vostrikova E. V., Kuslii P. S. Formal'naya semantika estestvennogo yazyka kak vyzov i al'ternativa lingvisticheskomu relyativizmu // *Vopr. filosofii*. 2015. № 9. S. 88–102.
2. Kaneman D. Dumai medlenno... Reshai bystro. M.: AST, 2014. 331 s.
3. Kuain U. Van Orman. Kvantory i propozitsional'nye ustanovki // *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2012. T. 33, № 4. S. 213–225.
4. Popper K. Logika i rost nauchnogo znaniya: izbr. raboty / sost., obshch. red. V. N. Sadovskogo: per. s angl. M.: Progress, 1983. 604 s.
5. Porus V. N. Intersub"ektivnost' // *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki*. M.: Kanon+, 2009.
6. Serl' Dzh. Ratsional'nost' v deistvii / per. s angl. A. Kolodiya, E. Rumyantsevoi. M.: Progress-Traditsiya, 2004. 336 s.
7. Smirnova E. D. Logika i filosofiya // *Vopr. filosofii*. 2000. № 12. S. 35–48.
8. Feierbakh L. Osnovnye polozheniya filosofii budushchego // *Izbrannye filosofskie proizvedeniya*. M.: Gos. izd-vo polit. lit., 1955. T. 1. 669 s.
9. Carnap R. *Der logische Aulbau der Welt*. В. Schlachtensee, 1928.
10. Leech G. N. *Principles of Pragmatics*. London; New York: Longman House, 1986.

Библиографическое описание статьи

Гусев С. С. Ситуационные контексты интеллектуальных действий // *Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа*. 2016. Т. 11, № 3. С. 100–109. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-100-109.

Reference to the article

Gusev S. S. Situational Contexts of Intellectual Actions // *Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work*. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 100–109. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-100-109.

Статья поступила в редакцию 20.03.2016

Сергей Викторович Кононов,
соискатель,

Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: kononov7744@yandex.ru

Мифотворчество как семиотический элемент дискурса о Китае в Забайкальском крае: теоретические аспекты

В статье предпринята попытка теоретического обоснования положений об особенностях формирования и структуре мифологического дискурса о Китае в зоне российско-китайского трансграничья. Автор анализирует мифологическое пространство Забайкальского края, входящего в зону трансграничья, который представляет собой территорию, где разворачиваются процессы культурного и идейного взаимодействия между народами, обладающими разным менталитетом. Основанием для распространения значительного количества мифологических образов Китая на территории Забайкальского края, по мнению автора статьи, является принадлежность к России с её ориентацией на культуру и язык Европы и близость к Китаю, экономическое и культурное влияние которого в Центральной Азии является преобладающим. Как доказывает автор, это приводит население Забайкалья не только к ряду культурных заимствований, но и является фактором формирования особого мифологического пространства, отличающегося от общероссийского наличием вербализованного, эмоционально и ценностно-окрашенного мифотворчества, связанного с Китаем. По мнению автора, другим фактором мифологизации представлений о Китае на территории трансграничья является стремление «некитайского» населения, находящегося в контакте с китайцами, осмыслить свою идентичность, понимаемую как «Своя», и утвердить отличие от соседей, понимаемых как «Чужие». Третьей причиной является то, что Китай обладает специфической культурой, придающей особый мифологический характер явлениям, которые своим происхождением обязаны Китаю. Многообразие и своеобразие китайской культуры является одним из факторов, влияющих на то, что мифологические образы Китая широко распространены на территории Забайкальского края. В рамках представленного подхода «Китай» является мыслительным конструктом, который описывает ментальную единицу, не являющуюся китайским государством, но обладающую чертами, которые ассоциируются населением Забайкалья с Китаем.

Ключевые слова: мифотворчество, дискурс о Китае, российско-китайское трансграничье, Забайкальский край, мифологические образы, мифы о Китае, некитайское население

Sergey V. Kononov,

Doctoral Candidate,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: kononov7744@yandex.ru

Mythmaking as a Semiotic Element of Discourse about China in Transbaikal Region: Theoretical Aspects

In the article the author has attempted to study theoretical positions concerning the formation features and structure of the mythological discourse about China in the Russian-Chinese transboundary area. The author analyzes the mythological space of Transbaikal region included in the transboundary area, which is an area where the processes of cultural and ideological interaction between peoples having different mentality are developed. The reason for the spread of a significant number of mythological images of China on the territory of Transbaikal region, according to the author, is belonging to Russia with its focus on the culture and language of Europe and close location to China, economic and cultural influence of which in the Central Asia is predominant. As the author proves, this leads the population of Transbaikalia not only to a number of cultural borrowings, but is also a formation factor of a special mythological space differing from the all-Russian one by the presence of verbalized, emotional and value-coloured mythmaking related with China. According to the author, another factor of mythologizing perceptions about China in the transboundary area is aspiration of "non-Chinese" people who are in contact with the Chinese, to understand their identity, understood as an "Own" and approve distinction from the neighbors, understood as "Strangers". The third reason is that China has a specific culture,

imparting a particular mythological character to phenomena, which owe their origin to China. The variety and originality of Chinese culture is one of the factors that affect the consideration that the mythological images of China are widely spread through the territory of Transbaikalia region. As a part of the proposed approach, "China" is the thinking construct that describes the mental unit, which is not the Chinese government but has features that are associated by the population of Transbaikalia with China.

Keywords: myth-making, discourse about China, Russian-Chinese transboundedness, Transbaikalia region, mythological images, myths about China, "non-Chinese" population

Интерес к Китаю актуален в Забайкалье, с которым эта территория находится в непосредственном контакте и формирует обширную трансграничную зону, одной из характерных черт которой является влияние китайской культуры [7, с. 52]. Китайская цивилизация с древности оказывает существенное политическое, хозяйственное и культурное воздействие на Забайкалье. Контактными зонами, в рамках которых осуществляется межкультурное взаимодействие, являются северные области Китая и южные области Забайкалья, которые исторически заселялись центральноазиатскими кочевниками. Сейчас эти пространства занимает такой регион России, как Забайкальский край. По мнению исследователя трансграничья Н. И. Атанова, трансграничные территории объединяет не только общность государственных границ и территорий, но и многовековые хозяйственные и культурные связи [3, с. 258]. Важно отметить, что, несмотря на существенную разницу между культурой и менталитетом народов Забайкалья и китайцами, процессы обмена культурными ценностями, жизненными идеалами, традициями, но самое главное – информацией, здесь проходят очень интенсивно. Таким образом, представления, распространённые в сознании населения в российско-китайском трансграничье, являются важным инструментом межкультурного взаимодействия между народами по разные стороны границы.

Эти представления, определяемые нами как ментальные конструкции, содержащие мифологические образы Китая и китайцев, являются предметом предприняемого здесь исследования. Задача исследования – необходимость ответа на вопрос о факторах, влияющих на то, почему население Забайкалья воспринимает Китай в образе, который отличается от того, каким Китай предстаёт перед самими китайцами и каким Китай видится из европейской части России. При первом приближении ответ

обнаруживается в констатации факта, что население, проживающее на территории Забайкалья, имеет возможность взаимодействовать как с российской, так и с китайской культурой в повседневности и быту. В менталитете этого населения существуют традиции мировосприятия, в которых фиксируется связь с китайскими архетипами [12, с. 7].

Проводя анализ менталитета, мы соглашаемся с тем, что под этим понятием понимают сложившуюся социальную психологию и систему ценностей, выступающую характеристикой своеобразия отдельных индивидов, социальных, этнических и региональных групп [6, с. 56]. Важнейшей функцией менталитета признаётся восприятие образа себя и других народов, проявляющееся в легендах и мифах, в содержании которых воплощаются представления о «Я» как о высокоорганизованной, отличающейся позитивными характеристиками общности людей, понимаемых как «Свои». Как правило, такие общности находятся в окружении групп, понимаемых, как «Чужие», и в каких-то случаях, как «не-люди». Действие описанных выше функций в науке связывается с мифологическим мышлением, для которого характерны такие операции, как перенос и отождествление по-разному мыслимых содержаний или образов. Таким образом, при некотором совпадении смыслового поля между терминами «образ» и «миф» имеется существенная разница, которая выражается в наличии у мифа вербальной, эмоционально и ценностно-окрашенной формы, функциональное значение которой состоит в призыве к социальному действию [14, с. 35].

Менталитет российского населения, проживающего в трансграничном пространстве России и Китая, формируется под влиянием условий бытования, культурных контактов, а также опыта, позволяющего по-особенному интерпретировать те или иные события, делать прогнозы, планировать свои дальнейшие действия. Среди

факторов, которые определяют содержание процессов мифотворчества о Китае в Забайкалье, выделяется геополитический, оказывающий влияние не только на политику и экономику, но и формирующий мировоззренческие параметры сознания населения, проживающего здесь. Одним из главных геополитических атрибутов этих территорий является наличие границы. Социокультурное значение границы состоит в том, чтобы конституировать пространство, которое считается своим с тем, чтобы оно стало основанием для социокультурной идентификации, строящейся на противопоставлении с населением, находящимся за границей [21]. Межгосударственная и культурная граница, разделяющая миры народов Забайкалья и Китая, играет важную роль в процессах информационного обмена и приводит к формированию неповторимого регионального мифологического пространства. Говоря о механизмах формирования мифов о Китае в контексте влияния китайской границы, надо отметить, что она создаёт два аспекта видения Китая, один – «наблюдаемый», другой – «перспективный» («заграничный»). Встреча двух миров делит мир человека, проживающего в зоне китайского трансграничья, на два полюса, один из которых маркирует мир обыденный, являющийся жизненной реальностью населения Забайкалья. На другом полюсе помещён Китай. Его атрибутом является таинство образа, находящегося за пределами границы, которая становится важнейшим элементом, характеризующим пространство Китая.

Специфика этого элемента заключается в его дуалистической природе, с одной стороны граница – это естественный разделитель различных культур, с другой – это инструмент, который соединяет с непознанным. В статье Н. П. Рыжовой, посвящённой анализу развития трансграничных с Китаем регионов, говорится о влиянии на них границы [22, с. 40]. Исследователь показывает, что после открытия границы в течение последних лет благодаря тому, что была либерализована внешнеэкономическая деятельность, появилась маятниковая миграция, началось проникновение китайского капитала, в контактной зоне трансграничья сформировалось особое пространство, имеющее специфические культурные и религиозные характеристики. Причиной этого,

согласно Ю. М. Лотману, является особое свойство границы, разбивающей жизненный мир человека на «свой» («внутренний») и «чужой» («внешний»), которое является фактором формирования культуры и религии [16, с. 483].

Пограничная реальность с Китаем в контексте этой методологии может быть рассмотрена как экзистенция «мифов о Китае», питающихся той тайной, которая находится за границей. Инициатива мифотворчества о Китае в данном случае исходит от противоречия, которое заключается, с одной стороны, в наличии тайны о Китае, находящейся за границей, а с другой – в проблеме, которую составляет появление китайцев по эту сторону границы. Попытка за счёт рационализации разрешить это противоречие неизменно приводит к проявлению мифотворчества. Образно говоря, люди часто пытаются дать объяснение чему-то не поддающемуся ни рациональному объяснению, ни верификации, при этом они осознанно или неосознанно используют мифотворчество. Таким образом, на территории приграничного Забайкалья распространена ментальность, атрибутом которой является мифотворчество о Китае.

Второй по важности фактор, влияющий на процессы возникновения мифов о Китае в Забайкалье, – это использование языка, который не является инструментом, идеально передающим содержание описываемых людьми объектов. В языке смешивается сознательное и бессознательное, действительное и желаемое, очевидное и скрываемое. Ещё Э. Тэйлор был уверен в том, что, несмотря на различие в сказаниях о себе, разные народы живут по одним и тем же законам и выполняют одни и те же задачи, связанные с безопасностью, продолжением рода, достижением благоденствия. А. Маслоу сформулировал модель, описывающую с универсалистских позиций базовые потребности людей, в которых нет этнической специфики [18, с. 64]. Имеющиеся различия в мифологических описаниях, в контексте его теории, объясняются тем, что люди по-разному описывают себя и своё бытие.

В данном исследовании понятие «миф» используется в рамках трактовок, даваемых в трудах Ф. Боаса, Э. Кассирера, Б. Малиновского, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, М. Элиаде [26], которые рассматрива-

ли миф в качестве инструмента передачи информации и семиотической структуры, воплощающей в себе смыслы, связанные с архетипическими чертами человеческого мировосприятия. Изучать региональную мифологическую систему метаязыка, в котором языковые знаки рассматриваются как формы построения мифа на примере распространения мифотворчества о Китае в Забайкалье, позволяет методология Р. Барта [4].

Примером такого мифологизма является языковая форма, характеризующая процессы межкультурного взаимодействия русских Забайкалья с китайской цивилизацией. Многие исследователи отмечают, что, несмотря на то, что народы, проживающие в Забайкалье, долго и интенсивно взаимодействовали с китайской культурой, в их языках оказалось очень мало китайских слов. Причиной этого оказывается высокая степень цивилизованности китайцев, всегда стремящихся учить языки и обычаи населения, с которым им приходилось вступать в контакт. Они обеспечивали себя максимально достоверной информацией о партнёрах по межэтническому общению, которые, не утруждая себя усилиями по освоению китайского, использовали мифологические формы своего родного языка. Одной из наиболее распространённых таких форм является русский термин «Китай», который не имеет отношения ни к китайскому государству, ни к проживающему в нём народу, а произошёл от русскоязычной огласовки этнонима «кидане», самоназвания некитайской народности, некогда населявшей северо-восточную часть страны [11, с. 27].

Общение с китайцами на русском вне попыток понять китайскую речь вело к искажениям в переводе и интерпретации, что становилось одной из причин развития мифотворчества. Подтверждая это, о своём китайском опыте русский поэт-эмигрант П. А. Северный писал: «Узнавалось всё медленно, до многого приходилось додумываться из-за незнания языка со множественством провинциальных наречий» [2, с. 9]. Ещё один яркий пример, символизирующий влияние данного фактора на мифологизацию представлений о Китае, представлен историей о «китайской грамоте», которую привезло в Россию из Китая посольство казака И. Петлина в 1619 г. В тексте указанной

грамоты император Чжу Ицзюнь разрешил русским присылать посольства и вести торговлю с Китаем, однако русские, не знавшие китайский язык, не утруждали себя переводом и десятки лет хранили грамоту в посольском приказе. Через много лет посол Н. Спафарий перевёл её, но нерешаемость загадки этого документа в течение длительного периода привела к появлению устойчивого языкового выражения о «китайской грамоте», которое стало самостоятельной мифологемой [9, с. 15].

Третьим фактором, оказывающим влияние на проникновение образов Китая в Забайкалье, является, процесс исторической трансформации представлений о том, как воспринималась роль Китая в истории Забайкалья. Одной из наиболее ранних стадий формирования мифологических представлений о Китае был бронзовый век, когда территории региона как отдельная историко-культурная область включились в процесс развития цивилизации Центральной Азии [20, с. 186]. Племена тунгусо-, тюрко-, монголо-язычных кочевников входят в контакт с китайцами, после чего начинается процесс обмена и заимствований различными элементами культуры, в том числе мифологическими идеями и образами. Среди них наиболее заметны две идеи, распространение которых связано с диффузией, имеющей место между китайскими и центральноазиатскими территориями. Одна из них содержит мифы, повествующие о поклонении Небу, представляемому императором, который воспринимается как сын Неба. Другая идея, связанная с Китаем, имеет более позднее происхождение и имеет отношение к тибетскому буддизму, который был поддержан маньчжурским правительством. Распространявшие тибетский вариант буддизма ламы-священники в XVII в. большое внимание уделяли поклонению культу природных сил, локальным духам и духам предков, сопровождая свою проповедь активным мифотворчеством о культу ртрегерской роли маньчжур [1, с. 2].

Начиная с XVII в., важнейшим фактором, который стал определять протекание процессов рецепции образов Китая и китайцев у населения Забайкалья, явилось появление русских, дальнейшая колонизация региона и его присоединение к России [15, с. 90]. Как крупное имперское многонациональное государство, оно не могло не обла-

дать общегосударственным мифом, способным не только к объединению различных этнических групп в единое целое, но и к выполнению роли идеологического инструмента в процессах взаимодействия с народами соседних государств. Как отмечает Н. А. Самойлов, мифологизация образа «Святой Руси» как центра обширного «православного мира» предусматривала стремление русских к мировому единству. Мифологическая концепция, согласно которой Россия является «Третьим Римом», способствовала распространению мессианских настроений у русских по отношению к населению колонизуемых территорий [23, с. 18].

Мифологический контекст, возникающий на фундаменте принципиально разнящегося подхода к оценке друг друга, с самого начала сопровождал отношения между Китаем и Россией. Представители разнообразных этнических групп, которые по разным причинам оказывались на территории Забайкалья, соприкасались с мировоззренческими представлениями, в состав которых входили как мифологемы, имеющие происхождение на территории Китая, так и мифологемы, посвящённые Китаю, но сконструированные на российской стороне. Эти процессы приводили к тому, что, несмотря на существенные различия в происхождении, находящиеся в одинаковых условиях перед необходимостью совместного выживания представители разных народов формировали целостность, основанную на определённом единстве смешивающихся мировоззренческих систем. В основе указанного объединения находилась общность народов Забайкалья, как россиян, на фоне чего выделялась одна группа, которая находится на этой территории, но понималась всеми иными как «Чужая», – это китайцы [19, с. 175].

В течение советского периода резко изменилась структура мифологического пространства трансграничья. Это объяснялось тем, что в связи с распространением модернистских идей в это время здесь разворачиваются процессы секуляризации и демифологизации регионального общества. В постсоветский период на развитие упомянутых процессов в регионе стало влиять взаимодействие между российской, китайской и глобализирующейся культурами. Одним из следствий этого взаимодействия является проявляющийся у многих кризис

национальной и культурной идентичности, сопровождающийся отказом от традиционных мировоззренческих ценностей и поиском новых ориентиров. Ценности, предлагаемые Китаем, одной из ведущих мировых цивилизаций, обладающей богатыми традициями культурной, религиозной, экономической жизни, здесь занимают заметное место [5, с. 245].

С другой стороны, с конца XX в. на территории региона стало ощущаться опасение в отношении Китая, которое связано с усилением его экономического и демографического присутствия. Оно самым существенным, но неоднозначным образом повлияло на сферу межкультурных коммуникаций. Как отметил А. Г. Ларин, в связи с проникновением китайцев на территории, всё больше выпадающие из сферы российских интересов, россияне, проживающие на них, по преимуществу проявляют обеспокоенность [13, с. 345]. Это приводит к всплеску мифотворческой активности вокруг Китая, его культуры, этнических представителей.

В современной практике формированию мифов о Китае способствуют деловые и туристические поездки в Китай, влияние оказывает активизация масс-медиа, распространение видеопродукции, в которой показывается китайская экзотика. Россияне узнают о Китае благодаря тому, что имеют возможность на бытовом уровне сопоставлять знаковые системы китайской и российской культур, такие как ритуалы, архитектура, кухня, язык. Даже это бытовое сравнение показывает, насколько велика разница между тем, как русские и китайцы оценивают одни и те же явления. Наиболее яркий пример этой разницы демонстрирует восприятие государства, которое для китайцев олицетворяет идеал родовой структуры и образец религиозной жизни, где административные документы играют роль священных скрижалей богов [24, с. 109]. В то же время в восприятии русских государство – это свирепый и неуклюжий медведь, который двигает невероятно опасную, громоздкую и совершенно неэффективную для человека машину.

Как следствие мировоззренческой разницы на российской стороне распространены такие мифы о Китае, в которых эта страна воспринимается через призму обыденности у сограждан, оценивающих своё

жизненное пространство как то, что является привычно-повседневным, а реальность, связанную с жизненным миром Китая, как нечто обладающее особенными характеристиками в силу того, что находится по другую сторону границы. Миф о Китае воспринимается нашими согражданами как отображение жизни обитателей потустороннего мира. Эта картина рисуется с одной стороны, как искажённое отражение жизненной реальности, окружающей россиян, с другой, она формируется на основе обращения к вымыслу и фантазии, привлечение которых становится необходимым действием в процессе осмысления сущности китайской культуры и китайцев по причине их пограничности и относительной закрытости [8, с. 7].

При этом, учитывая, что определение их окончательного значения находится в зависимости от субъективных убеждений носителей массового сознания, то на территории приграничного с Китаем Забайкальского края необходимо констатировать наличие общественного дискурса, посвящённого Китаю. Понятие общественного «дискурса о Китае» очень важно для этой работы, так как оно используется в значении совокупности речевых действий, в которых участвуют социокультурные, мифологические, научные, политико-идеологические объекты и субъекты, связанные с Китаем в рамках трансграничного социокультурного пространства.

Сам термин «дискурс» мы употребляем в рамках ставшего классическим понимания, предложенного французскими философами-постмодернистами: Р. Бартом, Ж. Деррида и М. Фуко, согласно мнению которых, под дискурсом имеется в виду «практика, которая систематически формирует объекты, о которых он (дискурс) говорит». Дискурс – это не просто совокупность знаков или означающих элементов, а «событие знака», «внешнее пространство, в котором размещается сеть различных мест» [25]. Наиболее яркой чертой современного дискурса о Китае на территории Забайкальского края является то, что он связан с внедрением практик конструирования мифов в процессы социокультурного взаимодействия. Конструирование происходит в разных дискурсивных плоскостях – политической, религиозной, исторической, социокультурной, что создаёт особый семиотический контекст

для повествований об этой стране. При этом в последние годы миф о Китае усиливает позиции в процессах конструирования новой социокультурной реальности посредством СМИ [17, с. 8]. Особенно актуальной эта мысль становится, когда речь идёт о мифологическом пространстве трансграничного региона, находящегося у границ Китая и России, население которого потребляет информацию, сформированную в контексте процессов коммуникации, основанной на принципах «Свой» – «Иной», то есть «Российский» и «Китайский». В современных теоретических разработках, посвящённых роли информации в политическом дискурсе, отмечается, что проходящий в таких условиях диалог имеет две возможности для развития. В зависимости от того, как понимается роль «Иного», то есть «Китая», она может разворачиваться в одном случае как «Свой» – «Чужой», в другом – «Свой» – «Другой».

Очевидно, что если государство стремится выполнять заметную роль в международной жизни, оно должно иметь взвешенную внешнюю информационную политику, направленную на продвижение своих целей и создание образа в массовом сознании населения соседних территорий. В этом случае наиболее благоприятным вариантом для него становится сценарий, в котором оно предстаёт перед инокультурной аудиторией в контексте дихотомии «Свой» – «Другой», так как именно эта позиция позволяет беспрепятственно доводить до реципиента потоки информации. Именно в этом направлении пытается действовать Китай по отношению к населению современного российско-китайского трансграничья [10, с. 83]. При этом если изучение образов Китая в процессе межкультурной коммуникации проводится относительно давно, то механизмы конструирования и распространения мифологических смыслов и эффектов, связанных с ними, всё ещё остаются неизученным направлением. Изучение мифотворческой политики Китая в трансграничном социокультурном пространстве является актуальным в контексте распространения новых возможностей, связанных с распространением глобализации, вестернизации и виртуализации современных информационных технологий, способствующих успешному внедрению идей и образов в массовое народное сознание.

Выводы:

1. Забайкальский край, входящий в зону трансграничья России и Китая, представляет собой территорию, на которой разворачиваются процессы культурного и идейного взаимодействия между народами, обладающими разным менталитетом. Принадлежность к России с её ориентацией на культуру и язык Европы и близость к Китаю, экономическое и культурное влияние которого в Центральной Азии является преобладающим, приводит население Забайкалья не только к ряду культурных заимствований, но и является основанием для распространения здесь значительного количества мифологических образов Китая.

2. Одной причиной мифологизации образа Китая на территории трансграничья является стремление «некитайского» населения, находящегося в контакте с китайцами, осмыслить свою идентичность, понимаемую как «Своя», и утвердить отличие от соседей, понимаемых как «Чужие». Другая

причина заключается в том, что Китай обладает специфической культурой, придающей особый мифологический характер явлениям, которые своим происхождением обязаны Китаю. Многообразие и своеобразие китайской культуры является одним из факторов, влияющих на то, что мифологические образы Китая широко распространены на территории Забайкальского края.

3. В рамках данного подхода под образом Китая понимается совокупность дискурсивных практик, посвящённых Китаю и распространённых среди населения Забайкальского края. По нашему мнению, «Китай» (также как и «китайцы») в жизненном измерении региона является ничем иным, как образом, идеей Китая (или китайцев), то есть мыслительным конструктом, который описывает ментальную единицу, не являющуюся китайским государством, но обладающую чертами, которые ассоциируются населением Забайкалья с Китаем.

Список литературы

1. Абаев Н. В. Генезис монгольской государственности в свете теории самоорганизации и тенгрианской философии // Их Хуралд оролцогсдын анхааралд. Улан Баатор, 2006. С. 1–2.
2. Агафонов А. О творчестве Павла Северного. Штрихи к портрету // Ледяной смех / П. А. Северный. М.: Подольск: Академия-XXI, 2007. 399 с.
3. Атанов Н. И. Приоритетные сферы регионального и трансграничного сотрудничества России, Монголии и Китая // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья, региональная экономика, международное сотрудничество. Чита, 2006. С. 257–259.
4. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987. С. 387–422.
5. Бертронг Д. Мудрецы и бессмертные. Религии Китая // Религии мира: справ. религий. Минск: Белфакс, 1994. С. 245–247.
6. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
7. Бянкина А. М. Федеральная концепция в развитии приграничного сотрудничества: значение для субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 52–58.
8. Вернер Э. Мифы и легенды Китая. М.: Центрполиграф. 2007. 400 с.
9. Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. 1608–1683. М.: Наука, 1969. Т. 1. 613 с.
10. Евдокимов Е. Политика Китая в глобальном информационном пространстве // Международные процессы. 2011. Т. 9, № 1. С. 74–83.
11. Желобцов Ф. Ф. Дунг-чжэн цзяо в поднебесной, или Вклад православия в установление российско-китайских отношений // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск: БГПУ, 2012. С. 27–28.
12. Забияко А. П., Кобызов Р. А., Понкратова Л. А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: АмГУ, 2009. 412 с.
13. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. М.: Вост. кн., 2009. 512 с.
14. Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург: БКИ, 1997. 686 с.
15. Логинов А. В. Религиозная ситуация в России и принятие закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Политика. М., 1997–1998. № 4. С. 85–94.
16. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
17. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.
18. Маслоу А. Х. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.

19. Мельницкая С. А. Менталитет социокультурных общностей Забайкалья: на примере Читинской области: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Чита, 2006. 198 с.
20. Михайлов Т. М. Взаимодействие этносов и культур в Байкальской Азии: история и современность // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. 2. С. 182–186.
21. Морозова В.С. Этнокультурный ландшафт российско-китайского приграничья как пространство сосредоточия и выражения региональной культуры [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7960> (дата обращения: 18.02.2016).
22. Рыжова Н. П. Эффекты международной интеграции на региональном уровне (на примере России и Китая): дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. Хабаровск, 2013. 275 с.
23. Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVII – начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. СПб., 2012. 35 с.
24. Тарасова Е. А. Феномен «власть» в культуре древнего Китая // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре гос. техн. ун-та. 2010. № 4. С. 106–110.
25. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 405 с.
26. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1996. 288 с.

References

1. Abaev N. V. Genezis mongol'skoi gosudarstvennosti v svete teorii samoorganizatsii i tengrianskoi filosofii // Ikh Khurald oroltsogsodyn ankharaald. Ulan Baator, 2006. S. 1–2.
2. Agafonov A. O tvorchestve Pavla Severnogo. Shtrikhi k portretu // Ledyanoi smekh / P. A. Severnyi. M.: Podol'sk: Akademiya-XXI, 2007. 399 s.
3. Atanov N. I. Prioritetnye sfery regional'nogo i transgranichnogo sotrudnichestva Rossii, Mongolii i Kitaya // Teoretiko-metodologicheskoe osmyslenie fenomena transgranich'ya, regional'naya ekonomika, mezhdunarodnoe sotrudnichestvo. Chita, 2006. S. 257–259.
4. Bart R. Vvedenie v strukturnyi analiz povestvovatel'nykh tekstov // Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv.: traktaty, stat'i, esse. M.: MGU, 1987. S. 387–422.
5. Bertrong D. Mudretsy i bessmertnye. Religii Kitaya // Religii mira: sprav. religii. Minsk: Belfaks, 1994. S. 245–247.
6. Bodriyar Zh. Simulyakry i simulyatsiya. Tula: Tul'skii poligrafist, 2013. 204 s.
7. Byankina A. M. Federal'naya kontseptsiya v razvitii prigranichnogo sotrudnichestva: znachenie dlya sub"ektov Rossiiskoi Federatsii // Aktual'nye problemy razvitiya KNR v protsesse ee regionalizatsii i globalizatsii. Chita: ZabGU, 2015. S. 52–58.
8. Verner E. Mify i legendy Kitaya. M.: Tsentrpoligraf. 2007. 400 s.
9. Demidova N.F., Myasnikov V.S. Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII veke: materialy i dokumenty. 1608–1683. M.: Nauka, 1969. T. 1. 613 s.
10. Evdokimov E. Politika Kitaya v global'nom informatsionnom prostranstve // Mezhdunarodnye protsessy. 2011. T. 9, № 1. S. 74–83.
11. Zhelobtsov F. F. Dung-chzhen tszyao v podnebesnoi, ili Vklad pravoslaviya v ustanovlenie rossiiskokitaiskikh otnoshenii // Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Blagoveshchensk: BGPU, 2012. S. 27–28.
12. Zabayako A. P., Kobyzov R. A., Ponkratova L. A. Russkie i kitaitsy: etnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke. Blagoveshchensk: AmGU, 2009. 412 s.
13. Larin A. G. Kitaiskie migranty v Rossii. M.: Vost. kn., 2009. 512 s.
14. Lobok A. M. Antropologiya mifa. Ekaterinburg: BKL, 1997. 686 s.
15. Loginov A. V. Religioznaya situatsiya v Rossii i prinyatie zakona «O svobode sovestim i o religioznykh ob"edineniyakh» // Politika. M., 1997–1998. № 4. S. 85–94.
16. Lotman Yu. M. Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2000. 704 s.
17. Luman N. Real'nost' massmedia / per. s nem. A. Yu. Antonovskogo. M.: Praxis, 2005. 256 s.
18. Maslou A. Kh. Motivatsiya i lichnost'. SPb.: Evraziya, 1999. 478 s.
19. Mel'nitskaya S. A. Mentalitet sotsiokul'turnykh obshchnostei Zabaikal'ya: na primere Chitinskoi oblasti: dis. ... kand. filoz. nauk: 09.00.13. Chita, 2006. 198 s.
20. Mikhailov T. M. Vzaimodeistvie etnosov i kul'tur v Baikal'skoi Azii: istoriya i sovremennost' // Aборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. 2. С. 182–186.
21. Morozova V.S. Etnokul'turnyi landshaft rossiisko-kitaiskogo prigranich'ya kak prostranstvo sosredotochiya i vyrazheniya regional'noi kul'tury [Elektronnyi resurs] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2012. № 6. Rezhim dostupa: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7960> (data obrashcheniya: 18.02.2016).

22. Ryzhova N. P. Effekty mezhdunarodnoi integratsii na regional'nom urovne (na primere Rossii i Kitaya): dis. ... d-ra ekon. nauk: 08.00.05. Khabarovsk, 2013. 275 s.
23. Samoilov N. A. Rossiya i Kitai v XVII – nachale KhKh veka: tendentsii, formy i stadii sotsiokul'turnogo vzaimodeistviya: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.03. SPb., 2012. 35 s.
24. Tarasova E. A. Fenomen «vlast'» v kul'ture drevnego Kitaya // Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gos. tekhn. un-ta. 2010. № 4. S. 106–110.
25. Fuko M. Slova i veshchi: arkhologiya gumanitarnykh nauk. SPb.: A-cad, 1994. 405 s.
26. Eliade M. Mify, snovideniya, misterii. M.: Refl-buk; Kiev: Vakler, 1996. 288 s.

Библиографическое описание статьи

Кононов С. В. Мифотворчество как семиотический элемент дискурса о Китае в Забайкальском крае: теоретические аспекты // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 110–118.

Reference to the article

Kononov S. V. Mythmaking as a Semiotic Element of Discourse about China in Transbaikal Region: Theoretical Aspects // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 110–118.

Статья поступила в редакцию 05.03.2016

Влияние социального мифотворчества на немецкую идентичность в полиэтническом Забайкалье

Статья посвящена попытке анализа процессов возрождения немецкой этнической идентичности на территории Забайкальского края. Автор отмечает, что в условиях глобализации забайкальские немцы обращаются к этничности как форме организации жизнедеятельности. Методология конструктивизма позволяет автору определить немецкую этническую идентичность как ментальный конструкт, который поддается воздействию со стороны социального мифотворчества на территории России. По мнению автора, ведущей ценностью современных немцев в Забайкалье является придание сверхзначимого смысла принадлежности к данной этнической группе, члены которой объединены стремлением к обретению Родины, что выступает как особый образ, в рамках которого немецкая этническая идентичность является ресурсом успешной самореализации. В условиях забайкальской диаспоры идут процессы конструирования немецкого этноса, ценностный аспект которого постоянно смещается то в прошлое, то в будущее, обретая черты социального или этнического мифа. Важную роль в этих процессах играют усилия окружающего социума, представленные мифами «навязанной» идентичности, которые содержат экстр-образы «Других». С другой стороны, особая роль отводится мифам, связанным с самоидентичностью группы, отражающим представления её членов о «Своих». Она основана на «интра-образах», представленным набором объективизированных характеристик, нацеленных на интеграцию группы. Итогом статьи является положение о том, что для понимания трансформации забайкальских немцев важно понятие об intersубъективной стороне идентичности, предполагающей, что итоговая идентичность будет представляться как непрерывно проходящий процесс взаимодействия и синтеза этих противопоставленных друг другу мифов об этносе.

Ключевые слова: этническая идентичность, немецкая идентичность, забайкальские немцы, социальное мифотворчество, интра-образы, экстр-образы, intersубъективность

Aleksandr Yu. Sokolov,

Doctoral Candidate,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: aleks250472@rambler.ru

The Influence of Social Myth-Making on the “German” Identity Revival in Transbaikal Region

The article is devoted to an attempt to analyze the processes of the German ethnic identity revival in Transbaikal region. The author notes that in the context of globalization, Trans-Baikal Germans refer to ethnicity as a form of life organization. The constructivist methodology allows the author to define the German ethnic identity as a mental construct that is influenced by social myth in Russia. According to the author, the leading value of modern Germans in Transbaikal region is to give super significant sense of belonging to a given ethnic group, whose members are united by a desire for finding of the motherland, being a special image in the framework of which the German ethnic identity is a resource for a successful self-realization. As the study proves, in a Trans-Baikal diaspora there are processes of constructing the “German” ethnic group, the value aspect of which is constantly shifting to the past, or to the future, acquiring the traits of a social or an ethnic myth. An important role in these processes is played by the efforts of the surrounding society, represented by myths of “imposed” identity that include extra images of the “Others”. On the other hand, an important role belongs to the myths associated with self-identity of groups producing the representation of its members about their “Own”. It is based on “intra-images” presented by a set of objectified characteristics aimed at the integration of the group. The result of the article is a statement proving that the concept of inter-subjective side of identity, suggesting that the final identity will be presented as a continuously flowing process of interaction and synthesis of these opposing each other myths about ethnic groups, is important to understand the transformation of Transbaikal “Germans”.

Keywords: ethnic identity, German identity, Transbaikal Germans, social myth-making, intra-images, extra images, inter-subjectivity

Современные социальные преобразования, происходящие в условиях усиливающегося социального, экономического кризиса и имеющие глобализационную основу, ведут к формированию новых моделей адаптивного реагирования со стороны этнических групп на территории Забайкальского края. Сформировавшиеся в результате воздействия глобализации ценности и ориентации являются факторами, способствующими утрате их «самотождественности». Следствием понимания оторванности от прежней истории и ценностей становится поиск новой идентичности. На территории Забайкалья, где проживает более 120 этносов, отмечается всплеск процессов этнической идентификации, усиление интереса к своим корням, традиционным обычаям, обрядам, фольклору [29].

Этот интерес связан ещё и с тем, что многие из этнических групп являются своеобразным региональным вариантом какого-либо материнского этноса, отличающимся от него субъективными ценностями [10, с. 50]. Каждое из них имеет собственную региональную историю и опыт, приводящий к формированию персонального нарратива, конструирующего их идентичность. Одной из таких групп являются немцы, которые в регионе представляют немногочисленную, но одну из наиболее заметных групп. Процессы возрождения самосознания среди них отличаются противоречивостью. С одной стороны они показывают значимость немецкого влияния на развитие забайкальской культуры, с другой, сопровождаются массовым выездом немцев за пределы региона, главным образом – в Германию, понимаемую как историческая Родина [8, с. 87].

Возрождение идентичности немцев имеет ещё одну сторону, так как оно является причиной появления опасений о том, что этот процесс может вести к конфликтам группы с социальным окружением. Дело в том, что со стороны обыденного сознания этнической идентичности приписываются онтологические свойства. Это является основанием для проявления стремления немцев к публичному признанию своей идентичности, возрождению своей культуры и обеспечению эмиграции. В то же время возрождение идентичности немцев сопровождается выступлениями, для которых характерно неприятие немецкой иден-

тичности как явления, связанного с сущностью немецкой «души», «характера» или «духа» [30].

Среди проблем, волнующих как представителей регионального сообщества, так и граждан, идентифицирующих себя как немцы, выделяются вопросы о том, что представляет немецкий этнос и кем являются забайкальские немцы по самооощущению: насколько важен и чем обусловлен для них выбор между региональной и этнической, российской и германской идентичностью. Поэтому, прежде всего, необходимо указать, что под термином «российские немцы» понимают проживающих в России потомков выходцев из Германии, которые имеют общую историю, в наиболее широком смысле связанную с группой «советских немцев», расселившихся в ряде государств СНГ [2, с. 150]. В этом контексте российские немцы представляются единой группой, отличительной характеристикой которой является принадлежность к российской и германской культурам [17, с. 97]. Однако, как показывает опыт проживания немцев в России, социальное и политическое влияние на этнические группы, имеющие одно и то же происхождение, но пребывающие в разных условиях, может определять различные варианты их идентичности.

Говоря о складывании немецкой этнической идентичности в рамках этнокультурного пространства Забайкалья, мы соглашаемся с положениями М. Ф. Бендла, Э. Гофмана, А. Шюца, согласно которым социальная идентичность представляет собой образ, сконструированный практиками самоинтерпретации, проходящими в контексте социального влияния. С этой точки зрения формирование идентичности – это открытый изменениям и никогда не прекращающийся процесс, в течение которого идентичность формируется как придание смысла реальности посредством установления или переустановления определённых ценностей [24, с. 114].

Такие авторы, как Ш. Шварц, З. Бауман, М. Кастельс, считают, что процессы трансформации этнической идентичности имеют целерациональную детерминацию, используемую для достижения групповой сплочённости. Этническая идентичность проявляется как рефлексия, возникающая в процессе отнесения себя к какому-либо этносу. Ведущим алгоритмом формирова-

ния этничности ими признаётся операция социального конституирования «воображаемой общности», члены которой объединены верой, естественными связями. При этом в зависимости от меняющегося набора маркёров будет меняться и этническая идентичность [9, с. 314]. Важно, что представления, связанные с идентичностью, содержат эмоционально окрашенные образы признаков, отличающих одни народы от других, а закрепившиеся в языке номинации чужестранцев, где немцы могут представляться в образе «колбасника» или выступать в образе людей, для которых характерны обстоятельность и практицизм, свидетельствуют о том, что народы имеют мифологические представления о постоянных чертах других этносов [23, с. 215].

Это утверждение принимается в конструктивизме, где важнейшим фактором, влияющим на формирование этнической идентичности, признаётся её восприятие и репрезентация в окружающих этническую группу культурах. Конструктивистская модель анализа формирования этнической идентичности исходит из принятия определения экзистенциалистского направления философской антропологии, влияние на которое оказала философская рефлексия взаимодействий «Я» – «Другой», признаваемая главным концептом этнического мироощущения и определяемая как противопоставление, пронизывающее всю культуру [20, с. 472]. Этническая идентичность в этом контексте может пониматься как созданные и транслируемые индивидами в ходе постоянного взаимодействия представления о «Себе» и «Других». Важно, что в данном случае важны не столько формы выражения этничности, сколько ценностное содержание представлений о ней. Другими словами, фактором складывания общности является не «общее происхождение» или «язык», а социальный миф об общей исторической судьбе общности [25, с. 215]. Процесс восприятия образа «Своего» или «Чужого» определяется как специфический и универсальный вид мифотворчества, которой сопровождает человечество на протяжении истории. С этой точки зрения, не существует никакой неизменяемой этнической идентичности, а есть многочисленные трансформации индивидуального и группового самопонимания и поведения, происходящие под влиянием социальных мифов [22, с. 27].

Например, посредством влияния социальной мифологии на конструирование этнической идентичности можно объяснить, почему у потомков от смешанных браков между немцами и представителями других этносов в Забайкалье формируется немецкая идентичность. Ведь дело не только в том, что у немцев этническая принадлежность ребёнка определяется по матери, но и в том, что согласно Конституции РФ у человека есть право самому определиться с тем, к какой национальности он принадлежит. Поэтому важно, чтобы человек почувствовал себя немцем. Сделать это он может под влиянием социокультурных факторов, среди которых выделяется мифотворчество [12, с. 110].

С понятием социального мифа, как социально сконструированной системы образов, соотносится концепт «Свой – Чужой», так как образ этноса в указанной оппозиции обладает признаками мифа. К таким признакам относятся отвлечённость от своего источника, каким являются реальные люди и структура, отражающая принцип бинарности, который формирует активность воображения, пронизывает всю культуру и характеризуется антиномичностью. Этот механизм создаёт алгоритмы восприятия «Своих» и «Чужаков», при этом важнейшим среди них является проведение границы и последующее выделение различий между ними [27]. Это происходит потому, что предметы внешнего мира существуют не сами по себе, а имеют тот смысл, который вкладывает в них общество.

Социальный характер этнической идентичности раскрывается благодаря концепции Н. М. Лебедевой, которая полагает, что данный феномен формируется в контексте межгрупповых контактов, в основе которых лежат процессы межгрупповой и контргрупповой суггестии. Важно, что чем чаще происходят контакты с разнообразными «Чужими», тем более чёткими будут представления о «Своих» [11, с. 199]. Особенно интенсифицируют формирование этнической идентичности процессы миграции, что остро ощущается в условиях диаспоры, под которой принято понимать формы и способы существования отдельных этнических групп в отрыве от стран своего происхождения [7, с. 7]. Так, забайкальские немцы находятся в условиях диаспоры, особенностью которой является то, что появление

современных групп немцев в Забайкалье связывается с насильственной миграцией. В этих условиях им удалось сохранить идентичность и общинную солидарность. При этом представления о своей идентичности у них никогда не были свободны от внешнего влияния, в результате которого, начиная с середины XX в., немцы переживают кризис, сопровождающийся процессами изменения идентичности, а зачастую отказом именовать себя немцами.

Значимым для анализа трансформации этнической идентичности у забайкальских немцев является понимание того, как складываются представления о своей группе. Привлекая методологию Я. Ассмана, можно сказать, что этническая идентичность конструируется в процессе информационного взаимодействия между сторонами «Мы» и «Они», которое порождает мифы, являющиеся основой представлений об этнической идентичности. Основой мифотворчества в этом процессе является антагонизм, возникающий во время взаимодействия на основе принципа «Мы» – «Они». Доведение содержания этих мифов до сведения членов группы способствует трансформации идентичности. В результате социальные мифы укрепляют групповое сознание, а группа культивирует определённые мифы и укрепляет свою идентичность [1, с. 144].

В этом контексте проблема конструирования этнической идентичности заключается в том, что для этого необходимо преодолеть разрыв со своим прошлым, который возникает из-за неизбежности взгляда из современности на прошлое, происходящего в силу давления инокультурной среды, а также по причине использования чужого языка в условиях диаспоры, становящегося средством общения. В процессе мифологического рассказа о прошлом историческая жизнь этноса приобретает целостность, что создает коллективную память, которую объединяет воспроизводство неких событий и связанных с ними смыслов. Подтверждая это, В. А. Тишков говорит, что этнические группы возникают не вследствие историко-эволюционного процесса, а благодаря иным факторам [21, с. 105]. Например, эмигранты из германских княжеств, прибывая в Америку, в период до 1867 г. говорили на 8 разных языках и плохо ассимилировались. Единой этнической идентичности у них не было, а появилась она как именно

вание американских немцев позже в условиях американского этнокультурного окружения.

Необходимо сделать вывод, что вовлечение этнической группы в коммуникативный процесс неизбежно влияет на поведение её членов, так как это нацелено на навязывание им определённых социальных норм и ценностей, которые должны стать, по мнению общества, частью их мышления. Через идентификацию с обобщёнными другими группа усваивает общие для социального окружения социальные стандарты мышления и деятельности. Возникает представление об общем «Мы», на основе которого формируется широкая социальная идентичность, которая выражается в идеологии, психологии, культуре, национальной символике, совместной деятельности представителей данного этноса [26, с. 308].

Однако важно отметить, что если бы описанная тенденция доминировала в процессе отношений этнической группы и общества, то этот процесс привёл бы к ассимиляции и утрате её идентичности. В реальности процессы трансформации этнической идентичности включают более сложное взаимодействие его сторон, на что обратил внимание Б. Ф. Поршнев, по мнению которого этническое самосознание является производным сложного взаимодействия этноса с социальным окружением, где попытки объединения встречают тенденцию, направленную на отторжение, а стремление к противопоставлению наталкивается на объединительные настроения [16, с. 14]. Это положение подтверждается П. Бергером и Т. Лукманом [4, с. 216], которые доказывают, что определение идентичности зависит от размещения в объективном мире и субъективно усваивается вместе с этим миром. Этот же алгоритм раскрывает концепция «габитуса» П. Бурдьё, позволяющая рассмотреть формирование этнической идентификации в качестве результата процесса информационного взаимодействия, в котором представляется диспозиция, выраженная в антитезе терминами «Мы» и «Другие» [5, с. 26]. Структура взаимодействия между «Мы», представляющими сторону этнической идентичности и «Другие», оказывающими социальное воздействие на группу, может быть понята, исходя из теории К. Лэша, который под этим понятием имеет некую синтетическую

«самость», приобретающую критические и рефлексивные способности, подвергаясь влиянию традиций, окружающих этническую группу [13, с. 28].

Именно так конструировалась немецкая идентичность, когда первоначально между восприятием немцев в русской культуре и их самооценкой существовала большая разница. Находящиеся в русскоязычной среде немцы именовались этим словом, начиная с XII в. или ранее, однако оно, чаще всего, не соответствовало не только тому, как называли себя жители территории Германии, но и тому, как понимали себя сами немцы. Во-первых, оно объединяло в единое целое всех иностранцев европейского происхождения, не знавших русского языка. Во-вторых, ещё и потому, что в это время на территории германских княжеств не проживало единого народа. Впоследствии в связи с постепенным узнаванием о наличии различия между немцами, большинство из них стали именовать в соответствии с собственными представлениями о себе, но это не коснулось немцев из Германии. Вероятно, свою роль сыграло то, что наши страны чаще других воевали друг с другом, из-за чего слово «немец» приобрело негативные коннотации, которые дольше других держатся в массовом сознании [31].

В дальнейшем на примере истории немецкого этноса ярко проявились такие зависимые от влияния социальной мифологии характеристики этнической идентичности, как «относительность» и «изменчивость». На это обратил внимание М. Майкл, который подразделяет этнические идентичности на «полные», «нулевые» и «частичные». Полная идентичность достигается группой в случае слияния большинства группы с идентифицируемым объектом. Её обратной стороной является отказ от групповой идентичности. Промежуточное положение между крайними точками занимает частичная идентичность, которая выступает как их синтез. Прохождение этих стадий можно наблюдать на примере забайкальских немцев, которые в разные периоды могли идентифицировать или не идентифицировать себя с немецким этносом [14, с. 91].

Исходя из данных соображений, по отношению к описанию исторической судьбы немецкого этноса применим термин «плавающая идентичность», подчёркивающий синтетический и динамический характер

данного феномена. Его синтетичность заключается в том, что этническая идентичность состоит из множества частичных идентичностей и включает в себя региональную, культурную, религиозную, социальную, групповую и личную идентичности, составляющие, по мнению С. Московичи, определённую иерархию [28, с. 170]. Это предположение подтверждается данными В. С. Курске и Т. Б. Смирновой, которые зафиксировали, что у российских граждан, идентифицирующих себя с немецким этносом, наличествует множественная этническая идентичность, которая усложняется наличием смешанных браков немцев с людьми разных национальностей и тем, что многие группы немцев сохранили воспоминания о происхождении от голландцев, австрийцев или поляков [19, с. 162].

Процесс «плавления» этнической идентичности заключается в том, что представители этнического сообщества могут менять отношение к различным типам идентичности и выбирать те, которые необходимы им для осуществления своей идентификации. В целом можно констатировать, что в процессе конструирования этнической идентичности группа участвует в процессе многогранной коммуникации. В ней, по мнению А. Сикурела, А. Шюца, Г. Гарфинкеля [6, с. 155], велико значение элемента, который можно назвать интерсубъективным, так как он допускает присутствие не только объективных попыток повлиять на содержание этнического сознания, но и субъективной реакции на эти попытки со стороны этнического сознания, которая может носить релятивный характер и зависеть от личностного выбора. В этом случае формирующаяся этническая идентичность группы, находящейся в условиях иноэтнического социального окружения, будет результатом взаимной подгонки значений, обусловленной познавательными и интерпретативными возможностями участников диалога.

Как уверены авторы этой концепции, условия, предполагающие стремление к взаимному уподоблению участников разговора, конструируют общий фон, определяющий решения вопроса о соответствии между «феноменом» и «ноуменом» («Мы» и «Они»). Он в соответствии с правилами кодирования используется в целях конструирования идентичности, которое, по мнению М. Ф. Бендла [3, с. 58], проходит

посредством использования имманентных социальных конструктов, таких как «нарративы самости», или социальных мифов.

По этому принципу конструируется идентичность «немецкой» диаспоры в Забайкалье, которая определяется как «дисперсное» сообщество отдалённых потомков выходцев из Германии, сохраняющих нарративы о культурных связях с исторической родиной. Вместе с этим важным обстоятельством является то, что существование немецкого этноса здесь осуществляется на основе взаимодействия, взаимодополнительности и симбиоза с теми, кто сосуществует с диаспорой на одной территории [18, с. 78]. В условиях современного социально-экономического кризиса в России немецкая этническая идентичность актуализируется, в связи с субъективным ощущением немцами утраты своей культуры, языка, по причине ассимиляции в окружении иных народов. При этом немецкий этнос сам выступает в качестве группы поддержки, к которой всегда можно обратиться немцу за помощью в сложной жизненной ситуации. Таким образом, этническая идентичность забайкальских немцев интерсубъективна и выполняет компенсаторную функцию. В результате она становится интегрирующим началом, объединяя «Своих» перед лицом «Чужих», и поэтому в «нарративах самости», то есть мифах, представляется как нечто более стабильное, чем соседствующие социальные группы.

Указанные мифы, распространённые у забайкальских немцев, могут существовать в течение длительного времени, а могут привноситься извне, как со стороны «материнского этноса» из Германии, так и со стороны социального окружения. В этих мифах может быть прослежено как региональное, так и глобализационное влияние, однако объединяет в единое целое забайкальских немцев ценностное мифологическое ядро, то есть их общая вера в то, что немецкая традиция Забайкалья является прямым наследником культурной традиции Германии [21, с. 116].

Таким образом, среди забайкальских немцев стремление быть немцем является достаточно сильным, хотя не всегда рационально объяснимым явлением, а обретение этой этничности продолжает оставаться самой желанной целью, поэтому социальные мифы являются ключевым

инструментом конструирования регионального варианта немецкого этноса, так как формируют его ценностное ядро, заключающееся в определённом наборе интегрирующих символов. Конструирование этого этноса представляет собой процесс трансформации ценностного содержания представлений о себе с помощью мифов, в которых отражена картина немецкого прошлого, прославляются или замалчиваются достижения, «жертвы», «неудобные» события, связываемые с немцами [15, с. 154].

В этом контексте можно выделить две функции социального мифотворчества по отношению к этнической идентичности. Выполняя первую, оно способствует усилению общности внутри группы, в этом случае гомогенность достигается посредством распространения мифов, создающих представления об истории, территории, институтах, языке и религии этнической группы. Внутренняя общность группы, выступающая как результат распространения и принятия мифов об общих ценностях, ведёт к усилению взаимной коммуникации и продуцирует представления об общих исторических корнях народа, символических формах, преданиях, религии и фольклоре. В отличие от этого внутреннего измерения идентичности, порождающего мифологические интра-образы, существует и внешнее измерение, порождающее мифологические экстра-образы, нацеленные на культивирование отличительности группы. Эти объективные этнокультурные, языковые, религиозные различия конкретных общностей создают мифологическую антитезу «Мы» – «Они».

Выводы:

1. Значение этничности в условиях полиэтничного Забайкалья постоянно возрастает, так как многие этнические группы, в частности забайкальские немцы, обращаются к этничности как форме организации жизнедеятельности, по причинам необходимости реагирования на динамично изменяющиеся условия существования, проходящие в контексте глобализации. Этническая идентичность является таким ментальным конструктом, который поддается рациональному воздействию со стороны социального мифотворчества, так как её особенностью является упрощение и схематизация правил социального взаимодействия, происходящие

в условиях коммуникационной антитезы «Мы» – «Они». Процесс трансформации этнической идентичности происходит под влиянием социальных мифов в контексте реально функционирующих социальных, экономических, культурных условий территории проживания.

2. Под термином «немецкий этнос», понимаются группы людей, проживающих в России и объединённых общими представлениями о немецкой истории и ценностях, которые выражаются в этнических и социальных мифах. В условиях смены культурного контекста немецкая идентичность на территории Забайкалья открывает для её носителей обширные перспективы. Это служит основой для конструирования немецкой общности с помощью обращения к таким формам творчества, как презентация разнообразных версий прошлого и символов, оснащённых художественными, эстетическими и этическими атрибутами. Основным является придание сверхзначимого смысла принадлежности к данной этнической группе, члены которой объединены стремлением к обретению Родины, что выступает как особый образ, в рамках которого немецкая этническая идентичность является ресурсом успешной самореализации.

3. В условиях диаспоры этническая идентичность перестаёт осознаваться как естественный и объективно заданный способ существования, она начинает активно подвергаться процедурам конструирования и воображения. Ценностный контекст этнической идентичности постоянно смещается то в прошлое, то в будущее, непроизвольно обретая черты социального или этнического мифа. Важную роль в этих процессах играют усилия окружающего социума, представленные мифами о «навязываемой» идентичности. Они содержат экстра-образы, нацеленные на репрезентацию информации об этносе во внешнем мире. С другой стороны, важная роль принадлежит мифам, связанным с самоидентичностью группы, представляющими представления её членов о «Мы». Она основана на «интра-образах», представленных набором объективизированных характеристик, нацеленных на интеграцию этнической группы изнутри. В фокусе исследования трансформаций забайкальских немцев находится интересующая сторона идентичности, предполагающая, что итоговая этническая идентичность будет представляться как непрерывно проходящий процесс взаимодействия и синтеза этих противопоставленных друг другу мифов.

Список литературы

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Бельгер Г. К. Эволюция национального самосознания в творчестве российских немецких писателей // Помни своё имя: ст. и выступления о литературе и культуре российских немцев. Алма-Ата: Гылым, 1999. 296 с.
3. Бендл М. Ф. Кризис «идентичности» в эпоху высокого модерна // Социальные и гуманитарные науки. 2003. № 2. С. 58–63.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр: Медиум, 1995. 323 с.
5. Бурдьё П. Начала. Choses dites. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
6. Гарфинкель Г. Понятие «доверия»: доверие как условие стабильных согласованных действий и его экспериментальное изучение // Социальные и гуманитарные науки. Сер. Социология. 1999. № 4.
7. Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1.
8. Жуков А. В., Жукова А. А., Власова К. Е. Возрождение национальной культуры и процессы миграции среди немцев в Забайкальском крае // Изв. ИГУ. 2015. Т. 11. С. 87–96.
9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
10. Клосковска А. Культурный полиморфизм и национальные стереотипы // Социальные и гуманитарные науки. 1997. № 1. С. 50–57.
11. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ, 1999. 270 с.
12. Липпман У. Общественное мнение. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
13. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос: Прогресс, 2002. 224 с.
14. Майкл М. Конструирование идентичностей: социальные, внечеловеческие и трансформирующие факторы // Социальные и гуманитарные науки. Сер. Социология. 1999. № 4. С. 88–102.

15. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое изд-во, 2004. 336 с.
16. Поршнева Б.Ф. История и психология: сб. ст. М.: Наука, 1971. 390 с.
17. Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации: по итогам исследования российских немцев в регионе Нюрнберг-Эрланген // Этнографическое обозрение. 2004. № 4. С. 97–113.
18. Селиверстова С. Н. Немецкая диаспора России: национальная и культурная идентичность // Вестн. МГУКИ. 2012. № 4. С. 77–81.
19. Смирнова Т. Б., Курске В. С. Этническая идентичность российских немцев в начале XXI века // Журн. социологии и социальной антропологии. 2011. № 1. С. 160–176.
20. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки рус. культуры, 1997. 824 с.
21. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
22. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004. 732 с.
23. Хализев В. Е. Сознание и самосознание персонажа. Психологизм // Теория литературы. М.: Высш. шк., 2002. 438 с.
24. Шюц А. Аспекты социального мира // Смысловая структура повседневности мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2003. С. 114–162.
25. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Инвест-ППП, 1996. 240 с.
26. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
27. Юнг К.-Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 149 с.
28. Moscovici S., Lage E. Studies in influence III: majority versus minority influence in a group // European Journal of Social Psychology. 1976. № 6. P. 149–174.

Источники

29. В Забайкалье проживают представители 120 национальностей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zabinfo.ru/82578> (дата обращения: 24.02.2016).
30. Глава российских немцев в Чите. В школах обострился национализм из-за ситуации на Украине [Электронный ресурс]. Режим доступа: (дата обращения: 24.02.2016).
31. Почему немцев называют немцами, а не германцами [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kakprosto.ru/kak-854054-pochemu-nemcev-nazyvayut-nemcami-a-ne-germancami> (дата обращения: 24.02.2016).

References

1. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 368 s.
2. Bel'ger G. K. Evolyutsiya natsional'nogo samosoznaniya v tvorchestve rossiiskikh nemetskiikh pisatelei // Pomni svoe imya: st. i vystupleniya o literature i kul'ture rossiiskikh nemtsev. Alma-Ata: Gylym, 1999. 296 s.
3. Bendl M. F. Krizis «identichnosti» v epokhu vysokogo moderna // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. 2003. № 2. S. 58–63.
4. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya. M.: Academia-Tsentr: Medium, 1995. 323 s.
5. Burd'e P. Nachala. Choses dites. M.: Socio-Logos, 1994. 288 s.
6. Garfinkel' G. Ponyatie «doveriya»: doverie kak uslovie stabil'nykh soglasovannykh deistvii i ego eksperimental'noye izucheniye // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Ser. Sotsiologiya. 1999. № 4.
7. Dyatlov V. Diaspora: popytka opredelit'sya v ponyatiyakh // Diaspory. 1999. № 1.
8. Zhukov A. V., Zhukova A. A., Vlasova K. E. Vozrozhdeniye natsional'noi kul'tury i protsessy migratsii sredi nemtsev v Zabaikal'skom krae // Izv. IGU. 2015. T. 11. S. 87–96.
9. Kastel's M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura. M.: GU VShEGU VShE, 2000. 608 s.
10. Kloskovska A. Kul'turnyi polimorfizm i natsional'nye stereotipy // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. 1997. № 1. S. 50–57.
11. Lebedeva N. M. Vvedeniye v etnicheskuyu i kross-kul'turnuyu psikhologiyu. M.: Klyuch, 1999. 270 s.
12. Lippman U. Obshchestvennoye mneniye. M.: In-t Fonda «Obshchestvennoye mneniye», 2004. 384 s.
13. Lesh K. Vosstaniye elit i predatel'stvo demokratii. M.: Logos: Progress, 2002. 224 s.
14. Maikl M. Konstruirovaniye identichnostei: sotsial'nye, vnechelovecheskie i transformiruyushchie faktory // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Ser. Sotsiologiya. 1999. № 4. S. 88–102.

15. Noimann I. Ispol'zovanie «Drugogo»: obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnostei. M.: Novoe izd-vo, 2004. 336 s.
16. Porshnev B.F. Istoriya i psikhologiya: sb. st. M.: Nauka, 1971. 390 s.
17. Rossiiskie nemtsy v Germanii: integratsiya i tipy etnicheskoi samoidentifikatsii: po itogam issledovaniya rossiiskikh nemtsev v regione Nyurnberg-Erlangen // Etnograficheskoe obozrenie. 2004. № 4. S. 97–113.
18. Seliverstova S. N. Nemetskaya diaspora Rossii: natsional'naya i kul'turnaya identichnost' // Vestn. MGUKI. 2012. № 4. S. 77–81.
19. Smirnova T. B., Kurske V. S. Etnicheskaya identichnost' rossiiskikh nemtsev v nachale XXI veka // Zhurn. sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2011. № 1. S. 160–176.
20. Stepanov Yu. S. Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. M.: Yazyki rus. kul'tury, 1997. 824 s.
21. Tishkov V. A. Rekviev po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoi antropologii. M.: Nauka, 2003. 544 s.
22. Fukuyama F. Doverie. Sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu. M.: AST, 2004. 732 s.
23. Khalizev V. E. Soznanie i samosoznanie personazha. Psikhologizm // Teoriya literatury. M.: Vyssh. shk., 2002. 438 s.
24. Shyuts A. Aspekty sotsial'nogo mira // Smyslovaya struktura povsednevnosti mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii. M.: In-t fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2003. S.114–162.
25. Eliade M. Aspekty mifa. M.: Invest-PPP, 1996. 240 s.
26. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis. M.: Progress, 1996. 344 s.
27. Yung K.-G. Ob arkhетipakh kollektivnogo bessoznatel'nogo // Arkhetip i simbol. M.: Renessans, 1991. 149 s.
28. Moscovici S., Lage E. Studies in influence III: majority versus minority influence in a group // European Journal of Social Psychology. 1976. № 6. P. 149–174.

Istochniki

29. V Zabaikal'e prozhivayut predstaviteli 120 natsional'nostei [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://zabinfo.ru/82578> (data obrashcheniya: 24.02.2016).
30. Glava rossiiskikh nemtsev v Chite. V shkolakh obostrilsya natsionalizm iz-za situatsii na Ukraine [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: (data obrashcheniya: 24.02.2016).
31. Pochemu nemtsev nazyvayut nemtsami, a ne germantsami [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.kakprosto.ru/kak-854054-pochemu-nemcev-nazyvayut-nemcami-a-ne-germancami> (data obrashcheniya: 24.02.2016).

Библиографическое описание статьи

Соколов А. Ю. Влияние социального мифотворчества на немецкую идентичность в полиэтническом Забайкалье // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 119–127.

Reference to the article

Sokolov A. Yu. The Influence of Social Myth-Making on the “German” Identity Revival in Transbaikalian Region // Scholarly Notes of Transbaikalian State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 119–127.

Статья поступила в редакцию 06.03.2016

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL AND APPLIED RESEARCH

УДК 316.3

Ирина Михайловна Воротилкина¹,
доктор педагогических наук, профессор,
Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема
(679015, Россия, г. Биробиджан, ул. Широкая 70а),
e-mail: btb-irina@rambler.ru

Наталья Юрьевна Чугунова,
кандидат филологических наук,
Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема
(679015, Россия, г. Биробиджан, ул. Широкая 70а),
e-mail: nafanya2007.85@mail.ru

Сравнительный анализ показателей качества жизни и благополучия пожилых людей в России и Израиле

В работе представлен сравнительный анализ показателей качества жизни и благополучия пожилых людей в России и Израиле. Сравнительный анализ строился на основе показателей Global AgeWatch Index 2013–2014 гг. Анализ за 2013 г. показал, что среднестатистический израильский мужчина живет на 14 лет больше, чем мужчина в России. Женщины в Израиле живут на 8,5 лет дольше, чем в России. Это во многом говорит о более высоком уровне качества жизни и благополучия пожилых людей в Израиле. Положение же российских пенсионеров не соответствует представлениям о достойной старости. Но, несмотря на это, у России есть все возможности для улучшения жизни пожилых людей. Израиль занимает 18-е, более почётное место в Global AgeWath Index 2014 г. Ожидаемая продолжительность жизни в стране людей после 60 лет составляет 24 года, что на 7 лет выше, чем в России; здоровой жизни после 60 лет – 17,9 лет. Доля людей старше 60 лет в Израиле в 2014 г. составила – 22,5 % от общего количества населения. В соответствии с данными Центрального статистического бюро Израиля средняя продолжительность жизни в Израиле в 2013 г. составила 79,9 лет; у мужчин – 79,7 и у женщин – 83,6 года. По данным Федеральной службы государственной статистики России 2013 г., средняя продолжительность жизни в России составила 70,8 лет. У мужчин – 65,1 года и у женщин – 76,3 года. Проведённый анализ позволяет констатировать тот факт, что на повышение уровня жизни граждан пожилого возраста влияет не только экономический рост страны, но и грамотная политика государства в данном вопросе.

Ключевые слова: качество жизни, Россия, Израиль, благополучие, общество, демография

¹ И. М. Воротилкина – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги исследования.

Irina M. Vorotilkina¹,
Doctor of Pedagogy, Professor,
Sholom-Aleichem Priamursky State University
(70A Shirokaya st., Birobidzhan, 679015, Russia),
e-mail: btb-irina@rambler.ru

Natalia Yu. Chugunova,
Candidate of Philology,
Sholom-Aleichem Priamursky State University
(70A Shirokaya st., Birobidzhan, 679015, Russia),
e-mail: nafanya2007.85@mail.ru

Comparative Analysis of Indicators of Older People's Life Quality and Wellbeing in Russia and Israel

A comparative analysis of older people's wellbeing in Russia and Israel is suggested in the paper. It is based on indicators of the Global AgeWatch Index 2013–2014. Using the latest available internationally comparable data, it ranks 96 countries. It measures four key domains for older people. These are: income security of older people (it is measured by pension coverage, poverty rate in old age, the relative welfare of older people, and living standards using GNI per capita as a proxy); health status (measured by three indicators: life expectancy at 60, healthy life expectancy at 60, and psychological wellbeing); capability of older people (measured by employment levels and education status); enabling environment (measured by social connections, physical safety, civic freedom, access to public transport). The authors of the article are focusing on analyzing the data concerning wellbeing in Russia and Israel. It was found out that Israel from the 21st place in 2013 moved on the 18th in 2014 while the Russian Federation took the 78th place in 2013 and the 65th in 2014. The analysis of the data provided showed that in Russia and Israel the population is aging and life expectancy increases. The comparative analysis of indicators of life expectancy in Russia and Israel in 2013 showed that an Israeli man lives on average additional 14 years. Women in Israel live an additional 8.5 years. In many respects it points to a higher level of wellbeing of older people in Israel. In Israel the expected life expectancy of people over 60 is 24 years, it is 7 years longer than in Russia. The government should implement concrete measures at the national level to solve the problems of older people.

Keywords: quality of life, Russia, Israel, welfare, society, demography

В социально-демографической структуре общества категория пожилых людей занимает одно из ведущих мест. Пожилые люди принадлежат к социально незащищённой категории населения. Они не могут качественно реализовать не только свои социальные потребности, нужду в привязанности, расположении, любви, выражающие приспособление человека к обществу, к социальной группе, но и первичные, жизненные потребности [1, с. 62].

Период жизни людей пожилого возраста чаще всего связан с бытовыми вопросами, социального и личного характера, а также экономическими и медицинскими проблемами. Инертность, «маломобильность», пониженная двигательная активность, незащищённость данной категории населения накладывают отпечаток на психосоциальные характеристики личности.

Демографическая ситуация в Российской Федерации в первой половине 90-х гг. ознаменовалась снижением средней продолжительности жизни населения. В 1995 г. средняя продолжительность жизни в Российской Федерации составила: у мужского населения – 58,1 года; у женского населения – 71,5 года. Средняя продолжительность жизни в 2013 г. составила 70,8 [6, с. 34]: у женщин – 76,3 года; мужчин – 65,1 года. На среднюю продолжительность жизни влияют социальные факторы: образ жизни, состояние здравоохранения, достижения науки, а также и свойственные людям биологические закономерности старения и смерти [Там же].

По показателю состояния качества жизни в России самые низкие темпы роста продолжительности жизни среди стран с высокими доходами. Мужчины дольше всех

¹ I. M. Vorotilkina is the main author who has organized the study, formulated the conclusions and findings in realization of the group project.

живут в Исландии (81,2 года), Швейцарии (80,7 года), Австралии (80,5 года) и Израиле (80,2 года). У женщин самые высокие показатели в Японии (87 лет), Испании (85,1 года), Швейцарии (85,1 года) и Сингапуре (85,1 года) (по состоянию на 2010 г.) [Там же].

Для сравнительного анализа показателей качества жизни и благополучия пожилых людей, проживающих на территории Российской Федерации (РФ) и Государства Израиль мы исследовали Глобальный рейтинг стран мира – Global AgeWath Index [8; 9], в аналитические данные которого в 2014 г. вошли 96 стран мира (в 2013 г. – 91 страна).

Global AgeWath Index (индекс качества жизни пожилых людей) – глобальное исследование, выражающееся в определённом рейтинге стран мира по показателю качества жизни и благополучия пожилых людей. Рассчитывается индекс по методике международной неправительственной организации HelpAge International на основе статистических данных, получаемых от национальных институтов и международных организаций, которые аккумулируются в Фонде Организации Объединённых Наций в области народонаселения (ЮНФПА) [5].

Global AgeWath Index является единственным глобальным индексом, проводящим рейтинг стран в соответствии с социально-экономическим благосостоянием пожилых людей в этих странах. Для формирования рейтинга были выбраны 13 различных показателей-индикаторов для четырёх ключевых областей: материальной обеспеченности, состояния здоровья, образования и занятости и хороших условий, где есть международно-сопоставимые данные. Охарактеризуем каждую из 4 областей.

1. Материальная обеспеченность пожилых людей (индикаторы – пенсионный доход, уровень бедности в старости, относительное благосостояние пожилых людей, ВВП на душу населения).

2. Состояние здоровья пожилых людей (индикаторы – продолжительность жизни после 60 лет, продолжительность здоровой жизни после 60 лет, психологическое благополучие).

3. Личный потенциал пожилых людей (занятость и образование) (индикаторы – уровень занятости пожилых людей, их уровень образования).

4. Социальная среда «Хорошие условия» (индикаторы – социальные связи, физическая безопасность, гражданские свободы, доступность общественного транспорта). Общий индекс рассчитывается как среднее арифметическое значение показателей четырех областей [Там же].

Проведём сравнительный анализ показателей качества жизни и благополучия пожилых людей, проживающих на территории России и Государства Израиль за период 2013–2014 гг. Для наглядности предлагаем использовать в анализе страны, занявшие первое и последнее места в Global AgeWath Index. Рассмотрим таблицу.

Таблица
Рейтинг стран GlobalAge Watch Index за период
2013–2014 гг.

2013 г.		2014 г.	
1-е место	Швеция	1-е место	Норвегия
21-е место	Израиль	17-е место	Израиль
78-е место	Россия	65-е место	Россия
91-е место	Афганистан	96-е место	Афганистан

Наилучшим качеством жизни для людей старше 60 лет могут похвастаться государства Северной Европы. Лучшими в мире странами для пожилых людей в 2013–2014 гг. признаны Швеция и Норвегия. Самой худшей страной для пожилых людей как в 2013, так и в 2014 гг. признан Афганистан. Израиль с 21-го места в 2013 г. переместился на 18-е в 2014 г. Положение России нельзя назвать даже удовлетворительным (2013 г. – 78-е место, 2014 г. – 65-е). Российская Федерация уступает практически всем странам бывшего СССР.

Рассмотрим подробнее рейтинги Российской Федерации и Израиля по четырём группам.

Область «Материальная обеспеченность» показывает уровень дохода пожилых граждан и возможности использовать его для удовлетворения основных потребностей. Показатели сравнительного анализа области «Материальная обеспеченность пожилых людей» представлены на рис. 1.

Область «Состояние здоровья» связана с продолжительностью жизни на пенсии, в том числе продолжительностью здоровой жизни после 60 лет, с рисками заболеваний и инвалидности. Сравнительный анализ данной области представлен на рис. 2.

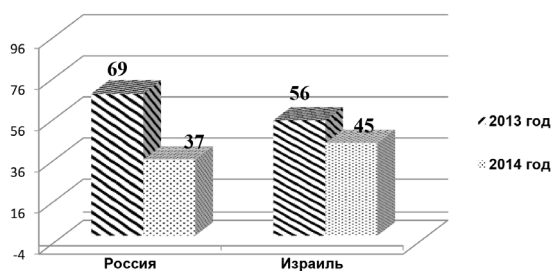

Рис. 1. Сравнительный анализ рейтинга «Global AgeWatch Index» России и Израиля в области «Материальная обеспеченность пожилых людей» за 2013–2014 гг.

В России показатели по индикатору «Состояние здоровья» немного понизились, и это несмотря на то, что в стране проводилась политика, направленная на охрану здоровья граждан, модернизацию системы здравоохранения и наличие системы обязательного медицинского страхования.

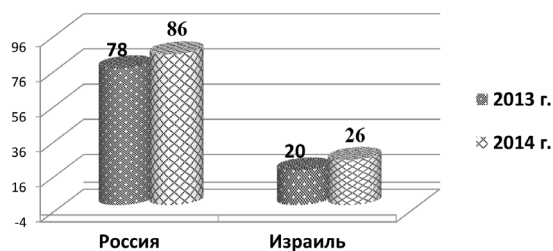

Рис. 2. Сравнительный анализ рейтинга Global Age Watch Index России и Израиля в области «Состояние здоровья» за 2013–2014 гг.

Продолжительность жизни в России после 60 лет составляет в среднем 17 лет, в Израиле – 24 года (по рейтингу на 2014 г.). Отметим, что в России 100 % пенсионеров получают пенсии, в Израиле же только 73 %. Оставшиеся 27 % пожилых людей получают социальное пособие.

Область «Личный потенциал» оценивает способность людей пожилого возраста к преодолению собственных проблем, а также уровень их образованности и занятости. Данные показатели представлены на рис. 3.

Рис. 3. Сравнительный анализ рейтинга Global Age Watch Index России и Израиля в области «Личный потенциал» за 2013–2014 гг.

В Российской Федерации личный потенциал людей пожилого возраста также уменьшился, что свидетельствует об ограниченности доступа данной категории граждан к образованию, снижению числа трудоустроенных. Прослеживается взаимосвязь между состоянием здоровья и личного потенциала, которые снизились во взаимной связке.

Израиль по этому критерию находится на стабильном 13-м месте. Возраст выхода на пенсию для женщин в Израиле составляет 62 года, для мужчин – 67 лет. Большая часть израильских пенсионеров трудоустроены. Это увеличивает рейтинг занятости.

Область «Социальная среда» показывает, насколько пожилые люди включены в социальную жизнь, насколько благоприятна для них социальная среда в обществе, доступна свобода выбора и самостоятельная жизнь. Рейтинг по данной области представлен на рис. 4.

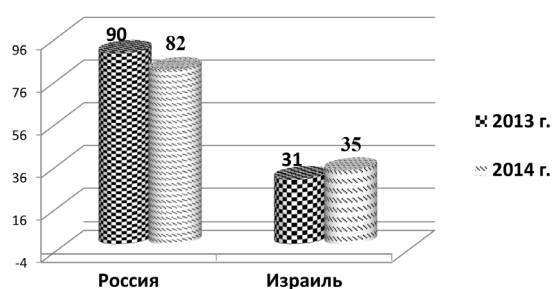

Рис. 4. Сравнительный анализ рейтинга Global Age Watch Index России и Израиля в области «Благоприятная среда» за 2013–2014 гг.

По критерию благоприятности среды, где учитывается доступ к общественному транспорту, Россия в 2013 г. оказалась на предпоследнем 90-м месте, в 2014 г. – на 82-м из 96 возможных. Аналитики отмечают, что у российских пенсионеров, при наличии желания, есть все возможности трудоустроиться и получить образование. По тому же показателю Израиль находится на умеренных позициях и занимает 31-е место в 2013 г., 35-е – в 2014 г. Показатели России и Израиля в процентном соотношении по рассмотренным индексам указаны на рис. 5 и 6.

Анализ показателей России за 2013–2014 гг. свидетельствует о том, что значительный рост в 2014 г. отмечается по одному показателю «Материальная обеспеченность», несмотря на то, что рост среднего размера пенсий за 2013 и 2014 гг. составил только 762 р. (для примера, средний размер пенсии в 2013 г. – 9 918 р., а в июне 2014 г. – 10 680 р.). Следует отметить, что коэффициент замещения заработной платы или соотношение среднего размера пенсий и среднего размера заработной платы составил 33,3 % в 2013 г. и 33,9 % – в 2014 г. Наряду с этим в Российской Федерации определён довольно небольшой прожиточный минимум пенсионера (6 354 р. на 1-й квартал 2014 г.), вследствие этого соотношение прожиточного минимума и средней пенсии пожилого человека выглядит довольно оптимистично (177,9 % в 2013 г., 183,6 % – в 1-м квартале 2014 г.). Таким образом, средняя пенсия почти в 2 раза превосходит размер прожиточного минимума пенсионера. По другим же показателям положение России в общем рейтинге ниже среднего [2].

По критериям «Состояние здоровья» и «Личный потенциал» за год произошло снижение показателей.

Рис. 5. Показатели РФ в Global Age Watch Index за 2013–2014 гг., в %

Анализ сводных показателей Израиля за 2013–2014 гг. показал, что незначительное повышение значений произошло только по показателю «Материальная обеспеченность» с 58,4 до 68,1 %.

Сделаем некоторые выводы. В рейтинге 2014 г. Россия заняла 65-е место, поднявшись за год более чем на 10 строчек. При этом Россия продолжает уступать почти всем постсоветским государствам, принявшим участие в исследовании (кроме Украины, которая переместилась с 66-го на 82-е место, и Молдовы, занимающей 74-е место).

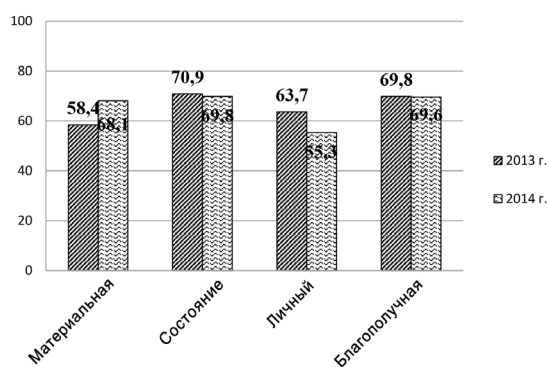

Рис. 6. Показатели Израиля в Global Age Watch Index за 2013–2014 гг., в %

Рассмотрим показатели прогноза Департамента по экономическим и социальным вопросам (отдел народонаселения ООН). Доля населения старше 60 лет в России и Израиле представлена нами на рис. 7.

Анализ данных показал, что в сравниваемых странах наблюдается тенденция к старению населения и увеличению продолжительности жизни. Рост незначительный с 19,4 до 28,5 % в России и с 15,4 до 22,5 % – в Израиле. Общая тенденция наблюдается достаточно отчетливо. Из всех 96 государств, представленных в глобальном индексе 2014 г., только в одном государстве прогнозируется понижение доли лиц пожилого возраста (Малави: 2014 г. – 4,9 %; 2030 г. – 4,5 %).

В России ожидаемая продолжительность жизни после 60 лет составляет 17 лет, из них здоровой жизни – 13,8 лет. Доля людей старше 60 лет в стране в 2014 г. составила 19,4 % от общего количества населения.

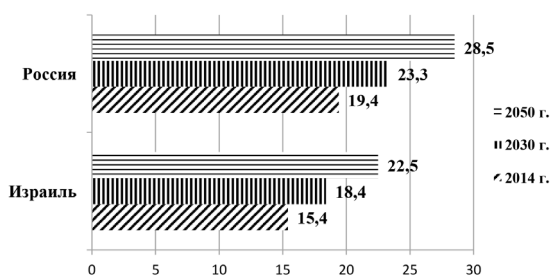

Рис. 7. Доля населения старше 60 лет в России и Израиле, в %

Сравнительный анализ показателей продолжительности жизни в России и Израиле за 2013 г. показал, что среднестатистический израильский мужчина живёт на 14 лет дольше, чем мужчина в России. Женщины в Израиле живут на 8,5 лет дольше, чем в России. Это во многом говорит о более высоком уровне качества жизни и благополучия пожилых людей в Израиле.

Израиль занимает 18-е место в Global AgeWath Index 2014 г. Ожидаемая продолжительность жизни в стране людей после 60 лет составляет 24 года, что на 7 лет выше, чем в России; здоровой жизни после 60 – 17,9 лет. Доля людей старше 60 лет в Израиле в 2014 г. составила 22,5 % от общего количества населения. В соответствии с данными Центрального статистического бюро Израиля средняя продолжительность жизни в Израиле в 2013 г. составила 79,9 лет; у мужчин – 79,7 года, у женщин – 83,6 года [3].

По данным Федеральной службы государственной статистики России 2013 г. средняя продолжительность жизни в России составила 70,8 лет. У мужчин – 65,1 года и у женщин – 76,3 года [7]. Для наглядного сравнения данные представлены на рис. 8 (от 100 %).

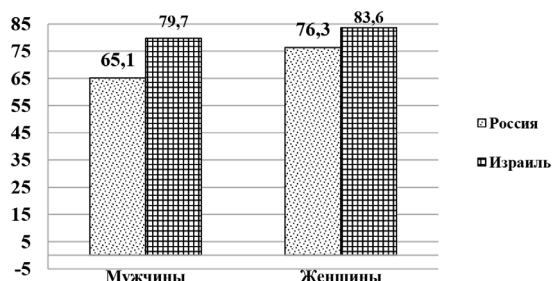

Рис. 8. Продолжительность жизни мужчин и женщин в России и Израиле за 2013 г., в %

Проведённый анализ позволяет констатировать тот факт, что на повышение уров-

ня жизни граждан пожилого возраста влияет не только экономический рост страны, но и грамотная политика государства в данном вопросе.

Отметим, что слабые места Российской Федерации – плохое состояние здоровья, низкий уровень вовлечённости людей пожилого возраста в общественную жизнь, достаточно низкий уровень их материального обеспечения. По критерию благоприятности среды Россия занимает одно из последних мест (90-е место в 2013 г. и 82-е – в 2014 г.). В связи с этим, России необходимо улучшить свои позиции по таким важным показателям, как здоровье и среда. Сейчас страна занимает по ним 86-е и 82-е места соответственно. Почти 30 % людей старше 60 лет отмечают свою бесполезность для общества.

У Израиля высокие позиции в области здравоохранения, занятости пожилых и продолжительности жизни после 60 лет. Слабые – материальное обеспечение пожилых – 56-я позиция.

Положение пожилых людей как в России, так и в Израиле характеризуется целым комплексом актуальных проблем, решение которых приводит к актуализации социальной защиты лиц пожилого возраста.

Социальная защита пожилых людей на современном этапе включает в себя несколько направлений – пенсионное обеспечение, социальную помощь, социальное обслуживание. В России вопросы социальной защиты населения находятся в ведении Министерства труда и социальной защиты.

В связи с модернизацией системы социального обслуживания с 2015 г. в России вступил в силу новый федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [4]. В законе социальное обслуживание граждан определяется как деятельность по предоставлению социальных услуг.

Социальное обслуживание осуществляется через систему социальных служб и представлено различными формами: социальное обслуживание на дому; полустационарное социальное обслуживание в отделениях дневного (ночного) пребывания учреждений социального обслуживания; стационарное социальное обслуживание в учреждениях социального обслуживания; срочное социальное обслуживание.

Социальная защита населения в Израиле возложена на Министерство социального обеспечения и общественных услуг Израиля и подотчётное ему Ведомство Национального страхования Израиля. Все жители Израиля, кроме детей до 18 лет, выплачивают страховые взносы.

В Израиле, как и в России, растёт численность пожилого населения. Неотъемлемой частью государственной социальной политики является социальная поддержка пожилых людей и инвалидов как многочисленной социально уязвимой категории населения. Права пожилых людей являются важным вопросом в общественной повестке дня в течение многих лет. Создана законодательная база, регламентирующая вопросы социальной защиты пожилых граждан.

Об отношении к проблемам пожилых со стороны государства говорит тот факт, что в Израиле с 2007 г. существует отдельное Министерство по делам граждан пожилого возраста, в ведении которого находится реализация мер, принятых Правительством по социальной защите лиц пожилого возраста. В Израиле хорошо развит негосударственный сектор социального обслуживания, волонтерские движения.

Уровень цивилизованного общества, престиж страны и нации напрямую зависят от того, какое место в государстве отводится гражданам пожилого возраста. От того, как решаются социально-экономические, медицинские проблемы данной категории населения, зависит не только экономический рост страны, но и нравственное развитие государства.

Сделаем некоторые выводы. Пожилые люди принадлежат к социально незащищённой категории населения. Анализ статистических данных населения показал, что в России и Израиле динамика демографических процессов характеризуется увеличением численности нетрудоспособного населения, его старением, что ведёт к увеличению числа людей, нуждающихся в социальной защите и помощи. В России доля пожилых людей составляет 22,1 %, в Израиле – 10,4 %.

Социальная защита представляет собой механизм реализации социальной политики государства. Авторитет страны напрямую зависит от того, какое положение в обществе занимают граждане пожилого возраста.

Список литературы

1. Ковалева Н. Г. Пожилые люди: социальное самочувствие // СОЦИС. 2011. № 7. С. 24–29.
2. Хадыкина Е. В. Опыт зарубежных государств в пенсионной сфере и его значение для российской системы пенсионного обеспечения // Ученые записки ТОГУ. 2014. Т. 5, № 4.

Источники

3. Минтруд России к весне 2015 года разработает Стратегию в интересах граждан пожилого возраста [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/social/vetaran-defence/43/>–2014.12.03 (дата обращения: 15.02.2016).
4. Об основах социального обслуживания граждан в РФ: федер. закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.02.2016).
5. Рейтинг стран мира по показателю качества жизни пожилых людей: гуманитарная энцикл. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. Режим доступа: <http://www.gtmarket.ru/ratings/global-age-wath-index/info> (дата обращения: 05.02.2016).
6. Рейтинг стран мира по уровню продолжительности жизни: гуманитарная энцикл. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. Режим доступа: <http://www.gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index/life-expectancy-index-info> (дата обращения: 05.02.2016).
7. Россия 2014: стат. справ. // Росстат. М., 2014.
8. Global AgeWatch Index, 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.helppage.org/globalagewatch/population-ageing-data/global-ranking-table> (дата обращения: 05.02.2016).
9. Global AgeWatch Index, 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.helppage.org/globalagewatch/population-ageing-data/global-ranking-table> (дата обращения: 05.02.2016).

References

1. Kovaleva N. G. Pozhilye lyudi: sotsial'noe samochuvstvie // SOTsIS. 2011. № 7. S. 24–29.
2. Khadykina E. V. Opyt zarubezhnykh gosudarstv v pensionnoi sfere i ego znachenie dlya rossiiskoi sistemy pensionnogo obespecheniya // Uchenye zapiski TOGU. 2014. T. 5, № 4.

Istochniki

3. Mintrud Rossii k vesne 2015 goda razrabotaet Strategiyu v interesakh grazhdan pozhilogo vozrasta [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.rosmintrud.ru/social/veteran-defence/43/-2014.12.03> (data obrashcheniya: 15.02.2016).
4. Ob osnovakh sotsial'nogo obsluzhivaniya grazhdan v RF: feder. zakon ot 28.12.2013 g. № 442-FZ (red. ot 21.07.2014 g.) [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 05.02.2016).
5. Reiting stran mira po pokazatelyu kachestva zhizni pozhilykh lyudei: gumanitarnaya entsikl. [Elektronnyi resurs] // Tsentr gumanitarnykh tekhnologii. Rezhim dostupa: <http://www.gtmarket.ru/ratings/global-age-wath-index/info> (data obrashcheniya: 05.02.2016).
6. Reiting stran mira po urovnyu prodolzhitel'nosti zhizni: gumanitarnaya entsikl. [Elektronnyi resurs] // Tsentr gumanitarnykh tekhnologii. Rezhim dostupa: <http://www.gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index/life-expectancy-index-info> (data obrashcheniya: 05.02. 2016).
7. Rossiya 2014: stat. sprav. // Rosstat. M., 2014.
8. Global AgeWatch Index, 2013 [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.helpage.org/globalagewatch/population-ageing-data/global-ranking-table> (data obrashcheniya: 05.02.2016).
9. Global AgeWatch Index, 2014 [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.helpage.org/globalagewatch/population-ageing-data/global-ranking-table> (data obrashcheniya: 05.02.2016).

Библиографическое описание статьи

Воротилкина И. М., Чугунова Н. Ю. Сравнительный анализ показателей качества жизни и благополучия пожилых людей в России и Израиле // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 128–135.

Reference to the article

Vorotilkina I. M., Chugunova N. Yu. Comparative Analysis of Indicators of Older People's Life Quality and Wellbeing in Russia and Israel // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 128–135.

Статья поступила в редакцию 20.03.2016

УДК 338.46

DOI: 10.21209/2308-877X-2016-11-3-136-141

Марина Борисовна Лига,
доктор социологических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: m-Liga@inbox.ru

**Оценка качества услуг, предоставляемых населению
социально-реабилитационным центром для несовершеннолетних
«Надежда» Забайкальского края**

Одним из последствий модернизации и трансформации социальной сферы жизнедеятельности стало широкое вовлечение в область социального обслуживания большого количества населения, появление различных видов социальных услуг. Все эти процессы актуализируют необходимость оценки качества социальных услуг, предоставляемых населению системой социального обслуживания. В статье даётся оценка результатов социологического исследования, в ходе которого охарактеризовано качество услуг, предоставляемых населению социально-реабилитационным центром для несовершеннолетних «Надежда» Забайкальского края. Исследование было организовано и проведено Общественным советом при Министерстве социальной защиты Забайкальского края в сентябре 2014 г. Методологической базой исследования стал человекоцентрический подход, в рамках которого выявлено, насколько услуга соответствует требованиям потребителя, а потребитель удовлетворён деятельностью организации, предоставляющей услугу. Опрос проводился путём анкетирования, методом сплошной выборки. Результаты проведённого опроса позволили выявить удовлетворённость потребителей качеством социальных услуг, предоставляемых населению Социально-реабилитационным центром для несовершеннолетних «Надежда» Забайкальского края. В настоящее время важным становится выделение критериев и показателей качества социальных услуг. Оценка удовлетворённости качеством социальных услуг осуществлялась по следующим сферам деятельности: удовлетворённость информацией о предоставляемых услугах; наличие информационных указателей на пути следования к учреждению; возможность получения информации по телефону; возможность получения информации по Интернету; удобство и комфорт помещений; чистота в помещениях; вежливость и добросовестность сотрудников; качество оказания услуг сотрудниками учреждения; работа персонала в целом.

Ключевые слова: социальное обслуживание, социальная услуга, услуга, качество социальной услуги, качество жизни

Marina B. Liga,
Doctor of Sociology, Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: m-Liga@inbox.ru

**Evaluation of the Quality of Services Provided to the
Population by the Social Rehabilitation Center for Minors
“Hope”, Trans-Baikal Territory**

One of the consequences of modernization and transformation of the social spheres of life was involvement of a large number of the population in the area of social services, the emergence of various kinds of social services. All these processes actualize the need to assess the quality of social services provided by social services to the population. The article assesses the results of sociological research, which aims to assess the quality of services provided to the population by the social rehabilitation center for minors “Hope” (Trans-Baikal Territory). The study was organized and hosted by the Public Council under the Ministry of Social Protection of the Trans-Baikal region in September 2014, the research methodological base was human-centered approach which measures how the service meets the requirements of the consumer, and the consumer is satisfied with the organization of activities and services. The survey was conducted by questionnaire, by continuous sampling. The results of the survey revealed satisfaction with the quality of social services provided to the population by the social and rehabilitation center for minors “Hope”, Trans-

Baikal Territory. At present, selection of criteria and indicators of the quality of social services is becoming important. Evaluation of satisfaction with the quality of social services was carried out in the following fields of activity: satisfaction with information on the services provided; availability of information signs on the route to the establishment; the ability to obtain information over the phone; possibility of obtaining information on the Internet; convenience and comfort of premises; cleanliness of the premises; courtesy and honesty of employees; quality services staff offices; personnel work in general.

Keywords: social service, service, quality of social services, quality of life

Введение. В последнее десятилетие в связи с реформированием Российского государства и всех сфер его жизни, на первый план наряду с экономической, политической сферами выходит социальная сфера государства и человеческой жизни, исследование которой может осуществляться с помощью анализа качества жизни.

Современное общество всё более активно использует не только качественные показатели, индикаторы благополучия финансовых рынков, но и развитости социальной сферы, её различных отраслей: образования, социальной защиты, здравоохранения. Одним из показателей качества жизни является качество социальных услуг, оказываемых населению социальной сферой. Необходимость и важность анализа качества услуг обусловлена возрастающей ролью услуг в жизни современного общества и отдельного человека, ведь в настоящее время доля социальных услуг становится все значительнее по сравнению со всеми объектами производства, одновременно с возрастанием объёма возрастает и разнообразие услуг. Поэтому возникает необходимость контроля их качества с целью повышения уровня безопасности жизни, здоровья, имущества граждан и окружающей среды. Оценка качества становится неотъемлемым элементом системы управления качеством как в практике деятельности учреждений социальной сферы, так и в деятельности органов власти, ведь формулирование и внедрение системы оценки качества услуг и эффективности деятельности облегчает и совершенствует развитие механизмов управления системой социальных служб и, как следствие, качеством жизни населения. Оценка качества представляет собой сложный и поэтапный процесс, сопряжённый с возникновением определённых трудностей. Одной из важнейших является выделение критериев и показателей оценки качества социальных услуг, выступающих основаниями для разработки

положений стандартов и моделей оценки разного уровня; ведь процесс социального обслуживания связан с воздействием на клиента системы факторов (внутренних и внешних), следовательно, требует учёта всей их совокупности.

Социологическое исследование «Оценка качества услуг, предоставляемых населению социально-реабилитационным центром для несовершеннолетних «Надежда» Забайкальского края» было организовано и проведено Общественным советом при Министерстве социальной защиты Забайкальского края в сентябре 2014 г.

Характеристика выборки. По полу: девочки – 58,82 %; мальчики – 41,18 %.

Согласно данным, полученным в результате анкетирования, все респонденты проживают на территории Забайкальского края. Так, 29,4 % проживают в ГБУСО «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Надежда» Забайкальского края»; 23,5 % проживают в Черновском районе г. Читы, по 17,6 % респондентов из Железнодорожного и Центрального районов г. Читы и по 5,9 % проживают в мкр. Северный г. Читы, пгт. Новая, пос. Ивановка.

Методологическая база исследования – человекоцентрический подход, в рамках которого оценивается, насколько услуга соответствует требованиям потребителя, а потребитель удовлетворён деятельностью организации, предоставляющей услугу.

Методы исследования. Опрос проводился путём анкетирования, методом сплошной выборки.

Результаты проведённого опроса позволили выявить удовлетворённость потребителями качеством социальных услуг.

Социальное обслуживание как явление общественной жизни институционализировалось в конце XX – начале XXI века. Это деятельность социальных служб по социальной поддержке, оказанию социально-бытовых, социально-медицинских, психолого-педагогических, социально-пра-

вовых услуг и материальной помощи, проведение социальной адаптации, абилитации и реабилитации граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации [6].

В рамках концепции жизненных сил, индивидуальной и социальной субъектности социальное обслуживание понимается как взаимодействие «жизненных сил человека» и «жизненного пространства человека» [1, с. 87–89]. В настоящее время сложились и получили реализацию на практике различные формы социального обслуживания.

В связи с чем в анкету был включён вопрос о формах социального обслуживания, получаемых респондентами. Субъектами, предоставляемых услуг были сами респонденты.

Ответы респондентов на вопрос «Какими формами социального обслуживания Вы пользовались за последние годы?» выглядят следующим образом: социальное обслуживание на дому (включая социально-медицинское обслуживание) – 41,2 %; полустационарное социальное обслуживание в отделениях дневного (ночного) пребывания учреждений социального обслуживания – 17,6 %; срочное социальное обслуживание (оказание материальной помощи) – 11,8 %; социально-консультативная помощь – 41,2 %; реабилитационные услуги – 47 %; другие (отдых в ЛОЛ «Ласточка» – 17,6 % от общего числа респондентов) (рисунок).

Полученные данные свидетельствуют о том, что за последние годы респонденты пользовались различными формами социального обслуживания. Наиболее востребованными стали социальное обслуживание на дому (включая социально-медицинское обслуживание) и социально-консультативная помощь.

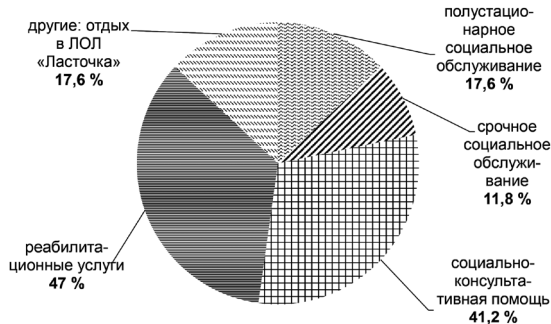

Рис. Формы социального обслуживания

На вопрос: «Знаете ли вы название учреждения, которое оказывает Вам социальные (ую) услуги (у)?», 100 % респондентов ответили «да» и указали название учреждения СРЦ «Надежда».

В настоящее время огромное влияние на личность, её выбор оказывают средства массовой информации, которые называют «четвёртой властью» в государстве. Одной из основных функций средств массовой информации является подготовка и распространение в обществе информации о жизнедеятельности социума. Именно из этих источников население получает информацию о том, что происходит в обществе.

Одной из задач данного исследования явилось выявление источника информации о деятельности СРЦ «Надежда».

Респондентам было предложено дать ответ на вопрос: «Из какого источника Вы получили информацию о возможности получения социальных услуг данного учреждения?»; 70,6 % респондентов получили информацию из личной беседы с сотрудником; 29,4 % – от родственников, соседей, знакомых. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости расширения информации о данном реабилитационном центре, предоставляемых им услугах через различные средства массовой информации.

Одним из индикаторов оценки деятельности учреждений является удовлетворённость потребителями качеством предоставляемых услуг. Услуга есть результат непосредственного взаимодействия поставщика (исполнителя) и потребителя и деятельности поставщика по удовлетворению запросов пользователя [5]. Качество услуги рекомендуется понимать как синтез таких показателей, как качество используемых для производства услуги средств и других материальных объектов, а также уровень предлагаемого клиенту сервиса.

В общероссийском классификаторе под социальными услугами понимаются услуги по предоставлению социальной помощи детям, престарелым и специальным категориям лиц с ограниченными возможностями ухода за собой. Отмечено, что эти услуги оказываются государственными или частными организациями с обеспечением проживания (приютами для сирот, интернатами и общежитиями для детей, исправительными домами для несовершеннолетних правонарушителей, домами для престаре-

лых, а также для лиц с физическими и умственными недостатками и т. п.) или без обеспечения проживания (консультации, попечительство, помощь беженцам, трудоустройство, удовлетворение просьб о помощи и аналогичные услуги, предоставляемые отдельным лицам и семьям на дому или в других местах) [2, с. 204].

В настоящее время в научной литературе сложились различные подходы к анализу качества социальной услуги. В частности, в рамках социологического знания качество социальной услуги рассматривается в контексте квалиметрии жизни (А. И. Субетто, Г. Г. Азгальдов, А. В. Сличев, Г. И. Осадчая, Г. В. Осипов, А. В. Аваков, С. И. Григорьев, С. А. Айвазян, Н. В. Жукова, П. С. Мстиславский, А. А. Удоденко и др.); осуществляется выявление критериев оценки эффективности деятельности учреждений системы социального обслуживания населения (Л. Г. Гусякова, М. Б. Лига, Ю. А. Калинина, И. В. Давыдов и др.). В теории социальной работы качество социальных услуг трактуется как результат процесса социального обслуживания (С. И. Григорьев, Л. Г. Гусякова, И. В. Давыдов, Л. В. Топчий и др.). В контексте экономического знания ведется анализ видов услуг и оснований их стандартизации (А. В. Раков, В. А. Нефедов, Г. И. Романов, Л. В. Смирнова, Ю. А. Калинина и др.) [Там же, с. 200].

В настоящее время некоторые исследователи рассматривают качество социаль-

ных услуг как показатель качества жизни (С. И. Григорьев, Л. Г. Гусякова, Г. В. Говорухина, Ю. А. Калинина, М. Б. Лига и др.). Качество жизни населения понимается как «характеристика уровня организации жизненного пространства и степени развития жизненных сил населения, его индивидуальной и социальной субъектности» [3; 5].

В ГОСТ Р 52495-2005 «Социальное обслуживание населения. Термины и определения» социальная услуга определяется как действия социальной службы, заключающиеся в оказании социальной помощи клиенту для преодоления им трудной жизненной ситуации.

Качество социальной услуги – это совокупность её свойств, которые обуславливают социальную реабилитацию, поддерживают определённый уровень жизни, в соответствии с требованиями потребителя и производителя (социального учреждения).

Оценка удовлетворённости осуществлялась по следующим сферам деятельности: удовлетворённость информацией о предоставляемых услугах, наличие информационных указателей на пути следования к учреждению, возможность получения информации по телефону, возможность получения информации по Интернету, удобство и комфорт помещений, чистота в помещениях, вежливость и добросовестность сотрудников, качество оказания услуг сотрудниками учреждения, работа персонала в целом (табл. 1).

Таблица 1

Удовлетворённость качеством социальных услуг

Вопросы	Полностью удовлетворён	Частично удовлетворён	Не удовлетворён	Затрудняюсь с ответом
Информация о предоставляемых услугах	23,6 %	41,1 %	11,7 %	23,6 %
Возможность получения информации об услугах данного учреждения по телефону	6,0 %	58,7%	11,7%	23,6%
Наличие информационных указателей на пути следования к учреждению	11,7 %	11,7 %	6,0 %	70,6 %
Возможность получения информации по Интернету	29,4 %	29,4 %	23,6 %	17,6 %
Чистота в помещениях	53,0 %	29,4 %	0,0 %	17,6 %
Удобство и комфорт помещений	76,4 %	6,0 %	0,0 %	17,6 %
Вежливость и добросовестность сотрудников	58,8 %	0,0 %	29,4 %	11,8 %
Качество оказания услуг сотрудниками учреждения	47,0 %	6,0 %	23,5 %	23,5 %
Работа персонала в целом	41,3 %	17,6 %	29,4 %	23,5 %

Результаты исследования дают представление о качестве предоставляемых социальных услуг.

В зависимости от оценки потребителями качества услуг можно выделить несколько групп респондентов. Первая группа (47,0 %) оценивает качество услуг как хорошее. Вторая группа (6,0 %) считает, что качество услуг удовлетворительное. Третью группу составили респонденты, которые оценили качество услуг как плохое (23,5 %). Четвёртую группу образовали респонденты, которые затруднились дать ответ (23,5 %).

Анализируя результаты исследования, хотелось бы обратить внимание, что существует достаточно большой процент респондентов, которые затруднились с ответом: удовлетворённость информацией о предоставляемых услугах (23,6 %); наличие информационных указателей на пути следования к учреждению (70,6 %); возможность получения информации по телефону (23,6 %); возможность получения информации по Интернету (17,6 %); удобство и комфорт помещений (17,6 %); чистота в помещениях (17,6 %); вежливость и добросовестность сотрудников (11,8 %); качество оказания услуг сотрудниками учреждения (23,5 %); работа персонала в целом (23,5 %). Далее в таблицах представлены рейтинги удовлетворённости качеством социальных услуг, выделенных в исследовании (табл. 2–4).

Таблица 2
Рейтинг оценки деятельности СРЦ «Надежда»
(вариант ответа «хорошо»)

Сфера деятельности	Оценка	Место
Удобство и комфорт помещений	76,4 %	I
Вежливость и добросовестность сотрудников	58,8 %	II
Чистота в помещениях	53,0 %	III
Качество оказания услуг сотрудниками учреждения	47,0 %	IV
Работа персонала в целом	41,3 %	V
Возможность получения информации по Интернету	29,4 %	VI
Информация о предоставляемых услугах	23,6 %	VII
Наличие информационных указателей на пути следования к учреждению	11,7 %	VIII
Возможность получения информации об услугах данного учреждения по телефону	6,0 %	IX

Таблица 3
Рейтинг оценки деятельности СРЦ «Надежда»
(вариант ответа «удовлетворительно»)

Сфера деятельности	Оценка	Место
Возможность получения информации об услугах данного учреждения по телефону	58,7 %	I
Информация о предоставляемых услугах	41,1 %	II
Возможность получения информации по Интернету	29,4 %	III
Чистота в помещениях	29,4 %	IV
Работа персонала в целом	17,6 %	V
Наличие информационных указателей на пути следования к учреждению	11,7 %	VI
Удобство и комфорт помещений	6,0 %	VII
Качество оказания услуг сотрудниками учреждения	6,0 %	VIII
Вежливость и добросовестность сотрудников	0,0 %	IX

Таблица 4
Рейтинг оценки деятельности СРЦ «Надежда»
(вариант ответа «неудовлетворительно»)

Сфера деятельности	Оценка	Место
Вежливость и добросовестность сотрудников	29,4 %	I
Работа персонала в целом	29,4 %	II
Возможность получения информации по Интернету	23,6 %	III
Качество оказания услуг сотрудниками учреждения	23,5 %	IV
Возможность получения информации об услугах данного учреждения по телефону	11,7 %	V
Информация о предоставляемых услугах	11,7 %	VI
Наличие информационных указателей на пути следования к учреждению	6,0 %	VII
Чистота в помещениях	0,0 %	VIII
Удобство и комфорт помещений	0,0 %	IX

Относительно вопроса о замечаниях, предложениях, пожеланиях были получены следующие ответы: 70,6 % респондентов ответили, что у них нет пожеланий, предложений или замечаний; 29,4 % ответили, что для улучшения обслуживания учреждения респондентам необходимы культурные мероприятия.

Таким образом, результаты социологического опроса потребителей услуг, предоставляемых социально-реабилитационным центром «Надежда», свидетельствуют

о том, что реальная эффективность деятельности центра имеет достаточный потенциал, что отражено в удовлетворительных оценках. В то же время сохраняющийся достаточно высокий уровень неудовлетворительных и затруднительных оценок актуализирует совершенствование деятельности центра по ряду направлений.

Список литературы

1. Григорьев С. И., Гуслякова Л. Г. Социология для социальной работы. М.: Гардарики, 2002. 164 с.
2. Качество жизни и социального обслуживания населения / Л. Г. Гуслякова, С. И. Григорьев, Г. В. Говорухина, Ю. А. Калинина, М. Б. Лига, О. В. Тюнина; под ред. Л. Г. Гусляковой. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2011. 305 с.
3. Лига М. Б. Качество жизни как основа социальной безопасности. М.: Гардарики, 2006. 223 с.
4. Лига М. Б., Щеткина И. А. Качество жизни: организационно-управленческий аспект. Новосибирск: Наука, 2011. 227 с.

Источники

5. Международный стандарт ИСО 8402. Управление качеством и обеспечение качества: слов. (версия 1994). М.: Изд-во стандартов, 1995.
6. Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации: федер. закон от 10.12.1995 г. №195-ФЗ // Рос. газета. 1995. 19 дек.

References

1. Grigor'ev S. I., Guslyakova L. G. Sotsiologiya dlya sotsial'noi raboty. M.: Gardariki, 2002. 164 s.
2. Kachestvo zhizni i sotsial'nogo obsluzhivaniya naseleniya / L. G. Guslyakova, S. I. Grigor'ev, G. V. Govorukhina, Yu. A. Kalinina, M. B. Liga, O. V. Tyunina; pod red. L. G. Guslyakovoi. Gorno-Altaysk: GAGU, 2011. 305 s.
3. Liga M. B. Kachestvo zhizni kak osnova sotsial'noi bezopasnosti. M.: Gardariki, 2006. 223 s.
4. Liga M. B., Shchetkina I. A. Kachestvo zhizni: organizatsionno-upravlencheskii aspekt. Novosibirsk: Nauka, 2011. 227 s.

Istochniki

5. Mezhdunarodnyi standart ISO 8402. Upravlenie kachestvom i obespechenie kachestva: slov. (versiya 1994). M.: Izd-vo standartov, 1995.
6. Ob osnovakh sotsial'nogo obsluzhivaniya naseleniya v Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 10.12.1995 g. №195-FZ // Ros. gazeta. 1995. 19 dek.

Библиографическое описание статьи

Лига М. Б. Оценка качества услуг, предоставляемых населению социально-реабилитационным центром для несовершеннолетних «Надежда» Забайкальского края // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 136–141. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-136-141.

Reference to the article

Liga M. B. Evaluation of the Quality of Services Provided to the Population by the Social Rehabilitation Center for Minors "Hope", Trans-Baikal Territory // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 136–141. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-136-141.

Статья поступила в редакцию 06.04.2016

УДК 621.1 (073.5)

Анна Алексеевна Русанова¹,
кандидат педагогических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: rusanova_a_a@mail.ru

Максим Викторович Номоконов²,
кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: nomokonov85@mail.ru

Социологическое сопровождение исполнения нормативно-правовых актов как фактор результативности деятельности органов региональной власти

Во вступительной части статьи актуализируется проблема качества исполнения нормативно-правовых актов органами региональной власти. Далее рассматриваются основные направления реализации внутренней политики, выраженные в Указах главы государства. Авторами поднимается проблема исполнения региональными органами власти указов Президента. Анализируются уровень и степень применения социологических методов в оценке деятельности региональных властей. На основе статистических методов описывается современная система социологического сопровождения деятельности региональных властей в России. Дается критический анализ технологии применения онлайн-опросов на порталах органов управления субъектов Российской Федерации как методики оценки эффективности деятельности региональной власти. Обосновывается роль социологии как механизма обратной связи в оценке деятельности региональных властей и механизма принятия и корректировки политико-управленческих решений. Описывается методика социологического исследования, обосновывается выборка, представляются её характеристики и структура. На основе социологических исследований в Забайкальском крае анализируется оценка населением деятельности органов региональной власти по исполнению предвыборной программы Президента, выраженной в так называемых «майских указах». Рассматриваются существующие формы социологической оценки региональной власти, сложившиеся в субъектах Российской Федерации. Предлагается модель взаимодействия региональной власти и социологических кафедр.

Ключевые слова: региональная власть, исполнение нормативно-правовых актов, удовлетворённость, социологическое сопровождение, социологическая оценка

Anna A. Rusanova³,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: rusanova_a_a@mail.ru

Maksim V. Nomokonov⁴,
Candidate of History, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: nomokonov85@mail.ru

Sociological Support of Implementation of Regulatory Legal Acts as a Factor of Effectiveness of Regional Authorities

The introductory part of the article considers a problem of the quality of implementation of regulatory legal acts by the regional authorities. The article studies the main directions of domestic policy expressed in the presidential decrees. The authors raise a problem of implementation of presidential decrees by regional authorities and analyze the level and degree of application of

¹ А. А. Русанова является основным автором, которым разработаны основные положения исследования.

² М. В. Номоконов является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

³ А. А. Rusanova is the main author, she has developed the main provisions of the study.

⁴ М. В. Nomokonov is the author who has organized the study, formulated the conclusions and findings in realization of the group project.

sociological methods in the evaluation of the regional authorities. The activities of regional authorities in Russia are described by the modern system of sociological support on the basis of statistical methods. We have used a critical analysis of online-poll technology on portals of the authorities of the Russian Federation as a method of evaluating the performance of regional authorities. The role of sociology is a feedback mechanism to assess the performance of the regional authorities and the mechanism of decision and adjustment of political and administrative decisions. The technique of sociological research is described, sampling is grounded, its characteristics and structure are submitted. On the basis of sociological research in the Trans-Baikal region, the population estimate of the activities of the regional government for the implementation of the election program of the President expressed in so-called "May decrees" is analyzed. We consider the existing forms of sociological assessment of the regional authorities established in the Russian Federation.

Keywords: regional authority, implementation of regulatory legal acts, satisfaction, sociological support, sociological evaluation

Исполнение нормативно-правовых актов в любой стране является залогом формирования правового государства. С момента возникновения такого социального института, как государство, за нарушение или ненадлежащее исполнение правовых норм формировалась система санкций. Эффективное функционирование правовой системы заключается не только в постоянном совершенствовании законодательства и создании новых правовых актов, но и в том, насколько все институты и члены общества следуют букве закона.

Указы высшего должностного лица государства, наряду с Конституцией и основными законами, образуют вершину в иерархии системы нормативно-правовых актов. В последнее десятилетие Указы Президента нашей страны стали не только нормативными и индивидуально-правовыми актами, но и неким вектором внутренней и внешней политики, ориентиром для органов власти федерального и регионального уровня. В этом смысле наибольшую социально-политическую направленность имеют Указы Президента В. В. Путина, в которых отразились положения предвыборной политической программы Президента. Они получили название «майские указы». Издание Указов стало гарантом незамедлительного выполнения предвыборных обещаний действующего главы государства. Исполнение же данных поручений сегодня является одним из основных показателей эффективности деятельности органов власти всех уровней. По оценке исполнения «майских указов» проводятся государственные советы, ведомственные совещания, назначаются специальные должностные лица, ответственные за исполнение.

Поскольку «майские указы» имеют явно социальную направленность, призва-

ны изменить жизнь российского общества, отдельных его социальных групп, то процесс их исполнения вполне может стать объектом изучения современной прикладной социологии, а сама социология – механизмом контроля за исполнением поручений Президента. В основе данного утверждения лежат идеи теорий неоклассической метапарадигмы социологического исследования, базирующейся на принципах холизма и объективности. В частности, современные научные представления о власти как социальном институте, выполняющем определённые функции, опираются на идеи структурного функционализма, а в рамках стратификационного подхода выявляется социальная поляризация. Немаловажное значение приобретает и теория конфликта. В то же время, с точки зрения изучения процессов меняющегося социального мира, значимость приобретают теории неклассической метапарадигмы. В этом смысле особую роль в рамках проблемы взаимодействия власти и человека играет теория символического интеракционизма, дающая возможность социологической оценки результативности деятельности органов власти с точки зрения самого человека в соответствии с его личными оценками и толкованиями. Специфические же особенности этой оценки на уровне региональной власти изучаются в русле этнометодологии.

Итак, только социологическими методами можно объективно измерить эффект от проводимой внутренней политики, а значит, проводить коррекцию действий власти, принимать новые управленческие решения. При этом необходимо нормативное закрепление и признание значения социологического сопровождения исполнения столь важных актов главы государства. Таким

нормативно-правовым актом можно считать Указ Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». Этот документ устанавливает перечень показателей, по которым оценивается региональная власть. Одним из показателей является оценка населением деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Данный показатель невозможно измерить без применения социологических методов. Необходимо отметить, что механизм применения социологических методов для оценки удовлетворённостью населением деятельностью региональных властей закреплён в нормативно-правовых актах не впервые. С 2008 г. в отдельных актах Президента и Правительства была прописана обязательность изучения удовлетворённости населения отдельными аспектами внутренней политики. Как известно, любой нормативно-правовой акт, принимаемый высшими органами власти, проходит ряд процедур согласовательного и уведомительного характера, в связи с чем обретает необходимое финансовое и юридическое обеспечение. Соответственно, и на изучение показателей удовлетворённости населением органами власти выделяются необходимые средства. Поскольку в нашей стране нет государственных структур, специализирующихся на организации и проведении социологических исследований, изучением занимаются научные, коммерческие и общественные организации. В связи этим органами власти должны объявляться конкурсы на выполнение работ по проведению социологических исследований для исполнения Указа Президента № 1199.

Проанализировав портал государственных закупок, можно утверждать, что федеральные органы исполнительной власти такие конкурсы объявляют. Задания федеральной власти чаще всего выполняют крупнейшие социологические центры страны – Фонд «Общественное мнение» и Всероссийский центр изучения общественного мнения. Что же касается региональных органов власти, то в 2015 г., согласно portalу zakupki.gov.ru, комплексные социологические исследования по изучению удовлетворённости населением органами региональной власти проводились в лишь

в 8 субъектах (из 83!), стоимость контрактов варьируется от 400 тыс. до 20 млн. р. (табл. 1).

Таблица 1
Регионы Российской Федерации,
в которых проводились социологические
исследования удовлетворённости населением
деятельностью органов власти, 2015 г.

№ п/п	Регион	Совокупные затраты на социологические исследования
1	Архангельская область	7 500 000 р.
2	Калининградская область	825 000 р.
3	Республика Хакасия	4 000 000 р.
4	Свердловская область	20 091 789 р.
5	Тюменская область	10 859 400 р.
6	Удмуртская Республика	400 000 р.
7	Ханты-Мансийский АО – Югра	875 000 р.
8	Ярославская область	3 685 000 р.

Примечание. Исследования проведены на основе данных портала zakupki.gov.ru.

Однако отсутствие официальных государственных заказов на проведение социологических исследований ещё не означает, что они не проводятся. Более 30 регионов выбрали более простой и менее затратный способ изучения общественного мнения – интернет-опросы на порталах региональных органов власти. Анализ официальных сайтов органов власти субъектов Российской Федерации показал, что метод интернет-опросов достаточно популярен. На 836 сайтах различных органов исполнительной власти регионов предоставляется возможность оценить деятельность тех или иных органов власти. Чаще всего инструментарий подобных интернет-опросов достаточно примитивен, нередко представляет собой «опросник» из 1–2 закрытых вопросов.

Возникает вопрос и об объективности информации, полученной в результате таких опросов. Известно, что интернет-опросам присущ ряд недостатков, не позволяющих получить не только глубинную, но, главное, репрезентативную информацию. Это связано со смещением выборки. С одной стороны, происходит её сужение до пользователей конкретного интернет-сайта.

С другой – расширение, так как один и тот же респондент имеет возможность участия в опросе неограниченное количество раз.

Интернет-опрос не даёт полной информации и в плане демографической характеристики обследуемой совокупности, так как личные данные интернет-пользователей не всегда корректны и достоверны.

Эти утверждения отражают данные Фонда «Общественное мнение». По результатам опросов доля активной интернет-аудитории в России, т. е. пользователей, выходящих в Сеть хотя бы раз за сутки, – составляет 45 %. При этом, только 3 % опрошенных отвечают, что принимают участие в интернет-голосованиях. Возрастная структура российской аудитории Интернета практически не представлена старшим поколением (доля активных пользователей в возрасте 55 лет и старше составляет 3,2 %). Очевидно, что выборка интернет-сообщества не отражает генеральную совокупность населения России.

Таким образом, использование органами исполнительной власти регионов подобного типа опросов создаёт лишь иллюзию исполнения Указа Президента № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

И ещё один аргумент, подтверждающий данный вывод. Сама категория «удовлетворённость» достаточно неоднозначна с точки зрения её содержательного компонента. С одной стороны, это чисто субъективная оценка человеком каких-либо явлений, событий и т. д. С другой – это важный социальный показатель, с помощью которого можно оценить социальный эффект того или иного явления.

Программно-целевой подход в управлении подразумевает наличие количественных оценок результативности работы административных структур. Но не всегда средствами официальной статистики можно получить объективные и своевременные данные. В такой ситуации показатели удовлетворённости могут заполнить пробелы и, в определённой мере, скорректировать статистику. Это возможно, если понятие удовлетворённости чётко операционализировано, сопоставлено с контекстом и влияющими на него факторами, разбито на индикаторы. Подобный опыт имеется в отдельных отраслях социологической науки

(например, категория «удовлетворённость трудом» достаточно хорошо разработана в социологии организаций).

Таким образом, поверхностный подход к проведению, невалидные методики осуществляемых органами исполнительной власти регионов так называемых исследований по оценке удовлетворённости населения различными сферами социальной жизни, органами власти деятельностью разного рода организаций вызывают, по меньшей мере, недоумение, а, в сущности, вводят в заблуждение потребителей данной информации, тем самым наносят ущерб имиджу социологических исследований.

В настоящее время президентскими указами утверждены перечни показателей оценки эффективности деятельности региональных властей, которые на основании Указа Президента № 1199 должны оцениваться населением. Независимой научно-аналитической социологической службой Забайкальского государственного университета в рамках комплексного социологического исследования «Мониторинг социально-политической и социально-экономической ситуации Забайкальского края» проведён социологический опрос на тему «Удовлетворённость населения Забайкальского края деятельностью органов власти по исполнению "майских указов" Президента России».

Количество респондентов определялось в соответствии с методикой, которая предполагает построение сложного типа выборки. В результате чего была сконструирована репрезентативная многоступенчатая выборка: первая ступень – стратифицированная (районированная) – 35 населённых пунктов из 18 муниципальных районов Забайкальского края: 3 городских округа, 15 городских поселений, 17 сельских поселений; вторая – квотная (по полу, возрасту, образованию); третья – случайная (с использованием шагового интервала квартирного опроса).

Объём выборки составил 800 чел. Данные, полученные в ходе опроса, могут быть экстраполированы на всё население Забайкальского края. Погрешность составила 3,82 %.

В качестве индикаторов удовлетворённости деятельностью органов власти по исполнению «майских указов» были определены следующие оценочные позиции:

– наличие и оценка реальных результатов по решению задач президентских указов;

- оценка значимости задач «майских указов» для региона;
- оценка положения дел, «благополучия/неблагополучия» в Забайкальском крае;
- оценка деятельности правительства по решению задач президентских указов;
- оценка деятельности властей края по решению задач президентских указов в регионе.

Результаты опроса показали, что около трети респондентов (32,9 %) не видят никаких сдвигов к лучшему в решении задач, которые определил Президент в своих «майских указах» 2012 г. Если учесть, что 26,5 % опрошенных вообще затруднились оценить ситуацию, то картина вырисовывается достаточно нелицеприятная (табл. 2).

Таблица 2

Распределение мнений респондентов о наличии и оценке реальных результатов по решению задач президентских указов

	<i>Назовите, пожалуйста, те задачи, поставленные в этих указах, в решении которых за это время, по Вашему мнению, произошли заметные сдвиги к лучшему (любое число ответов)</i>	<i>Если среди перечисленных задач есть такие, для решения которых за полтора года не было сделано ничего полезного и ситуация ухудшилась, то назовите их, пожалуйста (любое число ответов)</i>
	Процент	
Создание новых рабочих мест с достойными условиями труда и высокой оплатой	5,4	28,8
Повышение качества услуг ЖКХ	5,5	22,6
Строительство дорог, обеспечение транспортных связей с труднодоступными территориями	13,0	18,1
Увеличение оплаты труда бюджетников (учителей, преподавателей вузов, медицинских работников и др.)	8,0	15,3
Бесплатное предоставление земельных участков под строительство жилья для многодетных семей	11,0	12,0
Облегчение доступа к ипотечным кредитам для некоторых категорий граждан (молодые семьи, многодетные, военнослужащие, бюджетники)	10,8	10,1
Повышение доступности детских садов, сокращение очередей, развитие негосударственных дошкольных учреждений	6,0	15,1
Ужесточение контроля за соблюдением миграционного законодательства	4,9	7,5
Предоставление отслужившим в армии дополнительных льгот при поступлении в вузы, а также на госслужбу	3,5	3,8
Сокращение дефицита медицинских кадров и повышение их квалификации	5,4	14,9
Реорганизация неэффективных учреждений образования (вузы, школы)	5,5	4,5
Предоставление государственных и муниципальных услуг (выдача справок, постановка на учёт и пр.) в режиме «одного окна»	3,6	9,0

Ужесточение контроля над лицами, занимающими высокие должности на госслужбе, в целях предотвращения коррупции	9,0	9,5
Расширение возможностей обжаловать действия органов власти в суде; введение наказаний для чиновников за некачественное обслуживание	5,4	7,0
Нет таких задач	32,9	11,3
Затрудняюсь ответить	26,5	39,8

В ходе анализа сопоставлялись оценочные позиции респондентов по поводу реальных результатов по решению задач президентских указов респондентов и значимости задач «майских указов» для региона с их представлениями о значимых социально-экономических проблемах края (оценка «благополучия/неблагополучия») и первостепенных задачах их решения. Критериями оценок «благополучие/неблагополучие» в крае стали две группы показателей. В первую группу вошли показатели, в качестве которых выступили социальные и экономические проблемы региона, в последнее время волнующие население больше всего, во вторую – первоочередные, по мнению населения, задачи по решению этих проблем. И те, и другие характеризуют,

по сути, удовлетворённость населения социально-экономической политикой властей.

В качестве одной из важнейших задач, которую должны решать власти Забайкальского края в первую очередь, респонденты определяют снижение безработицы и создание новых рабочих мест (40,4 %), а создание новых рабочих мест с достойными условиями труда и высокой оплатой 55,8 % респондентов считают самой важной, значимой, неотложной из задач, которые определил Президент в своих «майских указах». При этом лишь 5,4 % видят положительные изменения ситуации, а 28,8 % забайкальцев считают, что для решения этих задач в регионе за последнее время не было сделано ничего полезного, и ситуация ухудшилась (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение показателей социально-экономических проблем региона и первоочередных задач по решению этих проблем (безработица)

Вопрос	Показатель	Проценты
Как Вы считаете, какие задачи должны решать власти нашего края в первую очередь?	Снижение безработицы и создание новых рабочих мест	40,4
Назовите, пожалуйста, те задачи, поставленные в этих указах, в решении которых за это время, по Вашему мнению, произошли заметные сдвиги к лучшему	Создание новых рабочих мест с достойными условиями труда и высокой оплатой	5,4
Если среди перечисленных задач есть такие, для решения которых за это время не было сделано ничего полезного и ситуация ухудшилась, то назовите их, пожалуйста		28,8
А какие из этих задач Вы лично считаете самыми важными, значимыми, неотложными?		55,8

Низкий уровень зарплат и низкий уровень пенсий, стипендий, пособий остаётся постоянной и особо волнующей проблемой для 70,9 % забайкальцев (43,3 и 27,6 %). Но только 8,0 % респондентов заметили положительные сдвиги в решении одной из задач «майских указов» – увеличение оплаты труда бюджетников, а 15,3 % отметили ухудшение ситуации.

Для 31,9 % жителей Забайкальского края актуальной проблемой на сегодняшний

день является недоступность, дороговизна жилья. В соответствии с «майскими указами» эта проблема должна решаться лишь для некоторых групп населения: бесплатное предоставление земельных участков под строительство жилья для многодетных семей и облегчение доступа к ипотечным кредитам для некоторых категорий граждан (молодые семьи, многодетные, военнослужащие, бюджетники). В оценочном плане решения этих задач картина опять мало

утешительная: 11 % опрошенных заметили положительные изменения в решении проблемы бесплатного предоставления земельных участков под строительство жилья для многодетных семей, 10,8 % – в доступе к ипотечным кредитам для некоторых категорий граждан забайкальцев. Примерно в том же процентном соотношении – отрицательные оценочные позиции (12,0 и 10,1 % соответственно) (табл. 5).

Таблица 4

Соотношение показателей социально-экономических проблем региона и первоочередных задач по решению этих проблем (зароботная плата)

<i>Вопрос</i>	<i>Показатель</i>	<i>Проценты</i>
Скажите, пожалуйста, какие социальные и экономические проблемы нашего края в последнее время волнуют Вас больше всего?	Низкий уровень зарплат	43,3
Назовите, пожалуйста, те задачи, поставленные в этих указах, в решении которых за это время, по Вашему мнению, произошли заметные сдвиги к лучшему	Увеличение оплаты труда бюджетников (учителей, преподавателей вузов, медицинских работников и др.)	8,0
Если среди перечисленных задач есть такие, для решения которых за это время не было сделано ничего полезного и ситуация ухудшилась, то назовите их, пожалуйста		15,3
А какие из этих задач Вы лично считаете самыми важными, значимыми, неотложными?		27,6

Таблица 5

Соотношение показателей социально-экономических проблем региона и первоочередных задач по решению этих проблем (жильё)

<i>Вопрос</i>	<i>Показатель</i>	<i>Проценты</i>
Скажите, пожалуйста, какие социальные и экономические проблемы нашего края в последнее время волнуют Вас больше всего?	Недоступность, дороговизна жилья	31,9
Назовите, пожалуйста, те задачи, поставленные в этих указах, в решении которых за это время, по Вашему мнению, произошли заметные сдвиги к лучшему	Облегчение доступа к ипотечным кредитам для некоторых категорий граждан (молодые семьи, многодетные, военнослужащие, бюджетники)	10,8
	Бесплатное предоставление земельных участков под строительство жилья для многодетных семей	11,0
Если среди перечисленных задач есть такие, для решения которых за это время не было сделано ничего полезного и ситуация ухудшилась, то назовите их, пожалуйста	Облегчение доступа к ипотечным кредитам для некоторых категорий граждан (молодые семьи, многодетные, военнослужащие, бюджетники)	10,1
	Бесплатное предоставление земельных участков под строительство жилья для многодетных семей	12,0
А какие из этих задач Вы лично считаете самыми важными, значимыми, неотложными?	Облегчение доступа к ипотечным кредитам для некоторых категорий граждан (молодые семьи, многодетные, военнослужащие, бюджетники)	14,1
	Бесплатное предоставление земельных участков под строительство жилья для многодетных семей	19,0

Некоторые жители Забайкальского края (23,8 %) считают, что улучшение ситуации в ЖКХ должно стать одной из первоочередных задач, которую должны решать региональные власти, что коррелирует с мнением 29,5 % забайкальцев, которые определили эту задачу как одну из самых значимых в «майских указах». Оценивая результаты работы и изменения в данной

сфере, 22,6 % респондентов отметили, что, по сути, региональными властями ничего полезного не сделано. По-прежнему высокие цены на услуги ЖКХ и неудовлетворительное состояние жилищно-коммунального хозяйства являются проблемами нашего края, которые в последнее время больше всего волнуют 42,1 % забайкальцев (табл. 6).

Таблица 6

Соотношение показателей социально-экономических проблем региона и первоочередных задач по решению этих проблем (ЖКХ)

Вопрос	Показатель	Проценты
Как Вы считаете, какие задачи должны решать власти нашего края в первую очередь?	Улучшение ситуации в ЖКХ	23,8
Скажите, пожалуйста, какие социальные и экономические проблемы нашего края в последнее время волнуют Вас больше всего?	Неудовлетворительное состояние жилищно-коммунального хозяйства Высокие цены на услуги ЖКХ	42,1
Назовите, пожалуйста, те задачи, поставленные в этих указах, в решении которых за это время, по Вашему мнению, произошли заметные сдвиги к лучшему		5,5
Если среди перечисленных задач есть такие, для решения которых за это время не было сделано ничего полезного и ситуация ухудшилась, то назовите их, пожалуйста		22,6
А какие из этих задач Вы лично считаете самыми важными, значимыми, неотложными?		29,5

Забайкальцев беспокоят проблемы медицинского обслуживания в крае (22,8 %); 23,1 % респондентов считают сокращение дефицита медицинских кадров и повышение их квалификации значимой зада-

чей президентских указов. В то же время положительные изменения здесь видят только 5,4 % опрошенных, а 14,9 % – ничего полезного и ситуация ухудшилась (табл. 7).

Таблица 7

Соотношение показателей социально-экономических проблем региона и первоочередных задач по решению этих проблем (медицинское обслуживание)

Вопрос	Показатель	Проценты
Скажите, пожалуйста, какие социальные и экономические проблемы нашего области края в последнее время волнуют Вас больше всего?	Низкий уровень зарплат	43,3
Назовите, пожалуйста, те задачи, поставленные в этих указах, в решении которых за это время, по Вашему мнению, произошли заметные сдвиги к лучшему	Сокращение дефицита медицинских кадров и повышение их квалификации	5,4
Если среди перечисленных задач есть такие, для решения которых за это время не было сделано ничего полезного и ситуация ухудшилась, то назовите их, пожалуйста		14,9
А какие из этих задач Вы лично считаете самыми важными, значимыми, неотложными?		23,1

Лишь 13 % респондентов отметили некоторые изменения в лучшую сторону в строительстве дорог и обеспечении транспортных связей с труднодоступными территориями, при этом 18,1 % респондентов считают, что для решения этих задач

в регионе за полтора года не было сделано ничего полезного. Хотя, улучшение состояния дорог 23,0 % забайкальцев выделяют в качестве одной из приоритетных задач, которые в первую очередь должны решать власти Забайкальского края (табл. 8).

Таблица 8

**Соотношение показателей социально-экономических проблем региона
и первоочередных задач по решению этих проблем (строительство дорог)**

<i>Вопрос</i>	<i>Показатель</i>	<i>Проценты</i>
Скажите, пожалуйста, какие социальные и экономические проблемы нашего края в последнее время волнуют Вас больше всего?	Состояние дорог, ситуация на дорогах	23,0
Назовите, пожалуйста, те задачи, поставленные в этих указах, в решении которых за это время, по Вашему мнению, произошли заметные сдвиги к лучшему	Строительство дорог, обеспечение транспортных связей с труднодоступными территориями	13,0
Если среди перечисленных задач есть такие, для решения которых за это время не было сделано ничего полезного и ситуация ухудшилась, то назовите их, пожалуйста		18,1
А какие из этих задач Вы лично считаете самыми важными, значимыми, неотложными?		25,4

Особое внимание в «майских указах» Президента уделяется коррупции. Важность этой проблемы выделили 23,9 % жителей Забайкалья. В то же время лишь 9,0 % респондентов считают, что наметились какие-то улучшения в ужесточении контроля над лицами, занимающими высокие должности на госслужбе, в целях предотвращения коррупции (табл. 9).

Почти четверть населения Забайкальского края (26,0 %) считают одной из самых важных и неотложных задач «майских указов» повышение доступности детских садов, сокращение очередей, развитие негосударственных дошкольных учреждений. При этом лишь 6,0 % отмечают положительную динамику в решении этих проблем (табл. 10).

Таблица 9

**Соотношение показателей социально-экономических проблем региона
и первоочередных задач по решению этих проблем (коррупция в органах власти)**

<i>Вопрос</i>	<i>Показатель</i>	<i>Проценты</i>
Как Вы считаете, какие задачи должны решать власти нашего края в первую очередь?	Коррупция, взяточничество в органах власти	23,9
Назовите, пожалуйста, те задачи, поставленные в этих указах, в решении которых за это время, по Вашему мнению, произошли заметные сдвиги к лучшему	Ужесточение контроля над лицами, занимающими высокие должности на госслужбе, в целях предотвращения коррупции	9,0
Если среди перечисленных задач есть такие, для решения которых за это время не было сделано ничего полезного и ситуация ухудшилась, то назовите их, пожалуйста		9,5
А какие из этих задач Вы лично считаете самыми важными, значимыми, неотложными?		15,8

Таблица 10

**Соотношение показателей социально-экономических проблем региона
и первоочередных задач по решению этих проблем (доступность дошкольных учреждений)**

<i>Вопрос</i>	<i>Показатель</i>	<i>Проценты</i>
Назовите, пожалуйста, те задачи, поставленные в этих указах, в решении которых за это время, по Вашему мнению, произошли заметные сдвиги к лучшему	Повышение доступности детских садов, сокращение очередей, развитие негосударственных дошкольных учреждений	6,0
Если среди перечисленных задач есть такие, для решения которых за это время не было сделано ничего полезного и ситуация ухудшилась, то назовите их, пожалуйста		15,1
А какие из этих задач Вы лично считаете самыми важными, значимыми, неотложными?		26,0

Непосредственная реакция людей может оказаться хорошим показателем эффективности власти как на государственном, так и на местном уровне. В связи с этим предположе-

нием респондентам было предложено оценить деятельность российского правительства и региональных властей по решению поставленных В. В. Путиным задач (табл. 11).

Таблица 11

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, Правительство России делает всё возможное для решения поставленных Владимиром Путиным задач?»

Позиция	Процент	
	российское правительство	региональная власть
Всё возможное	14,0	2,0
Много	9,4	8,6
Мало	40,6	38,6
Ничего не делает	18,0	30,8
Затрудняюсь ответить	18,0	20,0
Итого	100,0	100,0

Исходя из простейших предположений, допускаем, что власть эффективна в решении «майских указов», если более половины взрослого населения удовлетворено результатами деятельности её органов, соответственно, верно и обратное. Как видно из приведённой таблицы, в большей своей части забайкальцы негативно оценивают работу и тех, и других. Более половины респондентов выбрали позиции «мало» и «ничего не делает» как в оценке российского правительства (58,6 % в совокупности), так и региональной власти (69,4 % в совокупности). Следовательно, деятельность российского правительства и региональной власти,

по мнению забайкальцев, не эффективна. Сопоставив данные оценочные позиции с оценкой положения дел в Забайкальском крае, было выявлено, что они находятся в тесной коррелятивной связи.

В табл. 12–13 представлены оценочные суждения забайкальцев по результатам опросов в мае, сентябре, ноябре 2015 г., из которых видно, что стабильно сохраняется достаточно большой процент респондентов, недовольных положением дел в крае, и тех, кто считает, что эта ситуация практически не меняется, что в полной мере отражает скептическую оценку результатов работы региональных властей.

Таблица 12

Распределение ответов респондентов на вопрос «Если говорить в целом, Вы довольны или недовольны положением дел в нашем крае?»

Позиция	Процент		
	май	сентябрь	ноябрь
Безусловно, доволен (а)	2,6	3,6	3,3
Скорее, доволен (а)	13,3	12,6	9,3
Скорее, недоволен (а)	32,8	31,3	28,6
Безусловно, недоволен (а)	42,5	44,5	47,3
Затрудняюсь ответить	8,9	8,0	11,6
Итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 13

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вам кажется, в целом ситуация в нашем крае сейчас улучшается, ухудшается или практически не меняется?»

Позиция	Процент		
	май	сентябрь	ноябрь
Улучшается	7,6	5,6	3,0
Практически не меняется	28,6	34,1	20,4
Ухудшается	55,5	59,8	67,8
Затрудняюсь ответить	8,3	10,5	8,9
Итого	100,0	100,0	100,0

Таким образом, можно говорить о том, что оценка населением реализации президентской программы в Забайкальском крае в целом весьма негативная, а деятельность региональных органов власти по решению основных задач внутренней политики и задач «майских указов» Президента неэффективна. Причина видится в отсутствии качественной системы оценки деятельности региональной власти и механизмов обратной связи с населением региона, которые приводят к потере возможности корректировать используемые меры по исполнению указов Президента. Можно предположить, что власть, находясь в состоянии некоей «социологической слепоты», всё больше увеличивает оторванность от реальных запросов общества, что может, в конечном счёте, привести к потере доверия к руководству региона.

Неисполнение нормативно-правовых актов – это, по сути своей, несоблюдение исполнительской дисциплины, которое должно повлечь за собой санкции. В данном случае, за срыв президентской программы глава государства не раз озвучивал возможность принятия кадровых решений.

Конечно, на исполнительскую дисциплину региональной власти влияет не только желание/нежелание местных чиновников выполнять задачи Президента, но и, в большей степени, кризис в государственной кадровой политике в целом, который, по мнению Н. В. Осиповой, обусловлен факторами дезорганизации управленческих процессов и резкого снижения исполнительской дисциплины в системе государственной службы. Одной из причин данных негативных явлений стало снижение профессионализма кадров государственного аппарата, особенно руководящих [7, с. 10].

Немаловажную роль играет и наличие/отсутствие адекватного механизма обратной связи с населением. Отчуждение власти от народа стало глобальной проблемой управленческих практик как федерального, так и регионального уровней. По сути, это результат вульгарных (по определению С. И. Григорьева) либерально-демократических реформ 90-х гг., когда произошла «смена управленческих элит в России», к власти пришли «воспитанники дикого рынка», игнорирующие социальную проблематику, рассматривающие главным критерием «развитости» общества только прибыль, конкурентоспособность и эффективность бизнеса» [3].

На исполнительскую дисциплину региональной власти огромное влияние оказывают и экономические, политические, кадровые и другие условия, сложившиеся в регионе. Однако, никто кроме самой власти не способен менять эти условия. Необходимо отказаться от иллюзорных методов выявления удовлетворённости населения. Требуется новая система оценки деятельности власти, которая в первую очередь работала бы не на составление оторванных от реальности отчётов и убеждение людей через СМИ об улучшении ситуации в регионе, а стала бы действующим механизмом для принятия управленческих решений. Есть уверенность, что введение такой системы повлечёт за собой и позитивные сдвиги по исполнению «майских указов».

Этот вывод актуализирует важность отслеживания динамики общественного мнения по вопросам социально-экономической политики Забайкальского края. Общественное мнение есть элемент системы обратной связи органов исполнительной власти региона и населения, поскольку функционирование системы в целом не может быть успешным без широкой поддержки со стороны населения, в частности, без опоры на адекватное понимание гражданами её сути, основных функций.

Решая проблемы мониторинга общественного мнения в Забайкальском крае, можно пойти по пути субъектов Федерации, которые поручают организацию социологических исследований через систему государственных контрактов внешним специализированным центрам. Такой опыт сложился в тех восьми достаточно экономически развитых регионах Российской Федерации, о которых речь велась выше (табл. 1). Однако не все могут себе это позволить, поскольку данный способ является достаточно финансово затратным.

Ещё один способ предполагает создание социологических служб при местных администрациях. В ряде регионов они есть. К примеру, Отдел социологического мониторинга администрации Тамбовской области (ОСМ), который регулярно проводит социологические исследования, позволяющие фиксировать изменения социально-психологического климата в регионе. Но проведение качественного социологического исследования предполагает привлечение достаточно больших трудовых

ресурсов на этапе сбора первичной социологической информации, а «раздуть» штат региональной социологической службы нерентабельно. В этом плане интересен опыт Астраханской области, где для проведения мониторинга оценки удовлетворённости населением деятельностью органов исполнительной власти привлекаются студенты-социологи в рамках производственной практики, которые занимаются не только сбором первичной социологической информации, но и участвуют в составлении аналитических отчётов по результатам исследования под руководством профессионалов – социологов-преподавателей профильной кафедры. Данный подход представляется наиболее плодотворным и целесообразным в том смысле, что опирается на научный потенциал социологиче-

ского сообщества региона. Механизмом реализации этого подхода может стать также создание в администрациях регионов, где имеются высшие учебные заведения, осуществляющие подготовку профессиональных социологов, базовых социологических кафедр – одного из основных трендов современной образовательной политики в области высшего профессионального образования. Подобные кафедры имеют ряд преимуществ как для региональной власти (возможность квалифицированного проведения масштабных социологических исследований, а значит, и возможность получения репрезентативной и независимой социологической информации), так и для научного сообщества (возможность повышения имиджа социологического знания в регионе).

Список литературы

1. Автономов А. С. Правовая антология политики. М.: Фонд развития парламентаризма в России, 1999. 254 с.
2. Гельман В. Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики. М.: Наука, 2006. 325 с.
3. Григорьев С. И. Тенденции современного социологического образования в России: к успеху или кризису? // Социс. 2007. № 5. С. 125.
4. Докторов Б. Онлайн-опросы: обыденность наступившего столетия // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2000. № 4. С. 16–31.
5. Ильина М. В. Региональное самосознание как фактор формирования политических культур в России. М.: Феникс, 1999. 471 с.
6. Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. М.: Академия, 1996. 351 с.
7. Осипова Н. В. Система непрерывного профессионального образования государственных служащих в регионе: социологический аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. Пенза, 2004.
8. Тощенко Ж. Т. Новые тенденции в развитии российской социологии // Социс. 2013. № 4. С. 3–13.
9. Туровский Р. Ф. Динамика регионального политического процесса в России. М.: Наука, 2003. 423 с.
10. Харченко К. В. Социологи управления: от теории к технологии. Белгород: Обл. тип., 2008. 160 с.
11. Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 558 с.

Источники

12. Информация о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zakupki.gov.ru> (дата обращения: 02.01.2016).
13. Указ Президента РФ от 21.08.2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1623676> (дата обращения: 02.01.2016).
14. Эти наши Интернеты. История проникновения Интернета в российские регионы от ФОМ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fom.ru/SMI-i-internet/10681> (дата обращения: 02.01.2016).

References

1. Avtonomov A. S. Pravovaya antologiya politiki. M.: Fond razvitiya parlamentarizma v Rossii, 1999. 254 s.
2. Gel'man V. Ya. Regional'naya vlast' v sovremennoi Rossii: instituty, rezhimy i praktiki. M.: Nauka, 2006. 325 s.
3. Grigor'ev S. I. Tendentsii sovremennogo sotsiologicheskogo obrazovaniya v Rossii: k uspekhu ili krizisu? // Sotsis. 2007. № 5. С. 125.
4. Doktorov B. Onlainovye oprosy: obydennost' nastupivshego stoletiya // Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoi zhizn'yu peterburzhtsev. 2000. № 4. S. 16–31.

5. Il'ina M. V. Regional'noe samosoznanie kak faktor formirovaniya politicheskikh kul'tur v Rossii. M.: Feniks, 1999. 471 s.
6. Noel'-Noiman E. Obshchestvennoe mnenie. M.: Akademiya, 1996. 351 s.
7. Osipova N. V. Sistema nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya gosudarstvennykh sluzhashchikh v regione: sotsiologicheskii aspekt: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk: 22.00.06. Penza, 2004.
8. Toshchenko Zh. T. Novye tendentsii v razvitii rossiiskoi sotsiologii // Sotsis. 2013. № 4. S. 3–13.
9. Turovskii R. F. Dinamika regional'nogo politicheskogo protsessa v Rossii. M.: Nauka, 2003. 423 s.
10. Kharchenko K. V. Sotsiologi upravleniya: ot teorii k tekhnologii. Belgorod: Obl. tip., 2008. 160 s.
11. Tsaller Dzh. Proiskhozhdenie i priroda obshchestvennogo mneniya. M.: In-t Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004. 558 s.

Istochniki

12. Informatsiya o razmeshchenii zakazov na postavki tovarov, vypolnenie rabot, okazanie uslug [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.zakupki.gov.ru> (data obrashcheniya: 02.01.2016).
13. Ukaz Prezidenta RF ot 21.08.2012 g. № 1199 «Ob otsenke effektivnosti deyatelnosti organov ispolnitel'noi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1623676> (data obrashcheniya: 02.01.2016).
14. Eti nashi Internety. Istoriya proniknoveniya Interneta v rossiiskie regiony ot FOM [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.fom.ru/SMI-i-internet/10681> (data obrashcheniya: 02.01.2016).

Библиографическое описание статьи

Русанова А. А., Номоконов М. В. Социологическое сопровождение исполнения нормативно-правовых актов как фактор результативности деятельности органов региональной власти // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 142–154.

Reference to the article

Rusanova A. A., Nomokonov M. V. Sociological Support of Implementation of Regulatory Legal Acts as a Factor of Effectiveness of Regional Authorities // Scholarly Notes of Transbaikalian State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 142–154.

Статья поступила в редакцию 17.01.2016

УДК 316.3

DOI: 10.21209/2308-877X-2016-11-3-155-161

Ирина Анатольевна Щеткина,
кандидат социологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: irinasocio@mail.ru

Отношение населения Забайкальского края к деятельности полиции

В статье осуществляется анализ мнений населения Забайкальского края о деятельности сотрудников органов внутренних дел по итогам социологического исследования, проведённого членом Общественного совета при УМВД России по Забайкальскому краю, автором статьи и студентами социологического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» в соответствии с планом работы Общественного совета при УМВД России по Забайкальскому краю. В процессе исследования важно было оценить степень доверия жителей Забайкальского края к органам внутренних дел; определить наиболее востребованные государственные услуги, предоставляемые органами внутренних дел; оценить удовлетворённость граждан качеством государственных услуг, предоставляемых ОВД; выявить готовность населения Забайкальского края оказывать содействие полиции; охарактеризовать возможные пути совершенствования деятельности ОВД в Забайкальском крае. Проведённое исследование показало наличие определённых проблем во взаимоотношениях населения и органов внутренних дел. Подтверждением этому служит неудовлетворённость более трети населения Забайкальского края деятельностью правоохранительных органов. Результаты социологического исследования позволяют не только выявить удовлетворённость населения работой сотрудников полиции Забайкальского края, но и оценить степень доверия граждан к полиции. Полученные результаты позволяют говорить о том, что более половины респондентов доверяют органам внутренних дел, каждый второй житель Забайкалья готов помогать полиции. Граждане выступают значимым субъектом обеспечения правопорядка и борьбы с преступностью, потенциал которых необходимо более активно использовать.

Ключевые слова: полиция, сотрудник полиции, социологическое исследование, удовлетворённость, доверие населения, содействие полиции

Irina A. Shchetkina,
Candidate of Sociology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: irinasocio@mail.ru

Attitude towards Police Activity of Transbaikal Region

The analysis of Transbaikal Region population's opinions on the activities of internal affairs employees is carried out on the results of sociological research conducted by the member of the Public Council under the Ministry of Internal Affairs of Russia in Transbaikal Region, by the author of the article and the students of Sociology Department of the Transbaikal State University in accordance with the plan of the Public Council under the Ministry of Internal Affairs of Russia in Transbaikal Region. During the research the main aims were to assess the degree of reliance of the citizens of Transbaikal Region to the internal affairs employees; to determine the most popular public services provided by the internal affairs department; to assess citizens' satisfaction with the quality of public services provided by the internal affairs department; to identify the alacrity of the population of Transbaikal Region to assist the police; to describe the possible ways of improvement of the internal affairs department activities in Transbaikal Region. The study revealed the existence of certain problems in relations between the population and the internal affairs department. The dissatisfaction of over a third of the population of Transbaikal Region with the activity of the internal affairs department is the evidence of this situation. The results of sociological research allow us not only to reveal the population's satisfaction with the Transbaikal police officers work, but also to assess the degree of public reliance to the police. The results suggest that more than a half of the respondents trust the internal affairs department, and every second resident of Transbaikal Region is ready to assist the police. Citizens are the significant subject of ensuring the rule of law and the fighting against the crime, whose potential should be used more actively.

Keywords: police, police officer, sociological study, satisfaction, public confidence, assistance to the police.

Происходящие в современной России процессы реформирования охватывают все сферы жизнедеятельности общества. В настоящее время среди актуальных задач социально-экономического развития важное место занимает реформирование органов внутренних дел РФ. Данный процесс предполагает кардинальное изменение взаимоотношений населения и органов внутренних дел. Однако, подводя итог первого этапа реформы, министр МВД В. А. Колокольцев в октябре 2012 г. отметил, что пока реформа МВД не решила ключевых проблем: «Принятые на первом этапе реформы меры были необходимы. Однако для получения результата они оказались недостаточны, не оправдали в полной мере ожидания граждан. Именно поэтому важна оптимизация нашей работы, предстоит ещё многое сделать, чтобы граждане реально ощутили позитивные изменения в системе органов внутренних дел» [4].

Одной из задач реформирования является повышение престижа и конкурентоспособности профессии полицейского, создание нового имиджа стража правопорядка. Особое значение в решении данной проблемы может иметь оценка общественного мнения, результаты которой позволяют не только выявить удовлетворённость населения работой сотрудников ОВД, но и оценить степень доверия жителей к органам внутренних дел.

С целью изучения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел Общественным советом при УМВД России по Забайкальскому краю и студентами социологического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» в 2015 г. было проведено социологическое исследование «Отношение населения Забайкальского края к деятельности полиции». Опрос проведён в соответствии с планом работы Общественным советом при УМВД России по Забайкальскому краю в рамках осуществления общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел [5].

Результаты проведённого исследования позволили оценить мнения населения Забайкальского края о деятельности полиции на основе субъективных индикаторов.

Социально-демографические характеристики респондентов: по гендерному признаку среди респондентов преобладают жен-

щины (51,7 % от общего количества опрошенных), мужчины составили 48,3 % от общего количества опрошенных. Основной возрастной группой среди респондентов являются лица в возрасте от 35 до 59 лет (44,9 % от общего числа опрошенных), 38,9 % – в возрасте от 18 до 34 лет, 16,2 % – от 60 лет и старше.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что среди участников исследования преобладают специалисты, имеющие среднее профессиональное (32,7 %) и высшее образование (18,6 %).

Отвечая на вопрос: «С какими сотрудниками полиции Вам приходилось общаться?», значительная часть респондентов выбрала вариант «с участковым» – 42,5 %. С инспектором ГИБДД общались 38,7 % респондентов; с сотрудником дежурной части – 19,9 %; с сотрудником уголовного розыска – 13,9 %; с инспектором по делам несовершеннолетних – 11,7 %; с представителем другой службы – 11,6 %; с инспектором лицензионно-разрешительной работы – 4,8 %. При этом не знают должность сотрудника полиции, с которым приходилось общаться, 8,7 % респондентов; 13,7 % не общались с сотрудниками полиции.

Полученные данные свидетельствуют о том, что участковые являются основным субъектом полиции, непосредственно контактирующим с населением. Именно от результатов общения с участковыми уполномоченными полиции и сотрудниками ГИБДД складывается мнение населения о деятельности полиции в целом.

Респондентам дополнительно был задан вопрос: «Знаете ли Вы своего участкового уполномоченного полиции?» Опрошенные ответили следующим образом: «не знают участкового уполномоченного полиции» 36,8 % от общего числа опрошенных; «общались всего несколько раз» – 19,8 %; «хорошо знакомы с участковым» – 17,1 %; «за последний год не встречались» – 17,1 % респондентов. Затруднились ответить на вопрос 9,2 %; не дали ответа – 0,1 %. Таким образом, лишь 17,1 % респондентов знакомы с участковыми; 19,8 % лишь несколько раз общались с ними, что недостаточно для эффективной работы по обеспечению правопорядка, предупреждению преступлений и организации взаимодействия с населением.

В разрезе районов интенсивность общения с участковым уполномоченным поли-

ции выглядит следующим образом. Наиболее высокий процент респондентов, хорошо знакомых с участковым уполномоченным полиции, отмечается в Петровск-Забайкальском районе (40,0 %); наименьший – в Хилокском районе (10,0 %). Значительная часть респондентов, не знакомых с участковым уполномоченным полиции, выявлена в Хилокском районе (61,0 %); наименьшая – в Петровск-Забайкальском и Забайкальском районах (по 12,0 % в каждом районе). Данные свидетельствуют о хорошей работе участковых уполномоченных полиции в Петровск-Забайкальском районе. Большинство жителей Хилокского района, напротив, не знают своих участковых.

Население будет позитивно относиться к полиции только при условии, если полицейские будут выполнять свои обязанности. Немаловажным в этом отношении является предоставление органами внутренних дел государственных услуг населению. В рамках проведённого опроса респондентам был задан вопрос: *«Какими государственными услугами, предоставляемыми органами внутренних дел, Вы пользовались?»* Наиболее востребованными, по мнению респондентов, являются услуги по приёму квалификационных экзаменов и выдаче водительских удостоверений (28,7 %) и регистрации автотранспортных средств (28,4 %). Услугой приёма, регистрации и рассмотрения заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях воспользовались 22,0 % опрошенных, услугой выдачи справок о наличии (отсутствии) судимости – 13,1 %, услугой выдачи справок, архивных копий документов и архивных выписок из документов, находящихся на хранении в органах внутренних дел, – 10,6 %, услугой приёма документов и выдачи лицензии на приобретение, хранение и ношение оружия – 8,7 %; услугой выдачи направления для проверки, сертификации оружия – 4,1 %; услугой приёма и выдачи документов на частную детективную или охранную деятельность – 1,8 % респондентов. При этом не обращались за государственными услугами в органы внутренних дел 29,9 % опрошенных. Полученные данные свидетельствуют о наибольшей востребованности такой услуги, как приём квалификационных экзаменов и выдача водительских удостоверений.

В рамках проведённого опроса интерес представляла оценка удовлетворённости

качеством государственных услуг, предоставляемых ОВД. Удовлетворённость полученными государственными услугами жителей Забайкальского края (варианты «полностью удовлетворён» и «скорее удовлетворён») составляет 42,1 %. Вариант «скорее не удовлетворён» выбрали 21,9 % респондентов; 12,2 % – вариант «полностью не удовлетворён». Около четверти респондентов выбрали вариант «затрудняюсь ответить», а 0,5 % не ответили на данный вопрос. Таким образом, менее половины респондентов удовлетворены качеством государственных услуг, предоставляемых ОВД. Это свидетельствует о необходимости более пристального внимания руководства соответствующих отделов к работе своих подчинённых, а также к регламенту и качеству предоставления услуг.

Рейтинг районов Забайкальского края по удовлетворённости качеством государственных услуг, предоставляемых ОВД, выглядит следующим образом. Среди районов-лидеров, жители которых в большей степени удовлетворены качеством государственных услуг, первое место занимает Хилокский район (65 %), второе – Приаргунский район (49 %), третье место разделили город Чита (46,3 %), Петровск-Забайкальский, Забайкальский и Ононский районы (46 %). Среди районов, жители которых в большей степени не удовлетворены качеством государственных услуг, предоставляемых ОВД, следует отметить Красночуйский (47 %), Дульдургинский (46 %) и Оловянинский (42 %) районы.

В рамках проведённого исследования ставилась задача выявления степени доверия к органам внутренних дел. Полученные результаты позволяют говорить о том, что около половины респондентов, а точнее 50,7 %, так или иначе доверяют органам внутренних дел (варианты «доверяю» и «скорее доверяю»); 34 % – в той или иной степени не доверяют полиции (варианты «не доверяю» и «скорее не доверяю»); 14,9 % – затруднились ответить на этот вопрос; 0,4 % – нет ответа. Безусловное доверие ОВД отмечают 22,5 % респондентов. При этом наиболее высокая степень доверия ОВД отмечается у респондентов в возрасте от 35 до 59 лет, самая низкая – в возрасте старше 60 лет.

По районам края ситуация выглядит следующим образом. Наиболее высокая

степень доверия (вариант «доверяю») отмечается в Хилокском (41,0 %), Нерчинском (36,0 %) и Петровск-Забайкальском (35,0 %) районах. При этом низкая степень доверия ОВД (вариант «не доверяю») отмечается в Красночикийском (24,0 %), Забайкальском (22,0 %) Оловянинском (21,0 %) и Шилкинском (21,0 %) районах. Именно в этих районах следует уделить особое внимание работе с населением; информированию жителей о результатах успешно проведённой работы через СМИ, встречи; созданию положительного образа сотрудника полиции и др.

Следует отметить, что отношение граждан к органам внутренних дел в целом во многом зависит от отношения к деятельности ГИБДД. В связи с этим в анкету был включён вопрос: «*Оцените свою степень доверия к сотрудникам ГИБДД*». Степень доверия к ГИБДД можно охарактеризовать следующими вариантами ответов: «доверяю» – 18,5 %; «скорее доверяю» – 24,7 %; «скорее не доверяю» – 17,4 %; «не доверяю» – 20,7 %. Затруднились ответить на вопрос 18,0 % респондентов, не дали ответ – 0,7 %. Сравнение полученных результатов с ответами по предыдущему вопросу позволяет говорить о том, что степень доверия жителей Забайкальского края к ГИБДД ниже, чем в целом к ОВД на 7,5 %, что достаточно значимо.

В рамках проведённого исследования необходимо было оценить наличие резерва для конструктивного сотрудничества населения и сотрудников органов внутренних дел. Таким резервом является готовность населения оказывать содействие полиции. На вопрос «*Готовы ли Вы оказывать содействие органам внутренних дел в охране правопорядка и борьбы с преступностью?*» лишь 39,1 % респондентов ответили положительно: «всегда готовы помочь ОВД»; 27,9 % считают, что полиция должна сама справляться со своими задачами; 11,5 % выбрали вариант «готов помогать только на условии вознаграждения». При этом 21,5 % затруднились ответить на поставленный вопрос.

Анализ результатов исследования по районам, в которых проводилось исследование, показал следующее. Наиболее высокая степень доверия (вариант «доверяю») отмечается в Хилокском (39,0 %), Нерчинском (28,0 %) и Красночикийском

(26,0 %) районах. При этом низкая степень доверия ОВД (вариант «не доверяю») отмечается в Шилкинском (32,0 %), Дульдургинском (29,0 %) и Забайкальском (26,0 %) районах.

Молодёжь проявляет готовность помочь ОВД лишь в 39,9 % случаях, при этом процент готовых помочь за вознаграждение в молодёжной среде несколько выше, чем в целом среди населения – 13,9 и 11,5 %, соответственно. Среди граждан старше 60 лет готовность помочь полиции отмечается чаще (40,5 %). Как правило, это были женщины. Однако зачастую респонденты опасаются за собственную безопасность и расценивают своё участие скорее как дополнительную трату времени.

Поддержание правопорядка с участием граждан является одним из важных направлений решения проблем, стоящих перед полицией, прежде всего для оптимизации нагрузки на сотрудников. Согласно ст. 9–10 Федерального закона «О полиции», необходимо «привлечение граждан и общественных объединений к реализации государственной политики в сфере охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности» и оказание «поддержки развитию гражданских инициатив в сфере предупреждения правонарушений и обеспечения правопорядка». Одновременно с этим законом устанавливается, что «общественные объединения, организации... должны оказывать содействие полиции при выполнении возложенных на неё обязанностей» [10].

Результаты исследования позволяют говорить о том, что каждый второй житель Забайкалья готов помогать полиции. Граждане выступают значимым субъектом обеспечения правопорядка и борьбы с преступностью, потенциал которых необходимо более активно использовать. Следует усилить внимание налаживанию партнёрских отношений между полицейскими и населением, расширять сотрудничество с общественными объединениями и организациями Забайкальского края.

В целях выявления мероприятий, направленных на совершенствование деятельности органов внутренних дел в Забайкальском крае, был задан открытый вопрос: «*Что, на Ваш взгляд, будет способствовать совершенствованию деятельности*

органов внутренних дел в Забайкальском крае?». Нами были выявлены наиболее популярные варианты ответов в различных интерпретациях: «борьба с коррупцией и взяточничеством» – 17,1 %; «улучшение материально-технической базы, оснащение новейшим оборудованием» – 13,4 %; «честность, добросовестность и дисциплинированность сотрудников» – 12,3 %; «повышение профессиональной квалификации сотрудников» – 11,9 %; «повышение заработной платы сотрудникам полиции, предоставление жилья» – 9,2 %; «помощь со стороны населения, взаимопонимание» – 7,6 %; «культура общения с гражданами, образованность, соблюдение полицейской этики» – 5,1 %; «отзывчивость, забота о людях» – 3,3 %; «отбор квалифицированных кадров, контроль за выполнением обязанностей, аттестация кадров» – 1,5 %; «наказание полицейских за проступки» – 0,9 %. Среди менее распространенных вариантов стоит отметить: «переименовать в милицию» – 0,1 %; «запретить полицейским пить на работе» – 0,1 %; «есть все условия для хорошей работы ОВД» – 0,1 %.

Таким образом, большинство жителей Забайкальского края считает необходимым вести борьбу с коррупцией в рядах полиции, оснастить полицию современной техникой, повысить уровень подготовки полицейских кадров всех уровней и служб, формировать чувство профессиональной чести и достоинства.

Проведённое исследование показало наличие определённых проблем во взаимоотношениях населения и органов внутренних дел. Подтверждением этому служит неудовлетворённость более трети населения Забайкальского края деятельностью правоохранительных органов.

Анализ общественного мнения является неотъемлемым условием существования правового демократического общества. С его помощью можно управлять функционированием различных социальных институтов, в том числе и полицией. Однако сама по себе оценка мнений населения о деятельности полиции не способствует оптимизации работы органов внутренних дел, необходима реакция полиции на выявленные проблемы. В этом случае можно говорить о предупреждении нежелательных явлений и об укреплении законности, служебной дисциплины в полиции, обеспечении общественной безопасности, предупреждении

и пресечении нарушений прав, свобод и законных интересов граждан. Немаловажным является использование оценки деятельности органов внутренних дел и полиции для улучшения их деятельности и постановки новых задач, а не для поощрения или наказания их сотрудников.

Условиями эффективной работы по повышению авторитета полиции в глазах граждан является признание того, что положительное отношение населения к деятельности полиции обеспечивается:

- реальным укреплением правопорядка, внимательным отношением к гражданам и эффективностью защиты их прав и законных интересов;

- приоритетностью для сотрудников полиции во взаимоотношениях с населением идей социального партнёрства;

- комплексным использованием полицией всех имеющихся сил, средств и возможностей в решении возложенных на неё задач с привлечением общественных объединений, религиозных организаций, средств массовой информации и населения;

- проведением единой информационной политики, основанной на объективности, оперативности, регулярности, открытости.

Кроме того, необходимо проведение массовой информационной кампании, направленной на создание положительного образа гражданина, который готов к сотрудничеству с полицией, параллельно с разрушением образа «стукача», а также доведение до населения значимости роли каждого гражданина в процессе обеспечения общественной безопасности.

В современном демократическом, правовом государстве полиция не может нарушать предписаний закона и несёт ответственность за неисполнение своих обязанностей. Исполнение полицейских функций здесь должно сочетаться с соблюдением прав и свобод граждан. В этой связи актуальна задача осуществления оценки эффективности деятельности полиции. В планах проведение более масштабного и глубокого социологического исследования различных показателей работы полиции в Забайкальском крае, в том числе эффективности различных направлений деятельности полиции, причин неудовлетворённости населения деятельностью полиции, динамики обращений граждан в полицию, мотивов отказа от обращения

за помощью в органы внутренних дел и др. Согласно социологическим исследованиям, необходимо изучение взаимодействия полиции с населением, в том числе путём сопоставления ожиданий граждан, связанных с приоритетными направлениями деятельности полиции, с представлениями по этому поводу самих сотрудников полиции.

Практические аспекты изучения общественного мнения имеют огромное значение. Использование результатов общественного мнения может принести немалую пользу обществу и внести неоценимый вклад в развитие его социальных институтов, в том числе в процесс оптимизации деятельности полиции.

Список литературы

1. Благовещенский Ю. Н. Определение факторов, влияющих на эффективность предоставления услуг по безопасности от преступных посягательств. М.: ИНДЕМ, 2007. 159 с.
2. Ипакян А. П. Оценка деятельности органов внутренних дел в механизме налаживания их взаимодействия с населением // Проблемы взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями по охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности: материалы круглого стола. М.: Академия управления МВД России, 2006. С. 96–97.
3. Кардашова И. Б. Развитие МВД России как субъекта обеспечения национальной безопасности // Административное право и процесс. 2006. № 3. С. 11.
4. Янбухтин Р. М. Общественное мнение в механизме социального управления в органах внутренних дел. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2008. С. 79.

Источники

5. Забайкальцы доверяют полиции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.75.mvd.ru/news/item/3584413> (дата обращения: 03.04.2016).
6. Колокольцев В. А. Начинается новый этап реформы МВД [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.psj.ru/bratstvo_msk/detail.php?ID=72552 (дата обращения: 04.04.2016).
7. Москалькова Т. Н. Правовые аспекты создания профессиональной полиции: ожидаемые результаты реформы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/interview/moskalkova/> (дата обращения: 03.04.2016).
8. Планы работы Общественного совета УМВД России по Забайкальскому краю [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.75.mvd.ru/gu_mvd/OS75/Plani_raboty (дата обращения: 04.04.2016).
9. Приказ Министерства внутренних дел РФ «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» от 31.12.2013 г. № 1040 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.docs.cntd.ru/document/499078939> (дата обращения: 19.04.2016).
10. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ: ред. от 12.02.2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/police/> (дата обращения: 20.04.2016).

References

1. Blagoveshchenskii Yu. N. Opredelenie faktorov, vliyayushchikh na effektivnost' predostavleniya uslug po bezopasnosti ot prestupnykh posyagatel'stv. M.: INDEM, 2007. 159 s.
2. Ipaqyan A. P. Otsenka deyatel'nosti organov vnutrennikh del v mekhanizme nalazhivaniya ikh vzaimodeistviya s naseleniem // Problemy vzaimodeistviya organov vnutrennikh del s obshchestvennyimi ob"edineniyami po okhrane pravoporyadka i obespecheniyu obshchestvennoi bezopasnosti: materialy kruglogo stola. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2006. S. 96–97.
3. Kardashova I. B. Razvitie MVD Rossii kak sub"ekta obespecheniya natsional'noi bezopasnosti // Administrativnoe pravo i protsess. 2006. № 3. S. 11.
4. Yanbukhtin R. M. Obshchestvennoe mnenie v mekhanizme sotsial'nogo upravleniya v organakh vnutrennikh del. Ufa: UYU I MVD RF, 2008. S. 79.

Istochniki

5. Zabaikal'tsy doveryayut politzii [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.75.mvd.ru/news/item/3584413> (data obrashcheniya: 03.04.2016).
6. Kolokol'tsev V. A. Nachinaetsya novyi etap reformy MVD [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.psj.ru/bratstvo_msk/detail.php?ID=72552 (data obrashcheniya: 04.04.2016).
7. Moskal'kova T. N. Pravovye aspekty sozdaniya professional'noi politzii: ozhidaemye rezul'taty reformy [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/law/interview/moskalkova/> (data obrashcheniya: 03.04.2016).

8. Plany raboty Obshchestvennogo soveta UMVD Rossii po Zabaikal'skomu krayu [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.75.mvd.ru/gu_mvd/OS75/Plani_raboty (data obrashcheniya: 04.04.2016).
9. Prikaz Ministerstva vnutrennikh del RF «Voprosy otsenki deyatel'nosti territorial'nykh organov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii» ot 31.12.2013 g. № 1040 [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.docs.cntd.ru/document/499078939> (data obrashcheniya: 19.04.2016).
10. Federal'nyi zakon «O politsii» ot 07.02.2011 g. № 3-FZ: red. ot 12.02.2015 g. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/popular/police/> (data obrashcheniya: 20.04.2016).

Библиографическое описание статьи

Щеткина И. А. Отношение населения Забайкальского края к деятельности полиции // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 155–161. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-155-161.

Reference to the article

Shchetkina I. A. Attitude towards Police Activity of Trans-Baikal Region // Scholarly Notes of Trans-baikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 155–161. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-155-161.

Статья поступила в редакцию 29.04.2016

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ SOCIOLOGY OF EDUCATION

УДК 316.472

DOI: 10.21209/2308-877X-2016-11-3-162-169

*Наталья Геннадьевна Баженова,
кандидат педагогических наук, ректор,
Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема
(679015, Россия, г. Биробиджан, ул. Широкая 70а),
e-mail: n-bazhenova@yandex.ru*

Самоорганизация студенчества в вузе: эволюционный подход

В статье представлено осмысление автором применения теории эволюции Н. Лумана к процессам самоорганизации в студенческой среде вуза. Теория эволюции рассматривается не как теория прогресса; она может приводить и к появлению, и к деструкции систем – в ней речь идёт о структурных изменениях. Появление новых существенных форм и субстанций объясняется благодаря наличию различий (варьирование, селекция, рестабиллизация). Поскольку разделение этих эволюционных функций применимо и к общественным системам, рассматривается использование этой теоретико-методологической платформы к образованию студенческих коллективных структур. Описываются случаи позитивной и негативной селекции. Акцентируется позиция, что вероятность образования коллективного единства – величина, зависящая от таких переменных, как плотность коммуникации, частота информационных импульсов. Операционное (коммуникационное) отношение делает возможным эволюцию общественных структур. Высказывается предположение – какие смысловые инновации могут давать жизнь процессам самоорганизации в социокультурной среде вуза. Рассматривается, что коммуникационное своеобразие и экземпляры, отличающиеся особой инновативностью, могут служить основой структурообразования, отличающегося новациями. Приводятся тезисы, требующие дальнейшего изучения в разрезе обозначенной проблематики.

Ключевые слова: самоорганизация студенчества, эволюционный подход, социокультурная среда, условия, варьирование, селекция, рестабиллизация, коммуникация, образование структур, управляющее воздействие

*Natalia G. Bazhenova,
Candidate of Pedagogy, Rector,
Sholom-Aleichem Priamursky State University
(70A Shirokaya st., Birobidzhan, 679015, Russia),
e-mail: n-bazhenova@yandex.ru*

Self-Organization of Students in Higher Education Institutions: an Evolutionary Approach

The article touches upon the author's interpretation of the application of N. Luman's theory of evolution to the processes of self-organization in the students' environment. The theory of evolution is not regarded as a theory of progress; it can also lead to the creation and to the destruction of systems, it refers to structural changes. The emergence of new essential forms and substances is explained due to the presence of differences (variation, selection, restabilization). Since the

separation of these evolutionary functions is applicable to social systems, the author considers the use of this theoretical and methodological platform for forming students' collective structures. The cases of positive and negative selection are described. The author brings into focus the position that the probability of forming a collective unity depends on such variables as the density of communications, the frequency of information pulses. Operation (communication) relation enables the evolution of social structures. The author makes an assumption what conceptual innovations can give life to the processes of self-organization in the socio-cultural environment of the university. It is considered that the communication originality and innovative specimens can serve as the basis of forming structures characterized by innovations. The arguments which are discussed in the article must be further studied from a perspective of the designated problems.

Keywords: self-organization of students, evolutionary approach, socio-cultural environment, conditions, variation, selection, restabilization, communication, structure forming, management action

Образование коллективных единств, их жизнеспособность и деятельность в вузе во многом определяют социокультурный климат в студенческой среде. В современный период студенческим организациям вверены значимые полномочия соучастия в управлении различными процессами вуза. Однако проблемным остаётся не только и не столько осознание этих полномочий и грамотное их использование, а зачастую на первый взгляд кажущийся простым, а по сути, являющийся главенствующим и исходным сам факт наличия студенческих формирований. При актуальной характеристике современной молодёжи, имеющей яркий окрас «атомизации», наличии индивидуалистических тенденций проблема позитивного группообразования становится вопросом не только самих студентов, но и управляющего звена вуза. Тематика со-действия этим процессам выносится во главу работы воспитательных структур вузов.

Поняв, какие составляющие влияют на формирование студенческих объединений, можно было бы гибко вводить «катализаторы», регулирующие эти процессы. Такое мягкое, внешнее управление должно носить крайне корректный и деликатный характер, выполняя функцию сопровождения.

Согласно Н. Луману, вероятность образования коллективного единства есть зависящая величина от таких переменных, как плотность коммуникации, частота информационных импульсов. В этой мысли заложен содержательный посыл, предлагающий некоторый инструментарий, позволяющий сопровождать процессы самоорганизации в студенческой среде: эффекты могут возникать при создании поля коммуникаций – площадок для потенциального общения и взаимодействия и при предоставлении

определённой необходимой информации. На первый взгляд есть решение – осталось действовать. Однако осмысление проблемы отсылает нас к новым вопросам: выбор предмета взаимодействия, механизм отбора самих участников события, временные рамки мероприятия, содержательная направленность информации, её порционность, соответствие запросу и готовность субъектов и т. д.

Получается, управляющее воздействие направлено на некоторое упорядочение: в теории эволюции Н. Лумана порядок – осуществление плана [5]. Соответственно в социокультурную среду вуза планомерно вводятся переменные, «запускающие» процессы.

Вместе с тем, говоря об эволюции системы, классик отмечает, что «эволюция возникает, используя мимолетные условия». В теории эволюции при объяснении, почему происходит или не происходит развитие, исходят из переменных: условия, социальная организация и др. Создание этих мимолётных условий как шанса выстраивания порядка – тоже задача внешнего воздействия в режиме содействия. Должна в студенческой среде, выражаясь языком Н. Лумана, произойти «полезная случайность», в результате которой появится студенческое объединение, способное себя сохранить, что приведёт к стабильности и порядку. И таких предпосылок, на которые может опираться порядок, должно быть больше – создание вариативного поля событий. События есть варьирование и селекция.

Таким образом, появление существенных форм и субстанций из акцидентального объясняется благодаря наличию различных (варьирование, селекция, рестабилитация)

ция). Функция рестабиллизации обозначает самоорганизацию эволюционирующих систем как предпосылку того, что вариация и селекция вообще являются возможными. Рестабиллизация, в свою очередь, является реакцией на случайность и представляется в качестве завершения некоторой последовательности.

Лишь сопряжение двух различий (варьирование/селекция, селекция/рестабиллизация) с основанием «селекция» делает возможным мыслить эволюцию как бесконечный процесс в необратимом времени, в котором впоследствии всякая достигнутая стабильность – и по мере роста сложности всё интенсивнее – вновь предлагает отправные точки варьирования [5]. Н. Луман рассматривает рестабиллизацию как фактор эволюции, который может описываться в качестве динамической стабильности, поскольку имеет место структурное изменение. Разделение этих эволюционных функций применимо и к общественным системам.

В результате отбора (позитивной селекции) в системе рождается новая структура, функционирование которой будет проходить проверку на жизнеспособность. Может случиться и негативная селекция. В плане образования студенческих коллективных единств здесь возможны сценарии: отклонённая потенциальная возможность может быть использована в будущем; эту возможность могут использовать другие системы или отклонение может таковым и оставаться.

Принимая во внимание, что теория эволюции не является теорией прогресса, она может приводить и к появлению, и к деструкции систем; в ней речь идёт о структурных изменениях – как правило, это неплановые изменения.

Операционное отношение при образовании студенческого объединения выступает условием ограничения в области допускающих подсоединение операций (коммуникаций). То есть предмет деятельности (научное студенческое общество, совет старост, волонтерский отряд и др.) является своеобразной основой, содержанием коммуникаций, которая кристаллизует самоорганизационные мотивы. Различные ситуации реальной действительности конденсируют некое разнообразие смысла, однако структуры всегда воплощаются лишь в координировании (ограничении сферы

возможного) текущего процесса перехода от одной операции к другой. И именно это операционное (коммуникационное) отношение делает возможным эволюцию общественных структур, которые в каждой своей операции воспроизводят смысл, предполагают знание, используют формы культуры.

Коммуникационное своеобразие предполагает некий коллективный индивидуализм в противовес индивидуализму, основанному на субъектной центрации. Вместе с тем, «условие варьирования лежит в многообразии, а не в возможности того, что среди большого числа индивидов с достаточной вероятностью появляются и экземпляры, выделяющиеся особой инновативностью» [5].

Сохранение относительной устойчивости образовавшихся структур в теории эволюции просматривается разнопланово: структуры представляются стабильными в случае, если имеются другие структуры, которые навязывают повторное применение первых; структуры могут устаревать, если предпочтительность получают иные каналы операционных подсоединений. Их использование может ограничиваться определёнными ситуациями или, наоборот, распространяться и на какие-то новые ситуации. В данном контексте мягкое управляющее воздействие, при котором новое объединение осуществляет редукцию внешних воздействий, сводя их сложность к возможностям, имело бы социальные эффекты [9].

Согласно теории аутопойетических систем, эволюционному структурному развитию способствует условие: в коммуникации должны учитываться дальнейшие коммуникации. Логичным представляется, что функциональная направленность возникшего объединения в этом случае должна характеризоваться свойством рекурсивности. Принцип деятельности зародившегося студенческого объединения должен быть «от дела – к делу».

Процесс самоутверждения системных структурных образований состоит в спецификации различных форм, которые могут формироваться в пространстве аутопойетической необходимости. Идея спецификации относит нас к инновативности вновь возникшего или его объективной практической востребованности условиями социокультурной среды. Значимым с точки зре-

ния длительности действия студенческих формирований является понимание того, что является более «живучим» – более специфицированное, либо же более универсальное. Существует дилемма о более высоком эволюционном потенциале менее специфицированного [8; 10].

Согласимся с тезисом, что «в равных экологических условиях могут выжить живые существа, оснащённые самыми разными средствами». Следовательно, эволюционный потенциал как характеристика присущ в равной степени и тем, и другим.

Согласованность структурообразования и самовоспроизведения, по Н. Луману, и делает возможным эволюцию. Социокультурная среда вуза делает возможной эволюцию благодаря своей способности иметь собственные различия и тем самым вбирать в себя свои собственные предпосылки. Развёртывание тезиса Н. Лумана о невозможности возникновения аутопойетических систем на основании произвольной предыстории убеждает нас в принятии во внимание факта возможного создания условий, содействия самоорганизационным процессам в вузе при самотворении, зарождении студенческого коллективного единства. В социокультурной среде вуза должна свершиться серия предпосылок и условий до возникновения какой-либо системы – «постепенность начала». Предзаданность определяется пониманием аутопойетической операции, в качестве которой в нашем случае может выступать площадка для коммуникации (вариации содержания, форм, состава участников) как виртуальная, так и реальная; возможность взаимодействия с внешней средой (расширение внешних контактов, выход за рамки стереотипов); актуальность (назревшая ситуационная необходимость); развитие информационных потоков (любая значимая информация в сфере интересов); информация о существующих лучших практиках и др. Особенные открывшиеся возможности служат катализатором рестабиллизации (самоорганизации). В плане продолжения аутопойезиса, новое студенческое объединение может зародиться как «структурное сцепление» наличествующих образований. Новые формы часто получают «чрезвычайно внезапное, стремительное развитие и требуют для этого особых условий». А создание таковых – задача

мягкого управления ответственных за работу со студенческой молодёжью подразделений вуза.

Варьирование как один из вариантов возможной селекции; селекция же понимается как отбор, спровоцированный варьированием, осуществляемым в рамках системы. В случае варьирования происходит отклонение от того, что было обычным прежде. Такая дифференциация (отклонение) ориентирована на селекцию – выбор в пользу или против инновации. В случае сценария обновления начинают работать приспособительные и ограничительные движения в системе.

Н. Луман различает компоненты эволюции разводит с различными компонентами аутопойезиса общественной системы:

– в процессе варьирования варьируются элементы системы – коммуникации: факт «поразительной коммуникации»;

– селекция отбирает коммуникации, потенциально ценные для выстраивания структур, отфильтровывая непригодные нововведения для структурообразования. Селекция происходит в формате направляющих коммуникацию ожиданий;

– рестабиллизация – состояние эволюционирующей системы после произошедшей селекции (позитивной, негативной).

Эволюция представляется как модификация существующих состояний. В нашем случае – модификация наличествующих студенческих объединений.

Эволюционное варьирование кроется в самой системе общества (в нашем случае – в студенческой среде), надо лишь осознать условия возможности варьирования в заглавных операциях этой системы (в коммуникациях). Связь между коммуникацией и структурообразованием подтверждается тезисом: «что никогда не коммуницируется, никогда не сможет и воздействовать на структурообразование» [5].

Хотелось бы функцию варьирования отнести к уделу или роли лидеров студенческих движений, как к некоему возмущающему фактору, но, следуя Н. Луману, их воздействие можно оценить как усиливающее – это тоже немаловажно, и стоит учитывать в работе с молодёжью. Состоятельность для достаточной вариативности ограничивают некоторые факторы (влияние стереотипов институциональной заданности, определённая нормативность, вектор тренда в молодёжном движении и др.).

Первичный механизм варьирования состоит в коммуникации, которая чутко реагирует на бифуркацию «принятия», «отклонения» предложенного смысла. Должно произойти означение смысла. В системе студенческих отношений смысловой стяжкой позиции принятия может выступать, например, единство тезаурусных конструкций [1; 4]. Отклонение же тоже создаёт возможности присоединения – единение на почве отрицания. Отклоняющаяся вариация может уплотняться (или не уплотняться) в новую структуру. Важно заметить, что и принятие, и отклонение требуют означения смысла – предмет коммуникации должен быть значим для студента или незначим, в противном случае это останется в «немаркированном состоянии». Коммуникация и отклоняющаяся коммуникация как ситуационно-зависимые события могут произойти, могут не произойти, и здесь актуализируется значимость мягкого управляющего воздействия в социокультурном образовательном поле. Когерентность незначительных случайностей зарождает новую вариацию, которая может опираться на какую-либо завершающуюся. Варьирование происходит благодаря коммуникациям, отклоняющим содержание коммуникаций. Отклонение «нет» придаёт необходимую для привлечения внимания ценность. Социокультурная среда и присутствующий в ней социальный порядок оказывают влияние на структурные эффекты отклонений коммуникаций. Результаты эволюции являются согласующимися друг с другом – гармоничными.

Коммуникации с высоким содержанием взаимных ожиданий могут быть приняты и в случае наличия не совсем приемлемых условий, благодаря генерализации средств, которые кристаллизуют мотивы принятия коммуникации. Срабатывают процессы разложения и перекомбинирования. Усиление комбинационных возможностей способствует уместному формообразованию. Грамотно отобранные социальные технологии, гибкая модерация приводят к эффекту сцепления мотивов. Тезаурусный репертуар личности можно использовать как платформу такого «родства» [1–3].

Интересен тот факт, что вариация не включается в сообщение в расчёте на селекцию. Коммуникационные студенческие площадки могут сработать по типу «пооб-

щались и разошлись», не предусматривая никакого стабильного последствия. Произвольное намерение обретает лишь незначительная часть эволюционно-значимых вариационных событий. Вероятность эволюции, которая приводит к выстраиванию порядка (самого по себе невероятного), возможна в силу нескоординированности вариативности и селекции. То, что состоялась вариация, ещё не значит, что она будет отобрана. Инвариантность тезаурусного репертуара студентов совсем не гарантия селекционного шанса.

Структурами для ускорения и накопления варьирования в контексте студенческой самоорганизации могут выступать средства распространения коммуникации в современной ситуации – различные формы студенческих онлайн- и оффлайн-контактов: слёты, съезды, форумы, интернет-площадки и т. д. Во втором случае, конечно, кроется «ненаблюдаемость воздействий».

Вектор организованных студенческих площадок – есть своеобразная пред-заданная семантика, от которой зависит всякая вариация. Формат конструкции площадки предопределяет, что является известным и нормальным, что можно ожидать, а чего – нельзя. Не вписывающиеся в конструкт события регулируются посредством уже утвердившихся структур. Эта предпосылка получает тем большее значение, чем заметнее её воздействие.

Структурные инновации возникают, «что бы ни служило их причинами» [9]. Согласно Н. Луману, функция селекции зависит лишь от особенностей вариаций, а вовсе не о того, благодаря каким конкретным механизмам эти вариации увидели свет. Всякая вариация вызывает селекцию. Процесс эволюции приводит к конвергенции форм, утвердившихся в ходе отбора. В этом смысле понятно, что деятельность появившихся структур выстраивается в схожей или, по крайней мере, не противоречащей концепции.

Положительный опыт системы служит своеобразным рамочным условием происходящей селекции. Это в свою очередь подтверждается реальной вузовской практикой: в университетах с давней историей если возникает интересная структурная новация, то это нововведение совместимо с имеющейся традицией и имеет конфигурацию, «подходящую» для множества мно-

гообразных существующих уже структур. Нововведение проверяется на его совместимость как с существующими коллективными образованиями, так и со всей социокультурной средой.

Направленность эволюционной селекции определяется её собственными механизмами. Получается, с одной стороны, это механизмы внутренние, не вполне управляемые, а с другой – синхронизация с опытом системы всё равно происходит. Следовательно, надо отнести к случайности ситуацию, когда вариация оказывается селективно релевантной (существенной, уместной). Однако вузу предпочтительнее отыскать инструмент содействия этим процессам. По сути, надо нащупать селекционные критерии.

Учитывая, что не может быть установлено никакого целевого отношения, как если бы некая вариация производилась исключительно ради того, чтобы быть отобранной, следует заметить, что верна мысль Н. Лумана применительно к студенческой среде: некоторые вариации действительно могут получать такую мотивацию, и коммуникации, преследующие нужные им результаты, конечно же, не исключаются. Происходящие далее эволюционные изменения структур состоят не в достижении цели, а в том, что на усилия по достижению цели система реагирует её структурными изменениями. «Эволюция задействует целевой оптимизм ради провоцирования вариаций» [5]. Тогда понимание молодёжью стратегии развития государства, стратегии государственной молодёжной политики, концепции внеучебной работы университета, знание архитектуры устройства студенческих сообществ вуза и видение развития и движения вперёд – некоторые источники для «целевого оптимизма». Но в большей степени, это может быть самый простой интерес, вернее, его интерференция.

Благодаря варьированию появляются возможности, и это включает селекцию.

Размышления о селекционном механизме в студенческой среде в контексте самоорганизационных процессов актуализируют вопрос: может ли то, что возникает в отдельных системах интеракций и получает свою убедительность исходя из этих интерактивных ситуаций, утверждаться, а если да, то в каких формах.

На структуры системы воздействие оказывает не всё, что происходит в рамках сту-

денческих интеракций, этому препятствует внутриобщественная дифференциация. Возникающий или имеющий место в интеракции смысл предполагает точки приложения этого смысла за пределами текущей интеракции, однако, «прорваться», преодолеть барьер сумеет лишь малая часть инноваций. Эти смысловые инновации могут давать жизнь процессам самоорганизации.

Процесс селекции приводит к образованию структур, но стабильность не есть результат всякой селекции. Несмотря на её заботу о стабильности, не всегда отбираются только перспективы стабильности. Селекцию можно повторить с расчётом на лучший результат. Стабильность должна базироваться на гибкости, изменчивости и зависимости от решения.

Современное общество ориентирует свои селекции исключительно на то, что кажется пригодным лишь в данный момент и является чем-то преходящим [7]. И не случайным тогда является появление того или иного студенческого объединения в конкретный период времени, именно тогда и востребована его направленность. Хотя и в этом случае остаётся вопросом, будет ли данная селекция успешной и каким образом.

Способными эволюционировать оказываются как раз динамические системы, умеющие отдаляться от равновесного состояния и репродуцировать себя [5].

По Н. Луману, рестабилизация реагирует только на селекцию и может вызываться как позитивными (структурозаменяющими), так и негативными селекциями. Нововведённые структуры должны быть подогнаны под систему и быть совместимыми с отношениями в её внешнем мире. Молодёжные объединения в вузе не могут не синхронизировать свою деятельность с социокультурной средой вуза, а представляя университет во внешней по отношению к вузу среде (в сетке взаимоотношений вуз – внешняя среда – молодёжные структуры иного вуза – молодёжные союзы города, страны и др.) не могут быть оторваны от своей принадлежности к системе.

Нужно иметь в виду, что вариации в студенческой среде могут исчезнуть и не быть замеченными, селекции же, как правило, система фиксирует в своей памяти, и в дальнейшем нужно как-то ориентироваться на знание того, что как правило потенциально возможное не получает воплощения. Не сле-

дует исключать возможность (в долгосрочной перспективе) того, что инновативное воздействие отклонённого нововведения проявится гораздо сильнее, чем инновативное воздействие произошедшего нововведения, – во благо или во вред системе.

Позитивная или негативная селекция влечёт нарастание сложности системы, что приводит к рестабиллизации (в том числе и посредством собственных операций системы) – последовательности встраивания структурных изменений в систему.

Функция эволюционной рестабиллизации задействует системную дифференциацию и развивает различные решения: от новых структур к новым формам, а затем к разложению и перекомбинированию подобных форм с шансами на появление новых структур с более приемлемой сложностью. Всё это характеризует процессы самоорганизации в студенческой среде. Возникновение новых структур затруднительно предугадать, равно как и не предвидишь, что произойдёт с ними в дальнейшем. Вместе с тем, Н. Луман пишет, что порядок в этом случае понимается в том смысле, что одни структуры могут заменяться другими структурами с сохранением функций и типичности – вариант «эрзац-решения». Функциональная эквивалентность обеспечивает стабильность: аналогичное заменяется аналогичным. Корпоративная стабильность – гарант общности и единства жизни членов отдельных структур. Динамический принцип стабильности позволяет сохранять традиции студенческих объединений в вузе и принимать инновационные изменения, получать импульс варьирования. Это своего рода открытое к альтернативам обеспечение стабильности. В противном случае инновационный потенциал оставался бы ограниченным их собственными рамками. Молодёжная среда благоприятна и обладает «потенциалом реакции инновациями на инновации» при условии преобладания новых форм. Инновационность просматривается и в случае самоорганизации, стиль которой ориентирован на самоизменение и изменение практики своих решений. Подобное единство уже в себе самом содержит исходные основания для возможных отклонений, допустимых лишь в случае их успеха.

В ходе эволюции отбор опирается исключительно на критерии селекции и не

может определяться только качеством отобранного. Критерии селекции настраиваются на нестабильность.

В процессе рестабиллизации в социокультурной среде вуза дифференциации подвергаются лишь функционально-направленные, адекватные системе кластеры альтернатив. Излишне абстрактный формат проблем остаётся за рамками жизнеспособности и эффективности в силу своей недостаточной информативности для оценки степени изменений в процессе непрерывных рестабиллизаций.

Важна мысль, что механизм стабилизации одновременно функционирует как мотор эволюционных вариаций [5]. Вследствие этого критерии селекции не ориентированы на стабилизацию и могут подвергнуться отбору.

Пример Н. Лумана о воде: «текучая вода в самой себе содержит возможность замерзания или парообразования; лишь поэтому изменения внешней температуры могут производить с ней данные действия» [5, с. 49] – содержит мысль о допустимом управляющем воздействии со стороны системы как на структурообразование, так и на реструктуризацию. Форма коммуникации, предлагаемая извне (различные площадки взаимодействия), создаёт опции реагирования на предложенный смысл в терминах принятие/отклонение.

Безусловно, применение эволюционного подхода к самоорганизации студенчества в университетской среде требует дальнейшего осмысления ряда позиций:

- какие специфические характеристики университетской среды, её потенциал позволяют находить замены выходящим из строя компонентам, агрегировать резервы, необходимые для непредвиденных случаев;

- могут ли определённые условия среды влиять на исход варьирования в пользу позитивной или негативной селекции, какие селекции получают стабилизацию;

- каков механизм использования шанса, позволяющего коммуникативно-убедительно осуществлять структурные изменения;

- возможна ли всё-таки целесообразная координация;

- как осуществлять дифференциацию эволюционных функций, чтобы система вбирала в себя больше внешних влияний и соответственно активнее реагировала на происходящие ситуации и поэтому быстрее эволюционировала;

– особенности тезаурусных генерализаций студентов – как они влияют на вариации, селекцию и рестабиллизацию;

– какие элементы, структуры и в каком объеме подвергаются варьированию, с какой частотой;

– доопределение роли инноваций в процессе самоорганизации;

– содержание селекционных критериев. Возможно, ими могут выступать инновационность, прорыв, критика, разнообразие, социальная полезность, имиджевая сторона позиции вуза, что-то другое.

В любом случае, надо осознавать, что (по Н. Луману) «время, в котором возникают структурные инновации, принимает форму некоторой исторически уникальной современности, предоставляющей в распоряжение некоторую комбинацию возможностей и их ограничений; причём именно как комбинацию, ведь не существует возможностей без ограничений, как не может быть варьирования и селекции без стабильности. Другими словами, эволюция возможна лишь в эмпирической конкретности» [5, с. 52].

Список литературы

1. Баженова Н. Г. Самоорганизация студенчества в вузе: тезаурусный подход // Вестн. Тихоокеан. гос. ун-та. 2013. № 4. С. 247–254.
2. Баженова Н. Г. Социальная субъектность как основа развития самоорганизационных процессов в студенческой среде // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 5. С. 176–183.
3. Баженова Н. Г., Луценко Е. Л. Жизненные стратегии современного студенчества // Социология образования. 2014. № 8. С. 75–85.
4. Баженова Н. Г. Особенности социальной активности студентов, вовлечённых в общественную деятельность // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2015. № 177. С. 146–154.
5. Луман Н. Эволюция. М.: Логос, 2005. 256 с.
6. Шведова М. Ф. Применение системных конструкций Н. Лумана в исследовании процесса развития современного российского малого бизнеса // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 111–114.
7. Bennis W. G., Slater P. E. The Temporary Society. New York: Harper & Row, 1968. 147 p.
8. Cope E. D. The Primary Factors of Organic Evolution. Chicago: Open Court, 1896. 578 p.
9. Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966. 120 p.
10. Service E. R. Cultural Evolutionism: Theory in Practice. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. 178 p.

References

1. Bazhenova N. G. Samoorganizatsiya studenchestva v vuze: tezaurusnyi podkhod // Vestn. Tikhookean. gos. un-ta. 2013. № 4. S. 247–254.
2. Bazhenova N. G. Sotsial'naya sub'ektnost' kak osnova razvitiya samoorganizatsionnykh protsessov v studencheskoi srede // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2014. № 5. S. 176–183.
3. Bazhenova N. G., Lutsenko E. L. Zhiznennyye strategii sovremennogo studenchestva // Sotsiologiya obrazovaniya. 2014. № 8. S. 75–85.
4. Bazhenova N. G. Osobennosti sotsial'noi aktivnosti studentov, vovlechennykh v obshchestvennyuyu deyatel'nost' // Izv. RGPU im. A.I. Gertsena. 2015. № 177. S. 146–154.
5. Luman N. Evolyutsiya. M.: Logos, 2005. 256 s.
6. Shvedova M. F. Primenenie sistemnykh konstruktov N. Lumana v issledovanii protsessa razvitiya sovremennogo rossiiskogo malogo biznesa // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. № 1. S. 111–114.
7. Bennis W. G., Slater P. E. The Temporary Society. New York: Harper & Row, 1968. 147 p.
8. Cope E. D. The Primary Factors of Organic Evolution. Chicago: Open Court, 1896. 578 p.
9. Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966. 120 p.
10. Service E. R. Cultural Evolutionism: Theory in Practice. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. 178 p.

Библиографическое описание статьи

Баженова Н. Г. Самоорганизация студенчества в вузе: эволюционный подход // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 162–169. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-162-169.

Reference to the article

Bazhenova N. G. Self-Organization of Students in Higher Education Institutions: an Evolutionary Approach // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 162–169. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-162-169.

Статья поступила в редакцию 03.04.2016

УДК 378:316

Дулма Цырендашиевна Дугарова¹,
доктор педагогических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: dugarova_dc@mail.ru

Светлана Ефимовна Старостина²,
доктор педагогических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: sestarost@mail.ru

Лариса Витальевна Черепанова,
доктор педагогических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: cherepanovaLara@mail.ru

О подготовке кадров экспертного уровня как факторе обеспечения независимой оценки качества социальных услуг³

Статья посвящена одной из актуальных проблем современного высшего образования – подготовке кадров экспертного уровня в условиях глобализации и регионализации, требующих интернациональной гармонизации образовательных систем. Цель исследования – выявить особенности функциональной деятельности кадров экспертного уровня при независимой оценке качества социальных услуг. Исследование проводилось методами прогнозирования, анализа, мониторинга, Форсайта, включающего методы экспертной оценки выявления технологических прорывов, способных оказать воздействие на экономику и общество в средне- и долгосрочной перспективе. Основу рассмотрения проблемы составило авторское понимание экспертизы как исследования, результатом которого выступают оценочные суждения как результат установления соответствий с определёнными критериями и показателями. В статье описаны этапы исследования и полученные результаты. На первом этапе исследовались особенности деятельности экспертов в области образования, что позволило авторам доказать, что экспертный уровень индивида выступает результатом количественного увеличения обычных знаний и навыков, а также результатом получения элитного образования в условиях экстраординарной образовательной среды. На втором этапе объект исследования – требования к эксперту. Особое внимание уделено основным видам экспертных ошибок, описанным в научно-методической литературе по опыту международной экспертной деятельности. На третьем этапе осуществлялись анализ нормативной базы деятельности экспертов в области независимой оценки качества социальных услуг, существующих и перспективных форм сетевого взаимодействия экспертов и разработка рекомендаций.

Ключевые слова: экспертиза, сертификация квалификаций, требования к эксперту, деятельность эксперта, экспертные ошибки, качество социальных услуг

¹ Л. Ц. Дугарова является разработчиком методологии исследования.

² С. Е. Старостиной и Л. В. Черепановой осуществлялось исследование по выявлению предпосылок, нормативных и теоретических основ экспертной деятельности в высшем образовании.

³ Работа выполнена в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Минобрнауки РФ № 27.2479.2014К по теме «Управление развитием модульных профессиональных образовательных программ для ведущих отраслей экономики Забайкальского края на основе государственно-частного партнёрства».

Dulma Ts. Dugarova¹,
Doctor of Pedagogy, Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: dugarova_dc@mail.ru

Svetlana E. Starostina²,
Doctor of Pedagogy, Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: sestarost@mail.ru

Larysa V. Cherepanova,
Doctor of Pedagogy, Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: cherepanovaLara@mail.ru

Expert Training as a Factor of Independent Assessment of Quality of Social Services³

The article is devoted to one of the urgent problems of modern higher education – training of experts in the conditions of globalization and regionalization requiring international harmonization of educational systems. The aim of the research is to reveal the peculiarities of functional experts' activity in the independent assessment of the quality of social services. The research was conducted by using the methods of forecasting, analysis, monitoring and Foresight methods including the methods of expert estimation of identifying technological breakthroughs able to have an impact on the economy and society in the mid – and long-term outlook. The basis of the problem under consideration is formed by the authors' understanding of expertise as a research the result of which are value judgments on the basis of established correspondences with definite criteria and indicators. The article describes the stages of the research and the results obtained. The peculiarities of experts' activity in the education sphere was investigated at the first stage of the research that allowed the authors to prove that expert level of an individual is treated as a result of quantitative increase of knowledge and skills as well as the result of getting elite education in the conditions of extraordinary educational environment. The object of the research of the second stage was the requirements elicitation for the expert. Special attention is given to the main types of expert errors described in the scientific and methodological literature from the experience of international expert activities. The analysis of the normative base of the activity of experts of independent assessment of quality of social services, the analysis of the existing and promising forms of network interaction of experts and the development of the recommendations were carried out at the third stage of the research.

Keywords: expertise, certification of qualifications, requirements for expert, the activity of expert, expert errors, quality of social services

Европейским фондом управления качеством (European Foundation for Quality Management – EFQM) [11] разработан практический инструмент, который независимо от сектора деятельности, размера, структуры и зрелости организаций используется в качестве структуры менеджмента организации, основанного на фундаментальной Концепции совершенствования. Базирующаяся на данной Концепции Модель совершенства Европейского фонда управления

качеством – EFQM признаёт, что существует множество подходов к достижению устойчивого совершенства и множество аспектов, используемых организациями как в качестве инструмента для самооценки при определении своего положения на пути к совершенству, так и в качестве основы общего для всех подразделений организации языка и способа мышления. Одним из фундаментальных принципов Концепции совершенства выступает «Корпоративная

¹ D. T. Dugarova is the developer of the research methodology.

² S. E. Starostina and L. V. Cherepanova carried out a study to identify the prerequisites, normative and theoretical foundations of expert activity in higher education.

³ The work is carried out in the framework of the project part of the State's task in the sphere of scientific activity of the Russian Ministry of Education RF №27.2479.2014K on the subject of "Managing the development of modular professional educational programs for leading industries in Zabaikalsky Krai on the basis of state-private partnership".

социальная ответственность», которая устанавливает, что «совершенство – это выход за минимальные законодательные требования, в рамках которых функционирует организация, и приложение усилий для того, чтобы понимать и реагировать на ожидания общества» [13; 15].

Обеспечение функционирования независимой оценки качества работы организации в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.03.2013 г. № 289 «О формировании независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги» зависит от оценочных процедур, которые направлены на получение сведений о деятельности организаций, оказывающих социальные услуги, предоставление участникам отношений (заинтересованным организациям, федеральным и региональным органам исполнительной власти, коллегиальным органам управления организациями, потребителям социальных услуг в самой организации) соответствующей информации. В законодательных, нормативно-правовых и методических документах по обеспечению независимой оценки качества предоставления социальных услуг описываются процедуры проведения, организационные механизмы, функции и критерии независимой оценки качества работы организации. Вместе с тем не рассматриваются требования к квалификационному и образовательному уровню экспертов, их статусу и компетентности.

Федеральным законом «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статью 1 Федерального закона “О техническом регулировании”» от 03.12.2012 г. № 236-ФЗ определены понятия «профессиональный стандарт» как «характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определённого вида профессиональной деятельности» и «квалификация работника» как «уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника». Утверждённый Министерством труда и социальной защиты профессиональный стандарт «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» приказом от 08.09.2015 г. № 608н и находящийся в обсуждении профессиональный стандарт «Руководитель образо-

вательной организации» дают возможность исследовать проблему подготовки кадров экспертного уровня как фактора обеспечения независимой оценки качества работы организаций, оказывающих образовательные услуги.

Цель исследования – выявить особенности функциональной деятельности кадров экспертного уровня при независимой оценке качества социальных услуг.

В соответствии с указанной целью поставлены **следующие задачи**:

1. Изучить особенности деятельности эксперта в области профессионального образования.

2. Выявить требования к эксперту, опираясь на основные виды экспертных ошибок, выделенные на основе анализа опыта международной экспертной деятельности, описанные в научно-методической литературе.

3. Проанализировать нормативную базу экспертной деятельности в образовании.

Теоретико-методологическую основу исследования составили:

– компетентностный подход (Д. МакКлелланд, Л. и С. Спенсер и др.), предусматривающий при подготовке экспертов выявление компетенций, владение которыми определяет успешность в осуществлении профессиональной, в том числе экспертной деятельности [7; 9];

– теория управления знаниями (В. И. Богословский, К. Вииг, А. Л. Гапоненко, Б. З. Мильнер, М. Полани и др.), актуализирующая информационный и персонифицированный подходы в подготовке экспертов, способных к выявлению, созданию, обработке, хранению и предоставлению знаний и, как следствие, формированию экспертного сообщества [8].

Исследование проводилось методами прогнозирования, анализа, мониторинга. Особое место в исследовании занимает метод Форсайта, включающий систему методов экспертной оценки стратегических направлений социально-экономического и инновационного развития, выявления технологических прорывов, способных оказать воздействие на экономику и общество в средне- и долгосрочной перспективе [14]. Его использование позволило осуществить комплексное прогнозирование, определить возможные альтернативы и выбрать из них наиболее предпочтитель-

ные. Выбор данного метода как оптимального в исследовании обусловлен необходимостью оценивания возможных перспектив развития экспертной деятельности в образовании.

Экспертная деятельность представляет собой особую профессиональную деятельность, не совпадающую с деятельностью конкретного специалиста. Не всякий специалист, даже высококвалифицированный, имеющий большой стаж профессиональной деятельности, может выступать в роли эксперта.

«Экспертиза – это исследование экспертами каких-либо вопросов, решение которых требует специальных познаний в области науки, техники, искусства и т. д.» [10].

В образовании под экспертизой понимается аналитическая процедура, направленная на получение аргументированного представления о состоянии результата (целостного объекта) образовательной деятельности. При этом под результатом понимается любого рода целостный объект, параметры которого распознаваемы и взаимосвязаны [3].

Таким образом, под экспертизой мы понимаем исследование, результатом которого выступают оценочные суждения как результат установления соответствий с определёнными критериями и показателями.

Выстраивание экспертной деятельности в области высшего образования требовало научного исследования в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)». В рамках данного исследования Забайкальским государственным университетом был выполнен проект № 3.2.1./6835 «Разработка требований и программы подготовки экспертов международного уровня в сфере дистанционных образовательных технологий». Он предполагал проведение прикладных научных исследований, включающих прогнозирование, анализ развития образования, мониторинг и статистику.

На первом этапе исследовались особенности деятельности экспертов в области профессионального образования. Определение основных понятий и терминов исследования позволило охарактеризовать основные концепции природы интеллектуальной деятельности экспертного

уровня, описать индивидуальные различия в интеллектуальных способностях эксперта и доказать, что экспертный уровень индивида выступает результатом количественного увеличения обычных знаний и навыков, а также результатом получения элитного образования в условиях экстраординарной образовательной среды. В рамках исследования потребовалось описать систему образования и экспертную деятельность в современном контексте, когда образование становится наукой, позволяющей дать объяснение и, как следствие, оптимальную реализацию закономерностей достижения обучающимся экспертного уровня владения знаниями и навыками.

Анализ литературы, проведённый в рамках первого этапа выполняемого проекта, позволил выделить следующие основные виды экспертной деятельности [1; 5; 6]: специальные (объекты и технологии экспертизы определяются областью конкретной профессиональной деятельности) и универсальные экспертизы (объекты и технологии проведения не зависят от конкретной области деятельности).

К экспертизам универсального типа относятся оценочные и управленческие экспертизы.

Результатом оценочных экспертиз выступают численные оценки объектов (значений показателей, параметров, характеристик объектов); отнесение объектов экспертизы к тому или иному виду объектов, классу объектов, сорту; ранжирование объектов по тому или иному свойству, качеству, показателю, критерию; рейтинги, позволяющие определить численные значения, характеризующие сравнительную предпочтительность объектов экспертизы; индексы, позволяющие оценить (характеризующие) состояние объектов экспертизы.

Результатом управленческих экспертиз является подготовка рекомендаций и заключений на всех этапах цикла выработки, принятия и реализации управленческих решений.

К числу управленческих экспертиз относятся экспертизы, осуществляемые при выработке стратегии и тактики (определении стратегических целей, приоритетов деятельности, планов, организационных структур, рационализации капитала, разработке бизнес-планов и т. д.); подготовке аналитических материалов и проведении

ситуационного анализа, включая разработку прогнозов и сценариев; генерировании и отборе альтернативных вариантов решений; оценке альтернативных вариантов решений и определении наиболее предпочтительного из них; контроле хода реализации принятых решений; корректировке принятых ранее управленческих решений на основании обратной связи (оценки хода реализации принятых решений).

На втором этапе исследования объектом послужило выявление требований к эксперту на основе анализа основных видов экспертных ошибок, описанных в научно-методической литературе, рассматривающей опыт экспертной работы на международном уровне. К ним относятся:

1) преувеличение возможностей экспертных оценок (т. к. использование экспертных технологий во многих случаях остаётся единственным реальным способом подготовки и принятия обоснованных управленческих решений, необходимо правильное понимание их реальных возможностей);

2) использование некомпетентных экспертов (проведение многоаспектной оценки требует профессионалов, способных дать оценку объекту с учётом основных аспектов);

3) недостаточная информированность экспертов об объекте экспертизы (необходимость для целей экспертизы предоставления одинаково полной для всех экспертов информации о специфических особенностях объекта экспертизы);

4) нечёткая постановка задачи перед экспертами (в практике проведения экспертиз не всегда проводится специальная работа по определению либо уточнению экспертам цели, поставленной перед ними, поэтому особенно при отсутствии аналитической группы экспертов необходимо ставить задачи оценки отдельных факторов, частных критериев, характеризующих объект);

5) стремление оставаться в рамках одной экспертной процедуры (разные виды экспертиз, принятие решений, параллельная работа экспертных комиссий требуют выбора не одной, а нескольких экспертных процедур и в отдельных случаях модифицированных экспертных технологий);

6) нарушение принципов теории измерений (обработка экспертной информации должна производиться в соответствии с основными принципами теории измерений);

7) возможная противоречивость экспертных оценок при парных сравнениях (такая противоречивость отмечена при парных сравнениях объектов, причина которой часто заключается в использовании при сравнительной оценке объектов множества критериев);

8) неточные процедуры коллективного выбора (при определении наиболее предпочтительного объекта целесообразно воспользоваться процедурой ранжирования, дающей более полное представление о предпочтениях эксперта, а не ограничиваться указанием одного объекта, наиболее предпочтительного для каждого эксперта);

9) необходимость организации информационного взаимодействия между экспертами (информационный обмен между экспертами необходим в экспертных процедурах, целью которых является выработка альтернативных вариантов решений в сложных ситуациях принятия управленческих решений, что может приводить к существенной корректировке оценок, даваемых экспертами);

10) конформизм экспертов (ситуации, когда эксперты попадают под влияние явных лидеров, специалистов, имеющих значительный авторитет и возможности);

11) конъюнктурность оценок (включение в состав экспертов, косвенно или непосредственно заинтересованных в результате экспертизы);

12) неверное понимание точности экспертных оценок (анализ результатов экспертных оценок по критериям точности).

Перечисленные ошибки 1–5 относятся преимущественно к технологиям организации и проведения экспертиз; 6–12 – к ошибкам, возникающим при обработке их результатов.

На третьем этапе выполнения проекта осуществлялись анализ нормативной базы экспертной деятельности в образовании, а также разработка рекомендаций по её системному развитию и анализ существующих и перспективных форм сетевого взаимодействия экспертов в сфере образования.

Нормативной основой выстраивания системы подготовки экспертов выступает Международный стандарт ISO/IEC 17024:2003, негосударственная система признания компетентности и контроля персонала. ISO определяет свои задачи в сфере образования следующим образом:

содействие развитию стандартизации профессионально-педагогической деятельности с целью обеспечения международного обмена образовательными услугами, а также развитию сотрудничества в образовательной, интеллектуальной, научно-технической и других областях.

Одной из наиболее важных процедур признания статуса эксперта является сертификация. В системе стандартов ISO существуют различные документы, определяющие требования к процедуре сертификации. В частности, Международный стандарт ISO/IEC 17024:2003 «Негосударственная система признания компетентности и контроля персонала» предназначен для достижения сопоставимости во всём мире деятельности экспертов, осуществляющих сертификацию, подтверждающую компетентность персонала. Сертификация лиц, в частности экспертов, согласно стандарту – это мероприятие, с помощью которого органом сертификации подтверждается, что сертифицированное лицо способно выполнять услуги с удостоверенной квалификацией. Этот стандарт выступает основой для признания системы сертификации, обуславливает её принятие на национальном и международном уровне и устанавливает общие требования, которые обеспечивают сопоставимость и надёжность экспертных процедур.

Глобальная гармонизация системы сертификации экспертов в сфере образования будет создавать основу для встречного признания образовательных программ и глобального обмена студентами и преподавателями (академическая мобильность). Доверие к оценочным суждениям как результату экспертной деятельности достигается посредством принятого во всём мире процесса оценки (критерии и показатели), контроля и периодической переоценки компетентности экспертов.

Кроме того, требования к экспертам изложены в документах Организации Объединённых Наций. Основным документом, определяющим квалификационные требования, способы подготовки и методы оценки деятельности экспертов ООН, является Основной стандарт классификации должностей и оценки работы экспертов профессиональной категории Комиссии ООН по международной гражданской службе (ОС КМГС).

Раскрываемая в ОС КМГС система классификации должностей и организации экспертной работы основывается на принципе их группировки в зависимости от функций, требуемых на том или ином рабочем месте в системе ООН. С каждой функцией связываются соответствующие навыки, знания и необходимый опыт. Таким образом, выстраивается иерархия функциональных обязанностей на каждом уровне ответственности в зависимости от задач, стоящих перед экспертом.

ОС КМГС объединяет руководство для последовательного выполнения двух главных задач: анализа должностей в виде систематического сбора и организации информации о конкретной должности и оценки деятельности эксперта на той или иной должности.

Определение должностных функций экспертов связано с обеспечением потребности организации в достижении эффективности и качества работы, в том числе в удовлетворении потребности сотрудников в интересной, требующей полной отдачи сил и дающей удовлетворение работе, что предполагает проведение экспертного системного анализа перспективных мероприятий и действий, направленных на эффективное планирование и организацию работы.

Основными методами, используемыми в ОС КМГС для классификации и определения широты полномочий экспертов, являются:

- ранжирование (качественное) в зависимости от сложности выполняемых экспертом функций;
- описание уровней (грейдов), согласно которому должности (точнее, круг функциональных обязанностей) классифицируются в сравнении с заданным стандартом или предписанным уровнем, которому лучше всего соответствуют задачи и обязанности конкретного поста;
- ранжирование (количественное) посредством системы очков, когда каждому требуемому свойству для конкретной должности (и пересечению свойств) назначается определённый индикатор в виде количества условных очков.

На основе анализа ОС КМГС предложена матрица описания функциональных обязанностей эксперта ООН (таблица).

Матрица описания функциональных обязанностей эксперта ООН

Фактор	Измерение	Критерии измерения
Необходимые профессиональные знания	А. Вертикальное измерение – теоретические знания	1. Знания на уровне первой университетской степени. 2. Знания на уровне продвинутой университетской степени. 3. Высшая университетская (научная) степень
	В. Горизонтальное измерение – требуемый опыт	1. Опыт, полученный на национальном уровне. 2. Опыт, полученный на международном уровне. 3. Опыт, полученный на национальном и международном уровнях
	С. Диагональное измерение – знание языка	Свободное владение одним или несколькими языками, необходимыми для рабочих коммуникаций, участия в мероприятиях, написания официальных документов и т. д.
Трудность выполняемой работы	А. Горизонтальное измерение – индивидуальный вклад (интеллектуальные или творческие процессы или операции, необходимые для выполнения работы)	1. Синтез, переработка или презентация информации: исследование или компиляция данных, применение знания теорий, принципов и концепций для идентификации релевантных источников данных, извлечение подходящей информации и т. д. 2. Интерпретация правил, процедур и текстов: истолковывание или объяснение; сравнение с прецедентами; анализ существа вопросов и существенных умений в вынесении суждений. 3. Коррективные действия (анализ работы других экспертов, вынесение суждения по уместности и валидности их заключений или рекомендаций, модифицирование или внесение правок в результаты или продукты); адаптивные действия (анализ принятых решений, рекомендаций, заключений, прецедентов, вынесение суждений, их модифицирование к новым условиям или требованиям); пересмотр работы (переоценка, коррекция или модифицирование). 4. Разработка новых подходов, процедур, техник или технологий, средств решения проблем, улучшения ситуации или разработки методологии, методов или способов выполнения задач. 5. Разработка новых концепций, теорий или политик; идей, понятий, планов, направлений действий, представляющих большую важность
	В. Вертикальное измерение – сложность выполняемой работы	1. Неясность: относится к разнообразию и большому количеству методов, процедур и процессов, используемых при исполнении обязанностей, и изменчивость, существующая при достижении целей работы – от умеренной до очень большой. 2. Масштаб (область): относится к диапазону ясно определённых предметных областей, в которых на постоянной основе принимаются решения или выносятся рекомендации. 3. Глубина: относится к степени специализации в предметной области
Самостоятельность выполнения работы	А. Горизонтальное измерение – использование руководств	Для уровней 1 и 2: руководства не существуют, или не требуется их применение; 3: руководства используются в определённых областях действия; 4 и 5: требуется углублённое понимание, интерпретация, точное следование руководствам, особенно на стратегическом и политическом уровнях
	В. Вертикальное измерение – контроль непосредственного руководства	Этот показатель описывает степень предписаний, контроля или управления от непосредственного руководства или таких органов, как комитеты, советы или рабочие группы
Взаимодействие с другими экспертами	А. Горизонтальное измерение – навыки	Этот элемент описывает роли и уровень компетенций при осуществлении взаимодействия с другими экспертами: эпизодические, осуществление функций советника, представление интересов организации
	В. Вертикальное измерение – важность	Описывает содержательную важность взаимодействия с другими экспертами, от незначительной важности в пределах текущих или рутинных операций, имеющих важность только для низшего уровня подразделений, до проблем, вопросов и тем, затрагивающих стратегическую деятельность организации в целом, охватывающих большинство программ и проектов и влияющих на отношения организации с государствами-членами
Административная ответственность	Ответственность за обслуживающий персонал; ответственность за других экспертов	Назначение данного фактора состоит в том, чтобы измерять текущую управленческую ответственность эксперта, его функции при планировании, управлении и контроле работы, оптимизации работы и подготовке отчётности
Влияние результатов работы	А. Горизонтальное измерение – воздействие результатов работы	Воздействия на частные процессы внутри проекта или программы до принятия решений, определяющие реализацию крупных программ или системы в целом
	В. Вертикальное измерение – последствия ошибок	Измерения последствий ошибок, которые может допустить эксперт, влияющих на достижение целей организации

Рекомендации по системному развитию экспертной деятельности были выработаны на основе теории управления знаниями [8].

Согласно данной теории ядро профессионального развития эксперта должен составлять переход от знаний одного человека к капиталу знаний организации. Инновационные технологии конструирования знаний (знаниевые технологии) предполагают непосредственное участие в процессе создания знаний, получения компетенций, необходимых для управления знаниями. Таким образом, знания становятся интеллектуальным ресурсом организации и рассматриваются как динамический процесс. Полученные компетенции позволяют управлять не только процессами и людьми, но и знаниями, создавая обучающую организацию.

Структурное рассмотрение результативности процесса профессионального развития эксперта в рамках концепции менеджмента знаний позволяет сформулировать следующие критерии и показатели квалификации эксперта:

- профессионально-личностная компетентность (уровень зрелости образовательного знания, компетентность, развитость инвариантных функций интеллектуальной деятельности);

- инновационная культура (готовность к самоизменению, самосовершенствованию, работа по специальности, участие в реальных проектах, участие в конференциях, уровень культуры открытости и доверия);

- самоменеджмент (регулярность и активность в образовательной деятельности, личная результативность и ответственность, приращение личностного знания, уровень сформированности самоменеджмента и др.).

Эти идеи могут быть использованы в системе профессионального развития экспертов, при создании так называемых сетей – сообществ практиков (*communities of practice*). При этом под сетью понимается целенаправленно созданная социальная общность, нацеленная на достижение определенных результатов. Сетевое сотрудничество даёт определённые преимущества: уменьшение изолированности, профессиональное развитие через сотрудничество, нахождение совместных решений для схожих проблем, обмен опытом, ускорение обмена знаниями.

Выводы. Критерии независимой оценки качества образовательной деятельности, определённые нормативами, должны быть оценены экспертами и представлены в различных формах (рейтинг, рэнкинг, топ лучших, аналитические материалы) экспертных заключений.

Можно сделать вывод, что для понимания экспертизы необходимо использовать в качестве родового понятия «исследование» и «метод исследования», а не «оценка». Также очевидно, что как только мы переходим на позицию исследования, мы уже имеем дело с ситуациями и явлениями, принципиально неопределёнными. «Необходимость в экспертизе возникает в неясной (с точки зрения существующих знаний и представлений) ситуации. Неясность эта может быть вызвана различными причинами – наличием разных, несводимых точек зрения, отсутствием необходимых данных или знаний, невозможностью просчитать последствия реализации проекта и т. п.» [12]. Экспертиза необходима лишь там, где объект или ситуация не могут быть однозначно определены при помощи существующих норм (нет норм) или в тех случаях, когда существует много разных норм, знаний, точек зрения, позволяющих по-разному трактовать их суть. Следует также обратить внимание на один парадоксальный момент, связанный с экспертизой как исследованием. С позиции исследования никогда не существует ситуаций до конца определённых, несмотря на все имеющиеся авторитетные мнения. Потребность в экспертизе определяет либо заказчик, либо сам эксперт.

Итак, экспертное исследование – это метод, результатом которого выступают суждения специалистов о соответствии/несоответствии исследуемого субъекта/объекта определённым критериям и/или показателям.

Оценка же используется только тогда, когда можно измерить составляющие процесса и его результаты при помощи уже известной меры или эквивалента. Поэтому предметом экспертизы образовательного процесса является процесс деятельности и его изменения как в педагогической области, так и в области управленческой деятельности [2]. По мнению Н. Г. Алексеева, изменился сам объект экспертизы. Вместо оценки продукта деятельности в экспертизу включена вся (практически любая) челове-

ческая деятельность, а не только то, что в ходе деятельности используется или произведено [4].

При экспертизе, прежде всего, следует определять наличие самого процесса изменений (происходит ли изменение содержания образования, осуществляется ли поиск новых способов организации учебного процесса и взаимодействия с учащимися и т. д.). Основное назначение экспертизы в образовании заключается в оказании помощи, в поддержке коллективов образовательных учреждений в осуществлении тех или иных изменений и управлении ими как на этапе формирования замысла (проектирования), так и на этапе его реализации. В последнем случае роль экспертизы заключается в сопровождении процесса реализации замысла. Она призвана ответить на вопросы: «Может ли таким образом организованный по форме и содержанию образовательный процесс привести к намеченным образовательным результатам у обучающихся?», «К каким образовательным результатам может привести так организованный образовательный процесс?»

Таким образом, проведение независимой оценки качества образовательной деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность, требует специальных знаний, подготовку, переподготовку в соответствии с профессиональными стандартами, в первую очередь со

стандартом «Управление в сфере образования», а также международными стандартами, директивами и требованиями. В утверждённых министром образования и науки Российской Федерации Д. В. Ливановым от 22.01.2015 г. № ДЛ-1/05вн «Методических рекомендациях по разработке основных профессиональных программ и дополнительных профессиональных программ с учётом соответствующих профессиональных стандартов» даётся алгоритм разработки дополнительных профессиональных программ, требования к результату освоения программ профессиональной переподготовки, программ повышения квалификации, сопоставление профессиональных задач ФГОС и трудовых функций профессионального стандарта, сопоставление профессиональных компетенций и трудовых функций профессионального стандарта.

В образовательные программы переподготовки кадров для экспертной деятельности, сертификации этой деятельности должны быть включены материалы международных организаций и проектов, занимающихся оценкой качества высшего образования, например, EARL – Европейская организация институциональных исследований, ENQA – Европейская сеть обеспечения качества в высшем образовании, TUNING PROJECT – Проект «Настройка образовательных структур в Европе» и др.

Список литературы

1. Братченко С. Л. Мир экспертизы – попытка определения координат // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности. М.: Смысл, 2006. С. 63–75.
2. Дугарова Д. Ц., Старостина С. Е. Управленческие решения по повышению качества образовательных программ вуза в условиях сопряжения сферы образования и сферы труда // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Профессиональное образование, теория и методика обучения. 2015. № 6. С. 52–61.
3. Иванов Д. А. Экспертиза в образовании. М.: Академия, 2008. 329 с.
4. Лактионова Е. Б. Аналитический обзор основных подходов к психологической экспертизе образовательной среды // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 68. С. 18–31.
5. Лига М. Б., Щеткина И. А. Качество жизни: организационно-управленческий аспект. Новосибирск: Наука, 2011. 227 с.
6. Литвак Б. Г. Экспертные технологии в управлении. М.: Дело, 2004. 400 с.
7. МакКлеелланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007. 672 с.
8. Мильнер Б. З. Управление знаниями: эволюция и революция в организации. М.: Инфра-М, 2003. 176 с.
9. Спенсер Л., Спенсер С. Компетенции на работе. М.: НИППО, 2005. 384 с.

Источники

10. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bse.scilib.com/> (дата обращения: 13.03.2016).
11. Европейский фонд управления качеством (EFQM) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.efqm.org> (дата обращения: 13.03.2016).

12. Попов С.В. Метод экспертизы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gtmarket.ru/laboratory/expertize/3114> (дата обращения: 30.03.2016).
13. EFQM Excellence Model Higher Education Version 2003 (edited by Carol Steed and Mike Pupius) // Centre for Integral Excellence, Sheffield Hallam University, 2003.
14. Ian Miles. Methods in Technology Foresight UNIDO Regional Initiative on Technology Foresight [Электронный ресурс]. Gebze (Turkey), 2007. Режим доступа: http://www.vision.cer.uz/Data/lib/readings/manuals_and_toolkits/DEV_FORESIGHT_METHODS_EN_Nov2007.pdf (дата обращения: 02.03.2016).
15. The EFQM Excellence Model // Public and Voluntary Sector Version. The European Foundation for Quality Management, 2003.

References

1. Bratchenko S. L. Mir jekspertizy – popytka opredelenija koordinat // Jekspertiza v sovremennom mire: ot znaniya k dejatel'nosti. M.: Smysl, 2006. S. 63–75.
2. Dugarova D. C., Starostina S. E. Upravlencheskie reshenija po povysheniju kachestva obrazovatel'nyh programm vuza v uslovijah soprjazhenija sfery obrazovaniya i sfery truda // Uchjonye zapiski ZabGU. Ser. Professional'noe obrazovanie, teorija i metodika obuchenija. 2015. № 6. S. 52–61.
3. Ivanov D. A. Jekspertiza v obrazovanii. M.: Akademija, 2008. 329 s.
4. Laktionova E. B. Analiticheskij obzor osnovnyh podhodov k psihologicheskoj jekspertize obrazovatel'noj sredy // Izv. RGPU im. A. I. Gercena. 2008. № 68. S.18–31.
5. Liga M. B., Shhetkina I. A. Kachestvo zhizni: organizacionno-upravlencheskij aspekt. Novosibirsk: Nauka, 2011. 227 s.
6. Litvak B. G. Jekspertnye tehnologii v upravlenii. M.: Delo, 2004. 400 s.
7. MakKlelland D. Motivacija cheloveka. SPb.: Piter, 2007. 672 s.
8. Mil'ner B. Z. Upravlenie znaniyami: jevoljucija i revoljucija v organizacii. M.: Infra-M, 2003. 176 s.
9. Spenser L., Spenser S. Kompetencii na rabote. M.: HIPPO, 2005. 384 s.

Istochniki

10. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.bse.sci-lib.com/> (data obrashhenija: 13.03.2016).
11. Evropejskij fond upravlenija kachestvom (EFQM) [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.efqm.org> (data obrashhenija: 13.03.2016).
12. Попов С.В. Метод экспертизы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gtmarket.ru/laboratory/expertize/3114> (дата обращения: 30.03.2016).
13. EFQM Excellence Model Higher Education Version 2003 (edited by Carol Steed and Mike Pupius) // Centre for Integral Excellence, Sheffield Hallam University, 2003.
14. Ian Miles. Methods in Technology Foresight UNIDO Regional Initiative on Technology Foresight [Jelektronnyj resurs]. Gebze (Turkey), 2007. Rezhim dostupa: http://www.vision.cer.uz/Data/lib/readings/manuals_and_toolkits/DEV_FORESIGHT_METHODS_EN_Nov2007.pdf (data obrashhenija: 02.03.2016).
15. The EFQM Excellence Model // Public and Voluntary Sector Version. The European Foundation for Quality Management, 2003.

Библиографическое описание статьи

Дугарова Д. Ц., Старостина С. Е., Черепанова Л. В. О подготовке кадров экспертного уровня как факторе обеспечения независимой оценки качества социальных услуг // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 170–179.

Reference to the article

Dugarova D. Ts., Starostina S. E., Cherepanova L. V. Expert Training as a Factor of Independent Assessment of Quality of Social Services // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 170–179.

Статья поступила в редакцию 08.04.2016

УДК 378

DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-180-188

Сергей Анатольевич Иванов,
доктор технических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: rektorat@zabgu.ru

Реализация требований профессиональных стандартов педагогических и управленческих кадров как фактор перехода к эффективному контракту в вузе

Требования к деятельности образовательной организации, определённые государственной политикой Российской Федерации, устанавливают систему требований к персоналу, инструментом выстраивания которой выступает эффективный контракт. Успешность его внедрения зависит от реализации требований профессиональных стандартов, которые введены в соответствии с запросами экономики, построенной на знаниях. Методологической базой перехода к эффективному контракту являются система дескрипторов, определяющая характеристики квалификации, которые составляют основу профессиональных стандартов, а также методы Форсайта, раскрывающие перспективные направления и технологии перехода высшего образования от текущего состояния к стадии развития. Развитие конкуренции на рынке образования, повышение требований к качеству образования со стороны рынка труда предъявляют новые требования к управлению персоналом в образовательной организации в условиях реализации требований профессиональных стандартов, исходя из различия академической, профессиональной, профессионально-педагогической и управленческой квалификации. Профессиональные квалификации, описывающие различные уровни взаимодействия системы профессионального образования с рынком труда, определяют обобщённые требования к человеческим ресурсам, дают ориентир образовательных траекторий подготовки профессиональных кадров.

Ключевые слова: эффективный контракт, профессиональный стандарт, педагог профессионального образования, руководитель образовательной организации

Sergey A. Ivanov,
Doctor of Engineering Science, Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: rektorat@zabgu.ru

Implementation of Requirements of Professional Standards of Pedagogical and Administrative Personnel as the Factor of Transition to the Effective Contract in Higher School

The requirements to the activity of an educational organization determined by a state policy of the Russian Federation define a system of requirements to personnel in which the effective contract is an instrument of its formation. Success of its introduction depends on implementation of professional standards requirements which are defined according to needs of the economy based on knowledge. Methodological base of transition to the effective contract is the system of descriptors defining characteristics of qualification which make a basis of professional standards and also Foresight methods revealing the perspective directions and technologies of higher education transition from current state to a development stage. Development of competition in the education market, increase of requirements to the quality of education from the labor market impose new requirements to human resource management in the educational organization in the conditions of implementation of professional standards' requirements proceeding from distinction of the academic, professional, professional and pedagogical and administrative qualification. The professional qualifications describing various levels of professional education system's interaction with the labor market define the generalized requirements to human resources, give a reference point of educational ways of professional training.

Keywords: effective contract, professional standard, professional education teacher, educational organization manager

Введение. Введение эффективного контракта в область образования продиктовано необходимостью изменений в отраслях социальной сферы, направленных на повышение эффективности образования и науки. В соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [10] Правительству РФ предписано обеспечить увеличение к 2018 г. средней заработной платы научно-педагогического работника образовательной организации высшего образования. Эффективный контракт представляет собой трудовой договор с работником, в котором конкретизированы его должностные обязанности, условия оплаты труда, показатели и критерии эффективности деятельности для назначения стимулирующих выплат в зависимости от результатов труда и качества государственных образовательных услуг, а также меры социальной поддержки.

Вместе с тем инструмент эффективного контракта может быть использован для того, чтобы выстроить единую систему требований к персоналу образовательной организации, вытекающую из требований к самой деятельности образовательной организации, определённой государственной политикой Российской Федерации в области образования, зафиксированной в законах, программах, стандартах, нормативно-правовых внутривузовских документах. В случае, если эффективный контракт будет разрабатываться, исходя из реальных требований к качеству работы образовательной организации, которые будут транслированы в виде требований к должностным обязанностям, к качеству работы и к квалификации конкретных сотрудников, тексты трудовых договоров станут конкретными и нормативно доказуемыми, что облегчит управленческую работу в образовательной организации и будет работать на достижение её целей.

Методологической базой перехода к эффективному контракту являются система дескрипторов, определяющая характеристики квалификации, которые составляют основу профессиональных стандартов, а также методы Форсайта (сценарный подход, экспертная панель, технологическое картирование), раскрывающие перспективные направления и технологии

перехода высшего образования от текущего состояния к стадии развития. Реальные изменения при введении эффективного контракта возможны при готовности педагогических и управленческих кадров работать в контексте новой философии управления образовательными организациями, которая в большинстве стран предусматривает непрерывное образование, согласно концепции «образование в течение всей жизни». Процесс системного регулирования и стандартизации высшего образования в России является важной составляющей интернациональной гармонизации образовательных систем в условиях объективного процесса интеграции на новом качественном уровне всей системы мира хозяйственных связей [4]. Успешность интернациональной гармонизации образовательных систем на уровне отдельных стран и соответственно конкретных университетов зависит от следующего: реализации принятых на международном уровне общего понимания требований к качеству высшего образования и гарантий качества высшего образования, с которыми гармонизируются национальные образовательные стандарты и директивы [5; 6]; а также адаптации внутренних нормативно-правовых документов образовательной организации к критериям и требованиям, определённым стандартами, директивами, установленным как на международном уровне, так и национальном государственном [1; 13].

Проблема исследования вытекает из потребности в объективной реализации требований, заложенных в профессиональных стандартах, в соответствии с запросами экономики и требованиями реформы профессионального образования [2; 9]. Профессиональные квалификации, описывающие различные уровни взаимодействия системы профессионального образования с рынком труда, определяют обобщённые требования к человеческим ресурсам, дают ориентир образовательных траекторий подготовки профессиональных кадров. В свете вышеизложенного **целью статьи** является определение и обоснование механизмов реализации профессиональных стандартов в условиях повышения эффективности образования и науки, определённых Правительством Российской Федерации, согласно дорожной карте перехода к эффективному контракту в вузе.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года была определена стратегическая цель в области образования, направленная на повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина, а задачей, в свою очередь, выступило развитие систем управления качеством образовательных услуг, формирование современной модели взаимодействия учреждения профессионального образования с работодателями. Механизмом решения данной задачи являются профессиональные стандарты, которые направлены на обеспечение согласования требований к квалификациям рынка труда и сферы образования, создание условий для правового регулирования их взаимодействия. Указом Президента Российской Федерации 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» Правительству Российской Федерации поручено подготовить и внести до 01.09.2012 г. в Государственную Думу Федерального собрания РФ проект закона о внесении в законодательство РФ изменений, касающихся разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов; утвердить до 01.12.2012 г. план разработки профессиональных стандартов; разработать и утвердить к 2015 году не менее 800 профессиональных стандартов. В результате был принят Федеральный закон № 236 от 03.12.2012 г. «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статью 1 Федерального закона "О техническом регулировании"», определяющий согласно статье 195.1 следующие понятия: *профессиональный стандарт* – характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определённого вида профессиональной деятельности; *квалификация работника* – уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника. Постановлением Правительства Российской Федерации № 23 от 22.01.2013 г. были приняты Правила разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов.

Профессиональные стандарты координируют систему профессионального образования с рынком труда, являются ин-

струментами описания профессиональных квалификаций, развитие которых предусматривает синхронизацию их с опережающей модернизацией экономики. Структура описания профессиональной деятельности специалиста, учитывающая преемственность разных уровней квалификации, предусматривает сопряжение профессиональных стандартов, требований Национальной рамки квалификаций и Федеральных государственных образовательных стандартов. Это способствует переходу от управления профессиями и специальностями к управлению образовательными программами и квалификациями [8]. Кроме того, профессиональные стандарты дают возможность выделить сертифицируемые характеристики профессиональных квалификаций, в которых заинтересованы работодатели.

В плановой системе экономических отношений существовали устойчивые связи профессиональных образовательных учреждений СПО, НПО с предприятиями и практика доучивания выпускников, где квалификация приобреталась в опыте деятельности. В условиях рыночной экономики доучивание выпускников среднего профессионального образования становится невыгодным, и на работу принимают уже высококвалифицированных работников, а низкие и средние квалификации рынок труда не устраивают. Диверсификация производства, быстрая смена технологий определяют необходимость разработки и внедрения новых профессиональных стандартов, получения новых квалификаций, и нормой жизни в таких условиях становится принцип «обучение в течение всей жизни».

В системе высшего образования в связи с внедрением профессиональных стандартов возникает потребность в различных академических, профессиональных, профессионально-педагогических и управленческих квалификаций. Академические квалификации носят общепрофессиональный характер и не влияют на уровень существенных для профессиональной практики трудовой деятельности умений и компетенций, а также на развитие производства и экономики. Профессиональные квалификации в отличие от академических более значимы для работодателей и описываются в терминах результатов обучения. Показательна в этом контексте мысль С. Бергана: «О качестве (квалификации) часто говорят,

что оно и средство для достижения цели, и цель как таковая. В первом случае речь идёт о том, можно ли с её помощью достичь поставленной цели, во втором – об оправданности самой цели. Если цель обучающей программы заключается в том, чтобы научить носителей французского языка анализу английской литературы XVIII в., то данная программа – средство для достижения цели. В рамках программы студенты научатся правильно анализировать английскую литературу XVIII в. в письменной форме; анализ будет проводиться на французском языке, потому что их знание английского ограничено только навыками чтения. Целесообразность данной программы – это уже другой вопрос. Вряд ли такая программа актуальна на сегодняшний день, если только мы не считаем, что навыки активного говорения и письма не требуются выпускникам программ по английскому языку. Это не надуманный пример. По крайней мере, два поколения назад существовало много университетских программ по иностранным языкам, которые концентрировались исключительно на литературе изучаемого языка. Возможность использовать язык на практике рассматривалась в лучшем случае как случайность, в худшем – как несоответствие теоретическим задачам курса. К счастью, времена меняются и понятие целесообразности тоже» [3].

Требования процедуры признания квалификации должны быть едиными для любого претендента вне зависимости от наличия у него документов об образовании и (или) стажа работы. Такую возможность даёт подход *learning outcomes* («результаты обучения»), активно использующийся сейчас в международной и российской практике. В материалах международной организации CEDEFOP отмечается, что этот подход основан на принципе целесообразности (*fit for purpose*) [17]. «Результаты обучения» – это описание объективных требований трудовой деятельности, которые могут быть освоены в процессе выполнения образовательной программы или в процессе самообразования. Их освоение ведёт к получению определённой квалификации, значимой для рынка труда.

Подведение итогов проверки наличия квалификации предполагает ответ «да» или «нет». Привычное тяготение к традиционной оценочной шкале – пятёркам, четвёр-

кам и тройкам – здесь обесмысливается, поскольку квалификация (готовность к действию) не может быть «второй свежести». Если действия испытуемого не соответствуют установленным нормам в полной мере, то признание у него квалификации невозможно. Факт соответствия предмета оценивания установленным показателям и критериям (а, следовательно, и наличие квалификации) должен определяться любым экспертом объективно и однозначно.

В рамках реализации Постановления Правительства Российской Федерации от 26.12.2013 г. № 1282 Минобрнауки России разработаны и направлены 25.03.2014 г. № АК-6361/02 Методические рекомендации для корректировки планов мероприятий «дорожных карт» повышения качества и эффективности в сфере образования и науки. Корректировка дорожных карт с изменениями в сфере образования и науки осуществлялась с учётом поручений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации в 2013–2014 гг. В корректируемом плане мероприятий определены основные количественные характеристики подведомственной сети образовательных (научных) организаций по годам до 2018 г. Среди направлений деятельности вузов в 2014–2016 гг. определено: 1) обеспечение функционирования независимой оценки качества образовательных организаций в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.03.2013 г. № 286 «О формировании независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги» и Методическими рекомендациями Минобрнауки России (письмо Минобрнауки России от 14.10.2013 г. № АП-1994/02); 2) внедрение системы оценки качества (образования, научной деятельности): участие в рейтингах, процедурах профессионально-общественной аккредитации, участие в конкурсах на получение грантов.

Исследование международного контекста независимой оценки качества образования как продукта и услуги в условиях изменений в сфере высшего образования, соотнесённых с переходом к эффективному контракту в вузе, предусматривает изучение и внедрение опыта, накопленного в международной практике использования таких методов, как оценка, аудит, аккредитация, ранжирование [7; 17]. В Забайкаль-

ском государственном университете оценка качества образования осуществлялась при сертификации СМК вуза в соответствии с требованиями стандарта ISO 9001:2008. При участии в конкурсе Министерства образования и науки «Система качества подготовки выпускников образовательных учреждений профессионального образования» проводился внешний аудит сильных и слабых сторон деятельности вуза в соответствии с требованиями Модели Европейского фонда управления качеством (EFQM) [15], Европейской сети обеспечения качества в высшем образовании (ENQA) [15]. Аккредитация как метод независимой оценки качества образования применялась в ЗабГУ при общественной аккредитации вуза и профессионально-общественной аккредитации образовательных программ. Согласно требованиям Европейской ассоциации обеспечения качества в высшем образовании профессионально-общественная аккредитация является инструментом признания или непризнания соответствия качества и уровня подготовки выпускников организации по образовательной программе запросам потребителей или образовательной деятельности самого учреждения необходимым международным требованиям и стандартам.

Профессионально-общественная аккредитация определяет не только порядок взаимодействия вуза с работодателями и содержание профессиональных образовательных программ, но и ставит акцент на ответственности научно-педагогических работников за реализацию образовательной программы.

Независимую оценку качества образования в АККОРК прошли образовательные программы ЗабГУ: «Социология», «Дизайн», «Сервис», «Инфокоммуникационные технологии и системы связи», «Педагогическое образование» (профиль «Географическое образование»), «Горное дело». Аккредитацию на соответствие утверждённым отраслевым профессиональным стандартам в Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» в 2012 году прошли программы по юриспруденции (бакалавриат, специалитет, магистратура).

Критерии АИОР предусматривают единый подход к профессионально-общественной аккредитации образовательных

программ различных уровней, что стимулирует согласованность и преемственность образовательных программ для создания в России единого пространства инженерно-технического образования, соответствующего мировой практике.

Профессионально-общественную аккредитацию в Ассоциации инженерного образования России прошли образовательные программы ЗабГУ по подготовке специалистов «Горное дело», «Строительство уникальных зданий и сооружений» и получили «Европейский знак качества» Европейской сети по аккредитации в области инженерного образования ENAEE.

Ввиду того, что АИОР является членом авторитетных международных организаций по аккредитации инженерных образовательных программ International Engineering Alliance и ENAEE, аккредитация образовательных программ, осуществляемая АИОР, считается международной и признаётся во всех странах-подписантах данных соглашений (<http://www.ieagrements.org>, <http://www.enaee.eu>). Выпускники образовательных программ, аккредитованных по критериям, соответствующим международным стандартам, имеют в перспективе возможность пройти процедуру регистрации в международных регистрах International Engineering Technicians Register (выпускники с квалификацией «техник»), International Engineering Technologists Register (выпускники с квалификацией «прикладной бакалавр»), APES Engineer Register и International Professional Engineers Register (выпускники с квалификацией «бакалавр/специалист»).

Профессионально-общественная аккредитация уполномоченными организациями способствует, во-первых, снятию рисков отставания вузов от международных требований к качеству высшего образования; во-вторых, обеспечивает совершенствование структуры образовательных программ; в-третьих, способствует развитию кадрового потенциала высшего образования. Подготовка к аккредитации по международным стандартам и правилам и её информационное сопровождение, а также продолжительный опыт внутреннего самообследования являются мощным стимулом для развития всех участников образовательного процесса.

Ранжирование (рейтингование) является элементом независимой оценки, в ходе

которого сравниваются результаты по предметам, программам, учебным заведениям. Для выявления своих сильных и слабых позиций Забайкальский государственный университет прошёл независимую оценку, добровольно приняв участие в апробации модельной методологии ранжирования российских вузов, проводимой Национальным фондом подготовки кадров.

В апробации *модельной методологии рейтингования российских вузов* участвовали 103 российских университета (1 – ведущий университет, 8 – федеральных, 29 – национальных исследовательских и 31 университет, программы стратегического развития которых были поддержаны МОН РФ, а также 35 других российских вузов). По результатам мониторинга для ЗабГУ (среди 35 других российских вузов) был сформирован профайл с результатами 6 типов ранжирований, в котором представлено краткое описание полученных распределений, отмечены сильные и слабые стороны вуза в соответствии с полученными результатами по каждому из 6 направлений ранжирования и краткий вывод о конкурентных преимуществах учебного заведения внутри своей категории.

В общей выборке Забайкальский государственный университет согласно профайлу университета занимал средние позиции по таким направлениям деятельности, как «Трансфер знаний» и «Научно-исследовательская деятельность». Эти позиции обеспечиваются средними значениями индикаторов как в общем ранжировании 103 вузов, так и в ранжировании 35 вузов группы «Другие», таких как: «Доля доходов из внебюджетных источников»; «Доля студентов очной формы обучения, участвовавших в НИР»; «Доля ППС с учёной степенью кандидата и доктора наук». По направлению «Взаимодействие с регионом» указывалось, что у вуза высокое значение показателя «Процент выпускников, работающих в регионе» как в ранжировании 103 вузов, так и в ранжировании группы университетов «Другие». Для повышения своих позиций по этому направлению деятельности университету рекомендовалось расширять партнёрство с региональными организациями. В дальнейшем при планировании мероприятий по развитию ЗабГУ университетом учитывались свои позиции профайла по направлениям «Обучение

и преподавание» и «Международная деятельность». Изменения в сфере высшего образования, направленные на повышение эффективности и качества услуг в сфере образования, соотнесённые с этапами перехода к эффективному контракту, определённые Распоряжением Правительства Российской Федерации № 2620-р от 30.12.2012 г., включают в себя реализацию программ стратегического развития образовательных организаций высшего образования.

Стратегические направления повышения качества образования в ЗабГУ предусматривали отбор актуальных перспективных направлений деятельности вуза на основе сотрудничества с ведущими экспертами страны в сфере высшего образования в процессе разработки и реализации экспортно-аналитических проектов в вузе.

В процессе стратегического сценарирования на основе методологии Форсайта [11; 14] оцениваются возможные пути развития отдельных направлений повышения качества образования в вузе. Сценарии предлагались экспертами по принципу «снизу вверх» или «сверху вниз» и базировались на анализе будущих альтернативных траекторий повышения качества образования в вузе. Сценарный анализ по повышению качества образования имел целью построение нормативных внедрений по широкому спектру тем, касающихся как фундаментальных и прикладных исследований, так и технологий управления образовательным процессом и персоналом, развитием материально-технической базы и инфраструктуры вуза.

Сессия стратегического сценарирования совместно с Агентством по общественному контролю качества образования и развитию карьеры (АККОРК) рассматривали «Условия долгосрочного партнёрства ЗабГУ и корпораций в формировании горного и энергетического образовательного кластера» и перспективы профессионально-общественной аккредитации образовательных программ с участием АНО «Институт опережающих исследований им. Е. Л. Шифферса».

Реализация стратегических направлений повышения качества образования предусматривает применение в данном эмпирическом исследовании методов Форсайта (разработка сценариев, технологические дорожные карты, библиометрический ана-

лиз), которые направлены на приращение социально-экономических благ. Разработка сценариев предполагала создание сценариев развития профессиональной подготовки кадров для тех или иных технологических областей, базирующихся на анализе будущих возможностей и альтернативных траекторий их развития в условиях кластерного взаимодействия.

Экспертные панели, применяемые Национальным фондом подготовки кадров, считаются базовым методом форсайт-методологии и обеспечивают информационную открытость процесса Форсайта для субъектов образовательного процесса. Основным преимуществом этого метода является взаимодействие между представителями различных научных дисциплин и областей деятельности, трудно организуемое в иных условиях. В ЗабГУ при независимой оценке качества образования привлекались независимые эксперты как отечественных ассоциаций и агентств, так и представители международных европейских агентств по оценке качества на основе мультистандартного подхода.

Технологическая дорожная карта как метод Форсайта предполагала очерчивание круга проблем и участников форсайт-проекта. Дорожная карта иллюстрирует этапы перехода от текущего состояния к стадиям развития. Основное применение метода в данном исследовании заключа-

ется в определении главных элементов развития качества высшего образования, которые из рецессивных способны превратиться в доминантные.

Необходимость согласованного видения долгосрочных целей вуза, сценарирование стратегических направлений повышения качества образования опирались на дорожную карту «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки», утверждённую Правительством РФ от 30.12.2012 г. № 2620-р.

В связи с утверждением профессионального стандарта «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 08.09.2015 г. № 608н в Забайкальском государственном университете разрабатывается план мероприятий по реализации данного стандарта, определяющего характеристику квалификации, необходимый уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы педагогов профессионального образования. Рассматривается проведение на этой основе аттестации научно-педагогических работников, определяющей показатель повышения эффективности и качества услуг, результата деятельности вуза, соотносённого с этапом перехода к эффективному контракту.

Список литературы

1. Дугарова Д. Ц., Старостина С. Е. Управленческие решения по повышению качества образовательных программ вуза в условиях сопряжения сферы образования и сферы труда // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Профессиональное образование. 2015. № 6. С. 52–60.
2. Похолоков Ю. П., Пушных В. А., Герасимов С. И. Аккредитация образовательных программ – основа качества инженерного образования // Качество образования. 2011. № 7–8. С. 60–63.
3. Bergan S. Qualifications – Introduction to a concept. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2007. 274 p.
4. Higher education outcomes assessment for the twenty-first century / ed. by Peter Hernon, Robert E. Dugan, Candy Schwartz. Libraries Unlimited (an Imprint of ABC-CLIO, LLC), 2013. 257 p.
5. Higher education policy. An international comparative perspective / ed. by L. Goedegebuure, F. Kaiser, P. Maassen, L. Meek, F. van Vught, E. de Weert // Pergamon Press. 2013. 362 p.
6. The concept of Excellence in higher education / M. Brusoni, R. Damian, J. Griffol Sauri, S. Jackson, H. Komurcugil, M. Malmedy, O. Matveeva, G. Motova, S. Pizarz, P. Pol, A. Rostlund, E. Soboleva, O. Tavares, L. Zobel // ENQA occasional paper. Brussels, 2014. 46 p.
7. Zou Y. Quality of higher education: organizational and educational perspectives. A study in the Chinese context. River Publishers, 2013. 182 p.

Источники

8. Ассоциация юристов России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alf.ru/blog/html5-blank/blazheev-viktor-vladimirovich> (дата обращения: 15.02.2016).
9. Национальный центр профессионально-общественной аккредитации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ncpa.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=412&lang=ru (дата обращения: 25.03.2016).

10. Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.base.garant.ru/70170950/#help> (дата обращения: 23.03.2016).
11. Ian Miles. Methods in Technology Foresight UNIDO Regional Initiative on Technology Foresight [Электронный ресурс]. Gebze (Turkey), 2007. Режим доступа: http://www.vision.cer.uz/Data/lib/readings/manuals_and_toolkits/DEV_FORESIGHT_METHODS_EN_Nov2007.pdf (дата обращения: 02.04.2016).
12. Method for the Improvement of the Quality of Higher Education in Accordance with the EFQM Model [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.enqa.eu> (дата обращения: 23.03.2016).
13. Motova G., Pykko R. Russian Higher Education and European Standards of Quality Assurance European [Электронный ресурс] // Journal of Education. 2012. Vol. 47. P. 25–36. Режим доступа: <http://www.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1465-3435.2011.01505.x/pdf> (дата обращения: 15.03.2016).
14. Saritas O. Systemic Foresight Methodology [Электронный ресурс] // Forth International Seville Conference on Future-Oriented Technology Analysis. Режим доступа: <http://www.foresight.jrc.ec.europa.eu/fta> (дата обращения: 19.03.2016).
15. The role of the European Association for Quality Assurance in Higher Education ENQA latest developme – PowerPoint PPT [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.translate.yandex.ru/?text> (дата обращения: 25.03.2016).
16. The shift to learning outcomes. Policies and practices in Europe. Cedefop Reference series [Электронный ресурс]. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2009. 170 p. Режим доступа: http://www.cedefop.europa.eu/EN/Files/3054_en.pdf (дата обращения: 25.03.2016).
17. Trends Shaping Education. Centre for Educational Research and Innovation. 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.oecd-ilibrary.org/education/trends-shaping-education-2016_trends_edu-2016-en (дата обращения: 09.02.2016).

References

1. Dugarova D. C., Starostina S. E. Upravlencheskie reshenija po povysheniju kachestva obrazovatel'nyh programm vuza v uslovijah soprzazhenija sfery obrazovanija i sfery truda // Uchenye zapiski ZabGU. Ser. Professional'noe obrazovanie. 2015. № 6. S. 52–60.
2. Poholkov Ju. P., Pushnyh V. A., Gerasimov S. I. Akkreditacija obrazovatel'nyh programm – osnova kachestva inzhenerenogo obrazovanija // Kachestvo obrazovanija. 2011. № 7–8. S. 60–63.
3. Bergan S. Qualifications – Introduction to a concept. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2007. 274 p.
4. Higher education outcomes assessment for the twenty-first century / ed. by Peter Hernon, Robert E. Dugan, Candy Schwartz. Libraries Unlimited (an Imprint of ABC-CLIO, LLC), 2013. 257 p.
5. Higher education policy. An international comparative perspective / ed. by L. Goedegebuure, F. Kaiser, P. Maassen, L. Meek, F. van Vught, E. de Weert // Pergamon Press. 2013. 362 p.
6. The concept of Excellence in higher education / M. Brusoni, R. Damian, J. Griffol Sauri, S. Jackson, H. Komurcugil, M. Malmedy, O. Matveeva, G. Motova, S. Piszcz, P. Pol, A. Rostlund, E. Soboleva, O. Tavares, L. Zobel // ENQA occasional paper. Brussels, 2014. 46 p.
7. Zou Y. Quality of higher education: organizational and educational perspectives. A study in the Chinese context. River Publishers, 2013. 182 p.

Istochniki

8. Associacija juristov Rossii [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.alf.ru/blog/html5-blank/blazheev-viktor-vladimirovich> (data obrashhenija: 15.02.2016).
9. Nacional'nyj centr professional'no-obshhestvennoj akkreditacii [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.ncpa.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=412&lang=ru (data obrashhenija: 25.03.2016).
10. Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.base.garant.ru/70170950/#help> (data obrashhenija: 23.03.2016).
11. Ian Miles. Methods in Technology Foresight UNIDO Regional Initiative on Technology Foresight [Jelektronnyj resurs]. Gebze (Turkey), 2007. Rezhim dostupa: http://www.vision.cer.uz/Data/lib/readings/manuals_and_toolkits/DEV_FORESIGHT_METHODS_EN_Nov2007.pdf (data obrashhenija: 02.04.2016).
12. Method for the Improvement of the Quality of Higher Education in Accordance with the EFQM Model [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.enqa.eu> (data obrashhenija: 23.03.2016).
13. Motova G., Pykko R. Russian Higher Education and European Standards of Quality Assurance European [Jelektronnyj resurs] // Journal of Education. 2012. Vol. 47. P. 25–36. Rezhim dostupa: <http://www.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1465-3435.2011.01505.x/pdf> (data obrashhenija: 15.03.2016).

14. Saritas O. Systemic Foresight Methodology [Jelektronnyj resurs] // Forth International Seville Conference on Future-Oriented Technology Analysis. Rezhim dostupa: <http://www.foresight.jrc.ec.europa.eu/fta> (data obrashhenija: 19.03.2016).

15. The role of the European Association for Quality Assurance in Higher Education ENQA latest developme – PowerPoint PPT [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.translate.yandex.ru/?text> (data obrashhenija: 25.03.2016).

16. The shift to learning outcomes. Policies and practices in Europe. Cedefop Reference series [Jelektronnyj resurs]. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2009. 170 p. Rezhim dostupa: http://www.cedefop.europa.eu/EN/Files/3054_en.pdf (data obrashhenija: 25.03.2016).

17. Trends Shaping Education. Centre for Educational Research and Innovation. 2016 [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.oecd-ilibrary.org/education/trends-shaping-education-2016_trends_edu-2016-en (data obrashhenija: 09.02.2016).

Библиографическое описание статьи

Иванов С. А. Реализация требований профессиональных стандартов педагогических и управленческих кадров как фактор перехода к эффективному контракту в вузе // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 180–188. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-180-188.

Reference to the article

Ivanov S. A. Implementation of Requirements of Professional Standards of Pedagogical and Administrative Personnel as the Factor of Transition to the Effective Contract in Higher School // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 180–188. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-180-188.

Статья поступила в редакцию 14.04.2016

Илона Валерьевна Романова¹,
доктор социологических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: il.romanova2010@yandex.ru

Анатолий Викторович Бабелло²,
аспирант,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: kolcyugachita@mail.ru

Статистическое сопоставление показателей бюджета времени студентов различных вузов

Показано, что распределение бюджета времени представителями различных социальных групп населения является важнейшим показателем условий их жизнедеятельности, способов её организации, т. е. тех факторов, которые описываются понятием «образ жизни». Особую актуальность этот фактор приобретает для студенческой молодёжи, т. к. эта социальная группа в силу своих возрастных и других особенностей ещё не наработала способов рационализации бюджета времени. Предпринята попытка статистического анализа структуры бюджета времени (основной задачи статистики бюджета времени населения) студентов высших учебных заведений. Эта задача решается посредством формирования различного рода группировок и расчёта известных статистических показателей: среднего линейного и среднеквадратичного структурных различий. Обоснована эффективность использования интегрального коэффициента структурных различий А. Салаи для выявления различий в бюджете времени студентов различных вузов и курсов обучения. В качестве информационной основы использованы результаты социологических исследований, проведённые со студентами Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ), Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ГУ-ВШЭ), Забайкальского государственного университета и Технического института, филиала ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет». Статистическое сопоставление показателей бюджета времени студентов различных вузов проведено по укрупнённым статьям бюджета: «учёба» (включая временные затраты на самостоятельную работу), «досуг» (без деления его на различные виды), «работа» (суммарно в недельном бюджете), «дорога к месту учёбы и обратно», «сон». Выявлены достаточно ощутимые различия в бюджетах времени студентов центральных и периферийных вузов. Они обусловлены определяющим вкладом статей «работа» (студенты ЗабГУ значительно больше работают) и «дорога» (здесь ситуация обратная). Выявление различий в бюджетах времени у студентов 3-х и 5-х курсов у трёх вузов не показало существенных различий – все они укладываются в градацию «малые».

Ключевые слова: бюджет времени, социальная группа, интегральный коэффициент структурных различий А. Салаи

¹ И. В. Романова разработала концепцию построения статьи, предложила и обосновала эффективность использования интегрального коэффициента структурных различий А. Салаи для выявления различий в бюджете времени студентов различных вузов и курсов обучения.

² А. В. Бабелло сформировал информационную основу исследования, сделал статистическое сопоставление показателей бюджета времени студентов различных вузов по укрупнённым статьям бюджета: «учёба», «досуг», «работа», «дорога к месту учёбы и обратно», «сон». Сформулировал выводы эмпирического исследования.

Ilona V. Romanova¹,
Doctor of Sociology, Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: il.romanova2010@yandex.ru

Anatoly V. Babello²,
Postgraduate Student,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: kolcyugachita@mail.ru

Statistical Comparison of Time Budget of Students from Various Universities

It is shown that the distribution of time budget of the representatives of various social groups is an important indicator of their life conditions; the ways of its organization, i. e. the factors which are described by the concept "lifestyle". This factor acquires a particular urgency for student youth as this social group has not gained yet the ways of the time budget rationalization because of its age and other features. An attempt of statistical analysis of students' budget structure of time (the main task of the statistics of the time budget of population) is made. This problem is solved by forming various kinds of groups and calculation of the known statistical indexes: average and standard linear structural differences. The efficiency of the integral coefficient of structural differences of A. Szalai to detect differences in the time budget of students of different universities and courses of study is proved. As the information base the results of sociological researches, conducted with the students of the Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM), the National Research University "Higher School of Economics" (HSE), Transbaikal State University and Technical Institute, affiliate of the FSAEI VPO "North – Eastern Federal University" are used. Statistical comparison of the time budget of students from various universities is conducted on the integrated budget items: education (including the time spent on independent work), leisure (without dividing it into different kinds), work (total in the weekly budget), the way to and from schools and sleep. Quite noticeable differences in the students' time budgets of the central and peripheral universities are revealed. They are proved by the contribution of the articles "work" (the students of Transbaikal State University work much more) and "way" (here the situation is reversed). The identifying of differences in the budgets of time of the 3rd and 5th – year students has not showed any significant difference in three high schools. All of them fit into a gradation "small".

Keywords: budget of time, social group, integrated coefficient of structural differences of A. Szalai

Распределение бюджета времени представителями различных социальных групп населения является важнейшим показателем условий их жизнедеятельности, способов её организации, т. е. тех факторов, которые описываются понятием «образ жизни» [2]. Особую актуальность этот фактор приобретает для студенческой молодёжи, т. к. эта социальная группа в силу своих возрастных и других особенностей ещё не наработала способов рационализации бюджета времени [1].

Рациональное распределение суточного и недельного бюджетов времени по-

зволяет студентам оптимизировать свои физические и интеллектуальные ресурсы и сохранить высокую работоспособность в процессе всего обучения в вузе [4].

Существуют качественные, количественные и статистические методы изучения бюджета времени, позволяющие получить представление о его распределении, эффективности использования, имеющихся резервах и наметить пути повышения его рационализации [7; 8].

Нами предпринята попытка статистического анализа структуры бюджета времени (основной задачи статистики бюджета време-

¹ I. V. Romanova has developed the concept of article, formation, substantiated offered and efficiency of the use of Szalai's integral factor of structural differences A. Szalai's to detect differences in the time budget-time students of universities and private training courses.

² A. V. Babello has formed the basis of the information research, carried out a statistical comparison between the time of the budget performance of students from various universities held on the integrated budget lines: learning, leisure, work, the road to the place of study and back to sleep. He formulates conclusions of empirical research.

ни населения) студентов высших учебных заведений. Эта задача решается посредством формирования различного рода группировок и расчёта известных статистических показателей: среднего линейного и среднеквадратичного структурных различий.

Универсальным и распространённым показателем, обобщающим вариации в структуре бюджета времени, является интегральный коэффициент структурных различий А. Салаи [9; 10]:

$$K_c = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n \left(\frac{d_{i1} - d_{i0}}{d_{i1} + d_{i0}} \right)^2}{n}} \quad 0 < K_c < 1,$$

где d_{i1} и d_{i0} – затраты времени на i -й элемент затрат в 1-й и 2-й сравниваемых группах; n – число элементов затрат времени.

В работе использовался сопоставительный метод в двух срезах:

- 1) центральные вузы и периферийные;
- 2) студенты 3-х и 5-х курсов.

В качестве информационной основы воспользовались результатами социологических исследований (таблица), проведённых со студентами двух центральных вузов России – Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ) [5] и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ГУ-ВШЭ) [3] и двух периферийных – Забайкальского государственного университета (ЗабГУ) (наши исследования) и Технического института, филиала ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет» (СВФУ) [6].

Таблица

Структура недельного бюджета времени студентов различных вузов
(из расчёта шестидневной учебной недели), час

Вид занятий	Вузы							
	Новосибирский государственный университет экономики и управления (НГУЭУ)		Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ГУ-ВШЭ)		Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)		Технический институт, филиал ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет» (СВФУ)	
	курс обучения							
	3	5	3	5	3	5	3	5
Учеба	44,6	30,7	40,4	26,9	35,4	30,2	41,6	33,7
Досуг	28,8	42,2	16,9	18,2	30,8	27,2	23,2	25,9
Работа	0	5,3	7,8	12,4	8,5	18,9	9,0	15,8
Дорога	12,8	10,5	9,8	7,7	4,1	3,6	3,1	3,0
Сон	47,0	42,3	48,0	45,0	49,6	44,8	51,1	48,7
Прочее	7,8	8,0	18,1	28,8	12,6	14,3	13,0	11,9
Всего	144	144	144	144	144	144	144	144

Статистическое сопоставление показателей бюджета времени студентов различных вузов проведено по укрупнённым статьям бюджета: «учёба» (включая временные затраты на самостоятельную работу), «досуг» (без деления его на различные виды), «работа» (суммарно в недельном бюджете), «дорога к месту учёбы и обратно», «сон». Мы намеренно исключили из анализа статью «прочие затраты», т. к. на данном этапе исследования эта статья бюджета специально не изучалась.

Как уже отмечено, коэффициент структурных различий (K_c) двух сравниваемых групп студентов (в нашем исследовании –

курсов, институтов) может изменяться в пределах 0...1. Условно весь этот диапазон мы разделили на три градации: «малые различия» (0...0,2), «средние различия» (0,2...0,5) и «существенные различия» ($K_c > 0,5$).

До проведения исследования мы предполагали, что существенные различия в распределении бюджета времени студентов должны выявиться при сопоставлении бюджета студентов столичного вуза и других, участвующих в исследовании. Мы полагали, что урбанистические отличия, отличия в темпе жизни столичных студентов заметно проявятся в распределении их

бюджета времени. Однако расчёты коэффициента структурных различий (K_c) выявили (рис. 1), что различия укладываются в категорию «средние». Анализ расчётных данных показал, что единственная статья бюджета «дорога до места учёбы и обратно» определяющая влияет на коэффициент структурных различий и переводит различия во всём бюджете из категории «малые» в категорию «средние».

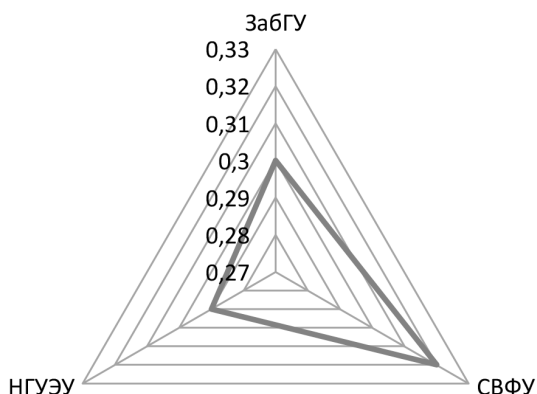

Рис. 1. Сопоставление коэффициента структурных различий (K_c) бюджетов времени студентов НГУЭУ, СВФУ, ЗабГУ относительно бюджета времени студентов ГУ-ВШЭ

Следующим этапом наших исследований стало выявление степени различий бюджетов времени студентов ГУ-ВШЭ, НГУЭУ, СВФУ относительно бюджета времени студентов ЗабГУ. Иллюстрирует это различие диаграмма, приведённая на рис. 2.

Диаграмма отчётливо показывает, что различия в бюджетах времени студентов центральных и периферийных вузов достаточно ощутимые, хотя по нашей градации они укладываются в категорию «средние». Заметное приближение этих различий в бюджете студентов ЗабГУ и НГУЭУ к категории «существенные» обусловлено определяющим вкладом статей «работа» (студенты ЗабГУ значительно больше работают) и «дорога» (здесь ситуация обратная). По сравнению с ГУ-ВШЭ забайкальские студенты значительно меньше тратят времени на дорогу.

Выявление различий в бюджетах времени у студентов 3-х и 5-х курсов у трёх вузов не показало существенных различий – все они укладываются в градацию «малые»: K_c ГУ-ВШЭ равен 0,17; ЗабГУ – 0,18; СВФУ – 0,13 и только у студентов НГУЭУ этот коэффициент оказался равным

0,66, что связывается с отсутствием затрат времени на работу (вторичную занятость) у студентов 3-го курса. Возможно, это объясняется запретом совмещать учёбу и работу на младших курсах НГУЭУ.

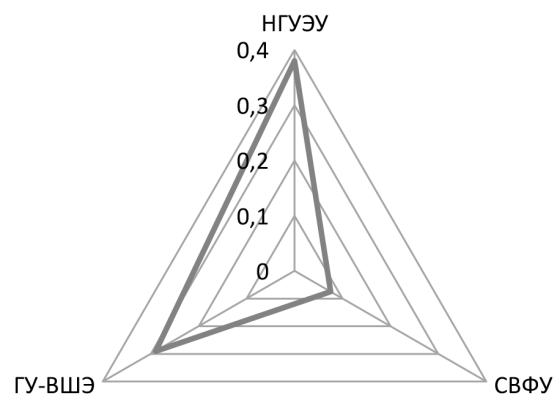

Рис. 2. Сопоставление коэффициента структурных различий (K_c) бюджетов времени студентов ГУ-ВШЭ, НГУЭУ, СВФУ относительно бюджета времени студентов ЗабГУ

Сопоставление коэффициента структурных различий (K_c) бюджета времени студентов двух восточных вузов страны – Забайкальского государственного университета и Технического института, филиала «Северо-Восточного федерального университета» показало, что они укладываются в категорию «малые» ($K_c = 0,075$), причём это наблюдается и относительно курсовых различий – K_c бюджета времени студентов 3-х курсов этих вузов оказался равным 0,1; этот же коэффициент для студентов 5-х курсов – 0,12. Минимальные различия установлены только в статьях «досуг» (у студентов 3-го курса ЗабГУ на досуг ежедневно отводится на 1 ч больше). Этот час у студентов СВФУ тратится на учёбу. Студенты 5-го курса СВФУ в среднем ежедневно на 0,5 ч меньше тратят на работу, перераспределяя это время на сон. Однако в целом различия бюджетов времени студентов этих вузов минимальны и укладываются в градацию «малые».

Предпринятая попытка количественно оценить курсовые различия в бюджете времени студентов двух групп вузов – центральной (ГУ-ВШЭ и НГУЭУ) и периферийной (ЗабГУ и СВФУ) показала, что они укладываются в градацию «средние», соответственно K_c у студентов третьих курсов равен 0,292, у студентов пятых курсов – 0,36. Анализ постатейных различий бюджета показал, что наибольший вклад в разли-

чия бюджета времени студентов 3-х курсов вносят статьи «работа» и «дорога», причём последняя вносит основной вклад.

Таким образом, ощутимые различия в бюджеты времени студентов сравниваемых вузов страны в основном вносят статьи «работа» и «дорога». Вклад этих статей в структуру бюджета времени студентов двух групп вузов – центральной (ГУ-ВШЭ и НГУЭУ) и периферийной (ЗабГУ и СВФУ) различен. Студенты периферийных вузов вынуждены более интенсивно совмещать учёбу и работу, в то время как студенты центральной группы вузов значительную часть суточного бюджета тратят на дорогу к месту учёбы и обратно.

Этот вывод убедительно иллюстрируется диаграммой на рис. 3, на которой коэффициент структурных различий (K_c) бюджета времени рассчитан без учёта статей «работа» и «дорога». Все различия бюджета незначительны – коэффициент структурных различий каждой пары вузов не превышает 0,1 и укладывается в градацию «малые».

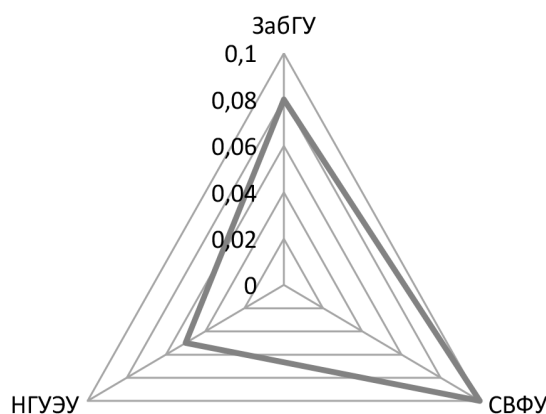

Рис. 3. Сопоставление коэффициента структурных различий (K_c) бюджетов времени студентов НГУЭУ, СВФУ, ЗабГУ относительно бюджета времени студентов ГУ-ВШЭ без учёта статей бюджета «работа» и «дорога»

Основной вывод, который следует из сопоставительного анализа бюджетов времени студентов всех четырёх вузов страны говорит о несущественных различиях бюджета по статьям «учёба», «досуг» и «сон».

Список литературы

1. Большакова О. А. Современные проблемы повседневной деятельности и использования бюджета времени студенческой молодёжи: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. М., 2006. 24 с.
2. Горлова О. Е. Методические подходы к изучению образа жизни российских и иностранных студентов [Электронный ресурс] // Вестн. РУДН. Сер. Медицина. 2000. № 2. Режим доступа: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-podhody-k-izucheniyu-obraza-zhizni-rossiyskih-i-inostrannyh-studentov> (дата обращения: 05.12.2015).
3. Досуговая деятельность студенчества [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.works.tarefer.ru/74/100542/index.html#_ftn1 (дата обращения: 01.12.2015).
4. Зборовский Г. Е. Подходы к определению задач социологии образования // Актуальные проблемы образования: сб. науч. тр. / науч. ред. Д. Л. Константиновский, Г. А. Чередниченко. М.: Реглант, 2003. С. 11–12.
5. Казакова К. И. Изучение бюджета времени студентов // Современные наукоёмкие технологии. 2014. № 7. С. 40–41.
6. Кондратьева Н. С., Прокопенко Л. А. Особенности бюджета времени и формы досуга студентов технического вуза // Успехи современного естествознания. 2013. № 10. С. 199–201.
7. Филякова А. С., Белая Н. В. Проблема отношения студентов ко времени как к ценному ресурсу // Ползуновский Альманах. 2011. № 4. С. 303–306.
8. Форсайт П. Делу – время: как правильно распоряжаться своим временем / пер. с англ. З. Я. Красневской. 2-е изд. М.: Амалфея, 2004. 187 с.
9. Эконометрика / И. И. Елисеева, С. В. Курышева, Т. В. Костеева [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2007. 576 с.
10. Экономическая статистика: учебник / под ред. Ю. Н. Иванова. М.: Инфра-М, 2009. 480 с.

References

1. Bol'shakova O. A. Sovremennye problemy povsednevnoj dejatel'nosti i ispol'zovanija bjudzheta vremeni studencheskoj molodjozhi: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk: 22.00.04. M., 2006. 24 s.
2. Gorlova O. E. Metodicheskie podhody k izucheniju obraza zhizni rossijskih i inostrannyh studentov [Jelektronnyj resurs] // Vestn. RUDN. Ser. Medicina. 2000. № 2. Rezhim dostupa: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-podhody-k-izucheniyu-obraza-zhizni-rossiyskih-i-inostrannyh-studentov> (data obrashhenija: 05.12.2015).

3. Dosugovaja dejatel'nost' studenchestva [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.works.tarefer.ru/74/100542/index.html#_ftn1 (data obrashhenija: 01.12.2015).
4. Zborovskij G. E. Podhody k opredeleniju zadach sociologii obrazovanija // Aktual'nye problemy obrazovanija: sb. nauch. tr. / nauch. red. D. L. Konstantinovskij, G. A. Cherednichenko. M.: Reglant, 2003. S. 11–12.
5. Kazakova K. I. Izuchenie bjudzheta vremeni studentov // Sovremennye naukojomye tehnologii. 2014. № 7. S. 40–41.
6. Kondrat'eva N. S., Prokopenko L. A. Osobennosti bjudzheta vremeni i formy dosuga studentov tehničeskogo vuza // Uspehi sovremennogo estestvoznanija. 2013. № 10. S. 199–201.
7. Filjakova A. S., Belaja N. V. Problema otnošenija studentov ko vremeni kak k cennomu resursu // Polzunovskij Al'manah. 2011. № 4. S. 303–306.
8. Forsajt P. Delu – vremja: kak pravil'no rasporyzhat'sja svoim vremenem / per. s angl. Z. Ja. Kra-snevskoj. 2-e izd. M.: Amalfeja, 2004. 187 s.
9. Jekonometrika / I. I. Eliseeva, S. V. Kurysheva, T. V. Kosteeva [i dr.]. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Finansy i statistika, 2007. 576 s.
10. Jekonomičeskaja statistika: uchebnik / pod red. Ju. N. Ivanova. M.: Infra-M, 2009. 480 s.

Библиографическое описание статьи

Романова И. В., Бабелло А. В. Статистическое сопоставление показателей бюджета времени студентов различных вузов // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 189–194.

Reference to the article

Romanova I. V., Babello A. V. Statistical Comparison of Time Budget of Students from Various Universities // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 189–194.

Статья поступила в редакцию 15.12.2015

УДК: 316. 647.5

Анастасия Алексеевна Семёнова¹,
кандидат социологических наук,
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
(192281, Россия, г. Санкт-Петербург, Дунайский пр-т, 33),
e-mail: Semyonovaa@mail.ru

Валерий Григорьевич Зарубин²,
доктор социологических наук, профессор,
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
(192281, Россия, г. Санкт-Петербург, Дунайский пр-т, 33),
e-mail: Vg_zarubin@mail.ru

К вопросу о формировании гражданской идентичности и толерантности современной студенческой молодёжи: социологический аспект

В статье рассматриваются категории «толерантность», «гражданская идентичность». Авторы раскрывают социологический смысл данных понятий и анализируют особенности их формирования у российской студенческой молодёжи. Конструирование гражданской идентичности с учётом поля толерантности означает, что разные сферы рассматриваемых феноменов включаются в процессе самоидентификации индивида. С одной стороны, идентичность и толерантность противоположны, в их основе лежат разные процессы, но без толерантности невозможно решить проблемы, связанные с сосуществованием различных групп как носителей религий, культур в рамках современного общества. Именно соединение политики идентичности и толерантности в рамках молодёжной среды позволит согласовать идеи социальной солидарности. Авторы приходят к следующим выводам: феномен толерантности носит междисциплинарный характер; поликультурная среда представляет собой сферу взаимодействия множества культур, взглядов, мнений, взаимное влияние их друг на друга; студенческая толерантность означает корректное этическое взаимодействие между студентами и другими участниками учебного или внеучебного процесса в рамках поликультурной среды вуза; гражданская идентичность как личностное осознание принадлежности к сообществу граждан имеет для индивида значимый смысл.

Ключевые слова: студенты, молодёжь, толерантность, доверие, групповая идентичность, личность, поликультурная среда, гражданская идентичность, междисциплинарный подход

Anastasiya A. Semenova³,
Candidate of Sociology,
Herzen State Pedagogical University of Russia
(33 Dunaisky pr., St. Petersburg, 192281, Russia),
e-mail: Semyonovaa@mail.ru

Valeriy G. Zarubin⁴,
Doctor of Sociology, Professor,
Herzen State Pedagogical University of Russia
(33 Dunaisky pr., St. Petersburg, 192281, Russia),
e-mail: Vg_zarubin@mail.ru

On the Question of Formation of Civil Identity and Tolerance of Modern Student Youth: Sociological Aspect

The article considers the categories of "tolerance", "civic identity". The authors disclose the sociological meaning of these notions and analyze the specific aspects of their formation among young Russian students. Forming the civic identity with due regard for tolerance field means that various spheres of the phenomena considered are activated during the process of self-identification of an individual. On the one hand, identity and tolerance oppose each other; they are based on

¹ А. А. Семёнова является основным автором, которым разработаны основные положения исследования.

² В. Г. Зарубин апробировал вариант формирования культуры толерантного взаимодействия для студентов Российского государственного университета им. А. И. Герцена.

³ А. А. Semenova is the main author, she has developed the main aspects of the research.

⁴ V. G. Zarubin has tested the option of forming tolerant interaction culture for students of Herzen State Pedagogical University of Russia.

different processes, but without tolerance it is impossible to solve problems related to co-existence of different groups as bearers of religions and cultures within the framework of contemporary society. It is the unity of identity and tolerance within the framework of young population that will permit to coordinate the ideas of social solidarity. The authors come to the following conclusions: the tolerance phenomenon has an inter-disciplinary nature; a multicultural environment is a sphere of interaction of multiple cultures, views, opinions and their mutual influence on each other: students' tolerance means a civil ethical interaction between students and other participants of an educational, or extra-curricular process within the framework of the multicultural environment of a University; civic identity as a personalized consciousness of belonging to a state civil society, for an individual the significant meaning is contained in the words "each other".

Keywords: students, young people, tolerance, trust, group identity, personality, multicultural environment, civic identity, inter-disciplinary approach

В современных нестабильных условиях проблемы формирования толерантности и гражданской идентичности студенческой молодежи имеют особую актуальность и вызывают интерес у представителей научной сферы и государства. Междисциплинарный характер, многообразие и противоречивость позиций исследователей, многоаспектность проявлений осложняют систематизацию имеющихся представлений о феноменах толерантности и гражданской идентичности в молодежной среде. А проблематика взаимосвязи данных феноменов проявляется в современной системе отечественного образования, так как особенности образовательного пространства актуализированы поликультурным составом студентов. Сложно не признать тот факт, что гражданско-патриотическое воспитание реализуется в образовательных учреждениях достаточно слабо. У молодого поколения значительно возросли интересы личностного (прагматического) характера, а такие качества, как патриотизм, гражданственность, толерантность не воспроизводятся, а постепенно разрушаются.

Феномен толерантности часто рассматривается учёными на институциональном уровне, в данном случае изучается влияние социальных установок, поведение индивидов в группе. Именно подобный аспект исследования для нас наиболее интересен в рассмотрении поликультурной студенческой среды [12].

Студенчество как социальный слой часто считается маргинальной группой, которая способна нарушить традиционные и установленные правила поведения. Поэтому формирование толерантности в студенческой поликультурной среде является необходимым условием образовательного процесса в высших учебных заведениях.

Под толерантностью в студенческой среде следует понимать не только корректное этическое взаимодействие между студентами и другими участниками учебного или внеучебного процесса, связанные так или иначе со студенческой сферой в рамках поликультурной среды вуза, но и активный поиск путей соприкосновения с другим человеком, с другой группой, взаимное уважение, стремление понять другого.

Изучением особенностей организации учебного процесса с учётом поликультурной среды в высшем учебном заведении занимались такие учёные, как: В. Г. Миронов [13, с. 135], Л. Т. Ткач [19], Н. П. Цыбанев [21, с. 190].

По мнению И. С. Бессарабовой, «поликультурное образование – это такой образ мышления, который основан на идеях справедливости, свободы, равенства; при этом образовательная реформа направлена на преобразование образовательных систем так, чтобы они соответствовали интересам людей, их образовательным потребностям и возможностям независимо от расовой, этнической, гендерной, социальной, культурной, языковой принадлежности» [2, с. 3].

Исследователи выделяют следующие основные принципы поликультурного образования: отсутствие дискриминационной направленности; динамичность и непрерывность; нацеленность на достижение социальной справедливости; активность; формирование собственной гражданской позиции; овладение знаниями, которые дают возможность взаимодействовать с представителями других культур; способность выйти за пределы собственного культурного опыта [3, с. 28].

В социально-философской, культурологической литературе анализ аспектов толерантности содержится в рабо-

тах М. М. Бахтина [1], Э. Фромма [20], И. С. Кона [17, с. 347], Ж.-П. Сартра [16, с. 207–228], Б. Ф. Поршнева [14], М. Бубера [4] и др.

Положения, касающиеся роли и места толерантности в общественной жизни, содержатся в работах Б. С. Гершунского [5, с. 3–12], Д. В. Зиновьева [7, с. 34], В. А. Лекторского [9, с. 46–54], А. А. Леонтьева [10, с. 46–53].

П. Николсон в своих работах описывает толерантность как «добродетель воздержания от употребления силы для вмешательства во мнение или действие другого, даже если они и отклоняются в чем-то важном от мнения или действия субъекта толерантности и если последний не одобряет их» [25, с. 96].

Рассматривая толерантность с социологического ракурса, Е. Л. Луценко описывает её как «способность человека выйти за пределы своего мира, принять тот другой мир, так не похожий на собственный по многим признакам, таким, как национальные, культурные, вероисповедальные признаки» [11].

Социологический подход А. Л. Темницкого подразумевает под толерантностью терпимость к взглядам иного рода, привычкам, нравам, говорит о том, что она является атрибутивной сущностью дипломатии [18].

Представляет особый интерес и выявление функций толерантности, например, Е. Ю. Клепцова выделяет: синдикативную функцию (сплочение групп); трансляционную (выполнение совместной деятельности); адаптивную (приспособление к неблагоприятным факторам окружающей среды); активную (изменение чужого поведения, мнения); конгруэнтно-эмпатическую, эпистемологическую и гедонистическую [8, с. 188].

Толерантное сознание в студенческой среде необходимо развивать на основе гражданской идентичности. В основе «гражданской идентичности» лежит идентификация с обществом, государством и страной. Гражданская идентичность сплачивает население, является основой социальной интеграции. Гражданская идентичность имеет объективную (деятельностную) и субъективную (ценностно-эмоциональную) составляющие и основывается, на наш взгляд, на идеях толерантного сознания и патриотизме [23].

Формирование гражданской идентичности основывается на четырёх базисных компонентах: познавательный – правовое сознание и его ценностные особенности; эмоционально-оценочный – наличие собственной позиции относительно значимых общественно-политических событий страны; аксиологический – толерантность, уважение прав других людей, самоуважение; поведенческий – участие в общественной жизни в период получения образования, в процессе профессиональной деятельности, а также способность препятствовать противоправным поступкам и действиям.

В зарубежной науке изучением гражданской идентичности занимались такие учёные, как Т. Хайдеггер, Ю. Хабермас, Ф. Фукуяма. Среди отечественных авторов, занимавшихся проблемами гражданской идентичности, следует выделить работы Ю. В. Арутюняна, Л. Д. Гудкова, А. В. Кузнецовой, Е. А. Кублицкой, В. В. Лапкина, Ю. А. Левады и др.

Выделение основных социально-психологических условий формирования гражданской идентичности в образовательном пространстве позволит молодёжи соотносить свои жизненные и ценностные ориентации со своей гражданской принадлежностью. Например, М. Ю. Замолотова среди основных условий формирования гражданской идентичности выделила следующие: приобщение к российской национальной культуре, усвоение знаний об истории своей страны [6].

Именно подобный аспект воспитательной деятельности должен усиливаться семьёй как основополагающим элементом в процессе развития личности.

Кроме того, в сознании молодого поколения сочетаются, с одной стороны, низкий уровень доверия государственным органам власти и одновременное ожидание помощи от государства – с другой. И именно подобная особенность гражданского сознания молодёжи препятствует формированию должного уровня идентификации себя и своих интересов с обществом.

Понятия «доверие» и «нравственный авторитет» государственных органов власти требуют более подробного рассмотрения, однако, отметим, что доверие, как ключевая характеристика социального взаимодействия, интегрирует индивидов в группы и общество. Уже появился термин «культура доверия», предполагающий про-

цессы (социальные установки, нормы, ценности), благодаря которым складываются отношения доверия или недоверия. В современном российском обществе присутствует проблема недоверия государственным институтам. По мнению многих авторов, существенной характеристикой недоверия государственным институтам выступает непрозрачность деятельности органов власти. С практической точки зрения важно, чтобы деятельность государственных институтов была понятной населению. «Если этого не происходит, то даже правильно выбранный курс действий будет вызывать подозрения, опасения, особенно в том случае, когда невозможно получить обозримый в ближайшей перспективе результат» [24].

Отметим и ещё одну особенность формирования гражданской идентичности молодёжи – гражданскую активность. В настоящее время для большей части российской молодёжи характерна некая пассивность/отчуждённость от активной общественной жизни, в связи с тем, что, во-первых, молодёжь предпочитает регулярной и постоянной активности преимущественно участие в разовых акциях и мероприятиях, во-вторых, отсутствие традиций гражданских объединений [22].

В любом случае, для формирования гражданской идентичности молодёжи необходимы реально действующие структуры гражданского общества, которые в российском обществе по-прежнему находятся лишь на стадии становления.

Таким образом, в ходе анализа феноменов «толерантность» и «гражданская идентичность» можно сделать следующие выводы.

Во-первых, не существует однозначного определения феномена толерантности, в связи с междисциплинарным характером явления, что влечёт за собой противоречивые позиции исследователей.

Во-вторых, поликультурная среда – это сфера взаимодействия множества культур, взглядов, мнений, взаимное влияние их друг на друга. А студенческая толерантность – это корректное этическое взаимодействие между студентами и другими участниками учебного или внеучебного процесса в рамках поликультурной среды вуза. Поиск соприкосновения с другим человеком осуществляется через процесс общения. Поэтому одним из важных факторов формирования толерантности является эффективная коммуникация между студентами (и учёные выделяют такой подвид толерантности, как коммуникативная толерантность).

В-третьих, в развитии гражданской идентичности как личностного осознания принадлежности к сообществу граждан государства, имеющему для индивида значимый смысл, важно формирование толерантного сознания и уважения друг к другу (т.е. толерантность требует от субъекта временного несогласия с мнением/поведением того, кто это мнение выражает).

В-четвёртых, при анализе толерантности и гражданской идентичности важно понимать, что в отношениях к другому субъект проявляет себя не как носитель определённой групповой идентичности, а как личность в отношении к другой личности, и именно поэтому данные феномены не находятся в конфронтации друг с другом.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Прогресс, 1972. 179 с.
2. Бессарабова И. С. Современное состояние и тенденции развития поликультурного образования в США: дис. ... д-ра. пед. наук: 13.00.01. Волгоград, 2009. 492 с.
3. Бессчетнова О. В. Выявление уровня толерантности подростков и молодёжи (опыт социологического исследования) // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. Томск: Аграф-Пресс. 2009. № 9.
4. Бубер М. Я и ты. СПб.: Астрель, 1992. 92 с.
5. Гершунский Б. С. Толерантность в системе ценностно-целевых приоритетов образования. М.: Педагогика, 2002.
6. Замолотова М. Ю. К вопросу о формировании гражданской идентичности у молодёжи в современном российском социуме [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nsportal.ru/nachalnaya-shkola/obshchepedagogicheskie-tekhnologii/2013/11/24/k-voprosu-formirovanii> (дата обращения: 12.04.2016).
7. Зиновьев Д. В. Формирование социокультурной толерантности как фактор повышения педагогического мастерства будущего педагога. Красноярск: СибГТУ, 2001. 140 с.
8. Клепцова Е. Ю. Психология и педагогика толерантности. М.: Академ. Проект, 2013. 219 с.
9. Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме. М.: АСТ, 1997.

10. Леонтьев А. А. Век толерантности // Россия: многокультурность и толерантность. М.: Гра-
тис, 2001. 91 с.
11. Луценко Е. Л. Толерантность в молодёжной среде: социологические аспекты [Электронный
ресурс]. Режим доступа: <http://psibook.com> 2014 (дата обращения: 12.04.2016).
12. Мацковский М. В. Толерантность как объект социологического исследования [Электронный
ресурс]. Режим доступа: <http://www.tolerance.ru> 2013 (дата обращения: 12.04.2016).
13. Миронов В. Г. Толерантность как экзистенциальное состояние человека: социально-фило-
софский аспект: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Ульяновск, 2003. 178 с.
14. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Полиграфиздат, 1966. 57 с.
15. Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России: сб. науч. тр.
Ульяновск: УлГТУ, 2015. 343 с.
16. Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык и мазохизм // Проблема человека
и западной философии. М.: Прогресс, 1988. 447 с.
17. Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова, И. С. Кона. М.: Политиздат, 1989. 447 с.
18. Темницкий А. Л. Социологические исследования толерантности студентов МГИМО: учеб. по-
сobie. М.: МГИМО-Университет, 2005. 127 с.
19. Ткач Л.Т. Подготовка будущего учителя к деятельности в поликультурном образовательном
учреждении: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Ростов н/Д., 2002. 182 с.
20. Фромм Э. Искусство любить. М.: АСТ, 2013. 72 с.
21. Цыбанев Н.П. Повышение квалификации педагогов гимназии для реализации поликультур-
ного образования: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Ростов н/Д., 2002. 213 с.
22. Черных Е. А. Формирование гражданской идентичности молодежи в условиях социаль-
ной неопределённости российского общества [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.
cheloveknauka.com/formirovanie-grazhdanskoj-identichnosti-molodezhi](http://www.cheloveknauka.com/formirovanie-grazhdanskoj-identichnosti-molodezhi) (дата обращения: 12.04.2016).
23. Шикова Р. Ю. Гражданская общероссийская идентичность (социологический аспект) [Элек-
тронный ресурс] // Вестн. Адыг. гос. ун-та. 2009. № 1. Режим доступа: [http://www.cyberleninka.ru/
article/n/grazhdanskaya-obscherossiyskaya-identichnost](http://www.cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-obscherossiyskaya-identichnost) (дата обращения: 12.04.2016).
24. Экономика и социология доверия / под ред. Ю. В. Веселова. СПб.: Социол. о-во им. М. М. Ко-
валевского, 2004. 192 с.
25. Nicholson P. Toleration as a Moral Ideal // Aspects of Toleration / J. Horton, S. Mendus. London;
New York: Methuen and Co. Ltd., 1985. 201 p.

References

1. Bahtin M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo. M.: Progress, 1972. 179 s.
2. Bessarabova I. S. Sovremennoe sostojanie i tendencii razvitiya polikul'turnogo obrazovanija v SShA:
dis. ... d-ra. ped. nauk: 13.00.01. Volgograd, 2009. 492 s.
3. Besschetnova O. V. Vyjavlenie urovnja tolerantnosti podrostkov i molodjozhi (opyt sociologicheskogo
issledovanija) // Vestn. Tomsk. gos. ped. un-ta. Tomsk: Agraf-Press. 2009. № 9.
4. Buber M. Ja i ty. SPb.: Astrel', 1992. 92 s.
5. Gershunskij B. S. Tolerantnost' v sisteme cennostno-celevyh prioritetov obrazovanija. M.: Pedagogika,
2002.
6. Zamolotova M. Ju. K voprosu o formirovanii grazhdanskoj identichnosti u molodjozhi v sovremennom
rossijskom sociume [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: [http://www.nsportal.ru/nachalnaya-shkola/
obshchepedagogicheskie-tehnologii/2013/11/24/k-voprosu-formirovanii](http://www.nsportal.ru/nachalnaya-shkola/obshchepedagogicheskie-tehnologii/2013/11/24/k-voprosu-formirovanii) (data obrashhenija: 12.04.2016).
7. Zinov'ev D. V. Formirovanie sociokul'turnoj tolerantnosti kak faktor povyshenija pedagogicheskogo
masterstva budushhego pedagoga. Krasnojarsk: SibGTU, 2001. 140 s.
8. Klepcova E. Ju. Psihologija i pedagogika tolerantnosti. M.: Akadem. Proekt, 2013. 219 s.
9. Lektorskiy V. A. O tolerantnosti, pljuralizme i kriticizme. M.: AST, 1997.
10. Leont'ev A. A. Vek tolerantnosti // Rossija: mnogokul'turnost' i tolerantnost'. M.: Gratis, 2001. 91 s.
11. Lucenko E. L. Tolerantnost' v molodjozhnoj srede: sociologicheskie aspekty [Jelektronnyj resurs].
Rezhim dostupa: <http://psibook.com> 2014 (data obrashhenija: 12.04.2016).
12. Mackovskij M. V. Tolerantnost' kak ob#ekt sociologicheskogo issledovanija [Jelektronnyj resurs].
Rezhim dostupa: <http://www.tolerance.ru> 2013 (data obrashhenija: 12.04.2016).
13. Mironov V. G. Tolerantnost' kak jekzistencial'noe sostojanie cheloveka: social'no-filosofskij aspekt:
dis. ... kand. filios. nauk: 09.00.11. Ul'janovsk, 2003. 178 s.
14. Porshnev B. F. Social'naja psihologija i istorija. M.: Poligrafizdat, 1966. 57 s.
15. Problemy grazhdanskoj i regional'noj identichnosti v sovremennoj Rossii: sb. nauch. tr. Ul'janovsk:
UIGTU, 2015. 343 s.
16. Sartr Zh.-P. Pervichnoe otnoshenie k drugomu: ljubov', jazyk i mazohizm // Problema cheloveka i
zapadnoj filosofii. M.: Progress, 1988. 447 s.
17. Slovar' po jetike / pod red. A. A. Gusejnova, I. S. Kona. M.: Politizdat, 1989. 447 s.

18. Temnickij A. L. Sociologicheskie issledovanija tolerantnosti studentov MGIMO: ucheb. posobie. M.: MGIMO-Universitet, 2005. 127 s.
19. Tkach L.T. Podgotovka budushhego uchitelja k dejatel'nosti v polikul'turnom obrazovatel'nom uchrezhdenii: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08. Rostov n/D., 2002. 182 s.
20. Fromm Je. Iskusstvo ljubit'. M.: AST, 2013. 72 s.
21. Cybanev N.P. Povyshenie kvalifikacii pedagogov gimnazii dlja realizacii polikul'turnogo obrazovanija: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01. Rostov n/D., 2002. 213 s.
22. Chernyh E. A. Formirovanie grazhdanskoj identichnosti molodjozhi v uslovijah social'noj neopredeljonnosti rossijskogo obshhestva [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.cheloveknauka.com/formirovanie-grazhdanskoj-identichnosti-molodezhi> (data obrashhenija: 12.04.2016).
23. Shikova R. Ju. Grazhdanskaja obshherossijskaja identichnost' (sociologicheskij aspekt) [Jelektronnyj resurs] // Vestn. Adyg. gos. un-ta. 2009. № 1. Rezhim dostupa: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-obscherossiyskaya-identichnost> (data obrashhenija: 12.04.2016).
24. Jekonomika i sociologija doverija / pod red. Ju. V. Veselova. SPb.: Sociol. o-vo im. M. M. Kovalevskogo, 2004. 192 s.
25. Nicholson P. Toleration as a Moral Ideal // Aspects of Toleration / J. Horton, S. Mendus. London; New York: Methuen and Co. Ltd., 1985. 201 s.

Библиографическое описание статьи

Семёнова А. А., Зарубин В. Г. К вопросу о формировании гражданской идентичности и толерантности современной студенческой молодежи: социологический аспект // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 195–200.

Reference to the article

Semenova A. A., Zarubin V. G. On the Question of Formation of Civil Identity and Tolerance of Modern Student Youth: Sociological Aspect // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 195–200.

Статья поступила в редакцию 22.04.2016

Наталья Валерьевна Шкляр¹,
кандидат психологических наук, доцент,
Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема
(679000, Россия, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70а),
e-mail: kor.ped@mail.ru

Ольга Владимировна Карынбаева²,
старший преподаватель,
Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема
(679000, Россия, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70а),
e-mail: olgavlad11@mail.ru

Профессия педагога-дефектолога и её социальная значимость

В статье раскрывается социальная значимость профессии педагога-дефектолога в обществе. Обращается внимание на уникальность и востребованность данных специалистов для работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Приводятся статистические данные, позволяющие определить количество детей с ограниченными возможностями здоровья, которые нуждаются в квалифицированной помощи дефектолога. Выделены категории детей с различными нарушениями: слуха, зрения, речи, интеллекта, опорно-двигательного аппарата, эмоционально-волевой сферы, с множественными нарушениями, с задержкой психического развития. Обозначены задачи профессиональной социально-педагогической деятельности педагога-дефектолога. Определены требования к профессиональной деятельности педагога-дефектолога (ориентация на социальный прогресс, выработка нового педагогического мышления, творческое исследование педагогического опыта и инноваций в области специального образования, совершенствование педагогического мастерства); социально и профессионально важные качества личности (эмпатия, толерантность, гуманность, милосердие, духовность и др.), профессионально-ценностные ориентации. Подробно описываются гуманистический и социальный компоненты профессиональной компетентности педагога-дефектолога. Представлена двухуровневая подготовка педагогов по направлению «Специальное (дефектологическое) образование» к организации психолого-педагогического и социального сопровождения развития детей с ограниченными возможностями здоровья в региональном вузе. Показаны пути повышения профессиональной компетентности будущих дефектологов на базе профильных образовательных организаций.

Ключевые слова: педагог-дефектолог, социально-педагогическая деятельность, профессиональная компетентность, дети с ограниченными возможностями здоровья, социализация, интеграция в общество

¹ Н. В. Шкляр представляет апробированную в Приамурском государственном университете имени Шолом-Алейхема на факультете педагогики и психологии – центре педагогического образования – систему двухуровневой подготовки будущих педагогов-дефектологов к осуществлению профессиональной социально-педагогической деятельности с детьми с ограниченными возможностями здоровья, обобщает результаты исследования и формулирует выводы.

² О. В. Карынбаева раскрывает теоретические аспекты проблемы социальной значимости профессии педагога-дефектолога, отмечает социально-педагогическую направленность деятельности учителя-дефектолога.

Natalia V. Shklyar¹,
Candidate of Psychology, Associate Professor,
Sholom Aleichem Priamursky State University
(70A Shirokaya st., Birobidzhan, 679000, Russia),
e-mail: kor.ped@mail.ru

Olga V. Karynbaeva²,
Senior Lecturer,
Sholom Aleichem Priamursky State University
(70A Shirokaya st., Birobidzhan, 679000, Russia),
e-mail: olgavlad11@mail.ru

Profession of a Teacher-Speech Pathologist and its Social Significance

In the article, the social importance of a speech pathologist profession in the society is revealed. The attention is drawn to uniqueness and demand of these specialists working with physically disabled children. The statistical data allowing to determine the number of physically disabled children who need the qualified help of the speech pathologist are provided. There were defined some categories of children with various deviations, such as impairing hearing; impairing sight; disordered speech; mentally retarded; disability of musculoskeletal system; emotionally disturbed; multiple deviations; mentally retarded. The tasks of professional social and pedagogical work of the speech pathologist are designated. Requirements to professional activity of the speech pathologist (orientation to social progress, development of new pedagogical thinking, creative research of pedagogical experience and innovations in the field of vocational education, enhancement of pedagogical skill); socially and professionally important qualities of the personality (empathy, tolerance, humanity, mercy, spirituality, etc.), professional and valuable orientations were determined. Humanistic and social components of professional competence of the speech pathologist are described in detail. Two-level training of teachers (majoring in special education-speech pathology) in the field of psychological, pedagogical and social support of the development of physically disabled children in a local higher education institution is given. The ways of professional training of future speech pathologists on the basis of the core educational organizations are shown.

Keywords: teacher-speech pathologist, social-pedagogical activity, professional competence, disabled children, socialization, integration in society

Модернизация системы специального (коррекционного) образования требует совершенствования условий обучения и воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья. Социальная адаптация и интеграция таких детей в нормальную среду – ведущее направление работы педагогов-дефектологов.

На современном этапе проблема образования детей с ограниченными возможностями здоровья приобретает всё большую актуальность в связи с резким увеличением их числа (из числа детской популяции 85 % детей имеют недостатки в развитии, из них в помощи дефектолога нуждаются приблизительно 9–11 %).

Дети с ограниченными возможностями здоровья – это дети-инвалиды, либо другие дети в возрасте от 0 до 18 лет, не признан-

ные в установленном порядке детьми-инвалидами, но имеющие временные или постоянные отклонения в физическом и (или) психическом развитии и нуждающиеся в создании специальных условий обучения и воспитания. Группа детей с ограниченными возможностями здоровья неоднородна. В неё входят дети с различными нарушениями: слуха, зрения, речи, интеллекта, опорно-двигательного аппарата, эмоционально-волевой сферы, с задержкой психического развития, с множественными нарушениями развития [8].

Такие дети относятся к особой социальной группе населения и различаются по своему составу, возрасту, полу и социальному статусу. Основными социальными проблемами детей с особенностями в развитии являются ограничения в осуществле-

¹ N. V. Shklyar represents a two-level system of future speech pathologists' training to implement their professional social and pedagogical skills in their work with physically impaired children. The system was approved at the Faculty of Pedagogics and Psychology, the Center of Pedagogical Education at Sholom-Aleichem Priamursky State University. N. V. Shklyar generalizes the results of the research and formulates the conclusions.

² O. V. Karynbaeva develops theoretical aspects of the problem of social importance of a speech pathologist's profession and notes a social and pedagogical orientation in the work of a speech pathologist.

нии прав на охрану здоровья, социальную адаптацию и образование. Л. С. Выготский считал, что основной задачей специальных (коррекционных) образовательных учреждений является интеграция «особого» ребёнка в жизнь и осуществление компенсации его недостатка не в биологическом, а в социальном аспекте.

Процесс социализации детей с ограниченными возможностями здоровья происходит под влиянием некоторых факторов, которые определяют направления и характер ознакомления с социальной действительностью. Их учёт позволяет дефектологу эффективно осуществлять управление процессом образования, а также прогнозировать траектории социального развития ребёнка.

Дети с ограниченными возможностями здоровья имеют право на получение квалифицированной помощи, которую должен оказывать специально подготовленный педагог-дефектолог [9]. Работы С. А. Бадмаева, Г. В. Бурменской, О. А. Карабановой, В. А. Сластёнина, А. С. Спиваковской и других специалистов показали, что целесообразность и необходимость коррекционно-развивающей работы в образовательной системе обусловлены как внешними социальными и педагогическими обстоятельствами (изменением социальных обстоятельств, сменой ценностей и моральных требований), так и особенностями развития психических и познавательных процессов, происходящих в духовном мире детей, в их сознании, мироощущении, отношении к социуму.

Профессиональная деятельность учителя-дефектолога включает в себя различные виды социально-педагогической, реабилитационной, консультативно-диагностической, психотерапевтической, коррекционной деятельности, с целью содействия человеку с ограниченными возможностями жизнедеятельности в его социальной адаптации и интеграции средствами специального (коррекционного) образования.

В. А. Васильева отмечает, что специалист, работающий с детьми ограниченными возможностями здоровья, должен быть подготовлен и в когнитивном, и личностном плане к реализации гуманистических принципов в организации коррекционно-развивающего процесса; должен учитывать особенности протекания психических про-

цессов у детей; создавать позитивные перспективы развития и коррекции личности ребенка: организовать личностно ориентированную образовательную среду [3].

Учитель-дефектолог – это человек с особым складом души, деятельный, инициативный, энергичный, уверенный в успешном результате своей профессиональной деятельности, доброжелательный и тактичный. Оптимизм педагога проявляется в его социально активном отношении и к субъекту педагогического воздействия (ребёнку или взрослому с ограниченными возможностями), и к обществу – среде, в которую должны включаться воспитанники учителя-дефектолога, к себе самому как активной личности и решающему фактору положительных перемен в жизни людей.

По мнению Н. Н. Малофеева, система специального образования XXI века – это система нового типа. К педагогической деятельности дефектолога предъявляются новые требования, связанные с постоянной ориентацией на социальный прогресс, учет изменений в обществе, с выработкой нового педагогического мышления, происходит творческое исследование передового педагогического опыта, новаций в области специального образования, непрерывное самосовершенствование своего педагогического мастерства [4].

Область профессиональной деятельности выпускников по направлению подготовки «Специальное (дефектологическое) образование», включает образование лиц (детей, подростков и взрослых) с ограниченными возможностями здоровья на базе организаций образования, социальной сферы и здравоохранения. К основным объектам профессиональной деятельности будущих педагогов-дефектологов относятся: коррекционно-развивающий (учебно-воспитательный) и реабилитационный процессы; коррекционно-образовательные, реабилитационные, социально-адаптационные и образовательные системы [10; 11].

На территории Еврейской Автономной области подготовка педагогов-дефектологов осуществляется в Приамурском государственном университете имени Шолом-Алейхема, в частности на факультете педагогики и психологии – центре педагогического образования. В настоящее время на факультете реализуется подготовка бакалавров по направлению 44.03.03 *Специ-*

альное (дефектологическое) образование, профили: «Специальная психология», «Логопедия», «Психолого-педагогическое сопровождение образования детей с ограниченными возможностями здоровья», «Олигофренопедагогика», в числе которых по очной форме обучается 40 студентов и 84 студента-заочника. Вторым уровнем высшего образования является магистратура по направлению подготовки 44.04.03 *Специальное (дефектологическое) образование*, профили: «Инновационные технологии в специальном (дефектологическом) образовании», «Психолого-педагогическая поддержка особых образовательных потребностей детей с ограниченными возможностями здоровья». Подготовка магистров по данному направлению отличается высокой прагматичностью и прогностичностью. Здесь по очной форме обучается 10 студентов-магистрантов и 26 студентов – по заочной форме. Работа профессорско-преподавательского состава кафедры коррекционной педагогики, психологии и логопедии направлена на качественную подготовку компетентных специалистов для системы специального (коррекционного) образования на основе инновационных образовательных технологий в рамках регионального аспекта.

Отмечая социально-педагогическую направленность деятельности учителя-дефектолога, исследователи указывают на следующие качества личности: эмпатия, толерантность, гуманность, милосердие, высокая духовная культура и нравственность и т. д.

Высокий профессиональный уровень подготовки студентов не может быть обеспечен вне связи с профильными учреждениями, где будущие педагоги-дефектологи отрабатывают профессионально-педагогические умения при прохождении производственной практики на базах образовательных организаций г. Биробиджана и Еврейской Автономной области: МКДОУ «Детский сад компенсирующего вида № 21», МСКОУ для обучающихся, воспитанников с ограниченными возможностями здоровья VIII вида «Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа № 12», ОГАОУ «Центр образования "Ступени"».

Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по направлению подготовки «Специальное (дефектологическое) образование»

определены следующие компетенции: способность осознать социальную значимость своей будущей профессии; обладание мотивацией к выполнению профессиональной деятельности; способность к эмпатии; способность анализировать социально значимые проблемы и процессы, выявлять сущность проблем, возникающих в ходе профессиональной деятельности; способность к планированию, организации и совершенствованию собственной педагогической деятельности и т. д. [10; 11].

По мнению Н. М. Борытко, компетентность интегрирует профессиональные и личностные качества педагога, направляет их на овладение знаниями и целенаправленное применение в прогнозировании, планировании и реализации деятельности, активизирует педагога в развитии собственных способностей, в стремлении к самореализации в социально полезной деятельности, обеспечивает его профессиональное становление уже в период обучения в вузе [2].

Профессиональная компетентность педагога включает три «блока» качеств и свойств личности: профессионально-личностный (профессиональные знания и умения, интеллектуальный потенциал и эмоционально-волевая сфера); профессионально-деятельностный (создание условий для развития и саморазвития личности) и профессионально-творческий (готовность педагога к восприятию и реализации инновационных идей, новой информации, умению овладеть новыми технологиями).

Специалисты (Л. Н. Блинова, Н. Н. Малюфеев, П. Митлер, Н. М. Назарова, О. Е. Шаповалова, Л. М. Шипицына, Н. Д. Шматко и др.) отмечают, что педагог, работающий с детьми с ограниченными возможностями здоровья, должен обладать определённым педагогическим мышлением. Он должен быть готов к пониманию, принятию и деятельности в ситуации преобразований в системе специального образования в России [1; 6].

По мнению Л. А. Ясюковой, у педагогов, в первую очередь, необходимо формировать системное видение роли учителя в коррекционно-образовательном процессе.

Исследования И. В. Беляковой, В. Г. Петровой, И. П. Подласого и других показали, что именно учитель является ключевой фигурой в учебно-воспитательном и коррекционно-педагогическом процессе.

Л. М. Шипицына отмечает, что успешность интеграции детей с ограниченными возможностями здоровья в общество во многом зависит от системы отношений к ним со стороны социального окружения и, прежде всего, со стороны педагогов. Автор считает, что положительное отношение к ребёнку оказывает влияние на его развитие (умственное, эмоциональное и социальное). Поэтому педагог должен быть не только лично готов к работе с такими детьми, но и иметь определённый уровень профессиональной подготовки [7].

И. В. Белякова и В. Г. Петрова, указывая на целесообразность оказания помощи, отмечают, что учителям при организации коррекционно-педагогической работы необходимо учитывать особенности психофизического развития детей с ограниченными возможностями здоровья, а также их компенсаторные возможности. Им нужно сформировать жизненно важные умения и навыки у детей, а также сделать всё возможное для их успешной социальной адаптации [5].

Сложность работы педагога-дефектолога, как подчёркивают И. В. Белякова и В. Г. Петрова, заключается ещё и в том, что ему необходимо оказывать квалифицированную помощь не только нуждающимся детям, но и их родителям. Е. М. Мастюкова отмечает, что семья имеет важную роль в процессе коррекционно-педагогического воздействия. Диапазон оказания помощи родителям колеблется от изменения и формирования положительного отношения к детям до консультирования и оказания помощи по вопросам обучения, воспитания, коррекционной работы, а также дальнейшей социализации и интеграции в общество. Специалисты подчёркивают, что педагог, работающий с детьми с ограниченными

возможностями здоровья, должен постоянно решать сложные задачи. Для этого ему нужно быть образованным, эрудированным специалистом и обладать личностными качествами, такими как конгруэнтность, искренность, вера в его потенциальные возможности и др.

В данном случае, как отмечает П. Шуман, чем ниже уровень психического развития ребёнка, тем выше должен быть уровень образования учителя.

Следовательно, профессия педагога-дефектолога является социально значимой в образовании детей с ограниченными возможностями здоровья и включает два связанных между собой компонента: гуманистический и социальный.

Гуманистический компонент предполагает оказание своевременной, целенаправленной и систематической психолого-педагогической помощи детям с ограниченными возможностями здоровья.

Социальный компонент связан с созданием наиболее оптимальных условий для подготовки ребёнка с ограниченными возможностями здоровья к жизни в социуме, что окажет эффективное влияние на общественное сознание людей, с целью формирования толерантного отношения к людям с особыми нуждами. Это, в свою очередь, развивает нравственное сознание современного общества и даёт возможность успешной социализации детей и взрослых с проблемами в развитии.

Таким образом, гуманизация, модернизация и педагогизация социокультурной среды, оказание компетентной помощи в процессе социального формирования личности являются задачами профессиональной социально-педагогической деятельности педагога-дефектолога.

Список литературы

1. Блинова Л. Н. Подготовка педагогов к работе с детьми с трудностями в обучении в условиях гуманизации (на материале школы первой ступени): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Хабаровск, 1997.
2. Борытко Н. М. Моделирование в психолого-педагогических исследованиях // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2006. № 1. С. 11–15.
3. Васильева В. А. Актуальные вопросы профессиональной переподготовки педагогов-психологов для коррекционно-развивающего процесса // Всерос. науч.-практ. конф. (26–28 мая 1998 г.). Екатеринбург, 1998. С. 36–38.
4. Малофеев Н. Н. Система специального образования нового типа [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.alldef.ru/ru/articles/almanah-11/sistema-specialnogo-obrazovaniya-novogo-tipa (дата обращения: 18.02. 2016).
5. Петрова В. Г., Белякова И. В. Кто они, дети с отклонениями в развитии? М., 1998. 104 с.
6. Шаповалова О. Е. Психологическая культура будущих педагогов // Высш. образование в России. М., 2012. № 3. С. 97–104.
7. Шипицына Л. М. Современные тенденции развития специального образования в России // Актуальные проблемы интегрированного обучения: материалы междунар. науч.-практ. конф. по проблемам интегрированного обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья (с особыми образовательными потребностями). М., 2001. С. 56–60.

Источники

8. Концепция Специального Федерального государственного образовательного стандарта для детей с ограниченными возможностями здоровья / Н. Н. Малофеев, О. С. Никольская, О. И. Кукушкина, Е. Л. Гончарова. М.: Просвещение, 2014. 42 с.
9. Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_140174 (дата обращения: 02.03.2016).
10. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование (уровень бакалавриата): утв. приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 01.10.2015 г. № 1087 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fgosvo.ru/news/2/1426> (дата обращения: 02.03.2016).
11. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.04.03 Специальное (дефектологическое) образование (уровень магистратуры): утв. приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 28.08.2015 г. № 904 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fgosvo.ru/news/2/1338> (дата обращения: 02.03.2016).

References

1. Blinova L. N. Podgotovka pedagogov k rabote s det'mi s trudnostjami v obuchenii v usloviyah gumanizacii (na materiale shkoly pervoj stupeni): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01. Habarovsk, 1997.
2. Borytko N. M. Modelirovanie v psihologo-pedagogicheskikh issledovaniyah // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. 2006. № 1. S. 11–15.
3. Vasil'eva V. A. Aktual'nye voprosy professional'noj perepodgotovki pedagogov-psihologov dlja korrekcionno-razvivajushhego processa // Vseros. nauch.-prakt. konf. (26–28 maja 1998 g.). Ekaterinburg, 1998. S. 36–38.
4. Malofeev N. N. Sistema special'nogo obrazovanija novogo tipa [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: www.alldef.ru/ru/articles/almanah-11/sistema-specialnogo-obrazovanija-novogo-tipa (data obrashhenija: 18.02. 2016).
5. Petrova V. G., Beljakova I. V. Kto oni, deti s otklonenijami v razvitii? M., 1998. 104 s.
6. Shapovalova O. E. Psihologicheskaja kul'tura budushhix pedagogov // Vyssh. obrazovanie v Rossii. M., 2012. №3. S. 97–104.
7. Shipicyna L. M. Sovremennye tendencii razvitija special'nogo obrazovanija v Rossii // Aktual'nye problemy integrirovannogo obuchenija: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. po problemam integrirovannogo obuchenija lic s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja (s osobymi obrazovatel'nymi potrebnoostjami). M., 2001. S. 56–60.

Istochniki

8. Konceptcija Special'nogo Federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta dlja detej s ogranichenymi vozmozhnostjami zdorov'ja / N. N. Malofeev, O. S. Nikol'skaja, O. I. Kukushkina, E. L. Goncharova. M.: Prosveshhenie, 2014. 42 s.
9. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 29.12.2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_140174 (data obrashhenija: 02.03.2016).
10. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovanija po napravleniju podgotovki 44.03.03 Special'noe (defektologicheskoe) obrazovanie (uroven' bakalavriata): utv. prikazom Ministerstva obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii ot 01.10.2015 g. № 1087 [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.fgosvo.ru/news/2/1426> (data obrashhenija: 02.03.2016).
11. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovanija po napravleniju podgotovki 44.04.03 Special'noe (defektologicheskoe) obrazovanie (uroven' magistratury): utv. prikazom Ministerstva obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii ot 28.08.2015 g. № 904 [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.fgosvo.ru/news/2/1338> (data obrashhenija: 02.03.2016).

Библиографическое описание статьи

Шкляр Н. В., Карынбаева О. В. Профессия педагога-дефектолога и её социальная значимость // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 201–206. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-201-206.

Reference to the article

Shklyar N. V., Karynbaeva O. V. Profession of a Teacher-Speech Pathologist and its Social Significance // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 201–206. DOI: 10.21209/2308–877X-2016-11-3-201-206/

Статья поступила в редакцию 07.03.2016

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ NEW BOOKS

Бернюкевич, Татьяна Владимировна

Компаративистский подход в исследованиях религии : учеб. пособие / Т. В. Бернюкевич ; Забайкал. гос. ун-т. – Чита : ЗабГУ, 2016. – 131 с.
ISBN 978-5-9293-1683-8

Учебное пособие посвящено рассмотрению сложной проблемы компаративистских исследований при изучении религиозных и религиозно-философских явлений, которая является актуальной в контексте современных процессов глобализации, интенсификации культурных контактов, нового осмысления вопросов культурной, в том числе и религиозной, идентичности. Автор обобщает опыт рассмотрения данной проблемы в отечественной философской мысли, акцентирует внимание на использовании компаративистского подхода при определении особенностей рецепции буддизма в культуре России. В работе представлен анализ основных направлений данных исследований.

Учебное издание адресовано магистрантам направлений 44.04.01 *Духовно-нравственное воспитание*; *Религиоведческое образование*, 51.04.01 *Философия культуры*; аспирантам специальностей 09.00.13 *Философия культуры, философская антропология*, 09.00.14 *Философия религии, религиоведение*, 24.00.01 *Теория и история культуры*, а также преподавателям гуманитарных дисциплин: философии, социальной антропологии, культурологии, религиоведения, студентам, читателям, интересующимся предложенной проблематикой.

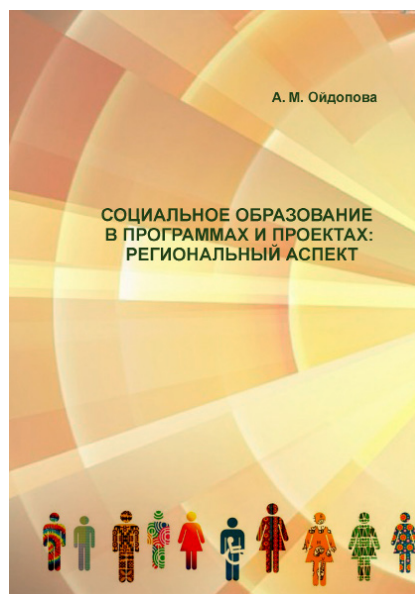

Ойдопова, Арюна Мункобаировна

Социальное образование в программах и проектах: региональный аспект : монография / А. М. Ойдопова ; Забайкал. гос. ун-т. – Чита : ЗабГУ, 2016. – 204 с.
ISBN 978-5-9293-1651-7

В монографии осуществлён теоретический анализ реализации социальных программ и проектов в образовательной сфере. Рассмотрены приоритетные направления развития социального образования в Российской Федерации. Дана характеристика нормативно-правовой базы по составлению социальных программ и проектов.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, интересующихся проблемой развития социальной сферы и социального образования.

Книжную продукцию можно заказать по адресу:
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30,
e-mail: chita-ii@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в следующих жанрах:

Жанр	Минимальный объём
Статья (теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором)	0, 5 п. л. (20 000 знаков)
Научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (12 000 знаков)
Научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (8 000 знаков)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Письменное согласие на обработку и использование данных, на управление контентом своего материала, на его опубликование в соответствующем номере журнала в сети Интернет.
3. Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, если автор статьи – аспирант.
4. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

Структура статьи, представляемой в редколлегию журнала

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК.

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора или основного автора (1 предложение).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное, при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес.

Источники финансирования статьи (при их наличии) – на русском и английском языках.

Название статьи – на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация: 150–200 слов на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи, содержащий следующие блоки: вводную часть (Introduction), данные о методологии и методике исследования (Methods), результаты исследования (Results), обсуждение результатов (Discussion), заключение (Conclusion) – выводы.

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

Список литературы указывается в алфавитном порядке и должен включать не менее 10 источников. Желательно, чтобы в нём были представлены зарубежные источники. Литература на иностранных языках должна следовать за литературой на русском языке. Публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы указываются после «Списка литературы» в разделе «Источники», нумерация продолжается (сквозная), либо выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная. Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Объём цитирования в статье должен составлять не более 40 % от общего объёма статьи.

Технические параметры статьи

Рабочие языки: русский и английский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2 см; левое и правое – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все подрисовочные подписи прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют 200 р.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отправляется по электронной почте:

zab-nauka@mail.ru.

Адрес редакции:

672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129. Забайкальский государственный университет. Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь:

Эрмине Арутюновна Арутюнян

Тел. +7(3022) 35-24-79, e-mail: zab-nauka@mail.ru

Редактор О. Ю. Гапченко
Вёрстка И. Н. Аргуновой
Дизайн обложки М. Р. Коптеловой
Редактор перевода
В. М. Ерёмина

Подписано в печать 29.08.2016.
Формат 60×84¹/₈.
Гарнитура Arial.
Способ печати оперативный
Усл. печ. л. 24,4. Уч.-изд. л. 20,2.
Заказ № 16194. Тираж 1000 экз.

ФГБОУ ВО
«Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

Publishing editor O. Yu. Gapchenko
Make-up I. N. Argunova
Cover design M. R. Koptelova
Editor of the English Translation
V. M. Eremina

Signed to print 29.08.2016.
Format 60×84¹/₈.
Headset Arial.
Operative printing
Conv. quires 24,4. Ed.-print quires 20,2.
Order № 16194. Circulation 1000 copies.

FSBEI HE
“Transbaikal State University”
672039, Chita, 30 Aleksandro-Zavodskaya st.